

АЛЪМАНАХ БИБЛИОФИЛА

КНИГА
МОНГОЛИИ

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

НИ
ГОЛ И

ВЫПУСК 24

МОСКВА
«КНИГА»
1988

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

*И. В. Абашидзе, К. С. Айни, О. М. Виноградова, В. И. Десятерик,
Н. Х. Еселев, Е. А. Исаяев, А. И. Калашников, Е. П. Кирилук,
В. В. Кожин, А. Ф. Курилко, В. Я. Лазарев, Д. С. Лихачев,
Ю. П. Некрошус, Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, С. Ф. Педенко*
(заместитель главного редактора),
В. А. Петрицкий, В. Г. Утков, В. В. Чикин.

Составитель
Н. Цагаач

Рецензент
доктор филологических наук
Г. Ц. Пюрбеев

Художник
Е. А. Родионова

Фотограф
С. М. Румянцев

Подбор иллюстраций
А. Е. Тархова

А 4503000000—055
002(01)—88 Изд. ВОР

ISBN 5—212—00193—5

© Всесоюзное добровольное
общество любителей
книги, 1988 г.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Дорогие читатели «Альманаха библиофила»!

Перед вами — тематический выпуск «Книга Монголии», открывающий серию специальных сборников, посвященных наиболее интересным национальным книжным культурам. Большой вклад в создание этой книги внесли писатели и ученые многих стран: Ш. Арай (Япония), Л. Грэм (Дания), А. Зарьяб (Афганистан), Д. Кара (Венгрия), А. Ковач (Румыния), А. Латусек (Польша), Ж. Легран (Франция), Т. Мацуда (Япония), З. Милич (Югославия), Д. Нордби (Великобритания), А. Федотов (Болгария), К. Чиброс (Великобритания), И. Шима (Чехословакия), О. Шиячки (Югославия).

С советской стороны в альманахе приняли деятельное участие В. Горбатко, Л. Гумилев, Р. Казакова, Т. Каипбергенов, А. Кудряшов, И. Кульганек, А. Мелехин, Е. Мергенова, С. Неклюдов, А. Сазыкин, М. Сергеев, Т. Сергеева, Л. Скородумова, В. Успенский, Р. Файзулин, Р. Филиппов, В. Церенов, Г. Ярославцев.

В альманахе также печатаются работы таких видных деятелей культуры, как Б. Ринчен, Н. Рерих, С. Марков.

На первой стадии работы по составлению этого выпуска принимали участие Л. Букина и К. Яцковская. Ценную помощь по научной консультации нам оказал доктор филологических наук Л. Тудэв.

Редакция сердечно благодарит монгольских авторов этого выпуска — писателей, ученых, деятелей науки и культуры, партийных работников.

Выражаем искреннюю благодарность А. Ломакиной, В. Шугаеву, В. Лесовому, Ю. Кручкину, способствовавшим выходу этой книги в свет.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сердечно приветствую сотрудничество монгольских и советских авторов — создателей настоящей книги.

Неиссякаема тяга человека к познанию и самосовершенствованию, безграничны его творческие возможности. Одним из самых замечательных творений человеческого разума является книга. Она представляет собой уникальный культурно-исторический феномен.

Книге подвластно многое. Книга — друг и советник, книга — борец, книга — философ. Она вмещает на своих страницах судьбы человека и человечества, знание о прошлом, настоящем и будущем, предупреждает мир об опасности, раздвигает горизонты непознанного. Чем измерить значение книги, ее роль в духовном развитии человечества, в жизни общества? Как объяснить, что порой одна-единственная книга производит переворот в умах сотен и тысяч людей, приводит в движение миллионы? Может быть, тем, что печатное слово, завладевая умами и сердцами людей, становится материальной силой, изменяющей мир, прокладывающей путь в будущее...

Вспоминаются слова великого русского революционера-демократа, писателя А. И. Герцена: «Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место».

Монгольский народ прошел сложный путь исторического развития. Но во все времена он культивировал знания, книги, грамоту. *Ном* — книга — одно из заветных и притягательных слов в монгольском языке. Не случайно, желая кому-либо, особенно молодым, благополучия, монголы нередко говорят «номтой боло-орой», что буквально означает «познай книгу», «овладей знаниями».

Источники свидетельствуют, что история становления основы литературы — книги богата и разнообразна. В Монголии книга в своем развитии принимала самые разнообразные формы: книги, вышитые на ткани; ксилографические книги; книги, написанные девятью драгоценностями; книги на пальмовых листьях; современные печатные книги... Давнюю историю имеют также библиофильские традиции монголов. И среди простых аратов было немало людей, которые имели богатые книжные коллекции. Еще с XV века монголы изготовляли и применяли книжные знаки — экслибрисы. Традиция эта сохранилась и до нынешнего времени.

Словом, история развития книги в Монголии имеет глубокие корни. Однако подлинный расцвет культуры монгольского народа наступил с победой Народной революции 1921 года, происшедшей под непосредственным влиянием освободительных идей Великого Октября.

МНРП и народное государство, осуществляя последовательные меры по развитию национальной культуры и просвещения, важное место отводили книжному и печатному делу. Красноречив следующий факт: всего на четвертый день после победы революции была создана библиотека для публичного посещения аратами. Благотворно значение влияния культуры Советского Союза на развитие современной социалистической культуры МНР, вобравшей в себя лучшие национальные традиции нашего духовного прошлого. Значительным был и есть его вклад в развитие современного книгопечатания.

Книга сближает народы. Между советским и монгольским народами сложились прочные дружественные отношения, что находит свое выражение и в братском сближении наших литератур. С каждым годом ширится и углубляется процесс взаимного духовного обогащения наших народов. Двусторонним литературным связям посвящены статьи и исследования, фундаментальные труды, в которых принимают участие ученые и писатели. В Монголии широко переводятся и издаются произведения русских и советских авторов, советские читатели хорошо знакомы с творчеством монгольских поэтов, прозаиков, драматургов.

Монгольская литература с каждым годом расширяет круг исследователей-монголоведов в мире. Впервые на страницах «Альманаха библиофила» предпринята попытка дать целостное представление об истории монгольской книги, исследовать ее как явление культуры. Это начинание тем более ценно и значимо, что оно является еще одним шагом к познанию монгольской культуры, а значит и шагом к упрочению братской дружбы монгольского и советского народов, наших стран.

Ц. Намсарай

*Член Политбюро, Секретарь ЦК МНРП,
председатель Центрального совета Общества
монголо-советской дружбы*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами уникальная книга — специальный выпуск «Альманаха библиофила», целиком посвященный монгольской книге, ее древней истории, духовным сокровищам прошлого и достижениям современной книжной культуры социалистической Монголии.

Особая ценность этой книги, на мой взгляд, заключается в том, что она является реальным вкладом в укрепление культурных связей между Советским Союзом и МНР, в нашу дружбу и сотрудничество, основанное не только на исторических корнях, но и на глубоком обоюдном знании наших духовных ценностей. Как верно сказано в монгольской народной песне «Белое облако космоса»:

Все люди на свете связаны родством.

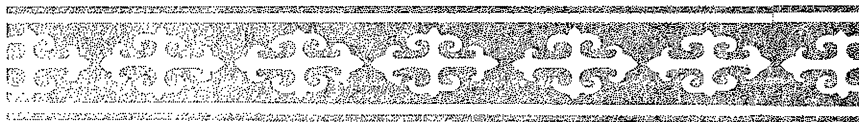
Книги, созданные разумом, соединяют историю.

Советскому читателю этот сборник даст не только представление о старинной книжной культуре некогда кочевого народа, но и подарит теплое чувство взаимопонимания и истинного уважения к великой русской и советской литературе, которым проникнуты работы современных монгольских авторов.

Словом, выход в свет советского библиофильского издания, знакомящего с современной и древней монгольской книгой, — это не только приятное и радостное событие для книголюбов, получающих содержательную и великолепно иллюстрированную книгу, но и событие в культурной жизни братских народов, их вклад в перестройку, открывающий новые возможности в упрочении дружбы между нашими странами.

Виктор Горбатко

*Председатель Центрального Правления
Общества советско-монгольской дружбы,
дважды Герой Советского Союза, Герой
МНР, летчик-космонавт СССР*

ЖИЗНЬ МОНГОЛЬСКОЙ КНИГИ

ИЗ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ОРИГИНАЛЬНЫЕ КНИГИ

Монгольской книге не менее 700 лет. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас достоверные сведения. Изыскания, которые ведут сейчас специалисты в области языка и литературы таких древних племен, как хунну, тоба, кидани, возможно, позволят отодвинуть эту дату еще на несколько веков назад. Уже сейчас, хотя и не совсем четко, прослеживается линия преемственности письменной культуры отдельных монголоязычных народов (сяньби и киданей). В современном монгольском языке сохранились древнейшие термины, связанные с письменностью и книгой этих племен, например: «бичээч» (др. битигчи — писец), хэлмэрч (др. келмерчи — переводчик). Из китайских источников известно, что кидани в период своего расцвета (X—XII вв.) имели свою литературу и письменность (существовало два вида письма — большое и малое). К сожалению, из литературных памятников фактически ничего не сохранилось.

Следует полагать, что появление у монголов книжной литературы, равно как и письменности, было результатом их длительного общения и обмена культурными достижениями не только с близкими и родственными народами, но и с другими странами, стоящими на более высоком уровне развития культуры, в том числе и с отдаленными. Вполне вероятно, что само монгольское слово «ном» происходит от греческого «номос» (закон).

Истоки монгольской книги следует связывать с древней традицией кочевых народов высекать слова на камне, фиксируя для потомков наиболее важные события своей истории. Такая практика существовала и у древних монголов подобно их предшественникам — древним тюркам. Самой ранней камнеписной монгольской книгой, известной науке, следует считать «Чингисов камень», воздвигнутый в 1225 году в честь Есунке, племянника Чингис-хагана. Памятник был открыт в первой половине прошлого века вблизи реки Аргунь, на речке Кыркыр, в бывшем центре владений

Монгольские наскальные рисунки

Хасара и его сына Есунке. (Памятник в настоящее время хранится в Эрмитаже.)

Содержание надписи на камне сугубо мирное: Есунке выстрелил из лука на 335 алдов (маховых саженей) на состязаниях во время собрания нойонов, устроенного Чингисханом после возвращения из похода против сартагулов (жителей Туркестана). Данный памятник является не только древнейшим известным нам памятником монгольской письменности, но и наиболее ранним образцом оформления письменного слова. Вверху, в начале текста, обособленной строкой, написано имя Чингис-хагана, чуть ниже идет строка с именем его племянника Есунке и еще ниже высечены остальные строки. Здесь необходимо отметить, что точно такого же порядка неотступно придерживались монголы при оформлении официальных бумаг и книг в последующие века.

Вслед за первой монгольской камнеписной книгой последовали другие — надпись на памятнике Мунке-хагану (1251—1259), воздвигнутом в 1257 г. Он открыт монгольским исследователем О. Намнандорджем в 1955 г. на территории Хубсугульского аймака в МНР.

Надпись на памятнике в Эрдэни-дзу, возведенном в 1346 г. в Каракоруме, сообщает точную дату основания первой монгольской столицы (1220) и другие интересные сведения, например о строительстве буддийского монастыря при Угэдэй-хане (1186—1241) и Мунке-хагане.

Камнеписные памятники являются наиболее ранними памятниками письменности монголов, дошедшими до нас.

Если говорить об оригинальной монгольской книге, то ее наиболее древним сохранившимся образцом являются берестяные золотоордынские рукописи XIII века, найденные в 1930 году в Поволжье.

Крупнейшим памятником монгольской словесности является «Нууц товчоо» («Сокровенное сказание» или «Тайная история монголов»), написанное в 1240 году на берегах Керулена. В сущ-

ности, это и есть первокнига монголов в собственном смысле слова.

«Нууц товчоо» — в высшей степени самобытное творение монгольского народа, которое академик Б. Я. Владимирцов охарактеризовал как «историю-хронику», переданную эпическим стилем, пропитанную «ароматом степи».

Исторические факты свидетельствуют о том, что «Нууц товчоо» — не единственное сочинение, появившееся в XIII—XIV вв.

Китайские, персидские и тибетские источники упоминают монгольские хроники и материалы по истории монголов в качестве основных источников монументальных исторических трудов, выполненных по указанию монгольских ханов. В «Юань-ши» («Истории Юаньской династии») неоднократно упоминается важнейший монгольский источник «Тобчиян». По всей вероятности, «Тобчиян» представляет собой собрание исторических записей, посвященных деяниям монгольских ханов. Само китайское историческое сочинение «Юань-ши» по существу состояло из подобных монгольских исторических материалов, хранившихся при дворе монгольских ханов в Ханбалыке (Пекине). Персидские авторы Ата-Малик Джувейни и Рашидаддин (1247—1318) в своих исторических трудах, написанных по указам монгольских правителей, сообщают интересные сведения о монгольских исторических книгах и записях, которыми они пользовались. В этом отношении особенно интересен труд Рашидаддина «Сборник летописей».

Среди многих использованных источников Рашидаддин несколько раз упоминает также одну хронику под названием «Алтан дэвтэр» («Золотая книга»). Учítывая, что этот источник, по словам Рашидаддина, «всегда хранился в сокровищнице ханов великими эмирами», он, вероятно, являлся наиболее авторитетной семейной историей «Золотого рода».

Судя по тем местам книги, где Рашидаддин ссылается на «Алтан дэвтэр», можно получить более конкретное представление об этой не дошедшей до нас монгольской хронике. Прежде всего, выясняется, что «Алтан дэвтэр» содержит историю предков Чингиса, основанную на древнемонгольской исторической традиции, согласно которой род Чингисхана восходит к Добун-Баяну и Алан-гоа.

Как видно из вышесказанного, сохранилась весьма незначительная часть того духовного наследия, которое было создано лучшими умами монгольского народа в бурные XIII—XIV века. Многие ценнейшие памятники письменной литературы монголов пропали бесследно в огне завоевательных войн, в результате невежества и многих других неблагоприятных условий кочевого образа жизни.

Не лучше обстояло дело и в XV—XVI веках. Этот период исследователи обычно называют «темным» периодом в истории монголов. Однако усилиями ученых многих стран выявляются факты,

свидетельствующие о том, что, как писал в свое время Б. Я. Владимирцов, «монголы за «темный период» их истории, то есть за время, прошедшее с момента падения Юаньской династии до эпохи «возрождения» во второй половине XVI в., сумели сохранить многое из своего культурного наследия, выяснилось, что литература и письменность у монголов не прерывались, как не прерывалась и литературная традиция эпохи Юаньской династии».

Со второй половины XVI века заметно активизировалась духовная жизнь Монголии в связи с общим подъемом страны. Несколько утихли феодальные междоусобицы, были предприняты попытки преодолеть раздробленность, восстановить государственное единство и укрепить централизованную власть хана. В таких условиях, естественно, усилился и интерес к судьбе страны, ее истории, культуре.

В интересах укрепления ханской власти и преодоления политической раздробленности монгольские правители прибегли к помощи религии более действенной, чем шаманизм. В конце XVI—начале XVII века по всей стране получил распространение ламаизм-буддизм в тибетской форме. Отныне буддизм-ламаизм начнет играть большую роль в формировании и развитии монгольской культуры.

Страну захлестнула волна религиозной буддийской литературы. В связи с этим особенно активизировалась переводческая деятельность. Значительным явлением культурной жизни Монголии того времени стало возрождение монгольской письменности и литературы. Появилось большое количество новых монгольских книг. Характерно, что в конце XVI в. Хутухтай Сэцэн хун-тайджи (1540—1586) открыл выдающийся историко-юридический памятник XIII века «Арван буянту номун Цаган теуке» («Белая история о Десяти добродетелях») и осуществил новую ее редакцию, благодаря чему памятник сохранился до наших дней.

Из монгольских книг времен Алтан-хана (1507—1581) следует особо упомянуть два интереснейших памятника, которые стали известны лишь в последние годы. Первый — это «Закон Алтан-хана», который сохранился только в тибетском переводе, написанном скорописью (рукопись недавно была обнаружена в музее г. Ливерпуля).

Тибетскую скоропись нам удалось расшифровать с помощью ламы Лувсанчултэма (из монастыря Гандан в Улан-Баторе), переписавшего по нашей просьбе всю рукопись обычной тибетской прописью. С последней мы перевели этот «Закон» на монгольский язык и издали в журнале «Известия АН МНР» (1975, № 3).

Второй памятник — «Биография Алтан-хана», имеет несколько монгольских названий: «Эрдэни Тунамал нэрэту судар», «Эрдэни толи нэрэту хуриангуй цадиг», «Чакраварти Алтан-хаган-у тугуджи».

Основная масса дошедших до нас монгольских книг и рукописей относится к XVII—XIX векам. Это наследие весьма разнообразно по характеру, содержанию и форме. Здесь есть и народные сочинения (различные жанры народного творчества, зафиксированные письменно), и чисто «книжная» литература (специальные и художественные произведения, принадлежащие различным авторам), и религиозные (как шаманские, так и буддийские) трактаты и сочинения.

Такие великие произведения народного эпоса, как «Гэсэр», «Джангар» и др., передававшиеся из уст в уста, распространялись по всей Монголии в списках. Из XVII—XVIII вв. до нас дошли в рукописях немало юридических памятников монголов, таких, как «Их цааз» («Великое уложение»), «Халха Джирум» («Халхасский свод законов») и др.

Активизация историографической деятельности монголов с конца XVI в. привела к появлению довольно большого числа оригинальных монгольских исторических сочинений, которые занимают видное место в истории монгольской книги. Монгольские исторические произведения часто называют летописями. Но термин «летопись» в собственном смысле этого слова должен быть применен к монгольской исторической литературе с большими оговорками. Монгольские летописи не похожи на европейские или русские. Характерной особенностью монгольских летописей является их синкретизм, смешение исторического и литературного жанров и стилей. Монгольские летописи зародились как синкретические произведения и по существу оставались таковыми вплоть до начала XX в. Поэтому они являются ценными памятниками монгольского художественного и поэтического творчества. Эти памятники пользовались широкой популярностью среди монгольских грамотеев, имели хождение почти исключительно в рукописях, которые распространялись подвижниками-библиофилами монгольских степей в противоположность религиозным книгам, издававшимся преимущественно ксилографическим способом в стенах монастырей. Из наиболее читаемых исторических произведений следует назвать «Алтан тобчи» («Золотой свод») Лувсанданзана, написанный в конце XVII или начале XVIII в., «Шаратуджи» («Желтая история»), написанную во второй половине XVII в., «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод») Саган Сэцэна (1662), «Асарагчи нэрэту-ийн теуке» («История Асарагчи», 1667), «Болор эрихэ» («Хрустальные четки») Рашпунцага (1774—1775), «Эрдэнийн эрихэ» («Драгоценные четки») Галдана (1841) и т. д. Их списки можно было встретить во всех уголках Монголии.

Довольно примечательным явлением в истории монгольской литературы вообще и книги в частности было издание монголами за последние триста лет большой литературы на тибетском языке, которую принято называть тибетоязычной монгольской литерату-

рой. В силу специфических исторических и религиозно-культурных связей Монголии с Тибетом, являвшимся до последнего времени второй родиной буддизма и индобуддийской культуры в Центральной Азии, тибетский язык играл в дореволюционной Монголии примерно такую же роль, какую играла в свое время латынь в Европе. Этот язык в сфере высшей интеллектуальной деятельности монголов выступал в качестве главного соперника собственно монгольского языка, вытесняя в известной мере его на второе место. Тибетский язык был в Монголии не только языком религии, но и языком, на котором писали монгольские авторы, стремясь показать свою ученость и эрудицию. Сочинения, написанные монгольскими авторами на тибетском языке, составляют в общей сложности несколько сотен томов. Среди тибетоязычных монгольских авторов немало таких, которым принадлежат сочинения объемом от 5 до 30 томов. Правда, монгольская тибетоязычная литература в целом носит на себе глубокий отпечаток индо-тибетской буддийской религиозной литературы; по существу она следует образцам последней. Эти сочинения в данном случае представляют большой интерес с точки зрения буддийских книжных традиций, которые вплоть до недавнего времени поддерживались и развивались в Монголии. Кроме того, среди монгольских тибетоязычных произведений есть немало трудов, посвященных различным отраслям знания — философии, логике, истории, литературе, поэтике, грамматике, лексикографии, медицине, астрологии и т. д. Среди монгольских тибетоязычных авторов наиболее известными были халхасский Дзая-пандита Лувсанпрэнлэй (1642—1715), Сумбахамбо Ишбалджир (1704—1788), Чахар-гэбши Лувсан-Чултум (1740—1810), Лхарамба Агван-Дандар (1759—1842), Агван-Хайдуб (1779—1838), Агван-Балдан (1797—1864), Цэмбэл-гуши, Дармадала, Жамьян-Гарав (жили в конце XIX — начале XX в.) и др.

Монгольская тибетоязычная литература оставалась неизвестной науке до последнего времени, а если отдельные исследователи и упоминали о ней, то лишь в связи с тибетской литературой, были попытки даже приписывать ее к тибетской литературе. За последние годы монгольскими учеными сделано немало в области изучения этого большого пласта литературы.

ПЕРЕВОДНЫЕ КНИГИ

Не будет преувеличением сказать, что монголы издавна отличались успешной переводческой деятельностью, богатым опытом перевода с самых разных языков. В этом, как нам кажется, ярко проявилось стремление монгольского народа к знаниям и духовному общению с другими народами и их культурой, несмотря на то, что он жил в суровых условиях кочевого хозяй-

ства и на протяжении многих столетий отставал в социальном развитии. Недаром древнейшее монгольское слово «хэлмэрч» («Переводчик») всегда произносилось с благоговением. Профессию переводчика считали одной из благороднейших, дающей человеку способность раскрывать тайны великих премудростей, заключенных в книге. Эта национальная традиция сохранилась и развилась после победы Народной революции в Монголии и помогает нам ныне при переводе на монгольский язык современной мировой литературы.

Мы вправе предположить, что история перевода у монголов началась фактически одновременно с появлением письма, по крайней мере, не позже начала XIII века. Исторические факты свидетельствуют, что первыми переводами на монгольский язык были, по всей вероятности, переводы буддийских сутр, сделанные с уйгурского языка, или, быть может, прямо с санскрита с помощью уйгуров, которые, как известно, раньше монголов приобщились к индо-тибетской литературе главным образом через посредничество хотанцев и согдийцев.

В монгольской переводной литературе основное место занимает индо-тибетская буддийская литература, что объясняется принятием буддизма монголами. По богатству переведенной буддийской литературы Монголия может сравниться с Цейлоном, Китаем и Тибетом. В качестве примера можно сослаться на знаменитые буддийские собрания «Ганджур» и «Данджур», которые в основном переводились на монгольский язык с тибетского и отчасти с санскритского и китайского языков на протяжении многих веков, начиная с XIII по XIV вв. Количество буддийских текстов, переведенных на монгольский язык и вошедших в эти два собрания, достигает 4619 (в «Ганджуре» — 1161, а в «Данджуре» — 3458). Они составляют в общей сложности 334 тома («Ганджур» — 108, «Данджур» — 226 томов).

Монгольский «Ганджур» представляет собою огромное собрание переводов канонических текстов и имеет важное значение для сравнительного изучения буддийской религиозной литературы, большая часть которой была утеряна на родине буддизма. Следует подчеркнуть, что не все тексты, переведенные на монгольский язык, относятся по содержанию к религиозной литературе. Среди них немало выдающихся научных и литературных работ древнеиндийских и отчасти тибетских авторов. В этом отношении особенно большую ценность представляет монгольский «Данджур», единственный в мире экземпляр ксилографического издания которого хранится в Государственной библиотеке МНР в Улан-Баторе. «Данджур» — это богатейшая коллекция трудов древнеиндийских и тибетских авторов по различным отраслям знаний: философии, логике, филологии, литературе и поэтике, медицине, искусству,

астрологии и т. д. Особенно много трудов содержится в «Данджу-ре» по философии. Среди них — работы Нагарджуны, Асанги, Васубанду, Дигнаги, Дхармакирты, Дхарматтары, Цзонхавы. Как известно, за исключением одной из семи основных судар Дхармакирты, все остальные не сохранились в оригинале, но зато они дошли до нас в монгольском и тибетском переводах. Этот факт, в частности, говорит о большой ценности философского раздела монгольского «Данджура» для изучения исчезнувших оригиналов трудов древнеиндийских мыслителей.

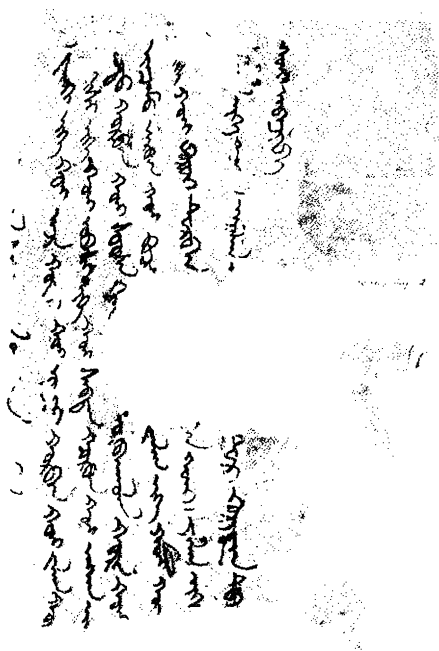
Перевод «Ганджура» был завершен во время правления Лигдэн-хана (1604—1634). Однако перевод отдельных его частей начался значительно раньше.

В целом перевод двух крупнейших собраний буддийской литературы «Ганджура» и «Данджура» на монгольский язык является выдающимся достижением духовной культуры монголов вообще и их переводческой деятельности в частности. Они по праву занимают видное место в истории монгольской книги.

Помимо обширной буддийской литературы, переводимой на монгольский язык, на протяжении XVIII — XIX веков было переведено немало китайских, большей частью художественных, произведений различных жанров. По предварительным подсчетам советских ученых Б. Л. Рифтина и В. И. Семанова, в общей сложности на монгольский язык было переведено около 70 произведений китайской повествовательной прозы (романов, повестей), примерно 50 из них можно идентифицировать с большей или меньшей степенью адекватности с китайским оригиналом. Здесь необходимо упомянуть такие известные китайские классические романы, как «Цзин, Пин, Мэй» (XVI в.), «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня (XVIII в.), «Речные заводы» Ши Найяня (XIV в.), «Путешествие на Запад» У Ченэня, «Троецарствие» Ло Гуаньжуна (XIV в.). Заметим, что все переводы китайской художественной литературы, так же как и произведения собственно монгольской неканонической литературы, распространялись лишь в списках. Ныне в библиотеках мира хранятся разные рукописи подобных сочинений.

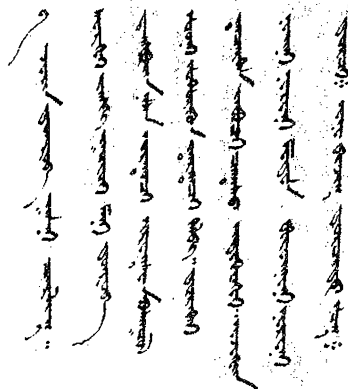
БЕРЕСТА И ПЕРО

Основными видами монгольской книги были рукопись и ксилограф, и естественно, что первая предшествовала второму. Следует полагать, что первенец монгольской литературы «Нууц товчоо», так же как и другие памятники монгольской письменности XIII в., о которых мы упоминали выше, были рукописными. Для записи монголы использовали самый различный материал: камень, бересту, металл (золото, серебро, бронзу) и, наконец, бумагу. Наиболее ранними, сохранившимися в фрагментах руко-

Фрагмент монгольской рукописи XIV в.
с записью о распределении овец (ЛО ИВ)

писными книгами можно считать вышеупомянутые золотоордынские рукописи на бересте, турфанскую рукопись «Легенды об Александре Великом» и некоторые рукописи буддийских сочинений на монгольском языке. Интересно, что при раскопках золотоордынского монгольского погребения в Поволжье вместе с рукописями были найдены костяное перо и бронзовая чернильница — орудия монгольского писаря. Частично берестяные рукописи выставлены в Эрмитаже. Рукопись состоит из 25 берестяных листов, сшитых вместе. 19 из них содержат текст на обеих сторонах, 6 — на одной стороне. Характерно, что рукопись состоит из семи листов, исписанных с двух сторон монгольским письмом, а остальные — древнеуйгурским. Рукописи дошли до нас в плохом состоянии. Листы с уйгурским письмом настолько повреждены, что их невозможно расшифровать. Любопытно заметить, что на одном из листов рукописи несколько слов было записано так называемым квадратным письмом, изобретенным при Хубилайхане в 1269 г. Таким образом, золотоордынская берестяная

*Письмо калмыцкого хана Цэрин-Дондука
XVIII в. (ЛО. ИВ)*

рукопись свидетельствует о весьма разностороннем характере книжной культуры монголов, оказавшихся в столь далеком от родины крае.

Традиция берестяных рукописей в Монголии продолжалась долго. Об этом свидетельствуют так называемые халхаские берестяные рукописи XVI—XVII вв., открытые Х. Пэрлээ. Он сообщил, что эти берестяные книги имеют размер от 7 до 4 см и 14×5 см. Написаны они разным почерком — по-видимому, заполнялись разными писарями. Книга оформлена аккуратно, каждый лист обрамлен чертой, местами украшен разноцветными красками, разлинован и на лицевой стороне листа проставлена пагинация. Х. Пэрлээ классифицирует древние берестяные книги следующим образом: он делит их на четыре группы: буддийские, шаманские и шаманско-буддийские, юридические и отдельно — букварь монгольского письма. Пока не все эти берестяные рукописи изучены (они хранятся в фонде Института истории АН МНР).

Довольно полное представление о том, как выглядели древние рукописи XV—XVII вв., дают вышеназванные рукописи из Олон-сумэ, тщательно изученные В. Хайсигом. Рукописи написаны на китайской бумаге острым бамбуковым пером. Палеографические наблюдения над рукописями и химический анализ бумаги дали возможность сделать вывод, что наиболее ранние

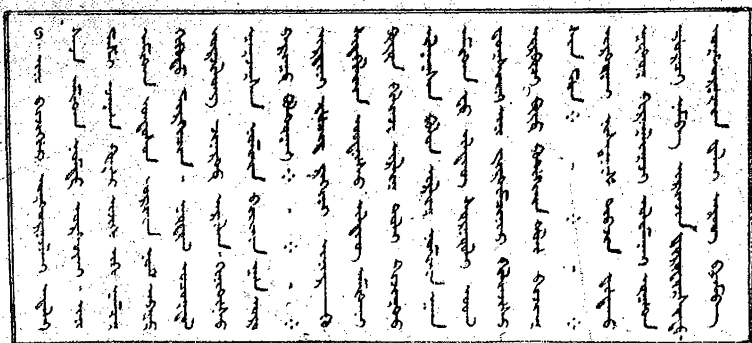
рукописи относятся к концу XV в. Основная масса документов представляет собой фрагменты рукописей монгольских переводов буддийских канонических книг, но есть и фрагменты светского содержания. Среди них — 39 ценнейших рукописных фрагментов монгольского перевода известного буддийского трактата «Бодхи-чарьяватара» Шантидевы. Установлено, что этот перевод принадлежит знаменитому монгольскому переводчику Чойджи-Одсэру, но почерк рукописи относится к XVI в. Это значит, что монгольский перевод, осуществленный еще в 1305 году, переписывался и в XVI веке, что наглядно свидетельствует о преемственности рукописной традиции в истории монгольской книги.

Основная масса монгольских рукописей, находящихся в хранилищах различных стран мира, в первую очередь в рукописном фонде Государственной библиотеки МНР в Улан-Баторе, относится к XVIII—XIX вв. Рукописные книги в большинстве случаев имеют форму тетради, состоящей из сшитых листов и имеющей самые разные размеры. Характеру монгольской вертикальной письменности больше всего соответствовала и вертикальная форма тетради. А форма книги «ботхи» или «пальмовые листья», являвшаяся по традиции основной формой буддийских книг (о ней пойдет речь ниже), редко применялась при написании монгольских рукописей. Другой вид монгольской рукописи — «гармоника» — многократно сложенный лист бумаги — применялся исключительно для деловых указов, донесений и т. д. и поэтому ее трудно считать формой книги в подлинном смысле этого слова.

Оригинальные монгольские книги, а также переводные книги небуддийского содержания в основном размножались путем переписывания. Поэтому подобного рода книги создавались и тиражировались главным образом в степных юртах монголов. Благодаря неторопливому, но упорному труду многих поколений истинных любителей книг множилось число списков, а с ними — по мере их распространения — и версий. Не случайно в старые времена профессия писца в Монголии ценилась наравне с профессией переводчика. Хороший писец славился широтой кругозора, красотой почерка, скорописью.

Примечательным явлением в истории монгольской книги стало довольно раннее знакомство монголов с древним способом печатания книг — ксилографией. Ксилография пришла в Монголию из Китая не позже, чем в XIII в. Это, конечно, не исключает возможности того, что древние монголоязычные племена — кидане и другие — знали ксилографию значительно раньше. Первая дошедшая до нас печатная книга монголов относится к 1312 г. Имеется в виду ксилографическое издание — «Толкование Бодхи-чарьяватары» Шантидевы, подготовленное уже упоминавшимся нами монгольским переводчиком и ученым Чойджи-Одсэром.

Судьба этого памятника монгольского книгопечатания интерес-

*Литографское издание «Повести о Чойджид-дагине»
на «ясном письме» (ЛО ИВ)*

на. В свое время он был издан ксилографическим способом в столице Юаньской империи Дайду тиражом в одну тысячу экземпляров. Сама книга состояла из 167 листов. Но до нас дошли лишь последние 12 листов, открытые в начале XX в. в Турфане немецкой экспедицией и ныне хранящиеся в Берлине. Кстати, Турфанская коллекция в Берлине содержит немало других уникальных рукописных и ксилографических фрагментов, которые представляют огромный интерес для науки, для изучения раннего периода истории монгольской книги. Этот фонд пока еще недостаточно изучен.

Подавляющее большинство монгольских ксилографов относится к более позднему периоду, а именно к XVII—XIX вв. В основном это монгольские переводы буддийских сутр и буддийские книги, написанные монгольскими авторами на монгольском и тибетском языках, изданные в Монголии и Пекине в период Цинской империи. С приходом буддизма книгопечатание в Монголии активизировалось. Типографии были сосредоточены в монастырях. Как и в Тибете по традиции в каждом более или менее крупном монастыре в Монголии существовал бархан — печатный двор или типография для размножения буддийских книг. Эти барханы должны были прежде всего удовлетворить потребности церкви в буддийской литературе. В связи с этим обратим внимание на одно весьма любопытное обстоятельство, которое содействовало размножению ксилографической книги. Верующим внушали, что книга обладает чудесным свойством по отношению к тому, кто ею владеет, неважно, умеет человек читать или нет. Почти в любой

юрте на почетном месте рядом с изображением буддийских святых-бурханов лежала книга. Каждый верующий стремился так или иначе внести свой личный вклад в дело печатания буддийской литературы. В результате у монголов оказалось огромное количество книг. Часто люди поражаются огромному собранию книг, хранящихся в фондах Государственной библиотеки в Улан-Баторе и библиотеки монастыря Гандан. Это объясняется просто: монголы отдавали средства на «святое» дело — создание книг, что среди буддистов считалось одной из самых высоких добродетелей. Например, в собрании Государственной библиотеки в Улан-Баторе имеется буддийская сутра XIX века, изготовленная монгольским чеканщиком из тонких литых серебряных пластин. Строки текста на таком листе отчеканены из чистого золота. Вес золота, использованного для этой книги — 52 кг, серебра — 400 кг.

Характерной разновидностью монгольского ксилографа были «ботхи» — восходящие к далекому древнеиндийскому образцу книги, состоящие из длинных узких полос пальмовых листьев, расположенных вертикально. Ввиду отсутствия пальм в Монголии их листья заменили бумагой, привозимой из Китая. Таким образом монгольская книга «ботхи» представляет собой стопку отдельных листов бумаги, складываемых друг на друга и обертываемых в «баримтаг» — специально предназначенную для этой цели материю, или же «сжатых» с двух сторон дощечками — «хавтас» — обложкой одинакового с листами размера. Такая книга имеет вид удлинненного параллелограмма, строки письма располагаются сверху вниз, поперек длины листа. Таким образом, внешний вид «ботхи» в значительной мере отличается от вышеупомянутых рукописных книг. Форма «ботхи» была приспособлена к древнеиндийской и тибетской письменности, где строки пишутся, как и в европейских книгах, горизонтально слева направо, то есть параллельно длинной стороне листа, и не совсем удобна для монгольского вертикального письма. Тем не менее мастера книжного дела предпочитали именно такую форму для своих книг, не решаясь нарушать древнюю традицию начертания священных писаний.

Совершенно новая страница в истории монгольской книги была открыта с победой Народной революции в Монголии в 1921 году, ознаменовавшей собою поворотный момент во всех сферах жизни монгольского общества.

МОНГОЛЬСКАЯ КНИГА*

КНИГА И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Уже в первое столетие существования своей, тогда новой, уйгурской письменности монголы имели дело с книгопечатанием (гораздо раньше, чем европейские народы), но рукописная книга не теряла значения в течение многих веков. Она была вытеснена только в первой четверти нашего столетия подвижным печатным шрифтом, книгами европейского типа. В монгольскую старину печатным изданиям не только предшествовал, но и более точно, чем на Западе, определял внешнюю форму рукописный подлинник.

Рукописными были, естественно, и все предшествовавшие книге и сосуществовавшие с ней формы письменного слова: надписи, грамоты, письма и одностраничные сочинения. Древнейший известный памятник монгольского письма, лаконичная надпись «Чингисова камня» была написана, вероятно, сразу на камне и высечена по рукописным линиям. Эта надпись дает и первый известный пример выражения почета при помощи разного уровня начала строк: выше всех начинается строка с именем Чингисхана, ниже начинается строка с именем его племянника, о подвиге которого говорится в надписи, и еще ниже — все остальные «заурядные» строки. Этот способ повторяется во многих памятниках монгольской письменности. Большинство сохранившихся каменнописных памятников является увековечиванием слов, написанных на менее прочном материале; лишь небольшие, случайные надписи нашли письменную форму сразу на камне. Большие надписи (и, конечно, не только те, которые являются копиями грамот) имели свой рукописный подлинник; их монгольский текст является обычно переводом с китайского или тибетского (с китайского точно по смыслу, но вольно по форме и вовсе не дословно). Здесь надо было найти соразмерность текста и данной поверхности, нарисовать заголовки («лобовую грамоту»), узорную рамку (бордюр), отметить начало строк и т. д.; возможно, что рукописный подлинник некоторых надписей готовился в размере

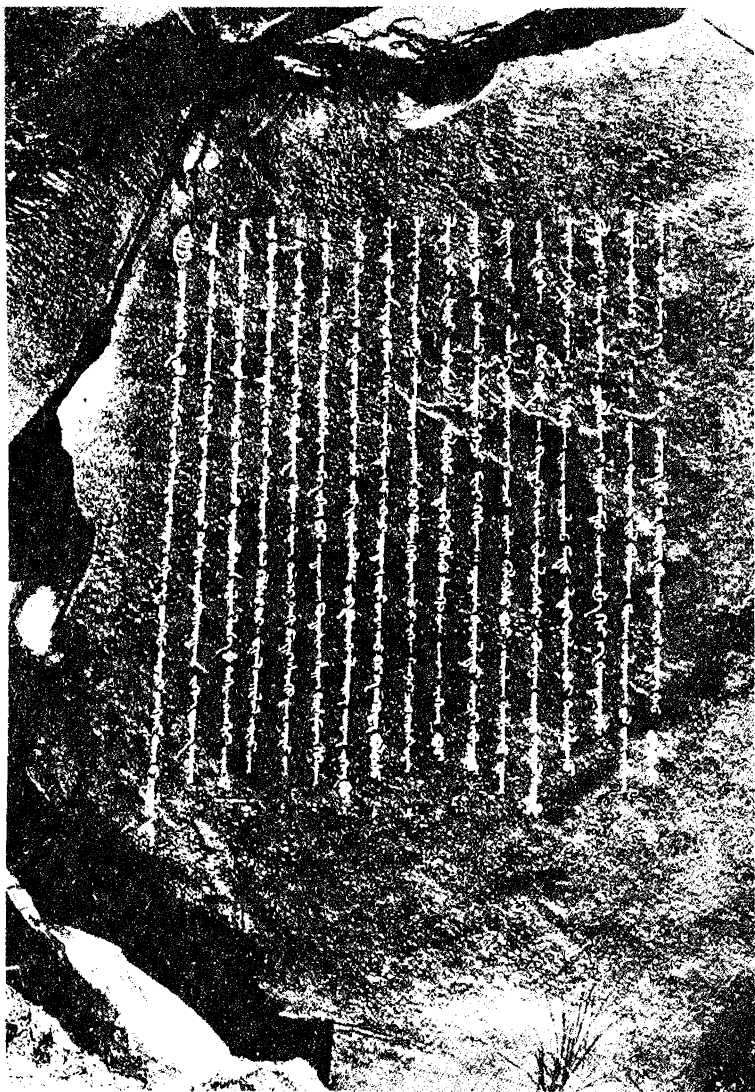
* Печатается по книге Д. Кара «Книги монгольских кочевников» (М., 1972).

камня. Каменописные слова упоминают порой о составителе, переводчике текста надписи, о каллиграфе — и — реже — о резчике. Так, в надписи 1362 г. (памяти сининского князя Хинду) указаны автор и каллиграфы китайского текста, а также монгольский переводчик Эсенбука, который переводил по-монгольски и написал по-уйгурски (т. е. уйгурскими буквами); на стеле 1601 г. у Цаган-байшин читаем: «Начал Мерген-убаши, написали и изваяли Алдаршигсан-чиндамани-убаши из рода Горлос и камнерез Мерген из рода Китад», а в малой надписи Цокту-тайджи говорится, что ее «написали на скале, подобной нефриту-драгоценности, паж Дайчинг и богатырь Гуйенг».

Большие надписи обычно точно датированы. В юаньских надписях время сооружения дается в двух системах: год определен по восточноазиатскому зодиаку и девизом эры правления, как в надписи 1362 г.: «21-й год Чжичжэн, год тигра, 12-й день 10-й луны». Нет даты на средневековых «удостоверениях» — пайцзах, но датой может служить имя правителя, упомянутое на некоторых из них. Монголоязычная круглая деревянная пайцза маньчжурского императора Тайцзуна служила и футляром маленькой бумажной грамоты с точной датой и печатью.

По содержанию надписи бывают официальные и частные, светские и буддийские. Среди официальных памятников встречаются надмогильные надписи — такой является китайско-монгольская эпитафия 1335 г. памяти верного слуги и чиновника Чжан Инжуя; копии жалованных грамот, как, например, многие надписи квадратным письмом юаньского периода; исторические надписи, например надпись 1640 г. о подчинении Кореи маньчжурами, надпись 1755 г. (Жэхэ, Пунины) о победе маньчжур над илийскими ойратами или надпись 1771 г. о возвращении ойратов из России; надписи об основании монастырей, храмов или об их восстановлении, например каракорумская надпись 1346 г., ныне потерянная, или тырская надпись 1413 г., а также многие надписи маньчжурского периода, буддийские например; от среднемонгольского периода сохранилась известная надпись квадратным письмом, сооруженная по случаю построения субургана у ворот Цзюйюнгуань Китайской Великой стены, но своими религиозными стихами она отличается от обычных документов об основании мест культа. Не только религиозной, но и исторической может быть названа надпись 1626 г. у Белого субургана. Исторические сведения содержатся и в буддийской надписи 1601 г., рассказывающей об основании монастыря красношапочников у Белого дворца халхаского князя Цогту-тайджи; ряд четверостиший этой надписи религиозного содержания.

К светским официальным надписям принадлежат и надписи-«удостоверения» на металлических дощечках (пайцзах), письмена на печатях и надписи знамен. К частным надписям относится,

Наскальное стихотворение Цогту-гайджи. 1624

«Как осветитель страданий кромешной тьмы,
сияющее повсюду божественное солнце,
беспрерывно ходящее вокруг четырех суш,
так и я, на благо бесчисленных живых, да буду полезным!»

например, монгольский текст стелы Арука, юньнаньского князя (1340 г.), в котором упоминается о страданиях населения во время мятежей монгольских князей и об отдаче личных денег Арука на хранение и прирост в буддийский монастырь с назначением процентов на чтение китайского канона. Здесь должны быть упомянуты и записка трех паломников из города Сучжоу, сделанная на стене одного из дуньхуанских гротов (1323 г.), и ойратская надпись на скале Тамгалы-тас у реки Или, и особенно самая большая из наскальных надписей халхаского Цогту-тайджи, хозяина Белого дворца, в которой читаются такие стихи:

«Хотя далеки друг от друга Халха и земля Онгнигутов,
земля моей горячо любимой тетки на Ононе-реке и
моя, пребывающего больным, на Орхоне и Толе,
но один круг нашей взаимной тоски и любви».

Здесь ясное указание о генезисе надписи: «Так сказанное со слезами (князем) запомнил находившийся вместе с ним паж Эрхе и записал в книгу; а впоследствии, через четыре года...»

Об орнаментальных надписях в связи с «письменными узорами» уже упоминалось: они украшают деревянные карнизы и столбы зданий тибетского и китайского стиля, висят над входом, появляются порой и на предметах повседневного пользования, как, например, выполненные серебром благопожелания на «ящичке» висячего железного замка. Встречаются иногда и тканые письмена — узоры на шелковых платках хадак — почетных дарах.

Из Тибета пришел обычай украшать гальки магическими формулами и «писать» такие же формулы или благопожелания белыми гальками на голых, летом зеленых, весной и осенью желтых склонах высот.

Надписи эти чаще всего высечены (редко их знаки рельефные), а мелкие, случайные надписи сделаны обычно краской или тушью, порой процарапаны.

Грамоты и письма (иначе говоря, официальные бумаги, ведь частные письма сохранились только из поздних веков, не раньше конца XVIII в.) были дипломатического, административного, юридического или экономического содержания. Самое раннее из известных дипломатических писем-монологов — послание Гуюкхана римскому папе (1246 г.) — сохранилось лишь в переводе на «сарачинский», т. е. персидский, язык. Два письма — о совместном походе на Ближний Восток и об обновлении дружбы — французскому королю Филиппу Красивому (1289 и 1305 гг.) и два — о покоренных «киристанах», их вере и (второе) о совместном походе — римским папам (1290 и 1302 гг.) — свидетельствуют об интенсивных и дальних внешних связях монгольских правителей Ирана. Вероятно, в первом столетии китайской минской династии

монгольский язык служил для дипломатических сношений Китая и некоторых западных стран, что можно предположить на основе китайско-монгольского письма минского двора правителю иранской провинции Луристан (о посланных «верноподданному вассалу» подарках, 1453 г.).

В конце XVI в. уже китайцы составили письмо от имени тумутского Алтан-хана минскому двору, — видимо, потому, что монгольский слог привезенного послами письма не соответствовал придворному вкусу. Итак, мнимый знаток монгольского языка китаец сочинил, вероятно уже в Пекине, письмо на китайском языке, потом «перевел» дословно так, что без знания китайского языка для монгола там мало что понятно, зато письмо написано каллиграфически и украшено изящными рисунками, в которых бойкая китайская кисть изобразила путь посольства «владыки северных невольников» (1580 г.). Однако надлежит сказать, что это псевдомонгольское письмо благодаря китайскому вкусу относится, скорее, к числу челобитных. Из XVII в. сохранились монгольязычные памятники русско-монгольских и русско-ойратских дипломатических сношений, в частности письмо Очирой Тушету-хана русскому царю (1674 г.), письмо Дайчин-тайши к нему же (1661 г.), письма Галдана к «великому Белому хану» (т. е. к царю, 1691 г.) и др. С начала XVIII в. появился новый жанр дипломатических писем: послания по пограничным делам, и, как уже упоминалось выше, в русско-маньчжурских дипломатических делах, в том числе и пограничных, монгольский язык не утратил своего значения и в XIX в.

Среди ранних административных документов придется снова упомянуть о заключительной формуле эдикта 1241 г. вдовы-императрицы Торегене. Эта монгольская формула была высечена вместе с китайским текстом на камне. Она является «окаменелой» грамотой, как и многие другие надписи, особенно те, которые написаны в квадратном письме. В 1267 г. выдана подорожная охранная грамота Абага-хана послам римского папы; сохранились еще четыре подорожные грамоты чагатайдской канцелярии XIV в. В Восточном Туркестане найдены грамоты того же времени: о назначении чиновника по водному делу (управлению оросительными каналами), о репатриации населения трех острогов и о льготах (освобождении монастыря от налогов и т. д.). В Иране и Турции хранятся такие документы, как дарственная грамота Нур ад-Дина на монгольском и арабском языках (1272—1273) или грамота ильхана Абу Саида (1320 г.) о крепостных. В сухом, песчаном Синьцзяне было обнаружено два юридических памятника. Один из них (написан у оз. Иссык-Куль) хранится в Берлинской турфанской коллекции; он содержит судебное определение о краже. Другой (из коллекции Кроткова в Ленинграде, ИВАН) — решение о спорной земельной собственности одного монастыря.

Мало что сохранилось из средневековых монголоязычных хозяйственных документов: пока известны лишь два — расписка о займе (из Хара-Хото) и записка о распределении овец (из Восточного Туркестана). Но и административные грамоты нередко касаются экономических дел. От минского периода сохранился ряд монгольских грамот в китайской транскрипции. Эти копии не дошедших до нас монгольских подлинников (и точных переводов с китайского) употреблялись в качестве учебных материалов и образцов в Палате устного перевода в Пекине. Существует и сборник монгольских челобитных, переведенных с китайского чиновниками Палаты письменного перевода, но этими памятниками, сочиненными на жалком псевдомонгольском языке, приходится заниматься только потому, что подлинных текстов, которым они старались подражать и из которых черпали слова и выражения, не сохранилось. Начиная с XVIII в. в результате введения в Монголии маньчжуро-китайского уголовного, гражданского и военного делопроизводства размножилось число самых разных официальных бумаг (указы, решения, объявления, предписания, запреты, перечни, налоговые ведомости, реестры, судебные протоколы, челобитные и т. д.). Вероятно, без оговорки можно сказать, что эти документы, изучение и издание которых только начато, представляют собой равноценные летописям памятники монгольской истории двух прошлых веков и могут дать важные сведения о повседневной жизни монголов и, естественно, о развитии их языка.

Среди «одностраничных сочинений», какими являются в большинстве случаев письма и грамоты, известны генеалогические, астрономические и космогонистические таблицы, географические карты и «листовки». Родословное дерево состоит обычно из овальных лепестков, связанных более или менее прямыми штрихами между собой и расположенных вокруг центрального овала или круга, обозначающего предка. В каждом овале — имя, порой вместе с каким-то кратким сведением о данном члене рода. В более абстрактной форме «дерево» образует концентрические круги поколений. Астрономические, или астрологические, таблицы указывают последовательность годов двенадцатичленного цикла, их признаки, род и цвет, соотношения созвездий и т. д., но обычно они содержат мало текста и чаще всего представляют собой не самостоятельное «сочинение», а приложение к астрономическому, или, скорее, гадательному, справочнику. Хранящаяся в Ленинграде одностраничная южномонгольская космогония изображает мир по ламаистским традициям, но в китайском стиле. Вместе с рисунками там имеется большой разъяснительный текст. Географические карты монголов нередко бывают очень живописными, рисующими своеобразный пейзаж, но известные и весьма упрощенные, состоящие из одной сети линий, символизирующих дороги, на которой нанесены точки или квадратики —

знаки городов. Кроме названий мест, рек и гор, храмов и обо и т. п. эти карты содержат порой и другие сведения (например, о правителях волостей — хошунов). О бурятских односторонних «газетах», рукописных листовках последней четверти прошлого века, писал в свое время А. М. Позднеев. Готовились и религиозные «листовки»; известно, например, ксилографическое изображение знаменитого непальского субургана, листовка — работа бурятских печатников Кижинги.

По внешней форме эти письма, грамоты, листовки и т. д. довольно разнообразны: среди них встречаются свитки (например, письмо 1305 г., свиток размером $3 \times 0,5$ м, склеен из листов корейской бумаги, строки на нем идут перпендикулярно длинной стороне параллелограмма; на длинном свитке из китайской бумаги и шелка написана и китайско-псевдомонгольская грамота от имени Алтан-хана, 1580 г.); встречается лист, сложенный вчетверо или еще сложнее, и лист «гармоникой». Если бумага была не слишком длинная, то строки иногда писались по длине. Монгольские пограничные письма в русские ведомства посылались в сложенном виде, в конверте, на котором стоял дата, имена адресата и отправителя и оттиски печати. Найденная недавно в Северо-Западной Монголии тибето-ойратская грамота далай-ламы написана на желтом шелке; ойратские слова помещаются между горизонтальными тибетскими строками, идущими по ширине шелкового «листа». В этих «архитектурных» решениях еще немало общего с внешним обликом рукописных и печатных книг, но, прежде чем перейти к рассмотрению разнообразных форм книг, познакомимся с техникой рукописи и книгопечатания.

РУКОПИСЬ

Монгольские писцы и литераторы пользовались пером и кистью, и эти орудия письма были в употреблении почти до наших дней. Перо, вернее калям, делалось из тростника, бамбука, дерева или кости в форме палочки, конец которой походил на долото. Длина лезвия определяла максимальную толщину вертикальных штрихов, его ширина — возможную тонкость. Главным признаком почерка калямом являются острые контуры и известная угловатость окончаний. Именно калям определил и каллиграфический почерк XVII в. с контрастом тонких и жирных штрихов. Кисть была китайская, с бамбуковым стержнем и таким же колпачком, пишущая часть ее — из шерсти различных животных. По всей вероятности, монголы сами не делали кистей и пользовались товарами китайских кистевязов. «Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово», — читаем у Вильгельма де Рубрука. Для почерка кистью характерны гибкие линии, менее острые

контуры и местами «волосистые» окончания (там, где кисть уже немного высохла или шерсть под давлением растрепалась). С конца XVII в. у ойратов-калмыков и бурят появилось европейское перо. Его следы обычно легко отличить от штрихов каляма или кисти: контуры здесь четкие, но линии могут постепенно расширяться и местами, где два острия пера слишком расходились, середина линии оставалась без чернил. Европейское перо держали, вероятно, так, как теперь авторучку или карандаш — большим и указательным пальцами, а средний палец служил опорой. Не исключено, что таким пером пользовались и раньше на территории Золотой Орды, где обнаружено и бронзовое перо с разрезом. Калям можно держать по-разному. Например, на одной тибетской гравюре, о которой я еще упомяну, литератор держит палочку-калям, легко захватив сверху (верхний конец стержня выходит из-под кисти руки). Китайская кисть употребляется в перпендикулярном положении и держится тремя пальцами: большим, указательным и средним, без опоры.

В старину писали обычно тушью, но так как китайская тушь была нередко предметом роскоши, степные писцы сами готовили черную тушь из сажи или, как Паллас сообщает о калмыках, из коричневого вещества, добытого между мускулами лошади. Красная краска, тушь или киноварь, также была в употреблении, но иногда целые книги, главным образом религиозные, писались «драгоценными чернилами» — золотом, серебром, мукой коралла, бирюзы и т. д. В одном ксилографе читается следующее напоминание: «Если пишешь эту книгу золотом, твоя (добродетель) умножится в сто тысяч раз». Сохранившиеся старейшие монгольские образцы употребления золотых и серебряных чернил восходят к XVII в. С конца XVIII в. калмыки и буряты пользовались и русскими ореховыми чернилами коричневого цвета.

Так как бумага являлась довольно редким и дорогим товаром в степи, небольшие молитвенные формулы писали и на деревянных табличках, а маленькие книги — на бересте. Например, известны написанные на бересте золотоордынские светские стихи XIV в., хранящиеся в Эрмитаже, или буддийские фрагменты XVII в. — в ЛО ИВАН, о «старых писаниях на бересте» упоминает и Паллас; недавно обнаружены ойратские тексты на бересте в Узбекистане, они относятся, вероятно, к XVIII в. (В 1970 г. отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, руководимый известным монгольским археологом Х. Пэрлээ, обнаружил в развалинах субургана архив, насчитывающий приблизительно 200 берестяных грамот XVII в. — *Ред.*)

Для временных записей, по словам Палласа, в школах употребляли деревянную доску. Ее изготовление Паллас описывает следующим образом: две отшлифованные тонкие доски пихты скрепляли одна с другой кожаным ремнем в форме книги (видимо,

Паллас имел в виду европейскую форму); внутреннюю поверхность намазывали салом и сажой, наконец, этот черный слой засыпали мелкой золой аргала, и на бело-сером фоне верхнего слоя следы пишущей палочки оказывались черными, как будто на бумаге. Таким же — по происхождению тибетским — орудием пользовались писцы, когда составляли черновик или записывали устный перевод, о чем говорят некоторые послесловия Дзая-пандиты, который переводил тибетское сочинение на монгольский язык устно; его слова записывал на доске один из учеников или приближенных, Цулримджамцо или Омбо, и, очевидно, после проверки части перевода, помещающейся на доске, другой писец, каллиграф, переписывал его на бумагу. На упомянутой выше тибетской гравюре изображена и доска, на которой пишет палочкой ученый первосвященник, возле него видны толстые тома книг. У доски здесь закругленные контуры.

В погребении золотоордынского писца нашли при раскопках вместе с костяным пером и бронзовую чернильницу. Там же лежали рукописи на бересте, часть которых выставлена в Эрмитаже вместе с вышеупомянутым бронзовым пером и синей фаянсовой круглой чернильницей, — очевидно, произведениями мусульманских ремесленников. Писцы, пишущие кистью, имели китайскую «чернильницу» — каменную дощечку для растирания туши с углублением для воды. Вместо этой «чернильницы» пользовались и большой кистью для сохранения жидкой краски, чернил.

Печатных книг всегда не хватало, и они были недешевы, печатные дворы располагались далеко, а переписывание ламаистских священных книг считалось важной добродетелью, поэтому немало работ было у странствующих в степи грамотных монахов и живущих в монастырях или работающих в канцеляриях писцов. Их было сравнительно много в XVII—XVIII вв., в эпоху новых переводов, переделок старых книг и появления самостоятельных сочинений. В житии ойратского просветителя Дзая-пандиты читаем о том, как однажды одновременно трудились девять писцов (прозвище одного из них было Хурдун-бичечи, т. е. «Быстрый писарь», и мы, очевидно, не ошибемся, толкуя его вроде «стенографиста»).

ПЕЧАТАНИЕ

Печатание у монголов — китайского происхождения, однако, по всей вероятности, у истоков монгольского книгопечатания стояли уйгурские, а возможно, и тибетские литераторы, сочинения которых раньше начали размножаться печатными досками. Способ печатания, в сущности, был тот же самый, которым пользовались в первой половине XV в. в Европе — ксилография. Монголы познакомились с китайской ксилографией во второй половине XIII в., на пятом столетии существования этого изобре-

тения, и пользовались им без существенных изменений до начала настоящего века. Много раз подробно, но в отношении Монголии до сих пор недостаточно описанная ксилографическая техника вкратце состоит в следующем: каллиграф переписывает печатаемый текст на тонкой прозрачной бумаге, которую наклеивает на отшлифованную доску из древесины твердой породы лицевой стороной так, что на поверхности знаки видны с обратной стороны; потом резчик по контурам выдабливает, углубляет промежутки знаков. Рельефную поверхность изготовленной таким образом ксилографической доски печатник промазывает краской (для этой работы он употребляет грубый помазок или щетку, шерсть которых остается порой на доске и приклеивается к бумаге); накладывает мягкую бумагу на промазанную поверхность доски и другой, мягкой щеткой оттискивает бумагу, на которой остается позитивный отпечаток рельефа доски.

Рукописный подлинник на прозрачной бумаге определял размер доски, исключал случаи опущения или излишнего добавления в тексте, т. е. если сама рукопись была безупречна, то возможные опечатки были исключительно технические, как результат неточности работы резчика. Большие возможности отклонения в том случае, когда резчик работает свободно по рукописному образцу. Профессиональные резчики пользовались различными долотами для гравирования разных знаков — «зубцов», «петель» и т. д. Были и случайные резчики, скотоводы, которые в свой досуг гравировали доски праведных текстов, полученных из монастырей: таким образом они «приобретали добродетель» по ламаистскому учению. Для досок использовалось грушевое, яблоневое или другое дерево твердой породы, а в северных степных «печатных дворах», видимо, и береза. В Китае доска «смазывалась особым составом вроде клейстера, приготовленным обычно из вареного риса»; этот состав размягчал доску, а кроме того, способствовал отпечатыванию знаков рукописного бумажного подлинника на ее поверхности.

Есть сведения и о том, что доску вываривали в масле.

«Если доски уже награвированы, бумага нарезана и краска готова, то один человек со своей щеткой без усталости может оттискивать почти десять тысяч листов в один день», — пишет Дю Альд о китайском печатнике. В описании своего путешествия в Тибет бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков упоминает о тибетском книгопечатании и дает снимок двух лам-печатников за работой. Их «цех» помещается под открытым небом, возле войлочной юрты. Печатники работают на сундуке, у ног их — кадка для краски, в которой видна рукоятка щетки или кисти (три-четыре листа можно напечатать без новой порции краски — извещает нас вышеупомянутый ученый-иезуит Дю Альд). Насколько можно судить по фотографии, печатники оттискивают тибетский текст,

но, по всей вероятности, в Бурятии, так как на фото хорошо виден бревенчатый дом с наличниками.

Черную краску готовили из сажи, которую процеживали и варили в алкоголе до тех пор, пока она не достигала густоты клейстера. Кроме черной краски употребляли красную, синюю и оранжевую.

В ксилографах второй половины XVII — начала XVIII в. встречается многокрасочная печать, из чего явствует, что такие листы печатались с трех разных досок. Но обычно каждый лист имел одну доску. Стертые доски снова отшлифовывали и награвировывали на них новый текст, иногда реставрировали стертый рельеф углублением вырезанных мест и исправлением контуров.

Несмотря на все корректуры, ксилографы содержат немало ошибок. Часть опечаток восходит к рукописному образцу, но есть ошибки, которые возникли в результате невнимательной работы самого резчика. Если резчиком был китаец, незнакомый с монгольской графикой, он легко ошибался и путал часто повторяющиеся и слишком простые, однообразные для него знаки, опускал один из многих «зубцов» или добавлял лишний. Опечатки не отличаются существенно от описок рукописей. Неправильно награвированные слова резчик вырезал и вместо них вставлял такой же кусок древесины с правильным начертанием. Если опечатка была замечена уже после того, как книга была напечатана, ее владельцы сами исправляли опечатку от руки, но иногда еще в печатном дворе печатали правильные формы на полосах бумаги, которые потом наклеивались на неверные места. Если опечаток было слишком много, то текст заново гравировали на новой доске. Нередко встречаются опечатки в заголовках. Известны ксилографы, в которых междустрочные вставки-исправления были награвированы в такой же форме, как они были сделаны в рукописях.

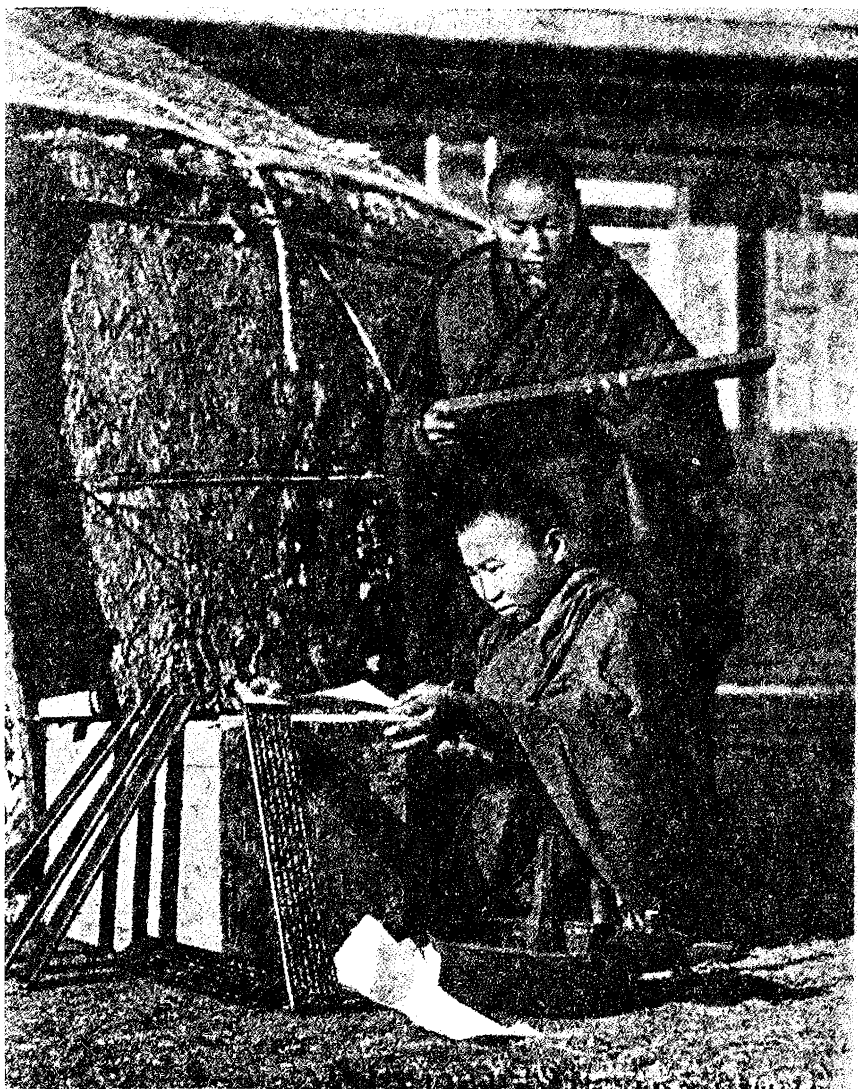
Вместо деревянных досок изредка пользовались и медными плитами, такими, которые хранятся теперь в улан-баторской Государственной публичной библиотеке и являются прекрасными образцами монгольской чеканки начала XX в.

Рисунки, магические формулы, небольшие тексты печатались и на материи.

Литография и другие полиграфические способы появились у монголов лишь в конце прошлого века.

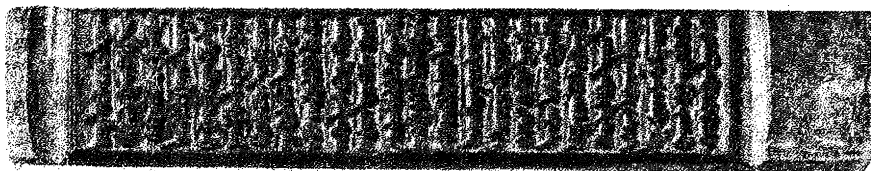
ФОРМЫ КНИГИ

Среди различных форм монгольских книг самой характерной и распространенной является книга «пальмовые листья». Эта форма восходит к далекому и древнему индийскому образцу, который действительно состоит из длинных полос пальмовых листьев, слегка прикрепленных друг к другу лишь нитью, проходящей

Печатники

через дырочку, например, в середине листа. «Пальмовые листья» распространялись с юга на север, дошли до Тибета и других суровых районов Центральной Азии, где пальмы уже нет, но основная

Деревянная печатная матрица буддийской молитвы-покаяния (ЛО ИВ)

форма с некоторыми изменениями повторялась на бумажных листах. Перед монголами были тибетские и уйгурские образцы уже бумажных «пальмовых листьев», которые быстро стали носителями монгольских слов, прежде всего буддийских писаний. В монгольском каноне редко встречается старинное название, указывающее на первоначальную форму и материал написанных листов, однако монголы называли их словом *boti*, которое восходит к хиндустанскому *ботхи*, слову, употребляющемуся ныне в качестве научного термина для данной формы. (Надлежит сказать, что монгольское уже слово *boti* впоследствии приобрело новое значение, и, например, в современном монгольском языке, в форме *боть*, оно обозначает прежде всего тома книг европейского оформления.) Книга «ботхи», или «пальмовые листья», у монголов состоит из отдельных бумажных листов с определенной соразмерностью сторон удлиненного параллелограмма, длинная сторона которого в три-пять раз больше, чем короткая. Строки идут параллельно короткой стороне (лист «горизонтальный»), изредка — параллельно длинной (лист «вертикальный»).

Другая характерная форма монгольских книг — книга «гармоникой». Эта форма была заимствована у китайцев уйгурами, потом и монголами. Такая книга состоит из одного длинного листа бумаги, сложенного «гармоникой» таким образом, что его поля имеют формат «пальмовых листьев»: ширина бумаги остается неизменной и совпадает с длиной «пальмового листа», а бывшая длина разделяется на короткие полосы, образуя ширину «пальмового листа». Чтобы прочесть слова, написанные где-то в средней части свитка, надо развернуть его, а если свиток, как бывает нередко, длиннее 3—4 м, то это нелегкое дело. Книгу «гармоникой» можно открыть у любой «страницы», т. е. у любого поля длинного листа, как и книгу в форме «ботхи», «пальмовых листьев», но здесь не надо заботиться о порядке отдельных листов, ведь «листы» и «страницы» помещены на одной длинной полосе бумаги, склеенной, если нужно, из многих частей. Длину «гармоники» можно увеличить в принципе бесконечно. В зависимости от направления строк и здесь выделяются два вида книги: вертикальная (в которой строки идут параллельно длине поля, иначе говоря, ширине бумажной полосы, образующей «гармонику») и горизонтальная

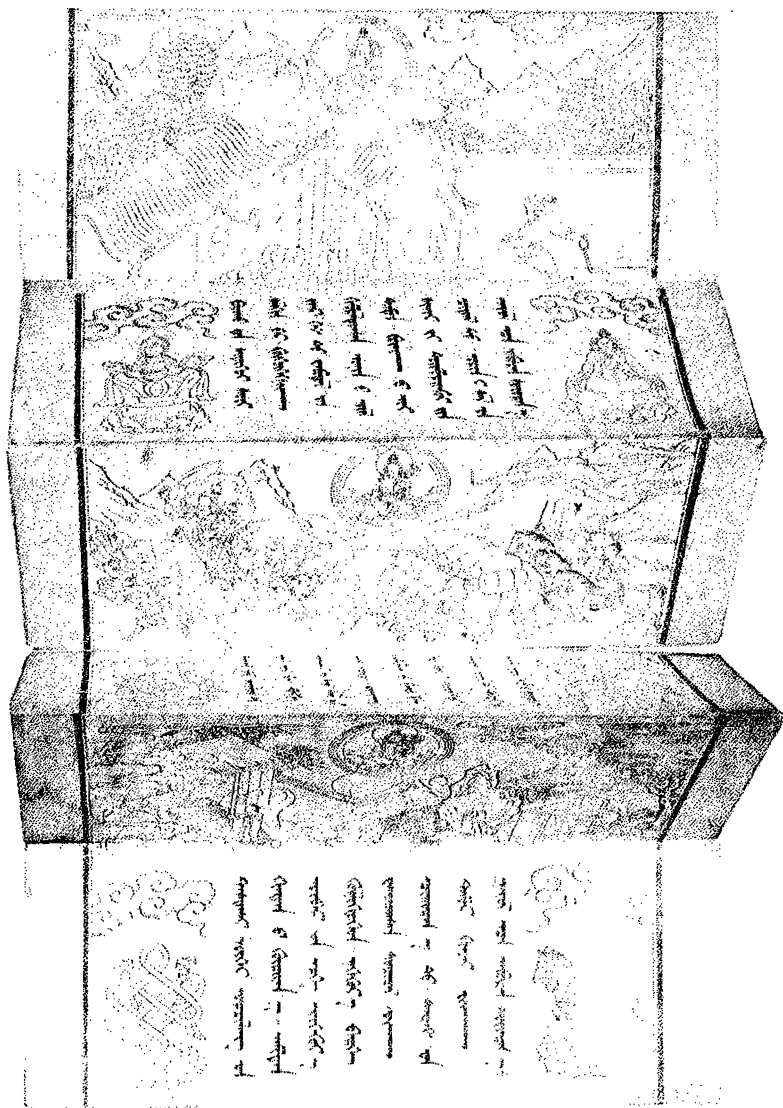
(в которой строки идут параллельно длине бумажной полосы, но не пересекая пределы поля, соответствующего в этом отношении странице листа ботхи). Соотношение длины и ширины поля разное: в поздних книгах «гармоникой» оно ближе к формату ботхи (3:1), в ксилографах средневековья (XIII—XIV вв., когда, судя по имеющимся фрагментам на монгольском и уйгурском языках, книга «гармоникой» была особенно распространена) поля были шире и ближе к формату страниц тетрадей.

Третья основная форма книг на монгольском языке — тетрадь, которая состоит из сшитых листов. Здесь мы имеем дело с «вертикальными» тетрадями (их больше) и «горизонтальными», по расположению строк. Тетради бывают самые разные по обрезу, узкие и широкие, нередко квадратные. Листы тетрадей китайского типа — двойные; такая тетрадь похожа как бы на разрезанную вдоль одной длинной стороны, а потом там же сшитую книгу «гармоникой». Листы сшиты текстильной нитью, конскими волосами, нитью или лентой из бумаги. Чаще всего встречаются «вертикальные» тетради, в которых строки идут параллельно шву, но по соразмерности длины и ширины эти книги бывают разными. Например, первая датированная монгольская печатная книга (1312 г.) была напечатана на «горизонтальных» листах, сшитых вдоль короткой стороны, параллельно которой идут строки. Такую тетрадь можно назвать «горизонтально-вертикальной» в отличие от «вертикально-вертикальной», где строки, шов и длинная сторона листа параллельны.

Среди ойратских, бурятских и северохакасских рукописей XVIII—XIX вв. встречаются и тетради европейского типа, т. е. сложенные вместе пополам бумажные листы, сшитые вдоль линии фальцовки, в середине.

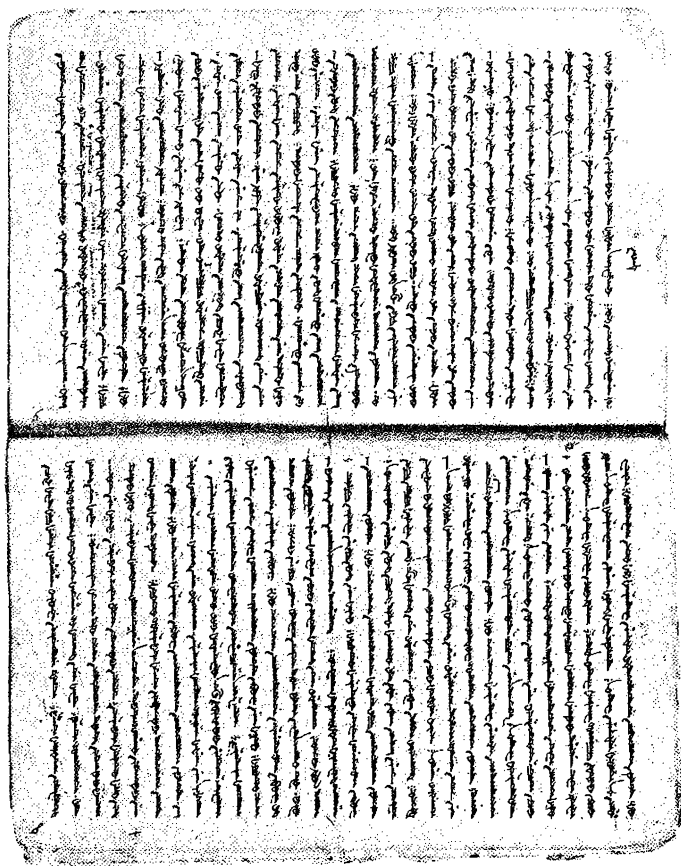
Печатные книги различных форматов имели соответственно разные доски, однако с досок для «пальмовых листьев» печатались нередко и тетради, в которых одному листу первоначального формата ботхи соответствуют два листа. Дело в том, что две стороны ксилографической доски, которые отпечатывались на двух сторонах (страницах) одного и того же листа ботхи, здесь были отпечатаны на отдельных листах (только с одной стороны), потом эти тонкие листы были сложены пополам, сшиты и сброшюрованы. Таким образом книга, состоящая из 100 листов ботхи, занимает 200 листов китайской тетради, если тетрадь была отпечатана с тех же самых досок. Такие тетради, «горизонтально-вертикальные», т. е. строки идут параллельно шву и ширине тетради, размер которой соответствует половине листа ботхи. Печатали и складывали лист так, что фальцовка совпадала с промежутком строк.

С исключением поздних, европейских влияний и сброшюрованной формы «пальмовых листьев», все три основные формы —

Иллюстрированный ксилограф-гармоника. XVIII в. (ЛО ИВ)

ботхи, книга «гармоникой» и тетрадь — были известны и употреблялись уже в первых столетиях монгольской письменности. И эти формы свидетельствуют о центрально-азиатской встрече культур Среднего и Дальнего Востока.

Ойратская летопись Гаван-Шараба. XVIII в. (ЛО ИВ)

ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ

Книги писались на бересте, возможно, на коже и других материалах, но главным сырьем для монгольской книги с XIII в. является все-таки бумага. Бумага, разная по сорту, цвету, поверхности, толщине и обрезу, но, вероятно, почти исключительно привозная, чужая. В многоязычных словарях маньчжурского периода перечисляется целая армия разных сортов бумаги. Естественно, не все эти сорта употреблялись для книг; некоторые из них предназначались для официальных документов и конвертов, другие — для покрытия стен или решетчатых окон китайских домов оседлых монголов. Притом наши словари (вместе с местными) не исчерпывают всех названий характерных бумажных сортов, встречающихся в книгах.

В XIII-XIV вв. в употреблении была мягкая, серо-белая бумага, которая легко впитывала краску и служила отличным материалом для ксилографии. Это была бумага китайского производства, однослойная, у разрыва волокнистая; готовилась она из льняного или хлопчатого волокна. Похожая, прочная, но несколько шероховатая бумага изготовлялась также из конопли. Письма монгольских правителей к римским папам были написаны на бумаге из льняного волокна, и не исключено, что «корейская бумага» ильханских писем изготовлена из того же материала.

Бумага из волокна прядильных растений готовилась и на деревянных досках; параллельные полосы волокна древесины оставляли следы на поверхности бумаги, образуя грубое верже, как это видно на этикетке печатной книги XIV в. Параллельные полосы пересекаются редкими поперечными линиями, и на отдельных сортах китайской бумаги верже имеет форму сетки; на более поздней бумаге сетка эта очень тонкая.

Для листов большого формата употребляли плотную, нередко хрупкую бумагу. Она была обычно склеена из трех и более слоев, а затем глянцована, если предназначалась для писания калямом (пером). Лист пекинских ксилографов формата ботхи обычно слоистый и матовый, средний слой более плотный, верхние бывают тонкие, с сеткой. Такая бумага быстро теряла свой белый или серо-белый цвет и эластичность в степных условиях; она желтела, приобретала коричневый цвет, становилась хрупкой или рыхлой, но сохраняла свое качество, если вовремя попадала в библиотеки. Во второй половине XIX в. в Пекине печатались монгольские книги уже и на шероховатой бумаге зеленовато-желтого цвета и низкого качества.

Тетради из книги «гармоникой», по крайней мере с конца XVI в., печатались на тонкой, порой почти прозрачной китайской бумаге белого цвета с тонкой сеткой. Такую бумагу предназначали для рукописей, исполненных кистью, но большинство поздних тетрадей (особенно XIX в.) было написано на грубой, шероховатой бумаге серого цвета.

Уже в XVII в., а возможно и раньше, монголы готовили и лакированные листы, предназначавшиеся для письма «драгоценными чернилами». Такой лист был пропитан черной или темно-синей краской, потом рамка текста лакировалась. Густыми золотыми или серебряными чернилами писали выпуклые знаки и на матовом синем фоне. В МНР и Внутренней Монголии еще живы старые ламы — художники, у которых можно записать способ и рецепт изготовления лакированной бумаги.

Во второй половине XVII в. начинается распространение европейской, прежде всего русской, бумаги среди калмыков, бурят и халха-монголов. Среди подарков русских посланников, посетивших монгольских князей, упоминается и писчая бумага, которой обычно не хватало вопреки тому, что монголы нередко просили и

требовали писчую бумагу и прочие канцелярские товары от китайских властей. С конца XVIII в. все приволжские калмыцкие, в большинстве случаев байкальские бурятские, а также многие халхаские рукописи готовились на русской бумаге разных сортов, разных фабрик. В глухой монгольской степи можно встретить рукописные книги с русскими водяными знаками, штампами далеких фабрик. Особенно характерна толстоватая синяя русская бумага с верже и водяным знаком первой половины прошлого века, на которой написаны многие бурятские и отчасти северохалхаские рукописи. Во второй половине XIX в. употребляли главным образом тонкую, мягкую и белую бумагу без верже и водяных знаков, которые заменили рельефные штампы. На такой бумаге печаталось большинство бурятских, в том числе и селенгинских, ксилографов.

Бумажные листы для своих книг монголы и сами обрезали, красили (например, желтой краской края), склеивали слои, но не исключено и то, что они местами сами готовили бумажную массу из старых листов. Среди западномонгольских (ойратских) рукописей встречаются листы из белой глянцовой, твердой и слоистой бумаги, на поверхности которой вместо сетки верже виден оттиск грубой ткани, на которой сушили бумажную массу. Такой же оттиск ткани наблюдается на листах одного ойратского ксилографа, вероятно, XVIII в.; листы здесь, естественно, без глянца, бумага толстая, но хрупкая и рыхлая, цвет от времени коричневый. Возможно, что западные монголы, ойраты имели дело с бумагой и среднеазиатского (кокандского, бухарского и т. п.) и восточнотуркестанского производства, и, может быть, как и южные монголы со времен тумутского Алтан-хана, они употребляли и тибетскую бумагу (она обычно серо-белого цвета, шероховатая, неплотная).

Из-за нехватки бумаги листы для рукописей делали также из оберточной бумаги пачек китайского чая, с синим штампом китайской фирмы. В Монгольском фонде ЛО ИВАН хранится несколько таких рукописей коллекций разных времен (например, Фролова, начала прошлого века, или Жамцарано, начала XX в.), и именно общий внешний вид бумаги помогает датировать эти рукописи XVIII в. или по крайней мере не позже начала XIX в. Если найдутся подробные сведения о китайской фирме, которой принадлежал синий штамп, возможно, будет более точная датировка. В одной подобной рукописи лист состоит из четырех слоев, оберточная бумага наклеена на двух листах, вырезанных из печатного календаря (по всей вероятности, XVIII в.; доступные для чтения его отрывки не содержат прямых сведений о времени издания); эти тонкие белые листы составляют сердцевину нового листа.

Устаревшие или поврежденные листы по возможности реставрировали. Тетради с двойными листами освобождали от шва, потом внутри каждого листа клали новый, тонкий, но прочный двойной лист, длиннее, чем старый; таким образом верхний и нижний края

старого листа были защищены. Реставрированные таким способом листы снова сброшюровывали. Оборванные листы склеивали бумажными лентами; если лист ботхи был из плотной, хрупкой бумаги, то трещины края склеивали матерчатыми кусками, бумагой или берестой. Стертые, поврежденные слова писались снова, куски оборванных листов наклеивались на новом листе.

В рукописных книгах изредка, а в письмах XIX в. часто употребляли тонкую китайскую бумагу самых разных цветов: писали на красных, зеленых, голубых и т. п. листах.

О размере и пропорциях листов разного формата упоминалось уже выше, в связи с формами книги. Добавлю здесь лишь, что известная мне наименьшая старомонгольская книга, рукописный гадатель, помещается на 4 листах размером $5,6 \times 9$ см, а одна из самых больших — на листах размером $27,7 \times 71,7$ см. Она содержит пекинский ксилограф конца XVII или, скорее, начала XVIII в., одно из многочисленных печатных изданий «Алмазной сутры» («Ваджрачхедика»).

Заурядные листы обыкновенного формата ботхи отличаются от других форм прежде всего тем, что строки на верхней странице листа (*gesto*) идут напротив строк нижней страницы (*verso*), т. е. читатель, перед которым лежит поперек книга и который переворачивает ее листы к себе («чтобы мудрость и благо книги были направлены к нему»), видит всегда *verso* предыдущего и *gesto* следующего листа с идущими к нему строками на обеих страницах. Строки имеют свою определенную рамку, которая в большинстве случаев обрисована, или отмечены лишь ее правый и левый края. Рамка текста параллельная, но не соразмерная с контурами листа, так что правое и левое поля более широкие, чем верхнее и нижнее. Рисунком рамки может быть простой параллелограмм из тонкой или жирной линии черного, реже красного цвета, но часто он обрисован двойной линией, в которой внешний и внутренний контуры отличаются друг от друга толщиной и (в рукописях) цветом. Внешняя линия жирнее внутренней (в ксилографах обе одинакового цвета; в рукописях чаще всего внешняя линия черная, внутренняя — красная, иногда промежуток двойной черной линии украшен красной или желтой краской; иногда этот промежуток превращается в более заметную полосу). Реже встречается и рамка из трех параллельных линий. Более сложной, но еще заурядной, обыкновенной формой рамки ботхи является параллелограмм из двойной линии с «палисадником» на левом или на обоих краях внутри рамки. Этот «палисадник» (например, двойная линия) отделяет узкую полосу рамки для разных информации (нумерация, краткое заглавие и т. д.). Во многих книгах формата ботхи верхняя и нижняя страницы отличаются друг от друга рисунком рамки: верхняя страница (*gesto*) с «палисадником» на левой стороне, нижняя (*verso*) — без него.

Страницы таких листов отличаются и количеством строк — обо-

ротная (нижняя) страница содержит на одну строку больше. Рамка с двумя «палисадниками» обычно повторяется на обеих сторонах листа.

Строки на заурядных страницах ксилографов одноцветные (черные, в маньчжурских императорских изданиях — красные, карминные, порой оранжевые), тогда как во многих рукописях красные чернила (киноварь) украшают и обыкновенные листы. Красный цвет символизирует подчеркивание или знак почтения в рукописях, где киноварью написаны отдельные слова, имена святых и важных лиц или торжественные слова. В других рукописях целые строки написаны красной краской: они ритмически расчленяют черные строки на группы и, таким образом, облегчают дело читателя.

Основной текст и разъяснения различаются в отдельных книгах нередко почерком или шрифтом: комментарий и инструкции (они часто встречаются как в буддийских литургических сочинениях, так и в «шаманских» рукописях), а также послесловия написаны или напечатаны мелкими буквами или другим почерком. В календарях употребляются разные почерки: мелкий — в клетках таблиц, средний — в длинных полосах, крупный — в заголовке таблиц и т. д. В одной любопытной рукописи исторического сочинения «Желтый сборник» (ЛО ИВАН, Монг. В 175; бывшая «гармоника», листы которой распались и углы стали круглыми) комментарий написан мелким почерком между строчками, но в отличие от случайных междустрочных вставок строки комментария написаны поперек (таким образом, эта рукопись соединяет в себе вертикальную и горизонтальную «гармонику»).

Строки рукописей следуют обычно графлению, орудием которого служили линейка и какой-нибудь остроконечный инструмент (например, свинцовый карандаш), линии для строк иногда чертились и даже с помощью деревянного «клише» печатались. (Кстати, таким «клише» пользовались и для печатания рамки рукописей.)

Строки на страницах старинного вида листа ботхи прерываются у круга в центре страницы или у двух симметричных кругов, очерченных тем же цветом, что и рамка. По известным редким примерам, которые восходят к XVII в., круг или пара кругов в середине обеих сторон листа уже не больше чем узор внутри рамки, тогда как в древнеуйгурских и древнетибетских рукописях эти круги ограничивают отверстие для прошнуровывания, как и на первоначальных «пальмовых листах». Монгольские «пальмовые листы» обычно не прошнурованы. Китайские же типографщики оберегали готовые экземпляры, продергивая сквозь каждое из двух проколотых шилом отверстий на верхнем поле листа (*recto*) крученную из тонкой бумаги нить, которую удалял потом читатель.

Кроме самого текста листы (как и страницы наших книг) содержат обычно и другую информацию (хотя встречаются и такие рукописи, которые не дают никаких внешних сведений). Самое глав-

ное из этих внешних сведений — нумерация листов. В книгах формата ботхи номер помещается налево от рамки, в одном из левых углов, внутри рамки (в левом нижнем углу или в полосе левого «палисадника»). Число пишется по-монгольски прописью, тибетскими цифрами или обоими способами, реже тибетской прописью, а в пекинских ламаистских ксилографах и в маньчжурский период — китайскими знаками («простыми» и «прописными» цифрами). Если нумерация есть на обеих страницах листа, то обычно указывается и то, что страница recto (у монголов «верхняя») или verso (обратная, у монголов «нижняя» или «последующая»). Кроме нумерации листа бывают и другие сведения: нумерация томов (по-монгольски прописью или вместо цифр употребляются тибетские буквы, которые, как и знаки семитских, греческого и других алфавитов, обозначают и число по месту в алфавитном порядке, а в монгольских изданиях китайских печатных дворов такую же роль играют иногда китайские знаки, например перечень «пяти стихий», начальные слова из «Тысячесловной книги», знаки десятичного цикла и т. п.); сокращенное название (как колонтитул в современных изданиях), которое не всегда совпадает с заглавием, данным в тексте (например, «Море притч» на краях листов и «Сказ обладающего правдивым понятием» в начале книги), а в пекинских печатных ботхи — название на китайском языке или в китайской транскрипции, а также (и чаще всего) одно- или двусложное сокращение сокращенного названия или транскрипции. По этим маркировочным знакам определял доски и листы китайский типографщик, обычно не понимавший монгольских слов; но эти знаки, как и все внешние признаки, от почерка до точных размеров рамки, помогают и нам определить то или другое издание одного и того же сочинения (при этом, разумеется, размер самого листа можно оставить без внимания).

Похожие внешние сведения содержат и «двойные» листы печатных тетрадей, но они помещаются на линии фальцовки, в полосе «палисадника», как обычно в китайских изданиях того же типа. Рукописные тетради бывают обычно без нумерации — текст здесь написан в готовой тетради, порядок листов определяется без внешних указаний. В книгах, сложенных «гармоникой», как правило, также отсутствует нумерация; однако в печатных «гармониках», изданных китайскими печатными дворами, встречаются маркировочные знаки и цифры, показывающие порядок не «листов» книги, а деревянных досок, с которых книга печаталась, т. е. они и в этом случае не касаются читателя.

Сложнее бывает оформление начального и — реже — последнего листов, вернее, их соответствующих страниц в книгах формата ботхи. Прямоугольник рамки начальных страниц разделен горизонтальными и вертикальными линиями на многие столбцы и полосы, расположенные симметрично. Линии рамки и разграни-

чивающее ее внутреннее пространство могут быть удвоенные и разные по толщине и цвету, а крайняя полоса (бордюр) и «палисадники» — заполнены орнаментами. Текст — обычно всего несколько строк, исполненных каллиграфическим почерком, — помещается во внутреннем прямоугольнике сложноразделенной рамки, его цвет отличается от других, черных страниц (например, красный, синий). Во многих книгах, особенно в пекинских ламаистских ксилографах, внутренняя часть рамки разделена «палисадниками» на три, порой на пять параллельных полей, в двух крайних (а из пяти и во внутреннем) помещены рисунки (миниатюры, гравюры и т. д.), в остальных — текст. Место рисунков часто оставлено пустым. В другом, менее сложном оформлении прямоугольник текста обнесен лишь бордюром, а «палисадники» (вертикальные заставки), если они есть, расположены на левом и правом краях текста.

В книгах, сложенных «гармоникой», первая, а также последняя «страницы» отличаются от других лишь тем, что на них бывает рисунок. В тетрадах такого различия нет.

Последние листы некоторых рукописей формата «пальмовых листьев» имеют такую же сложную рамку, как начальные, но и заурядная последняя страница часто отличается от других тем, что на ней уже не хватает текста на все пространство рамки. В таких случаях, особенно в ксилографах, пустое место либо разделяли линиями на несколько столбцов, либо писали текст в постепенно сокращающихся строках так, что концы строк образуют восходящую линию. Оставшееся пустое место иногда украшали рисунками.

В книгах формата ботхи за последним листом текста следует еще один лист, часто с рисунком (например, в ксилографах обычно изображаются четыре хранителя веры и мира).

Начальный и последний листы некоторых особенно красиво исполненных рукописей (реже ксилографов) обтягивались шелком, над лицевой стороной они имели «занавес», например из тонкой чесучи; он приклеивался к верхнему краю листа. В других рукописях эти листы оформлялись с применением дерева: на тонкую деревянную доску наклеивали уже готовый лист с текстом (буквы иногда были нанесены густой золотой или серебряной краской, иной раз вырезаны из толстого картона или кожи и позолочены — все это на черном или синем фоне; по бокам листы украшались миниатюрами, на последнем листе миниатюры заполняли все пространство), потом к доске прикрепляли деревянными гвоздями тонкие планки по четырем краям (их стыковали в углах «листа») и обтягивали деревянные части парчой. Вместо дерева употребляли и папки.

Особое оформление имеет во многих книгах формата ботхи заглавная, обычно верхняя страница (recto) первого листа. В центре страницы — рамка заголовка, которая подражает рамке на-

чальной страницы (verso того же первого листа, но она считается часто гесто, и в этом случае две соседние страницы, 1б и 2а, являются гесто), но заглавная рамка имеет гораздо больше разновидностей, чем рамка первой страницы текста: она варьируется от простого удлинённого горизонтального прямоугольника до равнобедренной трапеции, которая обнесена волнистой полосой богатых узоров. Внутреннее пространство может быть разделено здесь же «палисадниками» по обе стороны текста заголовка; жирные и тонкие, красные и черные линии могут украшать контуры рамки; промежутки двойных линий, а также свободные полосы могут быть закрашены или заполнены орнаментами.

На верхней линии прямоугольной рамки заголовка можно увидеть то полукруглую, то остроконечную фигуру, с цифрой или тибетской буквой внутри, которые обозначают номер данного сочинения, его место в серии или сборнике.

Ойратские заглавные рамки обычно узкие и длинные, слова в них написаны по длине (в отличие от обыкновенных монгольских заглавий, в коротких строках которых слова часто разделены). Таким образом, заглавная страница большинства ойратских рукописей и ксилографов представляет собой «вертикальный пальмовый лист» (с исключением нумерации листа, которая здесь нередко пишется перед заглавием, но по ширине бумаги), а текст — «горизонтальный». Ойратские заглавные рамки бывают украшены геометрическими орнаментами красного, черного и желтого цветов. Иногда правый бок узкой полосы рамки имеет и внешние узоры (например, стрелка между рогами) или вместо рамки нарисованы два квадрата в начале и конце заглавия, притом оба диагонально разделены на треугольники, которые симметрично покрыты красной и черной красками.

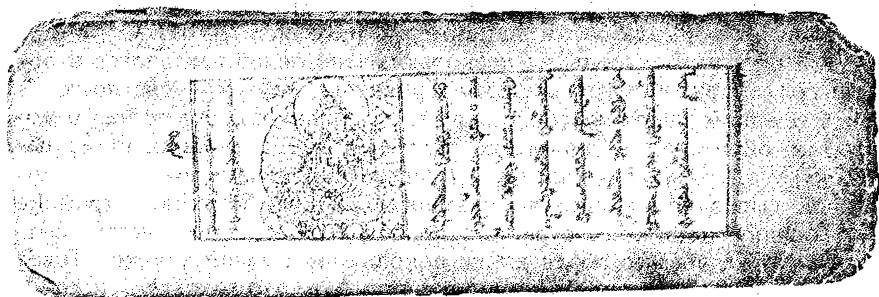
На обложке книг, сложенных «гармоникой» или оформленных тетрадью, редко бывает сложная рамка заголовка. В рукописных тетрадах заголовки, если он есть на обложке, пишется обычно без рамки. На печатных тетрадах и «гармониках» заголовки помещаются в простой, вертикальной или горизонтальной рамке (прямоугольник из двойной линии), на белой этикетке, наклеенной на обложке. (Это оформление применялось и во многих пекинских ксилографах формата ботхи, рамка заголовка которых, напечатанная на белой или желтой этикетке, наклеивалась на верхней странице первого листа.)

Обложки тетради готовились из той же бумаги, что и ее листы, или из цветной (не обязательно более прочной) бумаги, или же были матерчатыми (из грубой ткани, тонкого шелка, красного или желтого, но чаще всего темно-синего цвета). Внутренняя сторона матерчатой обложки обычно заклеивалась бумагой. Обложки книги «гармоникой» состоят из толстой, многослойной бумаги (папки), к которой приклеена «гармоника»; эти обложки бывают об-

тянуты китайской парчой. Такие «обложки» готовились и для рукописей формата ботхи: например, в рукописи ЛО ИВАН, Монг, Q 401 обложки склеены из нескольких многослойных листов и обтянуты снаружи темно-желтым брокатом, внутри — светло-голубым шелком. Верхняя обложка, т. е. заглавная страница, некоторых ойратских «пальмовых листьев» имеет бумажную «зनावеску» над рамкой заглавия (страница заклеена бумагой, на которой вырезано окошко по размерам рамки). Верхняя страница начального и нижняя страница последнего листа пекинских ботхи, а также обычно обрез книги покрашены желтой краской (цвет ламаизма), обрез толстых книг большого формата мог быть украшен и росписью (например, растительные орнаменты на темно-красном фоне, среди них буддийские символы, а на коротком левом боку обреза — в лепесткообразном щите название книги).

Украшения внутри книги — бордюры, застежки «палисадников» — бывают геометрические (меандры и другие ломаные прямые линии; противопоставленные, стыкованные ряды треугольников), растительные (стилизованные цветы, видимые сверху или сбоку на извивающихся ветвях, ряд лotosовых лепестков) или состоят из других фигур (ряд противопоставленных волн, ряд чередующихся звезд и стилизованных облаков, ряд из символов благополучия, в императорских изданиях ряд драконов, «играющих с жемчужиной»); иногда растительный или геометрический орнамент переплетается с фигурным (головы драконов и лепестки лотоса). На последней странице книги или части книги, где остается место без текста, бывают «виньетки»: символы благополучия, стилизованные серьги, символ дуальности (иньян), лотос, растительный лист, колесо (символ буддийского учения), драгоценные камни и т. п. В этих орнаментах, которые появляются чаще всего в пекинских, потом под их влиянием в бурятских ксилографах, много общего с восточноазиатской и тибетской орнаментикой, а некоторые из них употреблены на бордюрах каменописных памятников, а также в светской и буддийской архитектуре Монголии; их нетрудно отличить от орнаментов кочевой культуры, с которыми они часто соседствуют на предметах обиходного пользования (деревянные сосуды, металлические узоры седла, роспись на сундуке и т. д.).

Иллюстрациями монгольских книг служат одноцветные гравюры, рисунки и многоцветные миниатюры (они походят на европейские миниатюры своим назначением и размерами, но не техникой, так как выполнены акварелью). Гравюры, а нередко и акварельные изображения вклеиваются также на соответствующих местах рукописи. Одноцветные гравюры бывают покрашены, как это делалось и в европейских старопечатных книгах. На конечной странице одного ксилографа большого формата сложная гравюра покрашена 15 разными красками. По тематике — соответственно

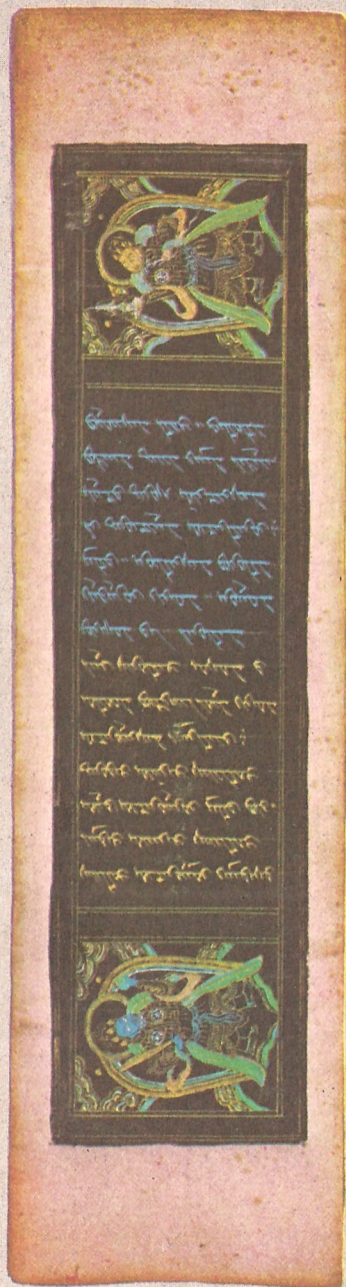

Ойратский иллюстрированный ксилограф «Гимн Дара-Эхэ». XVIII в. (ЛО ИВ)

содержанию большинства монгольских памятников — иллюстрации представляют собой преимущественно иконы, нарисованные по строгим правилам портреты божеств, святых мудрецов, а также житийные сцены. Обычно иконные изображения находятся на первых двух страницах книги или ее глав, а также на последней «лицевой» стороне, которая уже не содержит текста. В большинстве пекинских ксилографов эта «лицевая» страница, как уже сказано, заполнена изображением четырех махарадж, хранителей веры и мира. Хотя иконография этих мифических правителей в основном также достаточно точно определена, наблюдается разнообразие форм и даже порядка четырех фигур в зависимости от времени издания и от толкования издателей. Вместо икон бывают и символы или сложные монограммы-узоры (чаще всего в письме ланча).

Иногда книга состоит только из рисунков и является графическим изложением какой-то легенды, например индо-тибетского рассказа о монахе, благородном сыне, разыскавшем и вызволившем душу своей грешной матери из самого глубокого и страшнейшего из всех буддийских адом. Рассказ этот был распространен среди монголов в нескольких переводах; самый старинный из них хранится в Ленинграде. Эта версия XVI—XVII вв. представляет собой большую ценность не только для истории монгольского языка и тибето-монгольских литературных связей, но и как памятник художественного перевода.

Описание оформления книги завершим характеристикой ее внешней «оболочки». Длинные «кирпичи» книг формата «пальмовых листьев» хранятся в матерчатой обертке. Это квадратный платок из бумажной ткани или шелка, в монастырских библиотеках обычно желтого или оранжевого цвета. К одному углу платка пришивают или привязывают тесемку или ленту. В том же углу бывает и аппликация из другой материи, квадратик с вышитым крестообразным орнаментом. Книгу кладут на платок по диагона-

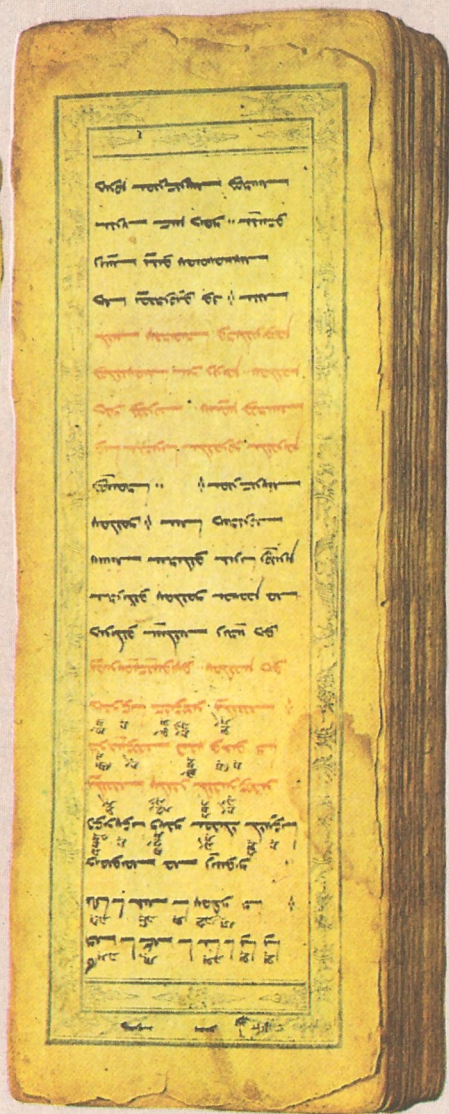
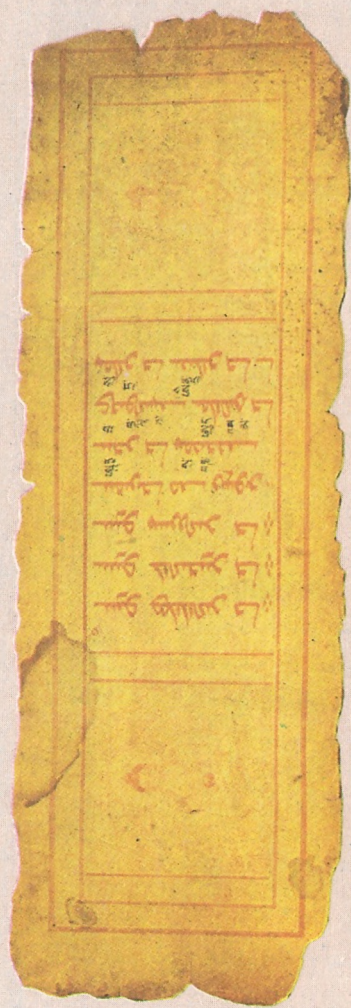
Бурятская рукопись XIX в. «Алмазной сутры», написанная
пятицветными «драгоценными» чернилами на черной лакированной бумаге
(ЛО ИВ)

Handwritten text in a script, likely Cyrillic, on a single page. The text is arranged in a single column, with some lines starting with a red initial or marker. The page is aged and shows some staining.

Handwritten text in a script, likely Cyrillic, on a single page. The text is arranged in a single column, with some lines starting with a red initial or marker. The page is aged and shows some staining.

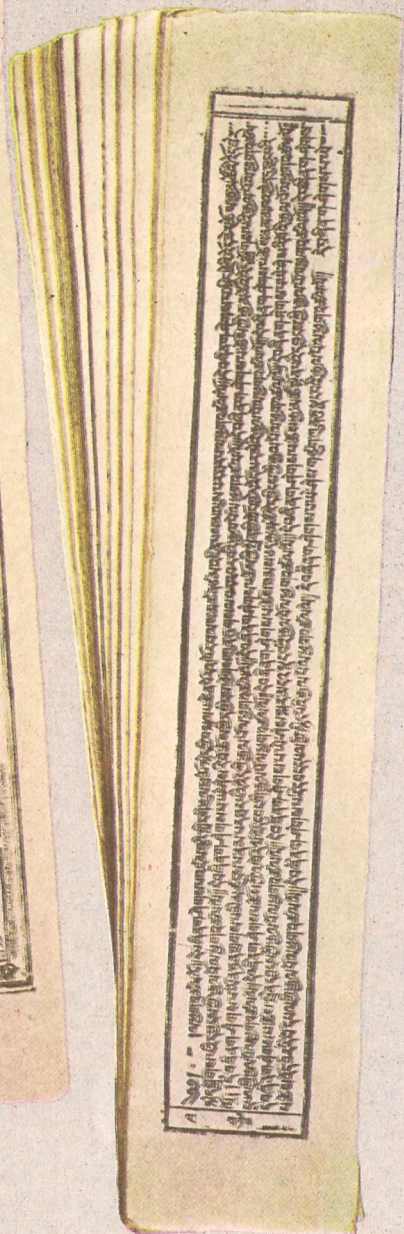
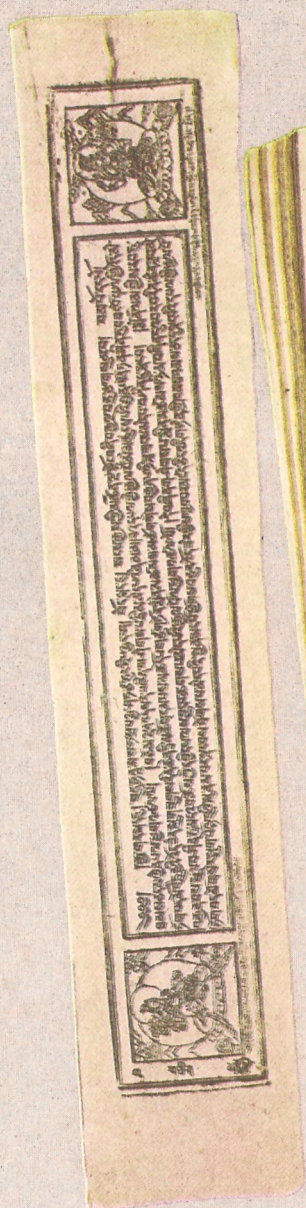
Фрагмент миниатюры из сгруды Атан-хана туманского 1380 г.
(ЛО ИВ)

Печатное ксилографированное издание «Сутры золотого блеска» 1659 г.
(ЛО ИБ)

Ручкописная копия южно-монгольского ксилографированного издания
«Сутры золотого блеска». Конец XVIII в. (ЛО ИВ)

Один из томов Ганджура на тибетском языке, отпечатанный в Урге
(ДО ИВ)

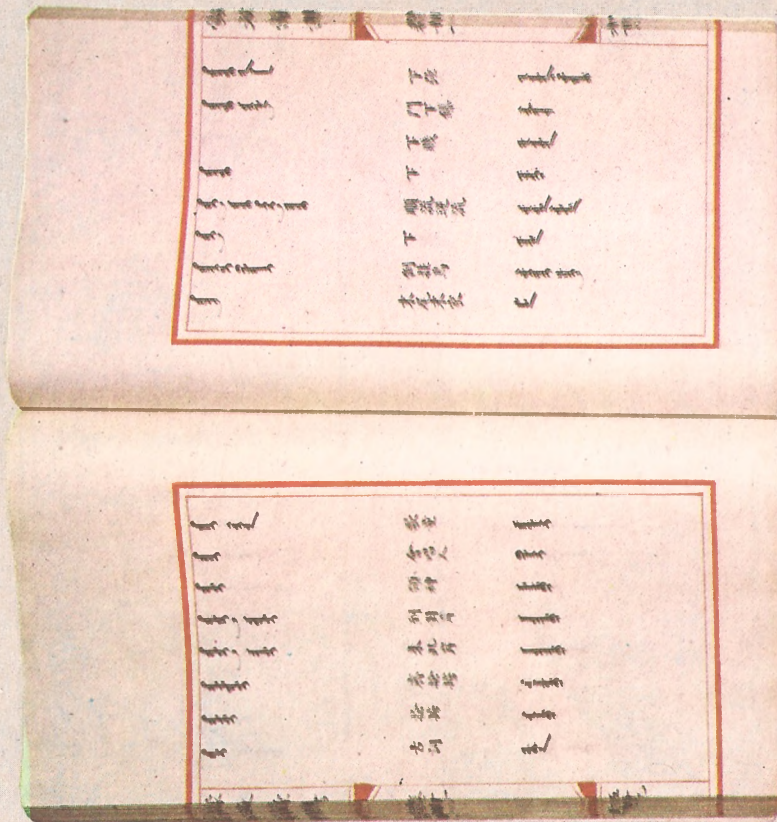

Миниатюра с изображением Гэ-эра, исполненная на холсте (ЛО ИВ)

В. Фидорский. Ил. к «Джангару». 1940 г.

Пекинское издание монголо-китайско-маньчжурского словаря. XIX в.
(ЛО ИВ)

Иллюстрированные листы из 6 и 9 томов рукописи «Сто тысяч стихов»
(ЛО ИВ. Q' 401)

Иллюстрированные листы из 4 и 5 томов рукописи «Сто тысяч стихов»
(Ю. ИВ. Q 401)

Иллюстрированные листы из 2 тома пекинского ксилографа «Сто тысяч стихов» 1714 г. (ЛО ИВ)

Бурятская гадательная книга. Нач. XIX в. (ЛО ИВ)

ли, завертывают с четырех углов платка и обматывают тесемкой «четвертого» угла, в ширину, обычно без узла — конец тесемки (он обшит или к нему пришита старая китайская монета, крупный бисер из коралла, камешек и т. д.) подправляют под обмотку. На левом коротком боку обернутой книги висит обшитый кусок материи или наклеена бумага с названием или шрифтом (шифр состоит как правило из тибетской буквы и цифр, указывающих порядок томов).

Книги такого же формата, завернутые в платок, хранились и между двумя досками (но, например, ленинградский рукописный Ганджур — только между досками). Доски эти завязываются веревочкой, тесемкой или ремнями (у более широкого конца ремня — разрез вместо пряжки). Доски бывают и лакированные, светло-красные (как красное дерево, их рельефная верхняя сторона подражает рамке заголовка или начальной странице. На них бывают буквы ланча, порой роспись. Об изготовлении книжных досок А. М. Позднеев приводит любопытный рассказ. Посетив одну монгольскую кумирню, он повстречал там «лишь одного ламу, сторожа кумирни, который занимался в своей юрте столярным мастерством и распевал какую-то молитву на тибетском языке. По расспросам оказалось, что он выделывал доски для Ганджура...».

«Пальмовые листья» держали нередко в деревянных ящиках, особенно у бурят. Эти ящики (из тонких досок) бывают раскрашены красной краской, лакированы и расписаны орнаментами.

Как китайские, так и монгольские тетради хранились иногда между дощечками, но тетради, содержащие части одного и того же сочинения или какой-то сборник, чаще помещались в футляр, сделанный из толстой бумаги (картона) и обтянутый обычно темно-синей материей.

В юрте традиционное место книге отводится у северной или северо-западной стены (если дверь юрты выходит на юг), в сундуке или комоде, на котором стоит домашний алтарь (теперь семейные фото, зеркало и т. д.). В монастырях книги хранились в центральной части храма. У А. М. Позднеева читаем: «Такова главная, срединная часть буддийской кумирни; в боковых частях ее уже не находится никаких святынь... и только по стенам располагаются здесь иногда в шкафах, а иногда в особом рода поставцах, имеющих форму наших этажерок, — священные книги». Книги складывали одну на другую или клали на полках так, чтобы был виден левый короткий бок с названием или шрифтом; таким образом можно было сразу определить содержание, о котором речь пойдет на дальнейших страницах.

НАЗВАНИЕ КНИГИ

И снова начнем сначала, с названия книги, с ее собственного имени. Перед нами монгольская книга, на этот раз, скажем, небольшой, сложенный «гармоникой» пекинский ламаистский ксилограф конца XVIII в. На этикетке твердой обложки название, которое в русском переводе гласит: «Намтар-солдиб божественного и всезнающего Джанджа-гэгэна, Дождь, открывающий лотосовый бутон уповающих». Я оставил без перевода первое слово, которое встречается в конце многих названий и значит «содержится», дословно: «поместился». По тибето-монгольскому слову *намтар* можно было бы думать, что речь идет о биографии знаменитого первосвященника, но второе, также тибето-монгольское слово *солдиб* обозначает род молитвенного обращения. В действительности книжка содержит ряд небольших икон, изображающих духовных предков Джанджа-гэгэна (по этой причине стоит в заглавии слово *намтар* — «жизнеописание, биография»), и под каждой иконой краткое обращение. Внутри книги читается и другой, полный вариант названия, содержащий не менее 30 слов, со всеми званиями Джанджа-гэгэна и монгольскими словами вместо вышеупомянутых тибетских. Полностью совпадает лишь последняя часть: «Дождь, открывающий...».

Вместо длинных, полных названий употребляются обычно сокращенные, состоящие из самых характерных, выразительных слов полного названия. Например, на ярлыках желтых футляров, содержащих целый ряд тетрадей, напечатано заглавие: «Послужной список высочайше утвержденных князей Внешней Монголии и Туркестана», то же самое название написано на фальцовке листов, а сочинение упоминается обычно под кратким заглавием «Послужной список», по-монгольски «Иледкел шастир»; которое слово названия пришло из далекой Индии (шастра) и, как увидим ниже, употребляется обычно не в таком официальном значении. Из многочисленных примеров полных и сокращенных названий приведем еще следующий: летопись «Ясная история принадлежащих к Золотому роду — сочинение в девяти главах под названием Сердечная радость для относящихся к Золотой кости, или Золотое колесо с тысячью спиц», названная среди источников летописи «Хрустальные четки».

Название варьируется в разных списках другой летописи «Хрустальное зеркало». Имеются такие варианты, как «Книга (шастра) жизнеописаний под названием Хрустальное зеркало», «Сутра жизнеописаний, называемая Хрустальным зеркалом» или просто «Книга (шастра), названная Хрустальным зеркалом». Одна ордосская рукопись летописи «Драгоценный свод» — работа Сагана Мудрого — носит название «Желтая история премудрого государя Чингисхана». Древняя индийская книга «Панчаракша»,

или «Пять покровителей» (часть канона Ганджур), была известна также под несколькими синонимическими названиями, но в этом случае мы имеем дело и с различными монгольскими переводами и одновременно с «позиционными» вариантами названия, например «Священная сутра Великого колеса, названная Панчаракша и именуемая Пять покровителей» (на обложке пекинского ксилографа), «Священная пятичленная драгоценная книга» или «Сутра заклинаний в пяти частях» (оба варианта в послесловии перевода Аюши-гуши конца XVI в.). «Позиционные» варианты — это видоизменения названия по месту употребления. Бывает, что книга сама содержит несколько вариантов заглавия (иногда, правда редко, они даже не имеют ничего общего между собой): на обложке, в начале или среди текста, на полях листов (как современный колонтитул), в послесловии (колофоне) или, если таковое есть, в предисловии. На обложке большого ксилографа 1756 г. (красноречивый художественный перевод жизнеописания средневекового тибетского поэта и его собранных стихов, работа Ширегетугуши Шришилаваробы) читаем полное заглавие: «История искупителя Миларайбы, именуемая Развернуто изъясненные сто тысяч песен», а колонтитул дает краткое тибетское название «Мгур бум». Такой же короткий колонтитул «Намтар» («биография») встречается на краях листов чахарского ксилографа, полное название которого состоит из 26 слов на монгольском языке (перевод также с тибетского) и звучит по-русски приблизительно так: «Краткое сказание о всеобщих деяниях и жизни искупителя, высшего ламы, благодетельного и премудрого Суматишилашрибхадра-гэгэна (книга) под названием Солнечный луч, вызывающий улыбку лотоса веры и освещающий высшую дорогу». Длинное красочное заглавие здесь соразмерно с объемистым переводом описания жизненного пути еще одного искупителя.

Заглавия бывают простые, конкретные. Например, на обложке одной небольшой тетради читаем: «Тетрадь многочисленных песен», на обложке другой: «Вновь сочиненная стихотворная книга». Оба заглавия точно передают содержание: в первой тетради — действительно сборник (народных) песен, во второй — стихотворения ордосского поэта Хишигбата. Однако часто встречаются символические книжные названия, например «Ключ разума» (такое название носит широко распространенный сборник изречений) или «Драгоценные четки» (заглавие двух исторических сочинений). Полное название образует обыкновенно предложение, которое кончается (в русском переводе начинается) словами «поместилась (содержится) книга, именуемая...». Сложные заглавия состоят, как правило, из двух частей: из «собственного имени» сочинения и из разъясняющего определения. «Собственное имя» сочинения — это чаще всего символическое название, как, например, вышеупомянутое «Дождь, открывающий...», «Узор для ушей»,

«Золотое зеркало», «Чудотворные четки» и т. д., или название типа «Книга такого-то цвета», например «Синяя тетрадь», «Желтый изборник», «Желтая история», «Золотой свод» (хотя в этом случае «свод» обозначается тем же самым словом, что и «пуговица», и поэтому возможно и иносказательное толкование «Золотая пуговица») и т. д. Как видно, это «собственное имя» может содержать и указание на «жанр» сочинения, хотя надлежит сказать, что такие слова, как «история», «свод», «изборник», обозначают не обязательно историческое сочинение: ведь в старой монгольской литературе нет точной границы между сказанием и хроникой; кроме того, эти слова, как в любой литературе, могут быть употреблены в переносном смысле, обозначая рассказ, повествование, сказки. При рассмотрении фразеологии (во многом общей с тибетской и китайской) «собственного имени» сочинения обращает на себя внимание употребление названий цветов («Белая история», «Синяя книга», «Красная хроника») и названий драгоценностей («Жемчужные четки», «Хрустальное зеркало»). Другая, в монгольском языке первая, определяющая часть дает более точные сведения о содержании; иногда здесь определяется и жанр сочинения (например, «История Рабджамбы Зая-пандиты, именуемая Лунный свет», и в этом случае «история» обозначает биографию). В сочинениях буддийского канона наблюдается обычно обратный порядок. Название книги начинается эпитетом «святая, священная», «высшая», «блестящая», «победоносная», потом следует «ядро» названия (употребляющееся и как краткое, сокращенное заглавие), и в конце полного названия стоят слова «именуемая (...) сутра Великого колеса», «именуемое (...) закланение» и т. д. В монгольских переводах китайской литературы конфуцианские каноны (цзин) обозначены словом *ном* «книга», «закон», а некоторые официальные истории — словом *судур* «сутра, книга из раздела сутр буддийского канона» (так в названии «Книга юаньской династий», перевод Юаньши). В буддийских канонических сочинениях первая страница текста начинается обращением к буддийской триаде (будда, его учение и община) на санскрите в уйгуро-монгольской транскрипции, потом следует полное название сочинения на индийском (иногда китайском), тибетском и монгольском языках, все в монгольской транскрипции, в которой иноязычные слова появляются довольно часто в искаженной форме. (Транскрипция тибетского названия отражает порой архаичное, восточнотибетское произношение, и этот внешний признак помогает датировать монгольский перевод временем не позднее XVI—XVII вв.). Началу канонических сочинений подражают и некоторые апокрифы, книги народной религии. В неканонических философских, эпических и т. п. традиционных ламаистских сочинениях название книги не повторяется в начале текста, где имеется лишь обращение, например к божеству — покровителю знаний Мань-

джушри, но обращение это бывает и сложное, как у летописца Сагана Мудрого: «Клянусь трем убежищам, высшим и бесподобным трем драгоценностям, победоносным трем высшим особам, трем пространствам, шестому (Далай-ламе) Ваджрадхаре, трем совершенным, трем благодетельным ламам», после которого он сообщает о предмете своей книги, коротко перечисляя суть трех ее разделов («ворот»), и сразу начинает свое повествование о возникновении мира, откуда ведет читателя по индийским и тибетским дорогам к монгольской истории, от легендарных, мифических начал до своего беспокойного XVII в. Стихотворным обращением начинается знаменитая летопись «Золотой свод» неизвестного автора того же века, но это — обращение к читателю, повествующее о содержании сочинения.

КНИЖНЫЕ «ЖАНРЫ»

Книги монгольской старины разнообразны по характеру содержания, которое сочетает такие противоположности, как народная и «книжная» литература, исконная и заимствованная (переводная), светская и религиозная (преимущественно ламаистская)*, художественная и специальная литература. Разумеется, противопоставленные здесь категории не всегда выделяются в чистом виде, много переходов. Как видно из этого ряда противопоставлений, особенно из последнего, слово «литература» употребляется здесь в самом широком смысле. Народная литература охватывает сборники народных песен, загадок, обрядовую «шаманскую» лирику, записанные степными грамотеями эпopeи, легенды, поверья, обряды и т. д., а «книжная» литература объемлет все сочинения, продукты сознательного творчества, родившиеся первоначально в письме. Исконная и заимствованная литература — относительные понятия, и можно спорить о том, куда помещать, например, переводы тибетских сочинений, написанных монгольскими авторами в Монголии (они и их подлинники принадлежат, скорее, и монгольской и тибетской литературе). Светская и религиозная литература — довольно ясные понятия, и все же пронизанную идеями ламаизма летопись Сагана Мудрого трудно не считать и религиозным сочинением, и, наоборот, древнеиндийское грамматическое сочинение Панини, монгольский (с тибетского) перевод которого включен во вторую часть буддийского канона (Данджур), вряд ли относится к религиозной литературе (кстати, к ней относятся многие небуддийские, «шаманские» обрядовые стихи, нередко жемчужины народной словесности). Что касается понятий художественной и специальной литературы, то здесь дело обстоит гораздо легче, если противопоставлять такие сочинения-рукописи, как, скажем, «Сказание о двух скакунах» и официальный календарь мань-

чжурского периода или иконометрический трактат для ламских иконописцев.

Вместо чисто жанрового разделения, которое осуществимо лишь в пределах литературы более узкого понятия, для практических целей более подходит такая смешанная классификация монгольских книг, которая не разъединяет исторически сложившиеся, традиционные единицы неоднородного содержания, как, например, два раздела буддийского (ламаистского) канона, Ганджур и Данджур, в которых помещаются самые разные «жанры» — от житийной легенды до словаря, от философического или нравоучительного трактата до мрачных магических практик. Вот одна из возможных практических классификаций старых монгольских сочинений:

народная словесность —

былины, сказки, басни;

песенники;

загадки, изречения;

обрядовые стихи (в том числе и «шаманские»)

и т. п.;

художественная литература —

стихи (дидактические стихотворения, «учения», символические стихотворные монологи, любовная, религиозная и гражданская лирика);

проза (притчи, новеллы, романы и т. д.);

исторические сочинения —

летописи, сказания, родословные;

истории распространения ламаизма;

буддийская хронология;

биографические сочинения —

жизнеописания;

житийные легенды;

географические сочинения —

книги о вселенной, космографии;

хождения;

описания святынь;

землеведческие трактаты;

административная и юридическая литература —

свод законов, судебники;

сборники судебных дел;

монастырские законы;

списки, реестры и т. д.;

буддийская каноническая литература —

сочинения в Ганджуре и Данджуре;

буддийская неканоническая литература —

философические, логические и т. п. трактаты;

молитвенники, литургические сочинения;

- иконография и иконометрия;
- прочая индо-тибетская литература —
 - переводы художественных сочинений (сюда можно включить и известный перевод священной книги тибетской религии бон);
- китайская литература в монгольском переводе —
 - конфуцианские каноны;
 - «учения» маньчжурских императоров;
 - романы и новеллы;
- переводы христианского содержания XVII—XIX вв.
- астрономическая литература —
 - календари;
 - астрономические трактаты;
- гадательные книги и сочинения по магии —
 - астрологические справочники;
 - сонники и прочие оракулы (по ладони, монетам, лопатке, по дерганью частей тела, по птичьим приметам, по жребию и т. п.);
 - сборники магических знаков;
- медицинские сочинения —
 - терапевтические;
 - фармакопеи;
- техническая литература —
 - указания ремесленникам;
 - гиппология и т. п.;
- филология —
 - словари;
 - грамматики;
 - учебники;
 - буквари и силлабарии;
 - каталоги;
 - сборники разнообразного содержания.

Предложенная внутренняя градация этих жанровых категорий далеко не исчерпывает всех образцов. Точное подразделение буддийских канонических сочинений потребует не меньше объема, чем весь список перечисленных выше «жанров», а объем буддийских сочинений в старой монгольской литературе весьма велик, вероятно, две трети или больше сочинений и еще больше книг принадлежит к кругу ламаистского глагола. Однако нельзя забывать о том, что этот океан ламаистской литературы являлся и путем к индийской культуре, ее бесспорным ценностям, и о том, что роль буддийских писаний и традиций сходна с той, которая была уготована христианству, иудаизму и исламу в средневековье, — хотя и отрицая, сохранить и передать ценности античной культуры.

Иногда сочинения самой различной тематики волею случая

соединяются в одном сборнике. Нередко в одной тетради пишут подряд неоднородные сочинения, иной раз сочинения, также неоднородные, объединяются по принципу общей принадлежности: например, в собрании сочинений одного автора или нескольких авторов одной группы. Огромными тематическими сборниками являются две части ламаистского канона, Ганджур и Данджур, буддийский глагол и его толкование, но их тематический порядок, складывавшийся еще до появления монгольских переводов и после того не раз менявшийся в течение многих веков, не очень строг и не свободен от случайностей, непоследовательностей. В них содержатся и такие сборники, как «Книга (сутра) пяти покровителей» («Панчаракша»), которая состоит из пяти разных сочинений, сходных по теме, или «Море притч» — сборник полусотни довольно однообразных легенд о прежних перевоплощениях Будды (но среди них читается и рассказ, вернее, сказка о приключениях убогого ткача, ставшего героем поневоле).

Монастырские книжники составляли и сборники мелких ламаистских текстов (обрядовых, литургических, магических и т. п.), которые интересны не только для истории религии, но и как памятники монгольского литературного языка XVIII в. и свидетельства борьбы за монгольскую речь в церкви. Эти сборники (обычно в конце) снабжены каталогами, где названия перечисляются в том порядке, в каком сами сочинения помещены в сборнике; названия сопровождаются указанием на номер тома. Бывают и каталоги другого рода. В конце прошлого века в Бурятии в отдельных мелких ксилографах были напечатаны списки изданий того или иного дацанского печатного двора.

КОЛОФОНЫ

О рождении и перерождениях книг говорится в колофонах. Это чаще всего послесловие; реже предисловие. В самом раннем из известных монгольском колофоне — заключительном предложении «Сокровенного сказания» — дается лишь время, место и повод завершения труда: «год мыши» (который повторяется каждый 12-й год как один из двенадцатилетнего цикла; здесь первая возможная дата — 1228 г.), «остров Кодеэ реки Керулен» и съезд монгольских князей. Все три координаты относительны, для их уточнения нужны дополнительные сведения. Лицо автора остается скрытым.

В средневековом монгольском переводе (вероятно, второй половины XIII в.) индо-тибетской «Сокровищницы мудрых изречений» («Субхашитартаннидхи») короткий монгольский колофон идет сразу после названия и извещает нас о том, что книга содержит сочинение Сакья-пандиты, которое перевел с тибетского на монгольский Соном-гара, «монах-заклинатель», может быть, уче-

ник автора: ведь он называет его наставником. Монгольская версия дает и перевод послесловия тибетского подлинника, в котором сам автор Сакья-пандита объясняет цель своего сборника мудростей: «Озарять мрак на душе людей сиянием беспорочно чистой добродетели, сиянием, похожим на луч прохладно светящей луны». Вот один из его «сияющих лучей»:

«Не насытиться океану водою,
Не насытиться благами и царской казне,
Нет насыщения наслаждением для страсти,
Изречениями нет насыщения для мудрых».

В семи изящных четверостишиях благословляет своих монгольских покровителей Чойджи-Одсэр в послесловии к переводу и комментарию «Бодхичарьяватары» и за свой труд просит от судьбы благополучия царствующему роду и своему народу и вечного монашества во всех перевоплощениях себе. В конце стихов следует важнейшее для истории монгольской культуры сообщение, уже в прозе: «По императорскому указу, начиная с первого дня первого летнего лунного месяца года мыши Комментарий «Бодхичарьяватары» был вырезан на печатных досках в столичном (Дайду—Пекин) монастыре Белой башни-реликвария и была напечатана с них целая тысяча экземпляров, распределенных среди многих. В первом году (периода) Хуанцин» (1312 г.).

Из послесловия более раннего издания (еще без комментария) явствует, что перевод стихов был закончен в году змеи, по всей вероятности в 1305 г. Это послесловие, которое дошло до нас в очень позднем и в языковом отношении обработанном варианте, в Данджуре также дает перевод колофона тибетского подлинника, который в свою очередь является переводом с санскритского.

В послесловии нового «Золотого свода», которое следует за заключительным предложением (оно повторяет заглавие со словом «завершено»), сообщается лишь имя и звание автора — монах Шасанадхара Лубсандандзин-гуши — и указывается на то немало-важное обстоятельство, что ученый автор, государственный наставник, черпал свои сведения из многих сочинений для того, «чтобы великий народ смотрел (-читал) вместе (-соединяя разные сведения)». Дата написания этой важной летописи (автор которой, к счастью, черпал большие части также из потерянного потом монгольского списка «Сокровенного сказания») выясняется на основании косвенных данных и соответствует середине XVII в. (по В. Хайсигу — 1655 г.).

Пекинский ксилограф 1659 г. «Сутра золотого блеска» упоминает об издателе, вернее, заказчике ксилографического издания — о монахе-канонархе Лубсанджимбе: «Начато в 16-м году правления Шуньчжи в счастливый 6-й день среднего весеннего лунного месяца женского желтого года свиньи и закончено в 4-й день сред-

него летнего лунного месяца», из чего можно установить и то, что изготовление печатных досок потребовало трех лунных месяцев.

Кроме таких основных сведений, как место, дата, автор, переводчик, меценат, писец, а реже и резчик или печатник, и кроме штампов (благословения, скромности, жалобы на порочность копии подлинника, просьбы снисходительности к ошибкам переводчика и т. д.) встречаются в колофонах буддийских сочинений и данные о расходах мецената, издателя, из которых видно большое колебание цен.

МНОГОЯЗЫЧНЫЕ КНИГИ

Двуязычные и многоязычные печатные книги были характерны для монгольской книжной культуры маньчжурского периода, особенно для XVIII в. В многоязычных императорских изданиях буддийских книг выражалось в некоторой мере и желанное единство маньчжурской империи, но отражался и живой интерес к филологии, словарям и переводам, свойственный данному периоду. Известно большое пятиязычное издание сборника магических формул из Ганджура. Эта изящно оформленная, но по содержанию отнюдь не увлекательная книга может служить справочником для отождествления канонических сочинений или их фрагментов на основе содержащихся в них формул. Издавались многоязычные и двуязычные словари и грамматики. Соразмерное размещение на листе разных письменностей требовало большого опыта не только от резчика, хотя и его задача была нелегкой, но прежде всего от каллиграфов, готовивших рукопись для печатных досок.

Большинство этих книг было двуязычными и, за немногими исключениями, написанными на тибетском и монгольском языках. Главным языком чаще всего считался тибетский, между горизонтальными строками которого вставлялись короткие куски ожерелий монгольских слов и полуслов. Книги на двух или нескольких языках известны также из более ранних времен. Они, подобно параллельным текстам китайско-монгольских, тибето-монгольских и прочих каменописных памятников, состоят из подлинника и перевода (переводов), где монгольский текст всегда является переводом (с тибетского, китайского или маньчжурского). Самый ранний из известных образцов таких книг — печатное издание XIV в. конфуцианского канона о почтении к старшим («Сяоцзин»). В этой книге параллельные тексты, монгольский перевод и китайский подлинник, идут подряд, чередуясь в одной и той же строке: кусок перевода сопровождается соответствующей частью подлинника. Также печатное, четырехязычное издание (на санскрите, тибетском, монгольском и китайском языках; языки чередуются построчно) датируется 1592 г.; оно содержит гимны в честь Маньжуши. Из XVII в. до нас дошло несколько тибето-монгольских

книг, среди них будапештская рукопись сборника этических советов «Сокровищница мудрых изречений». Похожие, двуязычные рукописи встречаются и среди ойратских книг XVIII—XIX вв. Словари двух языков (тибето-монгольские; маньчжуро-монгольские) — либо тематические, в которых слова расположены в таких группах, как «небо», «человек», «растения», «действия» и т. д., либо алфавитные. Многоязычные словари, как и пятиязычный (санскрито-тибето-монголо-маньчжуро-китайский) словарь буддийских терминов или «Пятиязычное зеркало маньчжурского языка» (маньчжуро-тибето-монголо-туркестано-китайский словарь), построены по тематическому принципу.

КНИГОЛЮБЫ, БИБЛИОТЕКИ, ПЕЧАТНЫЕ ДВОРЫ

О них мы знаем сравнительно мало. О высокопоставленных книголюбых-меценатах сообщают послесловия и предисловия ксилографов и — реже — рукописей; они рассказывают порой о том, сколько серебра тратили эти лица на изготовление печатных досок, на переписку рукописи, как они искали умелого резчика, писца-каллиграфа. Жизнеописания известных перерожденцев извещают иногда о каком-то большом книжном мероприятии, например о приобретении или переписке канона, но о многом можно узнать лишь из уст стариков, живых хранителей преданий. Такие предания говорят о книголюбии халхаского Зая-пандиты Лувсанпрэнлэ, которое не ограничивалось ламскими рукописями и ксилографами; это подтверждается теми книгами, которые попали в улан-бааторскую Государственную библиотеку, среди них и интереснейшие списки эпоса «Гэсэриады». В той же библиотеке нашла достойное место часть личной библиотеки последнего ургинского хутухта; в ее описании мы читаем о том, как умелого писца послали в провинции разыскать и копировать любопытные, редкие рукописи для библиотеки первосвященника, любителя светской литературы и веселой жизни. Мало написано о степных библиофилах, простых людях, нередко даже малограмотных. Они бережно хранили, собирали и переписывали книги, которых все-таки было мало и всегда не хватало в степи. В сундуках или в шкафчике в «красном углу» хранили не только священные писания желтой религии, но и сборники волшебных сказок, тетради, заполненные мудрыми словами, хитрыми загадками, песнями и былинами.

Богатые книгами монастыри имели отдельные здания для библиотеки; и теперь порой частная библиотека богатого степного книголюбца хранится в отдельной юрте (или в деревянном домике китайского типа во дворе юрты у полуоседлых). В заурядных монастырских библиотеках хранилось обычно от пятидесяти до сотни книг, более или менее объемистых томов, а «справочная

библиотека» странствующего монаха помещалась в одном ящике или свертке.

Печатные дворы были одновременно и «издательствами». После падения юаньской династии светские монголоязычные типографии действовали, кажется, только в Пекине; фактически они являлись китайскими фирмами, которые снабжали книгами «варварских» заказчиков или жителей Северной столицы. В Монголии и Бурятии книгопечатание было в руках лам до начала нашего XX в., с двадцатых годов которого начинается не менее сложный, но победоносный путь новой монгольской книги. В ней суждено воплотиться и всем добрым книжным традициям семи веков монгольской письменности.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В СТАРОЙ МОНГОЛИИ

Монгольская литература возникает в XIII в. — почти одновременно с монгольской государственностью. Стремительный процесс рождения империи непосредственно отражается в первом дошедшем до нас литературном памятнике монголов — «Сокровенном сказании», которое, по словам Б. Я. Владимирцова, «сразу возводит их письменность до степени литературы»¹. Надо отметить, что заимствование у уйгуров письменности и чрезвычайно быстрое ее освоение сначала, по всей видимости, не сопровождается влиянием каких-либо иноязычных литературных образцов (тюркских, тибетских, китайских); по крайней мере, у нас нет свидетельств подобного влияния. В этом плане генезис монгольской литературы имеет исключительно самобытный характер, предшествующим этапом развития словесного искусства являются, очевидно, лишь устные традиции монголоязычных скотоводческих племен Центральной Азии, причем важнейшее место в этих традициях занимал героический эпос, обусловивший жанровую природу и тональность как «Сокровенного сказания», так и других, меньших по объему и значению исторических произведений XIII—XIV вв.²

Тем не менее, относясь к числу «молодых» литератур средневековья, не имеющих, так сказать, собственной античности, монгольская литература очень скоро обретает опору в традициях Индии и Тибета. Выбор культурно-идеологической ориентации завершается уже при Хубилае (вторая половина XIII в.), когда буддизм, оттеснивший своих более далеких соперников (христианство и мусульманство), был предпочтен тайвшим опасность китаизации конфуцианству и даосизму. Этот выбор не замедлил сказаться и на литературе XIII—XIV вв. — переводной («Бодхичарьяаватара», «Панчаракша», «Двенадцать деяний Будды», «Субхашитаратнанидхи» и др.) и оригинальной (поэтические произведения Чойджи-Одсэра), однако в наибольшей степени его результаты дают о себе знать позднее, в XVII—XVIII вв.

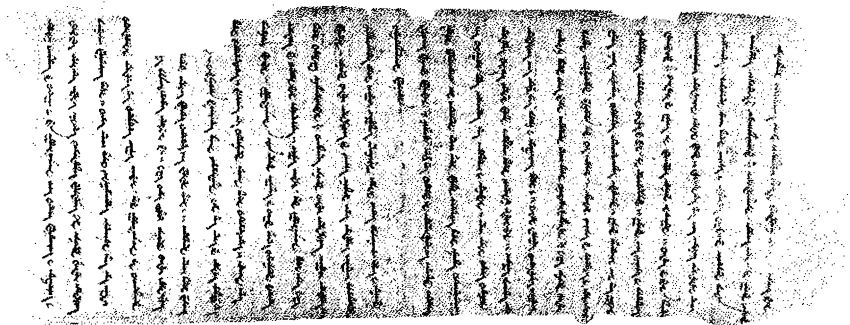
Вплоть до XX в. монгольская литература в значительной степени оставалась литературой рукописной, хотя с самого ее зарожде-

ния существовала также и ксилография³, причем нормальным явлением было не только печатание рукописного текста, но и рукописное копирование дорогостоящего ксилографа⁴. Данными обстоятельствами объясняются некоторые особенности функционирования самих литературных произведений. В частности, это касается их тиража, подчас довольно высокого у буддийских ксилографов (сотни экземпляров!)⁵ и не столь значительного даже у популярных светских и полусветских сочинений. Так, известно несколько (не менее четырех) рукописей монгольских изводов сказания о Раме⁶, двадцать шесть — монгольских редакций переводного (с тибетского) «Жизнеописания Чойджид-дагини»⁷; судя по всему, в немалом количестве бытовали списки сборников «обрамленной прозы». К настоящему времени обнаружено около десяти экземпляров ксилографического издания монгольского сказания о Гэсэре, еще больше сохранилось воспроизводящих ксилограф рукописей (явление, характерное для Бурятии), полностью или частично с ним совпадающих⁸. Хотя до нас дошла лишь некоторая часть существующих некогда списков и изданий (тем большая, чем ближе к нашему времени), даже по ней можно судить о соотносительной распространенности тех или иных памятников. В качестве сравнения следует упомянуть, что монгольские исторические сочинения обычно известны нам в одном-двух-трех списках⁹.

Некоторые жанры развивались до известной степени изолированно, имели специфическую читательскую аудиторию и мало смыкались с прочими сферами литературного творчества. Это относится, хотя и не в полной мере, к историческим сочинениям, естественно, не имеющим широкого хождения среди «степных грамотеев» или даже вовсе не известных им (а данная читательская среда играла большую роль в литературном процессе).

Рукописная традиция подчас обуславливала довольно значительную вариативность неканонических текстов, в силу чего бытование литературной повествовательной прозы до некоторой степени оказывалось подобным бытованию фольклорному, хотя, конечно, спектр отличий письменных редакций оставался несравнимо более узким, чем это имеет место при устном варьировании. В то же время по возможностям более широкого и более быстрого географического распространения книжные сочинения (рукописи и ксилографы) имели значительное преимущество.

Литературно-фольклорные взаимосвязи — практически на всех этапах развития монгольской литературы — были чрезвычайно интенсивными, многое определяющими в облике как книжной, так и устной словесности. Писатели (от известных авторов исторических сочинений до анонимных редакторов-переписчиков сборников «обрамленной прозы»), хотя и с разными целями, использовали фольклорные мотивы, конструктивные и стилистические приемы устного творчества, отстоявшуюся в фольклоре символику и метафори-

Монгольская рукопись XVI–XVII вв. «Повести о Молод-тойне» (ЛО ИВ)

ку. Они прямо включали в произведения народные сюжеты, не говоря уж о том, что по крайней мере с конца XVII в. появляются книжно-эпические произведения, представляющие собой своеобразные народно-литературные переложения устных героических поэм, лишь «на шаг» отстоящие от фольклорной традиции.

Эти литературно-фольклорные отношения были обоюдными. «Перетекание» материала — от целых произведений до отдельных мотивов, символов, поэтических фигур — между сферами устной и книжной словесности было двусторонним и многократным. Фольклорные темы и сюжеты получали литературное воплощение, шлифовались, переоформлялись сообразно традициям литературного языка и, обогащенные, возвращались в устную стихию, увлекая за собой часть своих, уже литературных приобретений. Именно в силу указанных обстоятельств монгольский фольклор, непосредственно или косвенно, оказывался инструментом того великого синтеза, который протекал в течение веков в монгольской словесности, осваивающей уйгурские, индийские, тибетские, китайские литературные темы и сюжеты.

Значительную роль в подобном освоении сыграли и устные, и литературные каналы передачи. Необходимым условием являлось двуязычие. В первом случае это — практическое, разговорное двуязычие, каким характеризуется смешанное население пограничных областей (например, Северный Тибет, Амдо, Кукунор с монгольским, тибетским, тюркским, китайским населением или Алтай с его монголо-тюркским двуязычием). Там создавались идеальные условия для фольклорного синтеза — от простейшего пересказа иноязычного произведения (обычно прозаического на родном языке) до сложения новых жанров, опирающихся одновременно на несколько разноязычных традиций (таковы были «книжные сказы» монгольских певцов-хурчи). Во втором случае это двуязычие лите-

ратурное, непосредственное приобщение к литературе другого народа вплоть до создания «своей» литературы на чужом языке (такова тибетоязычная литература монголов).

В Монголии существовали тибето-монгольское литературное двуязычие (культурный симбиоз после XVII в. был настолько силен, что в Центральной Азии этого периода сложилась тесная литературная общность¹⁰) и — в несколько более узкой географической зоне — китайско-монгольское. Но если для образованных поэтически писателей была полностью открыта тибетская литература (они и писали часто по-тибетски), а для литераторов типа Инджаннаша — китайская, то более широкое общение монголов со словесной культурой других народов осуществлялось через переводы.

Переводческая деятельность монголов началась почти одновременно с их оригинальным литературным творчеством. Через перевод в Монголию приходили произведения индийской и тибетской повествовательной прозы — от «обрамленной повести» до Рамаяны. Переводная литература не только знакомила с новыми идеями и темами, но и с образцами новых композиционных форм и жанровых разновидностей. Этим путем появлялись в монгольской литературе такие ранее неизвестные ей по своему типу повествования, как «Жизнеописание Лунной кукушки» и сказания о Бигармиджете; здесь протекал активный процесс циклизации малых прозаических рассказов, осуществлялся синтез национальной сказочной традиции с заимствованной. При этом данный процесс шел дальше, порождая более сложные композиционные конфигурации и стягивая в единый сюжетный узел произведения, не имеющие друг к другу отношения в самой индийской литературе.

Литературный процесс в Монголии не был равномерным. Интенсивное развитие литературы в XIII—XIV вв. после распада Монгольской империи ослабевает (XV—XVI вв.). Ее возрождение происходит в XVII—XVIII вв. в обстановке относительной стабилизации внутривосточного положения монгольских княжеств и усиления индо-тибетской культурной ориентации. Клерикализация монгольского общества (вызванная проникновением в Центральную Азию буддизма) определяет и литературное развитие региона. Качественно новый этап начинается на рубеже XVIII—XIX вв. Перестраивается жанровая система, происходит постепенное «обмирщение» художественной словесности, в ней появляется индивидуально-авторское начало, осваивается новая тематика, все сильнее звучат социальные мотивы. Этот период развития монгольской классической литературы продолжается вплоть до победы Народной революции 1921 г.

Несмотря на воздействие буддийской идеологии, ограничивающей, вытесняющей или видоизменяющей все, что с ней не созвучно, состав литературы был достаточно разнообразен. На протяжении

нии всего почти семивекового периода ее развития создаются исторические описания и хроники. Не менее трехсот лет (по крайней мере, с начала XVII в.) бытуют отдельные сказания и рукописные своды книжного эпоса. Примерно с того же времени получают распространение монгольские редакции циклов «обрамленной прозы», собраний джатак, рассказов о хождениях в загробный мир, жизнеописаний выдающихся деятелей буддийской церкви, комментариев к философским, богословским, дидактическим трактатам, богато использующих сказочно-новелистические и легендарно-мифологические сюжеты. Чрезвычайно широкое бытование имеют различные сборники афоризмов и поучений. Особенный расцвет традиции гномико-дидактической литературы, истоки которой относятся еще к XIII—XIV вв., приходится на XIX в., когда появляется большое количество авторских и анонимных сочинений о смысле человеческой жизни, о греховности убийства диких и домашних животных, о проблеме падения нравственности (пьянство, нарушение ламами celibата). Эти произведения, как правило, имеют характер диалогов и монологов, обрамленных несложным сюжетом и вложенных в уста животных, детей, мудрецов и других условных персонажей. Поучение, морализирующая сентенция, философское рассуждение наряду с описанием-панегириком и — реже — плачем, определяют тональность монгольской классической поэзии начиная с XIV в.

Монгольская литература складывается как литература средневекового типа, во многом подобная, скажем, древнерусской, и верность этому типу, несмотря на отмеченные выше исторические изменения, она сохраняет вплоть до конца XIX в., а в некоторых отношениях — даже до начала XX в. Родовое, идеальное безраздельно господствует в ней над частным и конкретным, чему соответствует и полная невыраженность индивидуально-авторского начала. Даже в тех, достаточно многочисленных случаях, когда произведение не является анонимным, мы знаем не автора, а составителя, редактора, истолкователя текста, уже существовавшего ранее в иных модификациях, фрагментарно, или, напротив, в составе какой-либо предшествующей компиляции. В особенной степени это относится к эпическим жанрам: к историко-героическим хроникам (хотя составители некоторых из них хорошо известны) и тем более к книжному эпосу, для которого анонимность является принципиальным признаком. В полной мере авторское начало появляется лишь в монгольской литературе XIX в.

В фокусе изображения — сущностные, ценностные аспекты действительности, понимаемой как проекция, манифестация, эманация некоей высшей трансцендентной реальности. С этим связана тенденция к аллегории и символизации повествования, сближающая литературу со средневековым изобразительным искусством (такое сближение может быть очень тесным — как, например, это

имеет место в «Гимне богине Махакали» Чойджи-Одсэра, прямо «иконографичном» по своей манере и архитектонике). Наряду с символизмом изобразительных форм наблюдается и противоположное стремление — к фактографичности, благодаря чему можно говорить о своеобразном «наивном реализме» повествовательной прозы, прежде всего исторической, агиографической и т. п. Конечно, реалистичность эту не нужно преувеличивать. Она проявляется только там, где отображаемый факт имеет в глазах литератора особое, непреходящее значение или же если верность ему предписывается традицией (скажем, историографической).

Долгое время литература не осознает своих специфических задач, будучи подчинена философским, религиозным и политическим целям, что не мешает отдельным произведениям порой достигать весьма высокого художественного уровня. Ее некоторый отход от подобной «ангажированности» в сторону обособления художественной словесности как особого вида духовной деятельности наблюдается, пожалуй, лишь в произведениях эпических (книжное сказание о Гэсэре) и сказочно-новеллистических («обрамленная проза»), т. е. не раньше конца XVI — начала XVII в. Однако и здесь, судя по колофонам некоторых рукописей, есть тенденция представить текст (Гэсэриады, например) как буддийское сочинение¹¹. Процесс секуляризации буддийской литературы Монголии становится интенсивным в XIX в., однако полностью завершается он лишь в 20-е годы XX в.

Наблюдается известный синкретизм в области прозаической и стихотворной форм. Монгольская классическая литература почти не знает «чистой» прозы. Прозопоэтическую структуру имеют «Сокровенное сказание» и все произведения последующей историко-эпической традиции; смешанным (прозаическим со стихотворными вставками) является книжный эпос; прозопоэтическая форма, наряду со стихотворной и (совсем редко) прозаической, обнаруживается в дидактических сочинениях — от древнейших сборников поучений, приписываемых Чингису, до нравоучительных повествований XIX в. Стихотворные включения встречаются почти в любом прозаическом тексте, будь то жизнеописание буддийского миссионера или романы писателя XIX в. Инджаннаша. Однако эти позднейшие случаи, порожденные уже давно сложившейся литературной традицией, причем не только монгольской, но и иноязычной, резко отличаются от синкретизма «Сокровенного сказания», прямо связанного с опорой на устные источники и, возможно, с ориентацией произведения на прочтение вслух¹². Поэтому текст густо насыщен ритмизованными фрагментами, воспроизводящими фольклорную метрику, параллелизмы, аллитерации, и, хотя составлена хроника с большим вкусом и талантом, о сознательном версификаторстве в ней, по-видимому, говорить еще не приходится. То же касается и относящейся примерно к данному периоду диа-

логической «золотоордынской рукописи на бересте», которая скорее всего представляет собой отрывки слегка обработанной писцом народной диалогической песни. В книжном эпосе границы между прозой, ритмизованной прозой и эпическим стихом еще более зыбки, чем в историко-героической хронике.

Сказанное не означает отсутствия традиций стихотворства в монгольской классической литературе. Напротив, они складываются еще в начале XIV в. в творчестве Чойджи-Одсэра, впервые, кажется, пытавшегося применить правила индийского и тибетского стихосложения к монгольскому материалу и даже, возможно, ориентировавшегося при этом на «Кавьядаршу» Дандина¹³. Наивысшее выражение эти традиции получили в творчестве замечательно го поэта XIX в. Равджи.

Становление новых жанров и трансформация старых на рубежах XVI—XVII и XVIII—XIX вв. по-видимому происходит отчасти в силу тех же причин, что и в русской литературе XVII в.: «в результате вакуума, созданного отступлением фольклора»; так, «записи былин в XVII в. начинают производиться потому, что в некоторой верхушечной части общества былину перестают слушать»¹⁴ — это несколько проясняет и отдельные аспекты генезиса книжного эпоса в Монголии. Однако нельзя забывать о существеннейших различиях во внешних обстоятельствах рождения того или иного жанра, обусловленного, как было сказано, внелитературными потребностями, давлением иноязычной традиции и т. д.

Характерной чертой жанровой системы, как и в древнерусской литературе, является «ансамблевый» (по выражению Д. С. Лихачева¹⁵) характер произведений, существующих не изолированно, а в тесной взаимосвязанности друг с другом. Они входят одно в другое, соотносясь как часть и целое, но не утрачивая при этом качеств отдельного самодостаточного организма; они составляют цепные композиции на основе сюжетно-тематической общности или сюжетной циклизации. Такими многокомпонентными «ансамблями» являются историко-героические хроники, использующие в качестве конструктивных элементов разные редакции одних и тех же произведений «малых» форм, также не однородных по типу и составу. «Ансамблевый» характер имеет большая часть монгольской классической литературы, как правило, представленной в виде сборников, циклов, антологий, вплоть до грандиозных (свыше трехсот томов!) собраний священных текстов и комментариев к ним — Ганджура и Данджура, вобравших в себя огромное количество разнородных произведений.

Литературный язык, зафиксированный в уйгуро-монгольской графике, постепенно становится наддиалектным; этот процесс завершается к XVIII в. — времени окончательного установления «классических» норм письменного языка, противостоящего как «доклассическим» среднемонгольским диалектам (отраженным в «Сокро-

венном сказании», в памятниках «квадратного письма» и в других текстах XIII—XV вв.), так и поздним «литературным наречиям», отвоёвывающим себе право на существование уже в «классический» период (памятники «ясного письма», южномонгольские рукописи Гэсэриады и многие другие, менее значительные случаи)¹⁶. Эта языковая ситуация подтверждает иерархический характер если не самих жанров, то по крайней мере различных областей литературного творчества. Центр системы составляют переводные, в первую очередь — канонические буддийские сочинения. Их язык, в XVII—XVIII веках максимально приближенный к тибетским оригиналам, стал тяжёловесным и порой темным, но терминологически весьма приспособленным к сколь возможно точной передаче богословских, логических и натурфилософских понятий буддийской и квазбуддийской литературы¹⁷. Все прочие области книжной словесности, по существу, оказались на периферии, в разной степени удаленной от этого центра, но всегда на нее ориентирующей — в тематическом и стилистическом планах (прямое и обильное заимствование символики, языковых клише и целых фрагментов буддийских сочинений), а также по линии жанровой номенклатуры (использование в названиях произведений таких терминов, как «сутра», «шастра», «джатака», «намтар» и др.).

Как видно из этой иерархии, зависимой от культурно-идеологических ценностей монгольского средневековья, собственно художественная словесность первоначально в течение длительного времени занимает периферийное положение, что, конечно, никак не соответствует ее огромной роли в жизни народа. Следует подчеркнуть, что для самого литературного процесса реальное соотношение и значение различных областей словесного искусства было существенно иным. Центральное положение в литературной системе с самого начала занимали эпические жанры, в рамках которых происходило осмысление национальной истории, осознание этнической и государственной консолидации. Напомню, что монгольская литература возникла как эпическая, и в перспективе дальнейшего развития эпические жанры — от историко-героической хроники до книжноэпического сказания — имели особенно высокую продуктивность. Существенно также, что историографическая традиция является одной из важнейших для культуры средневековья. По справедливому замечанию Н. И. Никулина, «летопись, хроника воспринимаются сами по себе как характерологический признак литературы средневекового типа»¹⁸. Имеющий меньшую распространенность книжный эпос также является одним из ярчайших этапов развития древних и средневековых литератур.

Основой книжного эпоса становится запись эпического сказания, побудительные причины которой могут быть разного рода. Потребность письменной фиксации появляется там, где устный текст осознается как достаточно ценный, чтобы быть сохраненным (в си-

лу, скажем, культово-мифологического значения героев повествования, имеющего благодаря этому особый, мистический смысл), и как находящийся под угрозой забвения и распада (не случайно фольклорные традиции, легшие в основу книжного эпоса, почти всегда безвозвратно утрачены). Развитая рукописная традиция обеспечивала далее многовековую циркуляцию произведений по всему монголызычному миру, сопровождаемую их неоднократными переходами из книжной словесности в фольклор и обратно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимирцов Б. Я. Монгольская литература // Литература Востока: Сб. ст. Пб., 1920. Вып. 2. С. 94.

² Ср.: Никулин Н. И. К типологии взаимосвязей средневековой исторической прозы // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 119—120 («...это путь, который мы называем автохтонным, когда ранние формы исторических сочинений вырастают прежде всего из устных родовых преданий и фольклора»).

³ Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972. С. 12—13.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ «Рамайна» в Монголии // Изд. текста, пер., исслед. Ц. Дамдинсурэна. М., 1979.

⁷ Сазыкин А. Г. «Повесть о Чойджид-дагини» как памятник монгольской повествовательной литературы XVIII в.: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1978.

⁸ Пинюева Е. О. Монгольские списки «Гэсэра» Рукописного отдела БИОН БФ СО АН СССР // Бурятская литература. Улан-Удэ, 1972 (Тр. БИОН БФ СО АН СССР. Вып. 16. Сер. филол.).

⁹ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. М.; Л., 1936 (Тр. Ин-та востоковедения. Вып. 16).

¹⁰ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 99—109; Ендон Д. Товд монголын уран зохиолын харилцааны асуудалд, Улаанбаатар, 1980. С. 7—8.

¹¹ Хундаева Е. О. Монгольское книжное сказание о Гэсэре: Сравнит.-текстол. исслед.: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1980. С. 5.

¹² Ср.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 66.

¹³ Бира Ш. «Кавьядарша» Дандина в Монголии // Литературные связи Монголии. М., 1981. С. 185.

¹⁴ Ср.: Лихачев Д. С. Указ. соч. С: 77.

¹⁵ Там же. С. 59—62; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X — XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 40—51.

¹⁶ Кара Д. Указ. соч. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Никулин Н. И. Указ. соч. С. 117.

...И НА ПАЛЬМОВЫХ ЛИСТЬЯХ

История монгольской книги уходит в глубь веков. Имеются данные, что древние предки монголов были знакомы с книгопечатанием: в библиографическом разделе «Суй-Шу» (Анналы династии Суй), по сведениям академика Л. Лигети, сохранился список тринадцати книг различного содержания на языке сяньбийцев. Кроме этого, в «Ляо-ши» (История династии Ляо, или киданей) встречается ряд сведений о книгопечатании у киданей (X — XII вв.). Подобное сообщение можно найти и в «Юань-ши» (История династии Юань): «...в 19-том году императора Хубилая (т. е. в 1282 г.) Энциклопедия, размноженная с помощью печатных досок, была роздана...»

Здесь речь идет о ксилографических книгах. В связи с этим следует хотя бы коротко сказать об их предшественниках — «каменных книгах», книгах на бересте, рукописных книгах, которые с давних времен монголы считали драгоценностями и почитали их как святыню. Следует отметить известный древнейший памятник «каменной книги» — «Чингизов камень» (1224—1225). Он знакомит нас со способом «выражения почета» при помощи разного уровня начала строк, часто встречающимся во многих книжных памятниках, особенно в светских книгах. Другой известный памятник «каменной книги» у монголов — большая на скальная надпись халхаского Цогту-тайджи, великого поэта, хозяина «Белого дворца». Эта надпись — чудесное стихотворение поэта, исследование которого принадлежит прежде всего академику Б. Я. Владимирцову. Об истории этой «каменной книги» сказано в ее «колофоне»: «...так сказанное со слезами (князем) запомнил находившийся вместе с ним паж Эрхе и записал в книгу; а впоследствии, через четыре года... паж Дайчинг и богатырь Гуйенг написали это на скале».

Рукописная же книга, считающаяся предшественницей печатной, среди монгольских кочевников не была вытеснена ксилографической. Это объясняется тем, что, во-первых, таких книг еще не хватало, несмотря на наличие в Монголии печатных дворов —

барханов; во-вторых, переписывание книг всегда считалось особой добродетелью среди монгольских кочевников. Поэтому для них ксилографические и рукописные книги всегда были равноценными. Только в начале нашего столетия оба этих типа книг были вытеснены изданиями европейского образца.

Как видим, монголы с древних времен хорошо знали ксилографию и широко использовали ее в деле книгопечатания, которое в период Юаньской династии было под строгим контролем государства. В административной системе функционировали ксилографические издательства, занимавшиеся изданием книг светского содержания на монгольском и иностранном языках, словарей, бумажных денег, географических карт, различных официальных бланков.

По мере распространения буддизма в Монголии строилось все больше монастырей, каждый из них имел свой печатный двор, издававший ксилографические книги религиозного содержания на тибетском, монгольском и санскритском языках. Эти три языка были «священными» языками церкви тогдашней Монголии. Следует отметить, что тибетский был самым распространенным языком среди монгольских лам, подобно средневековому латинскому в Западной Европе. Поэтому все печатные дворы при монастырях издавали книги на тибетском языке; печатни, издававшие книги на монгольском, были сравнительно малочисленными. По данным «Этнолингвистического атласа МНР», на территории МНР всего был 61 печатный двор, издававший книги на монгольском языке.

Монгольские ксилографисты сами готовили почти все материалы для книгопечатания: бумагу, краски, деревянные доски, различные инструменты и т. д. По сведению Ц. Шугэра, грубую шероховатую бумагу монголы готовили из **далан туруу**, т. е. стелеры.

Кроме того, они готовили разноцветные лакированные листы по специальным рецептам из бумаг зарубежного и отечественного производства, а бумажную массу — из старых листов.

Наряду с ксилографическим способом, в Монголии для печатания книг использовали и металлографию, о чем свидетельствуют медные и бронзовые доски, хранящиеся в фонде Государственной публичной библиотеки Улан-Батора.

Наиболее распространенная форма монгольских книг — **сударчилсан ном** (книга, имеющая форму сутры) — т. е. напечатанная на «пальмовых листьях». Другая типичная форма монгольских книг — **дэвтэрчилсэн**, или **товхисон ном** — (книга-тетрадь) или брошюрованная книга. По форме и расположению строк этот тип книги можно подразделить на четыре группы, сочетающих горизонтальное и вертикальное расположение. Третья форма монгольских книг — **нугалбар ном** (книга-гармоника). Четвертая форма,

редко встречающаяся среди монгольских книг, — хулмал ном (книга-свиток).

Следует отметить, что «книги на пальмовых листьях» в большинстве случаев относятся к религиозно-культурным сферам, а брошюрованные книги — к политико-светским.

Самыми замечательными среди монгольских ксилографических книг являются 108-томный Ганджур и 226-томный Данджур. Их печатание закончилось в XVIII веке. Некоторые ученые считают их чисто буддийскими канонами, но в самом деле, как пишет проф. Д. Кара, они включают в себя и небуддийские тексты фольклорного характера, сочинения светского содержания, как, например, знаменитая поэма «Облако-вестник» Калидасы, шаманские обрядовые стихи. Кроме того, эти гигантские труды содержат и работы древнеиндийских, тибетских авторов по философии, логике, медицине, грамматике и т. д.

В употреблении у монгольских кочевников на протяжении их исторического развития находились иллюстрированные и многокрасочные книги, напечатанные разными видами монгольского письма. Кроме старого монгольского письма, существовали квадратная письменность, составленная в 1269 году Пагва-ламой, ясная письменность, созданная ойратским Дзая-пандитой в 1648 году, письмо сойombo и горизонтально-квадратное письмо, созданное Дзана-Бадзаром в 1686 году, письмо Вагиндры, или письмо Агвана-Дорджи, составленное в 1905 году. (Что касается книг, напечатанных последним видом письма, то они были размножены литографским способом.)

Заслуживают внимания способы хранения древних монгольских книг. Так, «пальмовые листья» крупного формата, в обертке, хранились между двумя деревянными дощечками; а такие же книги среднего и малого форматов в большинстве случаев хранились в баринтаг — в матерчатых обертках или в шогол — в специальных ящиках; карманные или микрокниги находились в матерчатых обертках.

Брошюрованные книги сохранялись в дугтуй — в футлярах, сделанных из толстой бумаги.

Во все времена у монголов книги занимали почетное место как в храмах, так и в юртах.

Монгольские книги «странствовали» по многим странам Азии, Европы, Америки, Австралии, привлекая внимание ученых всего мира.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДРУЗЬЯ КНИГИ В МОНГОЛИИ

У книги в МНР много друзей, их объединяет общество книголюбов. Книги хранятся не только в государственных библиотеках, но и в частных — в качестве семейной коллекции. Эволюционировали знаки принадлежности книги: современные экслибрисы получают все более широкое распространение. Устраиваются книжные выставки, лучшие книги доступны для всеобщего обозрения.

Книга по-монгольски звучит «ном». Этим же словом древние греки обозначали понятие «книга» — «номос». Заимствование? Если «да», то кто у кого? Загадка истории, которая ждет своей разгадки и доказательства. Пусть сама история предьявит ответ. А пока нас интересует то, что у монголов и греков, живущих на расстоянии дня и ночи, как говорят кочевники, существует одно общее слово. Это слово у тех и других одинаково означает одну из самых интернациональных драгоценностей, созданных когда-либо человеком — книгу. Если бы у разных народов мира одинаково именовалось золото, это не вызывало бы особого удивления. А тут — книга.

Слово «ном» издавна живет в лексиконе монгольского языка. Несколько веков назад оно было так же популярно, как и сейчас. Мудрецам присваивали титулы «Номын далай» («Книжное море»), «Номч мэргэн» («Книжный мудрец») и т. п. В простонародье говорят об ученом человеке просто «номтой хўн», т. е. «книжник».

Монголы и греки имеют не только одно общее слово «номос», но и, может быть, один общий азбучный ключ. Я имею в виду крито-микенскую культуру, послужившую источником образования книжных сокровищ, ставших затем достоянием обширного региона земли.

Знаменитый фестский диск, найденный на греческом острове Крит, дал нам возможность узнать своих далеких по расстоянию, но близких по духу родственников на обширнейших территориях от Средиземноморья до Сахалина. Найденная в восточной Румынии надпись на прясLINE гласит: «Соседи мои, прясLINE этот отнести Соли». (Соля — женское имя. Кстати, один из рассказов

*Лодонгийн Тудэв.
Фото Р. Гомбожава*

монгольского академика, писателя Ц. Дамдинсурэна называется «Солия» по имени главной героини повествования.)

Найденный под Рязанью, в окрестностях села Алеканова глиняный сосуд с нанесенными на его поверхность знаками свидетельствует, что существовало слоговое письмо «черт и резов».

Открытые на берегу Орхона в Монголии памятники рунического письма дешифрованы датским ученым Томсеном благодаря известным ему руническим надписям на камнях Скандинавии.

Как видим, названные факты пока еще существуют сами по себе, ждут своего исследования и обобщения. Но логическая связь между ними ясно видна.

Советский исследователь древних текстов Геннадий Гриневич предложил свой вариант прочтения фетского диска, предполагая, что текст диска написан слоговым письмом, аналогичным по своему типу славянской письменности, — так называемым письмом «черт и резов». Думается, что это очень близко к истине. Знаки — рисунки фетского диска не только совпадают со знаками праславянской письменности типа «черт и резов», что удачно выявлено Гриневичем, но аналогичны и письменам рунического типа.

На каменных страницах памятников монгольской степи, раз-

брошенных на огромных просторах, мы находим рунические тексты, которые имеют несомненное родство со знаками и фестского диска, и письма «черт и резов».

Еще во втором веке нашей эры руническим письмом вырезали на дереве или камне скандинавские и древнегерманские народы культовые и памятные надписи; только в XIII веке составление рунических текстов прекращено как исторический анахронизм.

Консонантным руническим письмом писали в пределах государственного объединения Тюркского каганата, просуществовавшего с V по VII в. нашей эры на территории нынешней Монгольской Народной Республики. Тюрко-монгольское руническое письмо было создано на основе согдийского письма, восходящего к арамейскому. Арамейское, в свое время, сложилось на основе финикийского. К арамейскому письму восходят и сирийское, еврейское, «квадратное», арабское, пехлевийское. Финикийское письмо в свою очередь стало предком греческого. Остров Фест принадлежал грекам. Таким образом, родство письма фестского диска с рунами монгольских степей исторически очевидно. И слово «номос» (книга) — закономерное приобретение монголов.

Финикия, давшая миру праотца многих письменностей, цивилизации человечества, была завоевана персами, в 332 году до нашей эры Александром Македонским. Одной из первых переводных книг древней монгольской литературы стала повесть о походах Александра Македонского («Притча об Искандере»). Монгольская версия называется «Сказания о Зул-Карнайе» («Сулхарнайц тууж»), впоследствии она омонголизировалась в устной версии и стала достоянием фольклора.

Итак, монголы использовали в начале нашей эры руническое письмо. На дереве или на камнях аккуратно выводили древние творцы несложные буквы острием кости или нуклеуса. Казалось бы, это было занятие, недолговечность которого очевидна. Однако созданное ими пережило века. Каменные стелы или просто ровная поверхность скал, на которых вырезаны древние тексты, сумели выстоять против бурь времен и непогоды истории, донесли до современников космической эры думы и мысли своих создателей.

Недалеко от столицы МНР находится памятник Тоньюкуку, на стеле которого написана рунами целая историческая поэма. Такие памятники имеются и в других местах Монголии. Рунами писали тюрки и монголы до одиннадцатого столетия нашей эры.

В XIII веке образовалась монгольская империя, объединившая под своим девятибунчужным знаменем множество наций. Потребовалась общедержавная, совершенная письменность. И мудрецы снова взяли за основу традиционную — уйгурскую письменность, которая явилась более поздней формой или отдаленным преемником арамейского письма. Обретение письменности открыло возможность монголам создать настоящую книжную сокровищницу

не на камнях, а на бумаге. Появилась хроникально-художественная антология «Сокровенное сказание монголов» (1240) или «Тайная исповедь монголов»*. В период с тринадцатого по двадцатое столетие на уйгуро-монгольской письменности создано целое собрание летописей и сказаний, что составляет душу старой монгольской литературы.

На заре нынешнего столетия в Монголии свершилась Народная революция, открывшая перед монгольским народом светлую дорогу в мир социализма. Раскованный революцией человеческий ум нуждался в полете, в обновлении духовной и социальной психологии. А старая письменность старого стиля казалась революционерам уже отжившей, ее обновление считалось историческим велением времени.

В 1945 году в Монголии в качестве всенародной азбуки была принята кириллица. Некоторым казалось, что принимается совершенно новая письменность, чуждая национальной традиции. Однако по сути монголы вновь возвратились к хорошо забытому старому: кириллица, как известно, восходила к докирилловскому письму типа «черт и резев», берущему исток в праславянской письменности, которая была родственна с крито-микенской письменной культурой.

Современная монгольская книга издается на монгольском языке славянской азбукой. Истории было угодно вновь и вновь совершенствовать письменность, сохранив ее корни в традиционном виде.

Итак, спирали развития повторяют свой привычный круг на более совершенном и высоком уровне, на иной качественной стадии.

В прошлом столетии на берегу Волги была найдена страница берестяной книги, созданной монгольским поэтом. Она заполнена старомонгольским вертикальным шрифтом. Такие же берестяные грамоты находили неоднократно и в других местах России, но написанные славянской азбукой. Одна из них принадлежала русскому мальчику Онфиму. История не только повторяется, но и переплетается. Берестяную грамоту нашли и в глубине Монголии — в Архангайском аймаке.

В юности мне, автору этих строк, приходилось учительствовать далеко на западе Монголии, в Гоби-Алтайском аймаке. У родителей моих учеников были старые книги, манускрипты. На бумаге таких манускриптов обычно стояло фабричное клеймо изготовителей. На одном круглом клейме отчетливо были выбиты слова «Косинской фабрики Рязанцевых № 7», а на другом овальном клейме — «Фабрики наследников Сумкина № 3» и т. д. Дореволюционные фабрики России изготовляли по заказу монгольских

* Автор дает свою версию названия оригинального сочинения «Монголын нууц товчоо» (Примеч. ред.).

книжников бумагу для специфической монгольской сутры удлиненной формы...

Скромные свидетельства обмена ценностями и взаимодействия между двумя народами соседствующих стран.

Книга для монголов была предметом благоговейного почитания. Книгопочитание у степных кочевников отличалось от богопочитания. Перед богом монголы молились, а перед книгой — благоговели. Монгол никогда не продавал книгу, он мог ее просто подарить или преподнести в дар. Книгу никогда не оставляли открытой, то есть не завернутой в специальный квадратный кусок хорошей материи. Такую обертку книги почтено называли «баримтаг», т. е. «святая одежда». Книгу всегда ставили на почетный сундук в центре северной стены юрты, около семейной реликвии — иконы.

В старой Монголии книги писались от руки, как правило, в одном экземпляре. С оригинала любители делали списки. Каждый манускрипт старого образца был оригинальным творением, вобравшим индивидуальность своего создателя.

В монастырских печатнях для размножения манускриптов применяли деревянные или медные матрицы. Матрицы изготовлялись вручную и, естественно, каждая отдельная страница при общей схожести чем-то отличалась от других. В этом — своеобразие и уникальность книг старой Монголии.

Современная монгольская книга — детище полиграфической промышленности. Она выходит достаточно большим тиражом. Плоская, глубокая печать, фотонаборное или изоиздание стали уже привычным делом.

Нынешнюю книгу создают коллективно: кроме автора, над ней работают художники-иллюстраторы, оформители, профессионально подготовленные технические и художественные редакторы, наконец — наборщики и линотиписты. В прошлом создание книги было уделом отдельных личностей: часто автор бывал и иллюстратором, и издателем своей книги. В моей коллекции много подобных книг. Вот две иллюстрации неизвестного автора к манускрипту мифологического характера. На одной из них изображен мифический персонаж, который сильно напоминает изображения на ритуальных сосудах, найденных в степях Воронежа. Скифские золотые сосуды были украшены фризом с изображением скифских воинов. Их внешность, одежда, длинные волосы, гориты, лук — все полностью соответствует представлению неизвестного монгольского иллюстратора прошлого века об облике воина. На второй иллюстрации мы видим совсем не типичную для монгольского мироощущения композицию: рыбу или змею-человека. Откуда такой персонаж? Вернемся мысленно к вышеупомянутому фестскому диску, в тексте которого рассказывается, по Гриневицу, о племени рысичей (дословно «сыны леопарда»). Культ леопарда был широко распространен не только

у народов района Средиземноморья. В степях Монголии мы находим немало каменных памятников, на которых есть изображение свернувшегося в кольцо хищника. Найдены были золотые и бронзовые бляхи, изготовленные в виде свернувшегося в кольцо леопарда. Это и есть, видимо, культовый символ древних обитателей евро-азиатских степей. И потому не удивительно, что персонаж греческой мифологии вошел в мир монгольских книжников.

Я веду этот свободный, может быть, не совсем аргументированный монолог не для того, чтобы выдвинуть новую гипотезу или претендовать на открытие, а хочу лишь объяснить наличие в лексиконе монгольского языка греческого слова «номос» в его первоизданном виде «ном» («книга»).

У старых и новых друзей книги в Монголии существует преимущество — основа для подъема книжной культуры современных монгольских интеллектуалов. Живое сочетание национального и интернационального — вот главная черта деятельности книжников Монголии.

Л. Тудэв

КНИГА ИЗ ДЕВЯТИ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Отрывок из поэмы «О книгах-драгоценностях»

Есть
Девять драгоценностей
У нас.
Они почетней
Всех сокровищ мира.
Мы брали их.
И раздробляли в пыль,
И этой смесью

Словно звездной пылью,
Писали
Наиглавную из книг —
Судьбу и путь
Монгольского народа.

Мы золотили золотом ее.
И серебрили

Серебром слепящим,
Пускали в ход
Коралл и лазурит,
Вносили медь
И все
Скрепляли сталью.

И жемчуг,
Бирюза
И лазурит
Венчали труд
Над нашей вечной книгой.

Биенье сердца
В каждой из страниц.
Огонь души —
В любой строке
Страницы!..

Такую книгу
Можно отыскать
В любом аиле
И в любом аймаке.
Она для нас
Ценнее
Всех корон.
Все
Девять драгоценностей —
Нетленны!

Все
Девять драгоценностей —
Живут
В страницах книг,
Хранимых нами свято.
В них
Добрый ум
И щедрая душа
Моей земли
И нашего народа.

Перевод Сергея Смирнова

«ЧТОБ СУТРА БЫЛА ДОЛГОВЕЧНОЙ...»

У монголов многовековая традиция книгопечатания. С XIII века до 20-х годов XX века монголы печатали свои книги тремя способами: металлографией (печатание с бронзовых и с медных досок), литографией и ксилографией. Ксилографирование — кустарный способ производства книги — получил тогда наиболее широкое распространение.

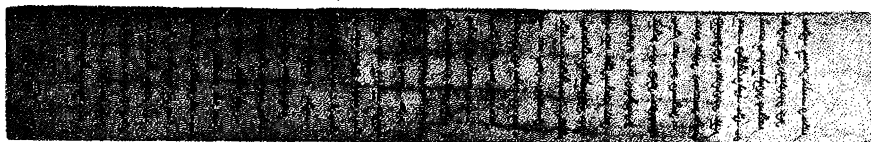
Основными материалами для ксилографирования были дерево, бумага и краска. Старопечатники бархана (печатни) предпочитали использовать для печатания книг березу, пихту, ольху. Деревья срубали только летом. С заготовленных стволов снимали кору и древесину выдерживали в лесу два-три года или в проточной речной воде. За это время заготовки освобождались от живицы и смолы. Затем стволы распиливали на доски, а доски разрезали по стандартному формату книги — получались печатные доски. Оставшиеся древесные соки и другие нежелательные компоненты окончательно удалялись выпариванием их. Потом следовала сушка выпаренных досок в тени в специальных сараях.

Для того, чтобы типографская краска при печатании не впивалась в дерево, будущие матрицы пропитывали в котлах кипящим жиром и просушивали на солнце.

На приготовленные таким образом и хорошо отполированные с двух сторон доски наклеивалась полупрозрачная тонкая бумага с текстом, скопированным с оригинала.

После этого резчик приступал к переносу текста на плоскость доски.

Исполнение монгольской гравюры по дереву, применявшейся при изготовлении древних ксилографов, характеризовалось определенной последовательностью приемов. Сначала резчик вырезал круглые и полукруглые элементы шрифта, затем нижние и боковые стороны зубчиков по нисходящей линии вертикального монгольского письма. Затем приступали к резьбе верхних боковых сторон. Точность резьбы на твердых досках зависела, конечно, от искусства граверов. Основными рабочими инструментами резчиков

Бурятские ксилографические дощечки-заготовки (ЛО ИВ)

и писцов были тростниковые и березовые перья, чернила, зеркало, линейки.

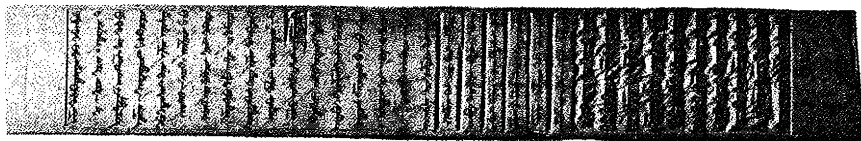
Чтобы в текст не вкралась ошибка, старопечатники во время работы несколько раз сверяют текст по оттиску с помощью зеркала и по самому клише. При обнаружении ошибок ксилографисты использовали вводную правку и правку-клин. Они хорошо владели такой методикой.

При печатании книг монгольские мастера ксилографии использовали десятки сортов бумаги: китайской, тибетской, русской и монгольской, изготовлявшейся из корней стеллери, а также некоторых других растений с добавлением волокон дикой конопли.

Черную типографскую краску для печатания получали при сухой перегонке бересты, из нагара на внутренних стенках специальных сосудов и из особой сажи со дна больших котлов, а также из высушенных в герметическом сосуде грибов-дождевиков. Для аромата и требуемой консистенции к основе добавляли раствор буры и отвар сосновой хвои или живицы хвойных деревьев. Полученная таким способом краска не выцветала от света и времени.

Для работы печатникам требовались широкий стол, таз с типографской краской, жало, войлочный помазок, матерчатая кисть, каменная плита, комок конских волос.

Работа печатника заключалась вот в чем. Матерчатую кисть или войлочный помазок мастер держал большим, указательным и средним пальцами правой руки, а безымянным пальцем и мизинцем левой зажимал приспособление из конских волос. Ставил перед собой доску — клише, обмакивал кисть в краску и наносил ее на доску с обеих сторон. Затем, положив бумагу, левой рукой он моментально протирал клише приспособлением из конских волос для получения равномерного оттиска. Так печатались три или

Монгольские ксилографические доски-заготовки (ЛО ИВ)

четыре листа, затем эта операция повторялась снова. Если сутра была большая, то оттиски с лицевой стороны доски делал первый печатник, а второй печатник такое же количество оттисков делал с обратной стороны клише.

Печатание — первая стадия изготовления древней книги-ксилографа. Потом следовали подборка, фальцовка, обрезка, выравнивание, изготовление и крепление корешка и переплета, сшивание, обертывание тканью и, наконец, укладывание в футляр — заключительный этап старинного монгольского книгопечатания.

Каждый из этапов по-своему интересен и своеобразен. Так, для переплета применялись деревянные обжимные прессы разных видов, большой нож, пила для бумаги, гладкая головка бедренной кости для полировки, наждачная шкурка, шило, молоток, большая игла, нитки, клей.

Существовало три вида обреза ксилографической книги: двухсторонний для гармоники, трехсторонний для сброшюрованных книг и четырехсторонний обрез для сутры.

Чтобы обрез был ровным, сутры полировали наждачной шкуркой или утолщенным концом бедренной кости. Потом сутры обжигали и закругляли со всех сторон на жаровне.

Для того, чтобы сутра была долговечной, ее помещали в обертку из хлопчатобумажной или шелковой материи, к одному концу которой пришивали длинную ленту с подвеской — своеобразная застежка. Кроме того, для предохранения книги от повреждения сутру вкладывали между двумя деревянными досками. Брошюрованные книги вкладывали в футляр.

Столь трудоемким было старомонгольское книгоделание в Монголии.

Авторами книг и переводчиками являлись крупные представители образованного духовенства — ламы, учителя тибетских и монгольских школ.

В настоящее время в библиотеках столицы и других городов МНР, Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики и Автономном районе Внутренняя Монголия бережно хранится часть монгольских ксилографических книг. Часть их в разное время была приобретена иностранными путешественниками. Ныне много старых монгольских ксилографических и рукописных книг хранится в библиотеках Москвы, Ленинграда, Казани, Ульяновска, Элисты, Варшавы, Кракова, Праги, Берлина, Лейпцига, Будапешта, Пекина, Дели, Сиднея, Токио, Оксфорда, Лондона, Брюсселя, Берна, Стокгольма, Осло, Парижа, Копенгагена, Кембриджа, Бонна, Марбурга, Дрездена, Геттингена, Мюнхена, Штутгарта, Вашингтона, Гарварда, Нью-Йорка и Дублина. Эти книги являются ценными источниками по изучению культуры Монголии и способствуют дальнейшему развитию монголистики во всем мире.

ПЕРВЫЕ, РУССКИЕ

Так же как национально-освободительное движение в Монголии было связано жизненными узами с русской революцией 1905 года, с Великой Октябрьской революцией, литературное развитие было связано с прогрессивной русской литературой. В конце XIX — начале XX века в Забайкалье жили сосланные в Сибирь царским правительством революционно настроенные деятели русской культуры. Монгольские феодалы, и особенно ламы, ненавидели их и всячески пытались опорочить в глазах простых людей. Этим попыткам противодействовали прогрессивно настроенные монгольские интеллигенты, они завязывали знакомства с русскими революционерами и распространяли их идеи. Они переводили на монгольский язык и распространяли в Монголии прогрессивные книги и журналы, в частности издаваемые революционером-демократом А. Герценом в Лондоне журналы «Полярная звезда», «Колокол» и др. Эти издания распространялись в городах Маймачен (ныне Алтанбулаг), Кяхте, других городах Восточной Сибири. В Кяхте был своеобразный корпункт журнала Герцена.

В конце XIX — начале XX века многие из русских ученых-путешественников интересовались жизнью, традициями, обычаями и культурой монгольского народа. В результате путешествий по Монголии Г. Н. Потанин опубликовал три тома книги «Северо-Западная Монголия». В нее включены более 200 получивших наибольшее распространение среди монголов легенд и сказаний. Г. Н. Потанин — автор весьма интересной повести «Бурятский юноша Дорж», в которой он изобразил жизнь и душевный мир улыбчивого, узкоглазого, загорелого парня с торчащей косой. Другом Доржи был лама Аюши, который любил читать молитвы. Но читал он их исключительно для того, чтобы научиться грамоте. Грамота же нужна ему была для того, чтобы познать учение будды Мандзушири. Он повесил себе на шею икону. Дорж не пошел по пути друга, а направился в Кяхту, где наблюдал торговлю в китайских лавках, жизнь китайских писарей, русских людей, увидел русскую школу. Дорж не дал себя обмануть китайским торговцам,

познакомился с русским мальчиком по фамилии Юнов и поступил в школу, выучился там русскому языку, чем и «помог одной народности, незнакомой с чужим языком, культурой, законами». О его целеустремленности и упорстве узнали и враги. Потанин назвал Доржи «врагом тех, кто строит свое счастье на несчастье других». Эту документальную повесть почти сразу после революции Дамбадорж перевел на монгольский язык.

Идеи русских ученых, писателей, путешественников, революционеров волновали прогрессивно настроенных монгольских интеллигентов. Цэвээн Жамцарано позже вспоминал: «После первой русской революции 1905—1907 гг. родилась мысль о распространении научных знаний среди монгольских народностей» (Рукописный фонд. Учком МНР. Папка 46 Л2). Цэвээн Жамцарано и А. Руднев в 1908 году выпустили сборник «Образцы монгольской народной литературы». В сборник вошли народные песни, загадки, сказки, эпос.

Русские прогрессивные ученые, путешественники внимательно следили за всем новым в культурной жизни монгольского народа и искренне радовались этому. Ученый-монголовед Б. Владимирцов писал жившему в местечке Хангилцаг Увсунурского аймака А. Бурдукову из Лондона 9 июля 1912 года: «Монгольское правительство назначило Жамцарано директором русской и монгольской школ. Это хорошо!» Цэвээн Жамцарано руководил открытыми в 1912 году двумя школами в Урге — русской и монгольской. В них учились способные, умные дети, среди них были и будущие революционеры, такие, как Х. Чойбалсан и Ц. Дамбадорж.

В десятые годы в Урге издавались журнал «Новое зеркало» («Шинэ толь») и газета «Нийслэл хурээний сонин». Эти периодические издания стремились познакомить монголов с классическими произведениями русских авторов, закладывали основы взаимосвязей монгольской и прогрессивной русской литературы. На титуле «Шинэ толь» был девиз: «Раскроет тысячи тайн, внедрит науки». В первом номере журнала отмечалось: «Монголы создали самостоятельное государство и теперь должны стремиться к знаниям, здоровой жизни, поэтому наш Ученый комитет будет коротко знакомить с теми знаниями, которые приняты во многих странах, издавать книги, что будет способствовать образованию монголов» (1913 г.). Помимо произведений монгольских писателей, «Шинэ толь» публиковал в переводе на монгольский язык труды и статьи зарубежных авторов. Начиная со второго номера журнала печатается труд финского ученого Рамстеда «Краткая история государства уйгуров», исторический роман французского писателя Грамстерна «Синее знамя синих монголов». Журнал преследовал благородную цель просвещения трудового народа, поддержки национально-освободительного движения. В заключении к переводу романа «Синее знамя синих монголов» содержатся следующие

строки: «Так как сейчас многие аймаки Монголии пробудились ото сна, заметно стремление к знаниям и культуре... Цэвээн Жамцарано перевел (этот роман) с русского языка на монгольский».

В газете «Нийслэл хурээний сонин» печатались в переводе на монгольский язык произведения И. Крылова, А. Грибоедова. В № 8 газеты И. Крылова называли «русский удивительный мудрый учитель», разъяснялся смысл его басен и сатирических сказок: «Он стремился своими баснями воспитывать людей, извещая их от недостатков. И так как он вскрывает в человеке все плохое и помогает ему избавиться от этого, он не просто сочинитель басен, но и мудрый учитель. Его учение почитаемо не только в России, но и в других странах. Крылов пишет свои поучительные басни простым, доступным языком, поэтому они особенно полезны для молодежи. Во многих школах изучают произведения Крылова. Быть может, и монголы, которые тянутся к знаниям, заинтересуются баснями Крылова. С этого номера мы начинаем печатать их».

В 1916 году был переведен и издан отдельной книжкой рассказ Л. Толстого «Карма». В предисловии к книге говорилось: «Эту маленькую историю полезно почитать детям. Взрослые также получают повод для размышления, найдут здесь много интересных мыслей о жизни» (Перевод Базар Барадий. «Карма». Петербург, 1916, с. 7). Все это доказывает, что наши интеллигенты искали пути просвещения народа, из русской классической литературы выбирали те произведения, которые были особенно понятны монголам, соответствовали прогрессивному демократическому направлению монгольской литературы. Более того, выбирали для перевода те произведения, которые способствовали будущему развитию отечественной словесности. Это вызывало резкий протест со стороны тех, кто защищал интересы правящей верхушки. Однако просветители не боялись этого, беззаветно стремились знакомить обманутых, одурманенных феодализмом и религией читателей с новыми людьми нового мира, новыми направлениями, идеями, творческими традициями.

Благодаря влиянию классических произведений русских авторов монгольские интеллигенты, писатели, опираясь на демократические традиции национальной культуры, писали сургалы (поучения), очерки, аллегорические сатирические стихи, короткие рассказы, содержащие обличительный пафос, направленный против иностранной агрессии, гнета феодалов, эксплуатации, несправедливости, отсталости. В них содержалась открытая сатира, высмеивалось коленопреклонение перед захватчиками, чинопочитание, лезть.

В очерке «Критика» Хардоржа говорилось: «В справедливом и неоднократном протесте Болд илда, выраженном ясными, истинными словами, содержится стремление отвергнуть старые порядки,

найти хорошее в новых явлениях» («Нийслэл хурээний сонин», 1915, № 13). В другом очерке под тем же названием содержится полемика на тему установления справедливого порядка в обществе: «Всякие монахи — шандзав, ламы — постоянно сидят дома, слушают разговоры других людей, поэтому приходят к неправильным суждениям в своих проповедях... Быть может, мои слова не понравятся кому-нибудь из мудрых, но я в своих размышлениях пытаюсь найти истину, снова и снова размышляю и прихожу к выводам. Пусть каждый решит для себя, согласится он со мной или нет».

Многие писатели того периода облекали свои высказывания в аллегорическую, скрытую форму, но их рассказы и стихи находили отклик среди читателей. Так, в аллегорической сказке «Пастух и комар» говорится о бесправии бедных. Сказать правду богатому правителю означает лишиться головы. В сказке действующие лица — комар и спящий человек. В образе спящего автор показал правящие круги империи Богдыхана. Эту сказку необходимо рассматривать в связи с особенностями национально-освободительной борьбы монгольского народа периода 1910 года. Такие аллегорические, сатирические сказки, с одной стороны, напоминают басни Крылова, с другой стороны, речения Хуульчи Сандага. Прогрессивные писатели и интеллигенция того времени стремились усваивать все положительное, почерпнутое в русской литературе. В связи с этим уместно провести стихотворное окончание очерка «Протест»:

Когда человек пьет, он использует чай в качестве сока,
И отвергает листья под названием шаар, содержащие яд.
Подобно этому, списывая слова других мудрецов, человек
Должен выбрать, какие слова полезны, а какие вредны

(«Нийслэл хурээний сонин», 1915, № 7).

Эти слова отражают стремление творческой интеллигенции распространять среди народа те идеи, которые отвечали потребностям национально-освободительного движения монгольского народа.

Таким образом, начало XX столетия перед монгольским народом открыло двери в мир классической русской литературы. Знакомство с книгами русских писателей способствовало углублению реалистического, демократического направления в монгольской литературе.

Д. Сандагдорж

ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ

Монгольский народ издревле почитает книгу, и эта традиция послужила основой для развития искусства книги нового времени.

Революционные художники старшего поколения обогатили формы и содержание этого искусства, применяя в современных книгах все новые прогрессивные эстетические принципы, приемы графики, соразмерность форм, которые были разработаны еще древними монгольскими мастерами, культурными людьми в соответствии с образом жизни кочевников Центральной Азии, особенностями их быта.

В первые годы народной власти талантливые художники оформляли первые революционные книги, журналы, газеты, рисовали плакаты, руководствуясь одной целью — довести до широкого круга людей смысл и цели Народной революции.

Они понимали, насколько важную роль играет изобразительное искусство в деле разъяснения прав и свобод, науки и образования, будущих задач неграмотным или полуграмотным массам аратов и всеми силами стремились сделать революционную агитацию наглядной, красочной, в оформлении книг и журналов использовали традиционный орнамент, сопровождая картины и плакаты кратким комментарием.

Изданные в то время книги, красочно оформленные, где даже шрифт был специально изготовлен, — «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Задачи союзов молодежи» В. И. Ленина, свидетельствуют о том, какое большое значение придавалось рисунку в то время.

Художники и писатели объединяли свои усилия в создании первых революционных книг, плакатов, каждый старался внести посильный вклад в дело революции.

Революционные плакаты, напечатанные по заказу Центрального Комитета нашей партии в 1922—1923 гг. в Петрограде, направленные против старого строя, содержащие новые революционные идеи и моральные принципы, ярко обличающие старый,

Д. Сандагдорж. Аппликации на монгольские темы. (В оформлении переплета настоящего издания использована цветная аппликация работы Д. Сандагдоржа)

отживший феодальный порядок, заключенные в лаконичном комментарии, представляли собой агитационные листы-плакаты, доступные самым широким массам, и были рассчитаны на массового зрителя.

В этом важном деле принимали активное участие известные художники и революционеры Б. Шарав и С. Буяннэмэх. Эта традиция и стала одним из тех новых явлений, которые зарождались тогда в жизни литературы и искусства. Б. Шарав создал иллюстрации к «Учебнику для чтения в школах», сборнику старинных сказок «Волшебный мертвец», роману Д. Дефо «Робинзон Крузо», Намсарай сочинил и сделал рисунки к книгам «Мои новые сапоги», «Мой новый дэли», «Пять видов скота в Монголии», «Наш сад».

В первые двадцать лет после победы революции иллюстрации к книгам и журналам выполняли работавшие в центральных аппаратах, Государственном комитете по печати талантливые художники, деятели культуры: Пунцагжунай, Гендэнжав, Баваасан, С. Буяннэмэх, А. Соёлтой, М. Лувсаннамжил, О. Санжжав, Лувсансандаг, Д. Чойдог, О. Цэвэгжав, Л. Гаваа, Д. Дамдинсүрэн, они заложили основы развития искусства книги в новое время. В тот период широко использовались приемы национального орнамента при оформлении обложки, титула, форзаца, с учетом особенности старинной монгольской вязи.

В создании новых традиций оформления книги имели значение два фактора — глубочайшее и неиссякаемое культурное наследие народного орнаментального искусства и мастерство, опыт самих художников, творчески применявших это наследие. Неоценим труд и опыт известного мастера орнаменталиста Д. Манибадара и художника-карикатуриста В. Одгийва, посвятившего всю свою жизнь книжной графике.

К первому изданию «Избранных сочинений» Д. Нацагдоржа в 1955 году сделали иллюстрации многие талантливые художники: Н. Цултэм — к стихотворению «Индийская девушка», Л. Гаваа — к пьесе «У трех печальных холмов», Б. Гомбосурэн — к рассказу «Слезы ламы», О. Цэвэгжав — к зарисовке «Степная красавица», С. Нацагдорж — к рассказу «Белый месяц и черные слезы».

Эти художники мастерски изобразили характер героев, сюжет произведений Д. Нацагдоржа.

То, что разноплановые по своему индивидуальному мастерству иллюстрации разных художников гармонично сочетались в одной книге — несомненно, заслуга художественного редактора сборника, опытного мастера книжного дела — В. Одгийва.

В 1950-е годы в стране не было профессиональных художников — иллюстраторов книги. Иллюстрации заказывались разным художникам. Учитель рисования Б. Гомбосурэн и художник Ж. Дашдондог в основном оформляли детские книги. Первым шагом в развитии искусства книги для детей стал конкурс на луч-

шее произведение для детей, объявленный в 1962 году Союзом художников и Министерством просвещения МНР. Решающим этапом в этом деле явилось также обучение монгольских художников в Московском полиграфическом институте в 60-е годы, что способствовало воспитанию профессиональных монгольских художников — книжных графиков.

Молодым художникам из Монголии в этом институте преподавали известные советские художники А. Д. Гончаров, В. Н. Ляхов, Е. Б. Адамов, М. В. Большаков, Д. С. Бисти, В. А. Маркус и многие другие. Они объясняли значение таких глубоких понятий, как роль искусства книги, ее просветительские функции. Все это помогало рождению новаторских тенденций в монгольском искусстве книги, перевороту в профессиональном искусстве.

В книжной иллюстрации последних лет заметно вырос профессионализм, в них отражается индивидуальность мастера, своеобразие индивидуальной манеры в решении композиции и передачи образов главных и второстепенных персонажей иллюстрируемых произведений. Можно назвать ряд художников, создавших современное оформление книг: «Сокровенное сказание» и роман «Заря над степью» — художник Г. Актив, роман Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир» — художник Д. Доржнамжим, роман Б. Ринчена «Великое кочевье» — художник Ц. Доржготов, сборник Б. Бааста «Мелодии осени» — Ж. Пурэвдорж, роман Д. Намдага «Тревожные годы» — Д. Загдсурэн, сборник сказок для детей «Золотой и серебряный бумбулэй» — Д. Батсуурь, детский сборник Ж. Дашдондога «Сын тайги» — Д. Пушкин, роман Б. Ринчена «Зан залуудай» — О. Мягмар, поэму Ц. Гайтава «Дамдины Сухэ-Батор» — П. Балдандорж, роман Л. Тудэва «Горный поток» — З. Нямзав, роман Д. Маама «Без родной земли» — Д. Болд и Я. Оюунчимэг, «Монгольские народные сказки» — У. Ядамсурэн.

Любопытно отметить, что известный ученый и писатель Л. Тудэв сам делал иллюстрации к своим первым романам и повестям.

Художник, писатель и редактор связаны неразрывно в работе с книгой. И конечно, художник должен глубоко проникать в ткань повествования, должен адекватно с писателем понимать образы героев и идею произведения.

Наши художники не только оформляли лучшие произведения отечественной словесности, но также обращались к творчеству советских и мировых классиков.

Например, художник Г. Актив выполнил иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, Д. Пурэвдорж — к книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан», Г. Актив и Д. Доржнамжим — к «Оводу» Э. Л. Войнич, П. Тумурпурэв — к «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина и повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

Успешно развивается графика детской книги. Ряд художников специализируются именно в этом виде творчества. Своеобразны

иллюстрации П. Тумурпурэва к книжке «Поющая бабушка», Н. Сандагсүрэнэ — к «Песеннику», Н. Соднома — к сказке «Отважный герой Алагдай», С. Идэрхайнгай — к книге «Наши школьники».

Оформление политической книги в каждой стране является одним из трудных видов творчества. С. Баатар успешно работает над внешним оформлением книг. Кроме того, молодой художник, иллюстрируя роман С. Лочина «Лунный свет» и сборник документальной прозы Д. Нацагдоржа, успешно применил фотографию. Современный дизайн книги успешно разрабатывают молодые художники П. Тумурпурэв и Д. Болдбаатар, они выпустили несколько альбомов с интересным конструктивным решением и соблюдением строгих правил композиции.

С 1965 года Монголия принимает активное участие в международных книжных ярмарках, организуемых в таких крупных городах мира, как Лейпциг, Москва, Братислава. Страна была удостоена на этих выставках серебряных, бронзовых медалей, других почетных наград.

Ежегодно, начиная с 1968 года, Министерство культуры МНР проводит конкурс на лучшую книгу, оказывающий благотворное влияние на улучшение внешнего вида книги.

В частности, следующие книги получили признание на международных выставках-ярмарках: в 1971 году на выставке «ИБА—71» получили серебряную медаль книги «Избранная монгольская поэзия», «Монгольские народные сказки», в 1975 году — на международной выставке в Москве «Книга на службе мира и прогресса» получили бронзовую медаль книги «Народная Монголия за 50 лет», «Полноправная страна моя», «Поющая бабушка», в 1977 году на выставке «ИБА — 77» также удостоены бронзовой медали книги «Моя Монголия», «Азбука», «Исторический путь Социалистической Монголии», в 1974 году на «Международной выставке медицинской книги» в Праге удостоена диплома книга «Дээрээс тогтоосон дурс тус бурийг бургтгэсэн бичиг», а на выставке «БИБ—71» в 1971 году в Братиславе — почетного диплома, в 1978 году «Азбука» удостоена диплома на конкурсе на лучшую книгу мира, проходившем в Лейпциге.

Наши художники книги удачно сочетают в своем творчестве лучшие достижения мирового искусства и национальные приемы.

Интенсивное развитие искусства книги, улучшение ее внешнего вида — вопрос чрезвычайно важный, ибо книга — это зеркало, отражающее уровень развития культуры и просвещения народа.

ТРУДЫ В. И. ЛЕНИНА В МОНГОЛИИ

В Монгольской Народной Республике исключительно большое значение придано изданию и распространению трудов В. И. Ленина. Эти труды читают, по ним учатся жить и бороться.

История издания и распространения в Монголии ленинских произведений начинается с 1918 года, когда в газете «Монголын сонин бичиг» («Новости Монголии». Газета издавалась с 1909 по 1918 г. в городе Харбине русским управлением восточно-китайской железной дороги) был опубликован на монгольском языке ленинский «Декрет о земле». Монгольские читатели получили, таким образом, возможность на родном языке ознакомиться с важнейшим документом молодой Советской Республики, в котором была провозглашена отмена права частной собственности на землю. Именно такое решение земельного вопроса привлекло внимание передовой части монгольских аратов.

Монгольский народ законно гордится тем, что основатель МНРП и народного государства Монголии Д. Сухэ-Батор и другие революционеры имели возможность неоднократно встречаться с Владимиром Ильичем Лениным лично и советоваться с ним о перспективах развития монгольской революции.

Первая беседа В. И. Ленина состоялась в 1920 году с делегацией монгольской революционной организации. Во время этой беседы он дал ценные советы монгольским революционерам, подчеркнув, что единственно правильным путем для монгольских трудящихся является борьба за политическую и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами РСФСР. Уже накануне революции эти веские слова Владимира Ильича Ленина дошли до монгольских аратов через их революционных представителей, лично встретившихся с ним.

Вторая беседа В. И. Ленина с монгольской делегацией в 1921 году имела непреходящее значение для нашей партии, молодого независимого государства и монгольских трудящихся в их борьбе против внешних и внутренних врагов, в защите революционных завоеваний, создании новой некапиталистической экономики.

Широкому распространению в стране идей и трудов В. И. Ленина положила начало победа Народной революции 1921 года.

Известно, что Д. Сухэ-Батор и другие деятели партии использовали в агитационно-пропагандистской работе отдельные ленинские положения (об эксплуататорской и агрессивной сущности империализма, об особенностях борьбы угнетенных и колониальных народов, о задачах социалистической революции).

По мере развития Народной революции и улучшения подготовки партийных и государственных кадров с серьезным политическим образованием появились более благоприятные условия для издания ленинских работ на монгольском языке, рассчитанных на широкий круг читателей.

В 1925 году вышла известная ленинская работа «Задачи союзов молодежи». «Учиться коммунизму» — ленинский завет, высказанный в речи на III съезде РКСМ, стал смыслом жизни многих поколений монгольской молодежи. С тех пор книга Ленина выдержала в МНР 13 изданий.

В 1930 году по решению ЦК МНРП была создана специальная редколлегия по переводу трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В 1930—1931 годы в Монголии было переведено и издано более 30 работ В. И. Ленина общим тиражом 180 тысяч экземпляров. В 1931 году вышли в свет труды В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», «Государство и революция», «Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам», «Пролетариат и крестьянство», «Социализм и религия», «Социализм и анархизм», отдельные главы из книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», в частности, «Одно из основных условий успеха большевиков», «Главные этапы в истории большевизма», «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, укреп и закалился большевизм?»

Издание на монгольском языке работ В. И. Ленина имело исключительно большое значение. Правдивые и ясные слова Владимира Ильича: «Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям» (ПСС. Т. 41. С. 244—245) имели огромное воздействие. Те, кто принимал эту идею, последовательно и бескомпромиссно защищали генеральную линию партии, направленную на создание общества без угнетателей, в интересах трудового народа.

Ознакомление партийных и государственных работников с основными положениями работы В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», содержащими принципиальную критику мелкобуржуазной революционности и правого оппортунизма, сыграло положительную роль в преодолении МНРП левых перегибов и правого уклона, имевших место в 30-е годы.

В последующие годы по инициативе ЦК МНРП были переведе-

ны на монгольский язык и изданы работы В. И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма», «Карл Маркс»; публиковалось много статей и брошюр по различным проблемам марксизма-ленинизма, было организовано широкое изучение основ марксистско-ленинского учения руководящими кадрами и работниками системы партийного просвещения.

Таким образом, издание и распространение на монгольском языке многих ленинских работ имело серьезное значение для теоретической и политической подготовки членов партии и всех трудящихся, значительно содействовало развитию общественных наук в стране.

В результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма, решающую роль в котором сыграло Советское государство, образования мировой социалистической системы, перехода Монголии к строительству социализма в мирных условиях, появились широкие возможности для издания, распространения и изучения ленинских произведений.

В 50—60 годах большими тиражами вышло свыше пятидесяти наиболее популярных трудов Ленина: «С чего начать?», «Что делать?», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед и два шага назад», «Очередные задачи Советской власти», «Государство и революция», «Марксизм и ревизионизм», «Великий почин», «Апрельские тезисы» и другие.

С конца 50-х годов начата работа по переводу на монгольский язык и изданию собрания сочинений В. И. Ленина в 35-ти томах. Этот огромный труд был успешно осуществлен Институтом истории партии при ЦК МНРП совместно с Госиздатом МНР с 1959 по 1967 год. В нем приняли участие лучшие переводчики-обществоведы страны. Выпуск был завершен в год 50-летия Великого Октября.

Выход в свет собрания сочинений В. И. Ленина стал важнейшим событием в политической и духовной жизни монгольского народа, ярким выражением беспредельной преданности МНРП всеполюющему учению марксизма-ленинизма. Коммунисты, широкие слои трудящихся Монголии смогли на родном языке глубоко и всесторонне изучить труды вождя мирового пролетариата, расширить теоретическую основу для правильного и эффективного претворения в жизнь политики МНРП.

В начале 60-х годов в ряде номеров журнала «Намын амьдрал» («Партийная жизнь») — органа ЦК МНРП — были опубликованы отдельные главы философской работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В середине 70-х годов вышли в свет «Избранные произведения» В. И. Ленина в 3-х томах общим тиражом 24000 экземпляров. В этот трехтомник вошло около 150 работ Ленина.

Многие важнейшие труды В. И. Ленина неоднократно переиздавались в МНР большими тиражами («Что делать?» — 4 раза, «Очередные задачи Советской власти» — 5 раз, «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» — 3 раза, «Карл Маркс» — 6 раз, «Партийная организация и партийная литература» — 6 раз).

За последние двадцать лет в МНР в сотнях тысяч экземпляров вышли более 30 тематических сборников, составленных из наиболее известных ленинских произведений. В их число входят сборники ленинских работ «О Великой Октябрьской социалистической революции», «О единстве партии», «Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма», «О партийно-государственном и общественном контроле», «О партийном строительстве», «Об идеологической работе», «О коммунистической нравственности», «О культурной революции», «О дисциплине», «О социалистическом соревновании», «О нормах партийной жизни и принципах партийного руководства», «О профсоюзах», «О производительности труда», «О научной организации труда», «О печати», «О религии и церкви» и ряд других. Следует отметить, что в 1960 и 1969 годах издавался сборник «Ленин о Монголии» общим тиражом 21000 экземпляров.

С 1925 года в Монгольской Народной Республике на монгольском языке вышли свыше 4000 ленинских работ, включая собрание сочинений, отдельные издания, тематические сборники, публикации в периодической печати.

Институт общественных наук при ЦК МНРП и советское издательство «Прогресс» в 1985—1987 годах подготовили и издали избранные сочинения В. И. Ленина в 12-ти томах на монгольском языке. Выход последнего тома был приурочен к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В заключительный том включены ленинские работы о партии нового типа, о развертывании революционного движения в России, о победе Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний, о строительстве первого в мире социалистического государства, о закономерностях и принципах созидания социализма и коммунизма. В публикуемых трудах читатель найдет характеристику эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму, труды Ленина по вопросам стратегии и тактики международного коммунистического и рабочего движения, истории Коммунистического Интернационала, национально-освободительной борьбы.

Произведения В. И. Ленина по числу изданий, вышедших на монгольском языке, занимают ведущее место среди всех книг, издаваемых сейчас в МНР.

В каждой библиотеке страны (а их около тысячи) есть специальный отдел, посвященный ленинским работам и книгам о В. И. Ленине на монгольском и русском языках.

Ныне труды В. И. Ленина изучают в сети партийного и комсомольского просвещения, в школах социалистического труда и экономического образования, в вузах и техникумах.

Богатейшее идейное наследие Ленина, заключенное в изданных на монгольском языке книгах, служит неиссякаемым источником творческой мысли, вдохновляет монгольских коммунистов и весь наш народ на новые достижения в строительстве социализма.

ОБ ОДНОЙ КНИЖНОЙ НАХОДКЕ

В литературе, как и в жизни, бывают неожиданные случаи. Расскажу об одной книжной находке.

Однажды, в начале сентября 1966 года, счастливый охотник за книгами, писатель Л. Тудэв пришел в Союз монгольских писателей с тоненькой книжкой в белой обложке. Она называлась «Стихотворное введение к критике справедливых» и состояла из 88 стихотворных строк, отпечатанных на 14 страницах старомонгольским письмом. Никто из нас раньше не видел этой книги и даже названия ни разу не слышал. Мы с живейшим вниманием обратили взоры на это необычное издание, впервые обнаруженное Лодонгийном Тудэвом. Книжка была выпущена 18 ноября одиннадцатого года Многими возведенного, т. е. в 1921 году — в самый разгар революции, Русско-монгольским комитетом печати в Урге. Это был сборник новой революционной поэзии — о Народной партии, о революции, — неизвестная в истории монгольской литературы страница, так как об этой книге никто из литературоведов ни разу не писал и не упоминал. Однако меня не покидало ощущение, что я уже видел где-то эти стихи. Удивительным было и то, что книга вышла отдельным изданием. И, наконец, я вспомнил, что однажды, работая в фондах Государственной публичной библиотеки с рукописью «Тетрадь новых песен и стихов на разные темы», увидел подшитую к ней еще одну — «Первые стихи о Народной партии». Сравнив ее с «Стихотворным введением к критике справедливых», я обнаружил полное совпадение. Названная книга была обнаружена случайно. Раньше существовала традиция брошюровать под одной обложкой несколько книжек. Таким образом часто объединялись книги совершенно разного содержания. Так однажды, просматривая старую сборную книгу, я обратил внимание на стихотворный сборник. Он принадлежал С. Буяннэмэху и был написан в конце марта — начале апреля 1921 года. С. Буяннэмэх вспоминал об этом в 1924 году: «Впервые в Алтанбулаге и Дээд Шивээ собрались товарищи по Народной партии. Они принимали молодежь в Народную партию. В то великое время и мне захо-

телось вступить в ряды партии. Я внимательно изучил десять пунктов (устава) Народной партии, Манифест, осознав и усвоив цели и задачи партии, одоблив их и укрепившись в решимости не жалея сил бороться до конца за ее правое дело. Меня приняли в ряды партии и направили представителем в комиссариат Секретариата по делам народов Востока в Иркутске. Я был преисполнен желания внедрять в массы идеи партии, разъяснять их смысл, чтобы больше и больше народу пошло за партией, но и неуверенность в себе, своих силах одолевала меня. Смогу ли? Хватит ли у меня силы убеждения? Все, о чем думал, в чем сомневался, я изложил в стихах и попросил товарища Дамбадорджа (Цэрэн-Очирын Дамбадордж много лет был председателем ЦК Народной партии. — Ц. М.) исполнить мою просьбу и напечатать мои стихи. С тем я и выехал в Иркутск. Впоследствии, когда было образовано Народное правительство в Урге, Отдел образования народной армии издал книгу моих стихов. Но в настоящий момент сборник невозможно найти — он разошелся среди читателей. Оригинал у меня сохранился, в связи с чем обращаюсь с повторной просьбой опубликовать массовым тиражом книгу стихов в Комитете наук вместе с другими материалами. Вот о чем я и хотел сказать в предисловии к сборнику. Буяннэмэх».

«Книга новых песен и стихов на разные темы» — яркое проявление того, что Монгольская Народно-революционная партия считала литературу и искусство важными для революции. Их развитию всегда уделялось большое внимание. Но позже, при выходе книги отдельным изданием, ей было дано название в соответствии с классической национальной традицией: «Прояснение справедливости» («Чигч шудрага явдлыг хянан тодруулах»).

«Стихотворное введение к Народной партии» или «Стихотворное введение к критике справедливых» было нацелено на разъяснение народу смысла и значения деятельности Народно-революционной партии и совершенной ею революции.

Если проанализировать содержание сборника, то можно выделить три основных идеи. Во-первых, резкая критика старого строя, несправедливости, невежества, произвола феодалов, эксплуатировавших бедняков.

Жестоко подавляющие бедных;
 Заботящихся только о благе для своего грешного тела,
 Обрекая всех живых на адские муки,
 Пресекающие всякие попытки к развитию, свету,
 Придумывающие бесконечные поборы и налоги,
 Выжимающие последние соки даже из тех, кто не
 может себя прокормить,
 Превозносящие себя безмерно...

Так Буяннэмэх беспощадно обличает пороки феодального общества. Далее писатель показывает неизбежность гибели старого строя:

Все копятя и ширятя ваши грехи,
Все крепче ваша смычка с грабителями Севера и Юга,
За ломаный грош вы продали народ иноземцам.
Все полнее чаша грехов.
Недолго им жить осталось, вот и умирают.
Поистине достойны позора обезумевшие враги.

Неизбежность гибели реакционного феодального строя Буяннэмэх показал очень наглядно и конкретно — в образах предателей народа, которые вступили в сговор с бандой Унгерна. Это важнейшая черта идейного содержания стихов. Автор отражает политику партии, нацеленную на свержение этого реакционного строя:

Бесчисленными стали страдания на монгольской земле.
Увидев эти несправедливые порядки,
Мудрые ученые мужи вышли из подполья,
Прониклись ненавистью и решимостью уничтожить их.
Эта решимость была непреклонна.
Этой ненависти не было предела.
Свергли несправедливость и зло, что были неприкосновенными,
Привольной Монголии дали свободу,
Решили установить счастливое государство.
«Наиважнейшее дело — подавить врагов», —
Так учит благородная Страна Советов.
Вот так и свергли старый опостылевший порядок,
Создали Народную партию, чтобы развивать народ,
Чтобы дать навеки свободу и счастье людям.
Навсегда искоренили смуту и вражду,
Чтобы процветала в веках страна, как солнце и луна.
Поистине похвальны такие идеи мудрецов, свершивших дела.

Поэт призывает народ всеми силами оказывать поддержку деятельности партии:

Партия из любви к монголам
Избавила их от иноземного порабощения,
Освободила от обольванивания и темноты,
Уничтожила кабальную зависимость от налогов.
Партия ставит одну цель — счастье народа на века.
Ясно, что это отвечает чаяниям народа.

В сущности, это — первый гимн делу МНРП, по своему содержанию он направлен против реакционного феодального строя, воспеваает цели и политику партии, призывает народ бороться за ее благородные идеалы и имеет огромное идейное значение.

Высоко оценено значение этих стихов в первом томе вышедшей в 1985 году «Истории современной монгольской литературы». Источником литературы нового времени послужили «Образцы новой монгольской поэзии», которые начинались с революционной песни «Шивээ Кяхта»; гражданская поэзия берет свое начало с магтала «Первые стихи о Народной партии».

Единственный экземпляр этого первенца монгольской литературы сейчас хранится в библиотеке Института общественных наук при ЦК МНРП.

ВОЛШЕБНЫЕ СТРОКИ

— Если тебе так уж хочется получить эту книгу, давай бороться. Сумеешь бросить на землю — твоя будет. Насовсем!

Так обернулся разговор с другом, у которого я выпрашивал книгу, добытую им во время на doma в сомоне. Это было в середине 50-х годов. Мы встретились на пастбище — на южном склоне сопки Тувшин, он пас коней на солончаках, я — верблюдов. Стоял конец июля, жарко припекало солнце, переливались гобийские миражи, и от синих цветов ириса словно исходило голубое сияние. Я не мог отвести глаз от книги: толстый том в белой обложке, с портретом А. С. Пушкина на титульном листе. Книгу выпустили к 150-летию со дня рождения поэта. В ней были «Повести Белкина», «Станционный смотритель», «Выстрел», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого»... Среди переводчиков — наши известные писатели Б. Ринчен, Э. Оюун, Ч. Лодойдамба и другие. Я тогда учился в школе и, заведя книгу, забывал обо всем на свете... Мне непременно нужно было победить Балдана и заполучить книгу... Книги для детей в то время были еще большой редкостью. И вообще в сельской местности было мало книг. В немногих семьях сохранялся обычай читать детям притчи из старинных книг «Бумажная птица», «Ключ разума», «Повесть о двух скакунах Чингиса», «Легенда об Аргасун-хурчи» и других, которые на протяжении многих веков являлись книгами для домашнего чтения.

Правда, в новой монгольской литературе были уже произведения, написанные и изданные для детей: с 1929 года издавались сборники стихотворений, в которые вошли произведения Д. Нацагдоржа «Моя Родина», «Ранний ягненок», «Пионерская песня», сборник рассказов и сказок С. Буяннэмэха «Воробушки»; повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка», Д. Цэвэгмида «Пастух Найдан», «Болд и Самбу». Заботы по выпуску литературы для детей в 20—30-е годы взял на себя единственный тогда детский журнал «Смена». Правда, в то время у нас широко издавалась переводная иностранная литература для детей. Например, огром-

ный успех среди монгольских читателей имела вышедшая в прекрасном переводе Ц. Дамдинсурэна «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. До сих пор помню наизусть ее волшебные строки...

Позднее, занявшись литературным творчеством, я в полной мере осознал, какое огромное влияние оказали переводы из русской, советской и мировой классики на становление и развитие монгольской литературы для детей. В деле перевода принимало участие большинство известных писателей. Первым подал пример Д. Нацагдорж, который перевел «Золотого жука» Эдгара По. Затем большими тиражами вышли «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна, «Сказка о храбрых животных» С. Томпсона, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Доктор Айболит» К. Чуковского, «Пакет» В. Пантелеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, повести А. Гайдара и др. Очень верно значение этих переводных книг определил Л. Тудэв, подчеркнув, что они не только обогащали детское сознание, но и давали импульс развитию монгольской детской литературы.

...Тогда судьба послала мне испытание: лишь победив намного превосходившего меня в силе друга, я получил возможность прочитать А. С. Пушкина. Замечу, боролись мы долго. Но если бы мой друг не поддался из желания поддержать мою страсть к книгам, я бы его ни за что не одолел. Впоследствии, чтобы стать писателем и писать для детей, я принял вызов гораздо более серьезного соперника по имени «литература». Тогда я понял, что для того, кто вступил в эту борьбу, нет пути назад, он не имеет права признать себя побежденным. С тех пор прошло тридцать лет. Благодаря усилиям моих коллег, в середине пятидесятих годов «литература для маленьких граждан» достигла зрелости, стала постоянным спутником жизни и школьных будней детей, обогащающим их сознание и воспитывающим в духе верности Родине и партии. И если в этом есть и моя маленькая заслуга — это самая большая награда для меня.

Когда писатель Л. Тудэв обсуждал свою первую повесть «Золотая волна», я, студент финансово-экономического техникума, учился вместе с ним в литературном кружке при Педагогическом институте. Необыкновенно даровитый юноша сразу же привлек внимание Союза писателей, его поддержали, и первый сборник детских рассказов «Заметки охотника» выпустили, еще когда Л. Тудэв был студентом. С тех пор из года в год, от книги к книге растет и крепнет, все полнее раскрывается его талант, и от первых, коротких, порой наивных рассказов писатель приходит к роману и повести, всесторонне отражающим действительность в революционном развитии, в борьбе рождающегося нового со старым, с пережитками прошлого. От книги забавных приключений «Заметки охотника» — к книге «Полярная звезда», показавшей, как форми-

ровался образ вождя монгольской народной революции Сухэ-Батора в конкретных исторических обстоятельствах, в период революционного процесса проникновения в Монголию идей Великого Октября. Повести Л. Тудэва «Ум» и «Как я открывал мир» опровергли бытующее среди некоторых писателей устаревшее понятие о том, что детские книги могут быть написаны примитивным языком, понятным детям, исключая глубокие философские рассуждения. Проникнутая философским содержанием повесть «Как я открывал мир» входит сейчас в число лучших детских книг Монголии и, переведенная на разные языки, знакомит народы других стран с жизнью Монголии, нашими обычаями и национальными традициями.

Однажды осенью в доме отдыха Сонгино я близко познакомился с детским писателем Д. Содномдоржем и обнаружил, что не совсем знаком с особой психологией людей, пишущих для детей. Вечером, во время прогулки, Содномдорж нацелился в меня зажигалкой — «пистолетом», и выстрелил. Я, несколько удивленный, никак не реагировал.

— Ну, падай же, — будто обиделся он.

— Чего? — удивленно переспросил я, а он свое:

— Ну, я же «выстрелил» в тебя...

Так я понял, что Содномдорж смотрит на многое вокруг детскими глазами и окружающий мир воспринимает по-детски непосредственно. И свои замечательные произведения «Жигмид и Тогмид», «Биография Норова», «Правдивое сердце», «Три подвига», мне кажется, он создавал именно в кругу детей, превратившись на время в их сверстника.

Всякая литература, в том числе детская, должна постоянно обогащаться и развиваться. Если художник долго остается на одном месте, продолжая писать в одной и той же, уже исчерпавшей себя манере, без новых идей, без творческих исканий, его творениям уготована печальная судьба — годами пылиться на прилавках книжных магазинов. Это особенно подтверждается в 70—80-е годы. Дело в том, что к нынешним детям информация поступает в таком количестве, в каком не поступала ни в один из предыдущих веков, и они очень рано развиваются. В этом смысле особое значение приобретает творческий поиск новизны. Не так давно вышла в свет книга «Папа, мама и я» Ж. Дашдондога, неутомимого искателя нового. С этой книгой, внесшей свежее дыхание в монгольскую детскую поэзию, знаком и советский читатель. Стихи Ж. Дашдондога отличаются высоким поэтическое мастерство, мелодичность звучания, правдивое изображение своеобразия психологии и образа мышления монгольских детей.

Эти писатели, произведениям которых отведено центральное место в библиографическом справочнике детской литературы Монголии, в своем творчестве продолжили лучшие традиции, обогатили

опыт писателей старшего поколения. В свою очередь, их опыт служит подспорьем в творчестве представителей молодого поколения детских писателей, таких как Д. Даваням, С. Надмид, Г. Бата и др., обогатившие детскую литературу интересными, талантливymi книгами.

Если ближе ознакомиться с библиографией монгольской детской литературы, можно увидеть, как широк круг ее тем: о рабочих, аратах, о профессии мам и пап, о космических полетах и звездах, о проблемах войны и мира.

В 30—40-е годы главным героем книг для детей являлся маленький арат. Это вполне закономерно. Основной отраслью народного хозяйства в то время было животноводство, и сами писатели — дети аратов, были прочно связаны с бытом и укладом жизни. Возьмем хотя бы тех, о ком я говорил выше. Так, Л. Тудэв начал свой творческий путь в сомоне Наран Гоби-Алтайского аймака, Д. Содномдорж — в сомоне Мурэн Хэнтейского аймака, Ж. Дашдондог — в сомоне Бурэгхангай Булганского аймака. Но к восьмидесятым годам главный герой детской литературы значительно изменился. Теперь это дети рабочих, интеллигенции, интернациональный товарищеский коллектив, маленькие мыслители научно-технического века... Остановлюсь несколько подробнее на недавно появившемся термине «городские дети».

В 40—50-е годы в нашей стране, кроме Улан-Батора, почти не было крупных промышленных городов. Но в то же время об улан-баторских детях никто не писал. Появление «городских детей» связано с ускорением темпов развития. В одном лишь Улан-Баторе ныне в средних школах учится почти 100 тысяч детей, в городе более 160 детских садов и яслей, где воспитываются 25 тысяч малышей. Кроме того, за последние десятилетия появились новые промышленные города: Дархан, Эрдэнэт, Баганур, Хутул, Борундур, а на месте старых маленьких городов — Ховд, Улгий, Чойбалсан с глиняными домами и юртовыми районами выросли новые нарядные города с дворцами культуры и фабричными зданиями.

Сознание городских детей, которые посредством современных средств информации незамедлительно узнают обо всех событиях в мире, первыми знакомятся с выдающимися достижениями культуры, развивается весьма быстро. Вот с этими детьми и знакомят нас произведения Ж. Дашдондога, С. Надмида, Н. Жанчива и других. Герои Ж. Дашдондога, не отличающие город от деревни, и смешны, и поучительны. В одном его стихотворении мальчику, никогда не покидавшему пределы города, представляется, будто бы овцы, козы и верблюды, как пешеходы в городе, подчиняются красным, желтым и зеленым сигналам светофора. Герои книги С. Надмида «Шестьдесят цыплят» — смелые, инициативные ребята, которые организуют движение по охране зеленых насаждений, воюют с самодеятельными художниками, разрисовывающими

стены домов, выполняют обязанности юных распорядителей уличного движения, испытывают новые модели, исследуют звездные просторы.

Расширение тематического круга, появление новых персонажей в детской монгольской литературе — результат осуществления сформулированной в партийной Программе социально-экономической политики, успешного выполнения задачи превращения страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. Сегодня ясно намечаются перспективы дальнейшего развития детской литературы в МНР. Но все это отнюдь не говорит о том, что детская литература развивается без ошибок, просчетов и недостатков. Все более повышаются требования, предъявляемые к качеству книг для детей. Невозможно старыми средствами изображать все разнообразие новой действительности, новые условия жизни детей, то новое, что появилось в их психологии. Но по-прежнему остро ощущается нехватка в книгах для детей дошкольного и переходного возраста, в научно-популярных брошюрах, фантастических и приключенческих произведениях. Не удовлетворяют все более возрастающему спросу издаваемые в стране красочно иллюстрированные книги для самых маленьких, сборники пьес для кукольных представлений в яслях и детских садах... Лучшие произведения монгольских детских писателей издаются в братских социалистических странах: «Полярная звезда», «Пожар», «Как я открывал мир» Л. Тудэва, «Папа, мама и я», «Волк и сурок» Ж. Дашдондога, «Семицветная радуга» Д. Содномдоржа, «Сын Гоби» П. Хорлоо, «Рассказы о Сухэ-Баторе» Н. Надмида завоевали большое признание не только у себя на родине, но и за рубежом.

«БИБЛИОТЕКА МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В руках у меня книга — один из 16 томов серии «Библиотека монгольской литературы». Благодаря изданию этой серии в Советском Союзе на русском языке лучшие произведения монгольской литературы становятся достоянием многомиллионного советского читателя.

Как родилась эта серия?

Ясным августовским утром 1977 года в аэропорту Буянт-Ухаа мы встречали делегацию писателей СССР. После совместного совещания писателей двух наших стран была подписана перспективная программа сотрудничества между союзами писателей МНР и СССР, в которой говорилось: «Принять участие в подготовке выпуска в Советском Союзе серии книг «Библиотека монгольской литературы» (обсуждение издательских планов, внутреннее рецензирование, обсуждение переводов)».

Успешно завершив работу, мы всей группой поехали в Эрдэнэсомон Центрального аймака, в живописную местность Баян-гол. С традиционным монгольским гостеприимством и радушием встречали нас в юртах чабанов и табунщиков. Здесь, в Баян-голе, участники совместного заседания продолжали обсуждать вопросы, связанные с созданием «Библиотеки монгольской литературы», — уж очень захватила всех эта замечательная идея...

А через некоторое время мы с нашим старейшим писателем Цэндийном Дамдинсүрэн-гуаим стали участниками VII съезда советских писателей. В перерыве между заседаниями в гудящих кулуарах нас с Дамдинсүрэн-гуаим радостно окликнул и приветствовал Виталий Озеров.

— Монгольские друзья, — сказал он, — давайте сфотографируемся на память.

Сверкнула вспышка фотоаппарата.

— Вы знаете, я открываю «Библиотеку монгольской литературы», — сказал нам Виталий Озеров. — Написал предисловие к ее первому тому — роману Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир». Мы планируем издать его к 60-летию вашей Народной революции.

*Доджоогийн Цэдэв и Олег Шестинский.
Фото Р. Гамбожава*

Это была для нас радостная весть. И действительно несколько дней спустя в наши руки попала прекрасно изданная книга, украшенная золотым соёмбо — древним символическим знаком монголов. В предисловии мы читали слова, преисполненные добрых, светлых чувств к нашей стране и к нашей литературе: «Монгольская Народная Республика, — пишет В. Озеров, — чудесная страна, раз увидев, её нельзя не полюбить на всю жизнь. Эту любовь внушает и неповторимая природа, и вызывающие уважение люди — неутомимые труженики и ярчайшие образчики самобытной культуры.

Сегодняшняя монгольская литература — идейное и художественное богатство, достойное повсеместного изучения и распространения... Монгольская литература, творчески осваивая достижения литературы советской и других социалистических стран, прогрессивной мировой литературы, вносит в развитие художественной культуры человечества свой весомый вклад. Закономерным итогом развития литературы МНР явилось освоение традиций социалистического реализма, ставшего основным методом художественного творчества монгольских литераторов... Советско-монгольские художественные связи, заложенные еще в первые годы революции, значительно обогатились и перешли на новую каче-

Чойжилын Чимид. Фото Р. Гомбожава

Бэзгийн Явуухулан. Фото Р. Гомбожава

ственную ступень... Опыт, накопленный за последние десятилетия советскими литературоведами-монголистами и переводчиками, закономерно поставил в повестку дня вопрос об издании на русском языке многотомной Библиотеки литературы Монгольской Народной Республики. Издание 16-томной библиотеки литературы МНР — событие большого культурного значения. Советский читатель сможет совершить увлекательное путешествие в мир монгольской книги и, думается, итогом ее будут незабываемые впечатления о дорогой нашему сердцу стране, о народе, с которым советские люди были вместе и в дни больших военных сражений, и в годы мирного труда, и который мы по праву называем верным и любимым Братом».

В серии «Библиотека монгольской литературы» вышли в свет двухтомники «Рассказы монгольских писателей», «Повести монгольских писателей», «Поэзия Народной Монголии», в которые вошли произведения основателей современной монгольской литературы — Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурэна, С. Буяннэмэха, старейших наших писателей, таких как Д. Цэвэгмид, Д. Сэнгээ, Э. Оюун, Ч. Лхамсурэн, молодых поэтов и прозаиков, уверенно вступающих в литературную жизнь. Достойное место в Библиотеке заняли романы «Прозрачный Тамир» Ч. Лодойдамбы, «Тревожные

годы» Д. Намдага, «Великая судьба» С. Удвал, «От кочевья к оседлости» Л. Тудэва, а также романы Ж. Пурэва, Н. Банзрагча, Д. Гармаа. Словом, в Библиотеке монгольской литературы собраны все те произведения поэзии, прозы, драматургии, которые завоевали наибольшую популярность и любовь среди монгольских читателей. Новой страницей в изучении современной монгольской литературы явились предваряющие почти каждый том Библиотеки литературоведческие работы, в которых исследуется развитие жанров монгольской литературы, даются оценки произведениям наших известных писателей. В частности, монголовед, доктор филологических наук, профессор Л. Герасимович, автор монографий «Литература Монгольской Народной Республики» и «Монгольское стихосложение», в своей обширной статье «Современная монгольская повесть» делает следующий вывод: «... в последние десятилетия монгольские писатели все чаще обращаются именно к личной жизни человека, его внутреннему миру, психологии, исследуют пути формирования его мировоззрения». Много сил, творческого мастерства, таланта вложили А. Дамба-Ринчинэ, Я. Аюурзанаев, Т. Бурдукова, Г. Матвеева, Л. Скородумова, Е. Демидов, Б. Бильдушкинов, М. Гольман, А. Кудряшов, Н. Очиров, Б. Намжиллов, А. Мелехин, Ю. Кручин, которые осуществили перевод прозы и драматургических произведений, вошедших в тома Библиотеки. Монгольская поэзия звучит в переводах В. Солоухина, Р. Казаковой, В. Федорова, А. Маркова, Г. Ярославцева, Ю. Александрова, С. Северцева, В. Проталина, М. Еремина, С. Вальчука, А. Ивахина.

В число переводчиков «Библиотеки монгольской литературы» вошли как опытные мастера, так и талантливые молодые переводчики. Одни переводы сделаны непосредственно с языка оригинала, другие — особенно в поэзии — с подстрочника. Разумеется, в зависимости от принципов, которых придерживаются в своей работе переводчики, их опыта, степени знания творчества монгольских писателей, их художественных методов и стилей, знания языка и других факторов переводы получились разные. Одни стремились как можно точнее передать монгольский оригинал, другие же делали перевод более свободно, ориентируясь на восприятие русского читателя. Однако несомненно одно: советские переводчики стремились передать суть и душу монгольской литературы и удачно справились с этой нелегкой задачей.

Наши читатели и писатели выражают советским переводчикам свою сердечную благодарность за их поистине огромный труд и желают от души дальнейших больших успехов в их благородном деле на благо дружбы двух наших народов. В издательства «Художественная литература», «Прогресс», «Радуга», в которых изданы тома «Библиотеки монгольской литературы», а также в адрес Союза монгольских писателей поступают многочисленные

письма, в которых читатели выражают чувства благодарности.

Библиотека также представляет собой обширный материал для изучения узловых теоретических и практических вопросов художественного перевода с монгольского языка на русский. Серия «Библиотека монгольской литературы» способна дать своим читателям последовательное и стройное представление о духовном богатстве, созданном монгольским народом за годы народной власти, о нашей сегодняшней литературе, которая является зеркалом социального развития страны, выразителем дум и чаяний монгольского народа.

Из года в год пополняются новыми книгами библиотеки стран, городов, людей. Обогащается духовная сокровищница человечества. И в эту сокровищницу вносит свой вклад и литература Народной Монголии, борющаяся за построение нового прекрасного общества, за мирное небо над человечеством.

Д. Дашджамц

МОЛОДЫЕ КНИГОЛЮБЫ МОНГОЛИИ

Монголию называют страной молодых. Это действительно так. Около 80 процентов ее населения составляет молодежь в возрасте до 35 лет. Любовь к чтению — вот, пожалуй, отличительная черта нынешнего молодого поколения.

Сегодня, в эпоху перестройки, книга стала насущной потребностью каждого молодого человека, источником познания окружающей действительности и духовного обогащения.

Недаром наша народная поговорка гласит: «Книга — источник мудрости». Именно благодаря книге у человека формируются такие качества, как гуманность, честность и справедливость, патриотизм и интернационализм, и, как верно отмечал Д. Сухэ-Батор, основатель нашей партии и народного государства, книга помогает определить единственно верный путь развития.

Книги, которые мы прочитали в детстве, остаются в нашей памяти навсегда и становятся маяком, освещающим дорогу жизни.

Молодежь нашей страны с большим интересом читает произведения как отечественных писателей, так и мировую классику.

Вот почему на вопрос, кто из литературных героев больше всего им нравится, они могут ответить: Павел Корчагин, Мересьев, Овод... Не одно поколение монгольских читателей восхищалось такими героями, как Цэрэн из «Отвергнутой девушки» Ц. Дамдинсүрэнэ, Болд и Самбу и Чабан Найдан из одноименных произведений Д. Цэвэгмида, Тумур и Эрдэнэ из романа «Прозрачный Тамир» Ч. Лодойдамбы и другими.

Роль книги в воспитании детей и юношества огромна. Поэтому не случайно одной из главных задач Монгольского революционного союза молодежи и Монгольской пионерской организации является широкое приобщение молодежи к книге.

С этой целью ревсомольские организации разворачивают движение за право стать обладателями звания «Друзья книги» и значка имени Д. Нацагдоржа, основателя современной монгольской литературы.

Такая работа направлена на формирование у молодежи коммунистической сознательности, расширение общего кругозора, углубление научно-технических знаний, эстетическое воспитание и рациональное использование свободного времени. В этом деле большую роль играет созданное в 1978 году по инициативе МРСМ Общество книголюбков.

В задачи Общества книголюбков при ЦК МРСМ входят широкая популяризация и распространение книг, повышение качества книгопечатания, укрепление связей между издательствами, читателями и авторами.

Большую воспитательную работу Общество книголюбков проводит среди детей и подростков. Хорошо зарекомендовали себя такие формы работы, как празднование юбилеев книг, выставки образцовой книжной продукции, миниатюрных и редких книг, семинары, конференции и курсы, на которых рассматриваются вопросы, связанные с культурой книги. Ежегодное проведение праздников знаний и Дней книги среди детей и юношества, широкое привлечение к ним видных ученых, педагогов, писателей, поэтов и артистов, а также проведение выставок новых книг имеет особое значение в деле популяризации книги.

Ревсомол положил начало движению по сбору старых и антикварных книг. По инициативе молодежи создан букинистический магазин.

За последние годы МРСМ выступил организатором проведения среди молодых художников конкурсов экслибриса, выставок произведений художников-иллюстраторов, которые имели немалый успех.

Стало доброй традицией в первичных ревсомольских организациях проводить молодежные вечера, посвященные творчеству известных писателей: соревнования эрудитов, дни наиболее популярных книг, конкурсы чтецов, соревнования на лучшее театрализованное представление по мотивам литературных произведений.

При проведении этих мероприятий МРСМ учитывает профессиональные особенности различных категорий читателей. Так, в частности, для молодых животноводов, кочующих с отарой по отгонным пастбищам, и земледельцев, занятых на полях, организуются передвижные библиотеки и книжные автолавки, в животноводческих бригадах ежемесячно проводятся дни популяризации и распространения книг.

В последние годы ЦК ревсомола ежегодно устраивает книжную эстафету. Они посвящались XVIII съезду МРСМ, прошедшему в 1983 году, 45-летию разгрома японских милитаристов советскими и монгольскими войсками в районе реки Халхин-Гол и 40-летию Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. По случаю этих дат изданы книги на военно-патристическую тематику, мемуары известных советских военачальников.

Такая форма работы вносит весомый вклад в дело воспитания молодежи в духе патриотизма и интернационализма.

ЦК ревсомола совместно с Министерством культуры МНР проводит конкурс среди творческих работников на лучшее произведение для детей и подростков с целью дальнейшего развития детской литературы, повышения творческого мастерства литераторов.

Для повышения идейно-художественного уровня произведений, улучшения их полиграфического оформления была создана серия книг по актуальным проблемам жизни молодежи. Был проведен конкурс «Лучшие книги — XVII съезду МРСМ», в котором в 1978 году участвовали ревсомольские организации и полиграфические предприятия всех аймаков и городов МНР.

В подарок очередному съезду МРСМ была выпущена серия из 20 книг, в которую вошли «Задачи союзов молодежи» В. И. Ленина, «Ленинский комсомол», «Из истории освоения целины», «Животноводство — ударный фронт», «Ударная ревсомольско-молодежная бригада», «Физическая культура», «Цветоводство», «Поэзия и юность», «Калейдоскоп» и др. Так появилась «Библиотечка молодого читателя», а ревсомольские организации и типографии, принимавшие участие в ее создании, были отмечены наградами ЦК ревсомола.

Это начинание вызвало у молодых читателей всеобщий интерес и единодушную поддержку. Поэтому ЦК МРСМ принял решение вторично провести соревнование на публикацию серии книг по определенной тематике. Следующая серия состояла из таких брошюр, как «Законы ревсомольской жизни», «Ревсомольский билет», «Комплексный подход к воспитанию молодежи», «Новые виды спорта и новые спортивные успехи», «Юные друзья природы», «Советская культура», «Зоны особого внимания МРСМ», «Трудовая слава», «Традиционные методы ведения животноводства» и т. д.

В 1984 году молодежная библиотека пополнилась и обогатилась новыми изданиями. «Герои МНР» — так называется серия книг о жизни и борьбе 50-ти лучших сынов и дочерей монгольского и советского народов — Героев МНР. К XIX съезду МНРП, проходившему недавно, была выпущена новая серия «Герои Труда МНР».

Не случайно вопросу духовной культуры было уделено большое внимание в работе последних съездов МНРП. Духовный рост молодых людей оказывает решающее влияние на все стороны общественно-политического, нравственного и эстетического развития личности и народа.

Мы обладаем достаточным потенциалом для разъяснения и популяризации книг и печатных изданий, оказания помощи молодежи в выборе книг для чтения, так как именно чтение книг и расширение знаний направлено на удовлетворение духовных запросов молодого человека и является насущной потребностью нашей общественной жизни.

У КНИГ СТАРИТСЯ ТОЛЬКО БУМАГА...

(Из беседы, проведенной В. Лесовым)

Моими первыми прочитанными книгами были восточные сказки и былины, изданные на старомонгольском языке, такие, как «Бумажная птица». Кроме того, я читала произведения Эдгара По, Горького, Мольера, Боккаччо — все, что было переведено в ту пору на монгольский язык. Отец выучил меня читать и писать, когда мне было пять лет. В то время школ было мало, и домашнее обучение открыло мне двери в большой мир. Для меня чтение подобно любимой работе, которая никогда не надоедает.

Одной из самых первых книг, появившихся на полке моей библиотеки, был маленький русско-монгольский словарь, составленный советским монголистом А. Бурдуковым... У книг старится только бумага, сами же они чем дольше живут, тем больший интерес вызывают.

В 30-е годы я прочитала о полете замечательной советской летчицы Марины Расковой. До сих пор она остается для меня героиней, перед которой я преклоняюсь. Особенно сильное воздействие оказали на меня герои произведений советских писателей Н. Островского и Б. Полевого. Они помогают мне стойко переносить испытания и жизненные невзгоды. Но не только они. Книги Дюма, например, тоже участвовали в формировании моего характера. С возрастом, когда пришла мудрость и вдумчивость, стала читать и перечитывать труды В. И. Ленина, размышлять над образом вождя, его скромностью и простотой.

Мысль о том, чтобы стать писателем, зародилась во мне после прочтения «Старухи Изергиль» Горького. Не знаю почему, но мне представилось, что Горький написал историю жизни этой женщины, сидя у шалаша в пустынной местности и слушая народные сказки. И тогда появилось у меня желание высказать художественными образами все, что вижу и чувствую. Сформировалась же я как писатель под влиянием творчества Д. Нацагдоржа, который стал моим духовным и литературным наставником. За несколько месяцев до смерти Д. Нацагдоржа у меня была возможность встретиться и побеседовать с ним: я увидела поэта в Государст-

венном музыкально-драматическом театре. Мне показалось, что он хочет заговорить со мной. Но было неловко, трудно нарушить неписаное правило и заговорить с человеком, старшим по возрасту. Я быстро отошла. Слишком была тогда молода...

Мне повезло: во время поездок в Советский Союз я познакомилась с замечательными писателями — А. Фадеевым, И. Эренбургом, Б. Полевым, А. Сурковым, К. Симоновым... Если бы мне выпало счастье встретиться с А. Блоком, я бы сказала: «Всей сутью своей, всей душой, всем разумом Вы призывали слушать, и более того — делать революцию. Я стремлюсь следовать Вашему завету. Однако не всегда получается работать в полную силу. Как писать для своих современников? Ориентируясь на самые высокие духовные запросы? Или по-другому?» Мне представляется, что А. Блок был человеком, хорошо понимавшим сущность современного ему мира и в то же время видевшим будущее.

Я учусь у своего народа, для которого и ради которого пишу. Он — неиссякаемый источник вдохновения. Люблю и уважаю людей, которые обладают подлинным знанием жизни, умением глубоко мыслить, говорить и мудро, и с юмором.

Считаю, что писатель должен быть и общественным деятелем, активным участником жизненного процесса, наставником молодых. Новые мысли и добрые советы должны идти изнутри, из самого существа натуры писателя. Именно такие люди, щедро отдающие свой талант и знания, достойны самого глубокого уважения.

По сложившейся привычке люблю писать поздней осенью и зимой. Мне легко пишется ранним утром или вечером, когда все домашние отдыхают. Часто перемежаю писательский труд с чтением, розыском необходимых документов, наконец, с хозяйственными делами. Иногда кажется, что меньше устаю, занимаясь несколькими делами одновременно.

МОНГОЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

Мне всегда везло на встречи с интересными людьми.

Не устаю вспоминать весенний день, когда я переступил порог квартиры Бямбына Ринчена в Улан-Баторе. Доктор, профессор, писатель, автор стихов, романов, повестей, научных трудов в области лингвистики, этнографии, истории, он являлся постоянным и неизменным переводчиком с многих языков, в том числе с русского. Едва ли еще был другой человек, который с такой виртуозной легкостью переводил бы на монгольский и древнерусскую «Повесть временных лет», и публицистические статьи из только что вышедшей «Правды», а также многих московских, киевских, минских писателей. В годы войны он переводил и сводки Информбюро, и популярную тогда «Радугу» Ванды Василевской. Друзья Ринчена говорили, что он может одновременно трем машинисткам диктовать текст на монгольском, русском и венгерском. Впрочем, легендам, основанным на фактах, вокруг ученого-писателя нет конца.

Монгольские имена необычайно красивы. Меня встретила в прихожей жена Ринчена — Родна (имя в переводе обозначает Драгоценность). Потом появился и сам Ринчен. Зазвучала такая чистая и четкая русская речь, что мне показалось, будто я нахожусь не в Улан-Баторе, а на берегах Москвы-реки или Невы.

Разговор Ринчена трудно передать. Он напоминал степь — своей изменчивостью, неожиданностью, остротой... Поражали сравнения и примеры. Тут и сопоставления нашего «скифского звериного стиля» с монгольскими орнаментами, примеры из истории и литератур Тибета, Индии, Китая, Средней Азии. Ринчен научил меня рассматривать силуэт скачущего на коне, определять, с чем едет всадник, в каком кушаке, какие везет вести. Когда мы пировали за столом, то и Ринчен, и Родна объясняли мне, что кушанья имеют и символический смысл, как многое может сказать порядок подачи блюд... Потом мы сопоставляли истории

наших стран. Ринчен полемизировал с юношеским азартом, — он вспоминал Сухэ-Батора и свои споры, которые он вел еще «на заре туманной юности». Встреча закончилась поздно ночью. Мы вместе посмотрели фильм, снятый по сценарию Ринчена, — исторические образы ожили перед глазами.

— Приезжайте, — говорил Ринчен, — вам надо увидеть скачки в степи, а не на экране.

О чем бы мы ни говорили в этот памятный день, в центре разговоров все-таки была книга, — никто так не знал монгольскую книгу, старую и новую, книжный мир Монголии, как этот седовласый человек.

Потом мы долго и постоянно переписывались. Я знал, какие неприятности в научном мире пришлось пережить выдающемуся ученому.

Приведу некоторые строки из его писем, они запечатали интонацию этого неугомонного и страстного искателя истины:

«Глубокоуважаемый Евгений-гуай! Обещал вам статью, но, будучи занят, не смог взяться за нее. Годы, как Вы знаете, у меня закатные, и надо мне подготовить к изданию мои фольклорные материалы, которые я собираю после ленинградской учебы уже сорок семь лет и еще должен был кое-что перевести с русского и польского языков. Уже закончил сдачу в печать почти последнего моего тома материалов по изучению монгольского шаманства — письменные и устные тексты, уникальные и представляющие большой интерес для ученых-монголистов, и написал несколько филологических статей для своих коллег, и все время думал о моем обещании Вам. Если Вы еще не раздумали, я в конце сентября прилечу. Думаю, что дам фотоиллюстрации наших книжных сокровищ национальной библиотеки к моей статье «Книги и традиции монголов», которую, я могу теперь сказать уверенно, что никто из живущих на свете не даст в таком освещении. Реалии монгольской культуры я знаю еще и благодаря моим учителям — советским академикам, благодаря им я смог стать монголистом и историком культуры моего народа и хочу посвятить эту статью им — моим строгим и требовательным наставникам, давшим мне и знания, и упорство в собирании материалов, они научили меня методам обработки собранного и требовали, чтобы я мыслил. Девять академиков наставляли меня и до конца моей жизни я буду хранить глубокое уважение к моим наставникам, учившим меня видеть правду и говорить ее».

Но Ринчен, это я знал хорошо, никогда не отличался благоустностью. О плохом он умел говорить гневно, с сарказмом. Будем помнить, что речь идет о начале семидесятых годов, когда застой в культурных, да и в других делах давал себя знать повсеместно. Ринчен неустанно, до конца своих дней звал к энергичному действию, к свету, олицетворением которого для него была Книга.

* * *

Люблю бывать в Монголии, наслаждаться нескончаемым простором, позволяющим видеть окрест на десятки километров... О, эти озера с чистейшей водой и плавающими белыми лебедями. Я выхожу на берег и говорю:

— Здравствуй, царевна-Лебеды!

И белоснежная красавица взлетает в небо, словно откликаясь на мой зов. Звенят в небе жаворонки, и я говорю своему спутнику — монгольскому прозаику:

— Совсем как у нас на Волге...

Сосед улыбается и великолепно (он учился в Москве, на Высших литературных курсах) отвечает по-русски:

— Видно, бог дал жаворонку один голос...

И добавляет:

— Голос природы повсюду понятен — он одинаков в самых разных местах.

В Дархане на литературную встречу пришли разноязычные читатели — монголы, чехи, поляки, русские, казахи. Нельзя было не почувствовать, как художественное слово сближает народы, выявляет общие интересы и проблемы, над разрешением которых трудится современный мир. Меня порадовало — в далеком степном Дархане хорошо знают, что публикует наша литературная периодика, какие произведения написали за последние годы поэты и прозаики, о чем спорят критики Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Душанбе.

Монголию нельзя не полюбить, близко встречаясь с ней, вникая в ее жизнь, внимательно приглядываясь к тому, как живут и что делают ее люди. Мне довелось участвовать в подготовке специального монгольского номера журнала «Вопросы литературы», беседовать со множеством писателей, ученых, художников, общественных деятелей, выслушивать их речи и высказывания, читать то, что в совокупности и составляет современную литературу страны. У меня было такое внутреннее ощущение, что я лицом к лицу встретился с краем, о судьбе которого размышлять пришлось еще в дальние годы.

Память перенесла меня в пору молодости, неотрывную от Великой Отечественной войны. Через дремучие брянские леса и смоленское бездорожье наша дивизия, сформированная в конце 1941 года в Ташкенте, вела наступление, — медленно, но неуклонно продвигаясь на Запад. Позади уже были многие фронтовые месяцы, горячие схватки в траншеях, недели окопного сидения, бомбежки и все, что связано с пребыванием на передовой. Признаться, наш фронтовой быт был в ту пору неустроен и часто не хватало самого насущного. Но молодость есть молодость.

В редкие минуты досуга я уединялся и усердно заполнял стихами свою наспех сшитую полевую тетрадь. От души радовался, когда дивизионная газета «В бой за Родину» помещала стихи, а когда они — мои рифмованные строфы — появлялись во фронтовой — «Разгромим врага», то счастью не было предела.

Однажды по землянкам разнеслась новость: «Приехала монгольская делегация...» Всем интересно было повидать друзей, прибывших из далеких степей, над которыми стоит тишина, но где живут люди, помнящие о нас, заботящиеся о тех, кто сражается с врагом, пришедшим на нашу землю. Солдаты с восторгом рассказывали о скакунах, которые привезены в подарок, о теплых вещах — в них была необходимость, о вышитых и украшенных узорами рукавичках и пр. Когда же походные кухни стали выдавать на обед вкусную похлебку из баранины, то все поняли, откуда взялось это богатство.

Я шел лесной тропинкой и внезапно повстречался с сотрудником дивизионной газеты. Он сказал: «А я ведь к вам направляюсь. Только что звонили из редакции «Разгромим врага». Просят написать стихотворное послание монгольским гостям». Я знал, что среди делегации — девушка Дума, которая готовила вместе со своей матерью для нас, фронтовиков, теплые вещи. Заказ редакции полностью совпадал с моим желанием — сказать слова дружбы и приветов далекому Тылу, который ощущал себя неотрывным от Фронта. Через несколько дней на газетных страницах появились мои стихи, — они, разумеется, и не блистали художественным совершенством, но были написаны от чистого сердца: «Здравствуй, монгольская девушка Дума...» И далее я благодарил Думу, ее мать и всех тех, кто позаботился о нас. Позднее мне рассказали о том, что монгольские друзья тепло встретили стихи, что они их перевели и — увезли к себе в степной край.

Гора с горой не сходятся, а человек с человеком — всегда. Несколько месяцев тому назад ко мне зашел молодой исследователь монгольской литературы, приехавший в Москву — он пишет специальную работу, посвященную стихотворным публикациям военных лет. Он спросил меня — не писал ли я стихи, в которых упоминается Дума. Так я узнал, что мое обращение было воспроизведено на монгольском языке в периодике военного времени.

...В Улан-Баторе всегда стремлюсь побывать в музее поэта, одного из основоположников современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа, чьи стихи вошли в золотой фонд поэзии двадцатого столетия и далеко известны за пределами страны. Беседуя с монгольскими поэтами, вспоминая о той выдающейся роли, которую сыграла в духовном вооружении народов в годы борьбы с агрессорами литература, я невольно про себя повторял перевод стихов Нацагдоржа, врезавшихся навсегда в память:

«Ты так мила и сердцу так нужна, — Монголия — прекрасная страна...»

Стоит по телефону услышать теперь привычные слова: «Вас вызывает Улан-Батор», как почувствуешь благоухание весенних степей и перед глазами встанут новые улицы города, отстроенные за последние годы, заполненные стайками веселой молодежи, охотно посещающей спортивные состязания, любящей труд и неустанно пополняющей свои знания. Среди популярных в народе видов монгольского фольклора есть совершенно особая форма — благопожелания. Их произносят тогда, когда хотя бы пожелать здоровья, радостей и счастья близким. И мне теперь, вспоминая ближние и дальние годы, хочется высказать пожелания моим друзьям.

— Пусть всегда над Монголией сияет солнце, как сияет и согревает всех нас дружба народов, которая будет вечной.

Пусть хорошеют и озаряются улыбками лица молодежи, в ней я вижу отблеск будущего — к которому устремляются наши страны, спаянные нерушимым единством.

* * *

Мир входит в душу поэта временем, в котором он живет и действует.

Поэт оттискивает свою личность на ладони времени.

Время влияет на поэта. Поэт формирует облик времени.

Приезжая в Монголию, я чаще всего встречался с Чойжилын Чимидом. Но встречам предшествовали рассказы литераторов — Чимид при жизни был окружен своего рода писательским фольклором, напоминая в этом отношении таких московских поэтов, как Ярослав Смеляков и Михаил Луконин. Чимид был младше их по возрасту, но в литературу вошел он очень рано, еще в довоенную пору. Будучи школьником, он уже печатал свои стихи, его принимал и слушал, как он читает, маршал Чойбалсан, премьер-министр Монголии. Позднее Чимид стал соавтором монгольского государственного гимна. Но он несколько не был похож на официальный или придворного стихотворца. Он принадлежал к числу тех, кого все считают возмутителем спокойствия.

Меня Чимид встречал стихами. Вдохновенно, по памяти, на чистейшем московском наречии читал он Пушкина, Есенина, иногда Маяковского. Он их переводил на монгольский язык и прекрасно знал русскую литературу — классическую и современную. Среди его наиболее капитальных работ следует назвать первый, самый полный перевод «Евгения Онегина». С английского он перевел Шекспира. «Отелло» на монгольской сцене шел в его переводе.

Международные встречи и общения не отучили Чимида от

совершенно поразительной и доверительной искренности; — он считал, что друзьям следует рассказывать все. Думаю, что я многое узнал от Чимида о Монголии и монголах, да и вообще о культуре Востока, особенно поэтической.

Без Чимида Улан-Батор не то что опустел, а стал немного другим.

Совсем по-иному выглядел Бэгзийн Явуухулан — поэт, открывший новую страницу в монгольской поэзии. Глядя на него, любясь его лицом, выжженным азиатским солнцем, овеянным степными ветрами, я вспоминал нашего Велимира Хлебникова, которого Николай Асеев характеризовал так:

Таким же, должно быть,
был и Саади,
таким же Газиф
и Омар Хайям, —
как дымные облака
на закате —
пропизаны золотом
по краям.

Явуухулан жил стихами, дышал стихами, стихи снились, как он рассказывал, ему по ночам. Я познакомился с ним случайно на берегу Черного моря. Однажды на рассвете я увидел его озабоченного восходящим солнцем, внимательно рассматривающим принесенные морем камни. Мы познакомились и поэт стал читать стихи о людях-камнях. Пейзажная лирика его перекликалась своей философичностью с Тютчевым, хотя Явуухулан шел целиком от восточных традиций.

Как и другие монгольские писатели, Явуухулан был частым гостем в Москве. У меня на квартире он появился однажды вместе со своей женой Адзей. Ранняя смерть поэта была ударом не только для тех, кто его близко знал и находился под обаянием его личности, но и для всей монгольской литературы, которую Явуухулан совлек с одического пути. Поэты и стихотворцы Улан-Батора долго воспевали жизнь под безоблачным небом. Автор книги «Сердце влюбленного» впервые в монгольской литературе заговорил об униженных и оскорбленных, о том, что человек достоин любви и жалости.

Своим монгольским Вергилием я считаю Л. Тудэва, поэта, прозаика, публициста, ученого, общественного деятеля. Воспитанник московской Академии общественных наук, он много раздумывает над проблемами современной и классической культуры. Едва ли не первым в Монголии он поднял голос против маскульта, в защиту подлинных культурных ценностей — монгольских и мировых. Он повез меня в степи, где и состоялись встречи с древнейшими памятниками культуры.

О, эти развалины старых гуннских городов, — они заставляют о многом подумать современного человека, когда *мир для всего мира стал первейшей ценностью бытия.*

Я долго стоял возле каменной черепахи, символизирующей землю, — она видела воинов Чингисхана.

Навсегда полюбил прекрасное искусство Дзанабазара, скульптора, жившего в семнадцатом столетии, создававшего вечные образы, волнующие нас сегодня, пожалуй, даже больше, чем его современников. При имени Дзанабазара невольно думаешь о мастерах Эллады или о наших Андрее Рублеве, Пушкине. Впрочем, особенность подлинного искусства в том, что художники на своем языке беседуют друг с другом через века.

Улан-Батор — Москва

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА ПЕРЕВОДЧИКОВ

С 5 по 14 сентября 1987 года в Улан-Баторе проходила Первая международная встреча переводчиков монгольской литературы, организованная Союзом писателей МНР. В ходе встречи были затронуты важные проблемы перевода как теоретического, так и прикладного характера, показавшие плодотворность непосредственного общения переводчиков и необходимость организации подобных встреч в дальнейшем. В работе встречи, которую вел председатель Правления Союза монгольских писателей Д. Цэдэв, приняли участие переводчики из многих стран мира:

Азам Рахнавард Заръяб — Афганистан

Александр Федотов — Болгария

Джудит Нордби, Каролайн Хамфри и Кристина Чеброс — Великобритания

Дьёрдь Кара — Венгрия

Рената Бауве и Хайнц Кюберт — ГДР

Лин Грэм — Дания

Васанта Айр и Пунцог Сдовдон — Индия

Соня Браво — Куба

Сом Сайн — Лаос

Адам Латусек и Эдуард Колбус — Польша

Аурел Ковач и Йон Юга — Румыния

Робер Амайон и Жак Легран — Франция

Иржи Шима и Рудольф Чижмарек — Чехословакия

Зоран Милич и Оливера Шиячки — Югославия

Харио Хасуми, Таданори Мацуда и Шиничи Арай — Япония.

Был зачитан также доклад профессора Блумингтонского университета Джона Х. Гомбожава (США), приславшего свое выступление и находившегося во время встречи в Китае.

Советскую делегацию, возглавляемую кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Института Востоковедения АН СССР, переводчиком Галиной Матвеевой (Яскиной), представляли Марк Гольман, Геннадий Ярославцев, Лидия Скороумова, Людмила Букина, Гарма Дамбаев (Бурятия), Александр

Мелехин, Александр Кудряшов и Егор Буджалов (Калмыкия).

Организацию писателей Азии и Африки представляла на встрече известная монгольская писательница и переводчица, лауреат международной премии «Лотос» и Государственной премии МНР, член редакционного совета журнала «Лотос» — Сономын Удвал.

В работе встречи приняли участие видные монгольские писатели и переводчики, критики и литературоведы: Г. Аким, Г. Амар, С. Бадраа, Д. Гармаа, Д. Дашдаваа, Б. Дашцэрэн, Э. Оюун, Ц. Хасбаатар, С. Цэвээн, Д. Чимиддорж, Ц. Шугэр, Н. Энхбаяр.

Публикуем ответы некоторых участников встречи на анкету «Альманаха библиофила».

1. Основные печатные работы и переводы с монгольского.
2. Монголия в Вашей жизни.
3. Ваши занятия монгольской словесностью.
4. Монгольские книги и книги о Монголии в Вашей библиотеке.

АЗАМ РАХНАВАРД ЗАРЪЯБ — секретарь Союза писателей Афганистана, писатель, переводчик.

1. Монгольские народные сказки (с английского).
2. Я намереваюсь лучше познакомиться с современной монгольской литературой.
3. Монгольские народные сказки (на английском языке).
4. Д. Нацагдорж (небольшой сборник стихов на английском).

АЛЕКСАНДР ФЕДОТОВ — преподаватель Софийского государственного университета — Центра восточных языков и культур. Кандидат филологических наук.

1. Публикации в Болгарии, Советском Союзе, Монголии, Венгрии, Индии, ФРГ — статьи, монографии, рецензии и другие материалы по монгольской и тибетской литературе, культуре и языку. Переводы: роман Д. Намдага «Тревожные годы», повести С. Эрдэнэ, «Избранное» Б. Явуухулана и Д. Цэдэва, сборник монгольских народных сказок, отдельные произведения монгольских авторов в газетах, журналах и сборниках.
2. Моему отцу когда-то довелось работать в Монголии. Я, тогда еще старшеклассник, заинтересовался этой страной, стал искать о ней книги, читать их. Интерес к этой стране, к Востоку в целом постепенно рос, и вместе с этим крепло мое желание заняться им всерьез. Так я оказался на восточном факультете Ленинградского государственного университета, на кафедре монгольской филологии. Нужно признаться, что мой интерес к Монголии с тех пор ничуть не ослабел: более того, чем больше занимаешься этой страной, тем яснее становится то, как мало ты о ней знаешь. Я уже несколько раз был в Монгольской Народной Республике, и всякий раз она открывается мне с какой-то иной стороны. Вот и теперь — мне посчастливилось побывать в Южно-Гобийском аймаке, в знаменитой Гобийской пустыне, где бродят непуганые стада куланов, величественные верблюды, где взор поражают вы-

сокие вершины и глубокие пади, необычайность ландшафта, богатство и разнообразие природы. Монголия — это прежде всего ее народ, простые труженики, населяющие эту суровую землю. Знакомство с ним, с его деятельностью, жизненным укладом, культурой, и в частности литературой, и составляет цель моей профессиональной деятельности, цель моей жизни.

3. Еще в университете я стал активно заниматься монгольской литературой под руководством моего учителя — профессора, доктора филологических наук Людмилы Константиновны Герасимович. Я ей глубоко благодарен за привитую мне любовь к монголоведению как таковому и монгольской словесности. Монголы создали богатую литературу, оставили в наследство немало письменных памятников, которые сегодня активно изучаются во всем мире. Что касается меня, то моя кандидатская диссертация была посвящена современной монгольской драматургии, которой я стал интересоваться еще в университете. В Софийском же университете я читаю курс истории всей монгольской литературы, более углубленно, чем ранее, занимаюсь классической монгольской литературой, ее взаимоотношением с тибетской и средневековой индийской литературой.

Моим научным исследованиям помогают и занятия переводом с монгольского языка. В Болгарии у меня уже вышло пять отдельных книг, много рассказов и стихотворений, переведенных с монгольского языка на болгарский. Я и впредь намерен продолжать работу в этом направлении. Сейчас готовлю перевод «Сокровенного сказания», который выйдет у нас отдельной книгой к 750-летию этого памятника (к 1990 году), занимаюсь составлением антологии монгольского рассказа. Хочу представить на болгарском языке монгольский фольклор и классическую литературу и, конечно, продолжу переводить лучшие произведения современных монгольских авторов.

4. В силу моих профессиональных интересов монгольские книги и книги о Монголии занимают центральное место в моей библиотеке. Я слежу за новинками монгольской литературы, покупаю памятники средневековой монгольской словесности, произведения устного народного творчества, монгольские газеты и журналы. К сожалению, в Болгарии нельзя купить книги на монгольском языке, поэтому я пополняю свою библиотеку во время командировок в Монголию. Вот и во время Международной встречи переводчиков в Улан-Баторе и V Международного конгресса монголоведов я купил немало книг, которые займут место в моей библиотеке.

КРИСТИНА ЧЕБРОС — магистр филологии Кембриджского университета, монголовед, переводчик.

1. Переводы монгольской поэзии, издания по монгольской этнографии и культуре.

3. Переводы.

Джудит Нордби — научный сотрудник Лидского университета, переводчик.

1. Переводы стихов Д. Нацагдоржа, некоторых произведений Н. Банзрагча, коротких рассказов С. Эрдэнэ.

Дьердь Кара — профессор Будапештского университета, доктор филологических наук. Исследователь Центральной Азии, переводчик.

1. Книги монгольских кочевников (Будапешт, 1972; Москва, 1975); Антология монгольской литературы (2-е издание, 1971); Монгольские повести (Будапешт, 1971); Избранные сочинения Д. Нацагдоржа (на венгерском языке).

2. Больше десяти раз я побывал в этой стране, с древней и современной культурой которой связано большинство моих филологических работ. Не перестану наслаждаться богатством монгольского языка, знание которого я передал и моим детям, чтобы они знали язык их монгольской матери.

3. Преподаю в Будапештском университете, изучаю, читаю, перевожу народную словесность и литературу, издал несколько памятников монгольского языка и литературы.

4. Ксилографы и рукописи дореволюционного времени, например, Гэсэриада 1660 г. и т. п. Несколько сотен современных монгольских научных и литературных изданий МНР и Внутренней Монголии, Бурятии и Калмыкии, тысячи публикаций на разных языках по Монголии и монголоведению, а также по соседним областям.

Лин Грэм — член Датского Пен-клуба, поэтесса, переводчица.

1. Несколько поэтов, среди которых Д. Нацагдорж, С. Дашдооров, Д. Няма, Д. Пурэвдорж, С. Оюун, Б. Явуухулан и другие.

2. У меня есть тринадцать книг, посвященных Монголии. В 1983 году я встретила с Жамбыном Пурэвом, монгольским писателем, на международной конференции в Румынии, и он познакомил меня с современной монгольской поэзией, которую я начала переводить. Я понимаю, что не имею достаточно материала для составления антологии, и я решила приехать сюда, чтобы собрать все необходимое для издания книги в Дании.

4. В моей библиотеке — книги двадцати монгольских авторов, которых я намерена включить в антологию, представляющую монгольскую современную поэзию. Я собрала также большую коллекцию книг монгольских авторов здесь, в Улан-Баторе.

Адам Латусек — монголовед, работник Министерства культуры ПНР.

2. Изучать монгольский язык я начал в 1958 году на кафедре фи-

дологии народов Средней Азии Варшавского университета. В 1962—74 гг. я практически обучался монгольскому языку и литературе в Монгольском Государственном университете в Улан-Баторе. Дипломную работу защитил в Варшаве по творчеству Д. Нацагдоржа. С 1965 по 1974 г. я работал переводчиком и первым секретарем Посольства ПНР в МНР. В общем я прожил в Монголии девять лет. Здесь женился на гражданке СССР. У нас документы монгольского бракосочетания. С 1975 по 1980 г. учился в аспирантуре Института истории АН ПНР, исследуя политическую деятельность Д. Сухэ-Батора. С 1965 г. занимаюсь переводом живого слова с монгольского языка на польский и наоборот. Художественную литературу Монголии я стал переводить с 1959 г. Принимаю участие как переводчик в разных встречах по польско-монгольскому сотрудничеству партийно-правительственного уровня и др. В Монголии впервые побывал в 1960 г. как председатель первой молодежной группы из Польши, приехавшей по приглашению Ревсомола. Во время пребывания в Монголии собирал разные материалы, связанные с историей, литературой (теория стихосложения, сказки, народное творчество, современная литература), этнографией, искусством, а также философией ламаизма. За время пребывания в МНР четыре года обучался в Средней музыкальной школе игре на морин-хуре, хомине и аманхуре. С 1962 по 1964 г. являлся преподавателем игры на виолончели (первая моя профессия по образованию) в Театре оперы и балета в Улан-Баторе по просьбе Министерства культуры МНР.

Художественную литературу переводил, главным образом занимаясь современной монгольской поэзией.

По Монголии много путешествовал, посещал разные аймаки и города. Вся моя судьба связана с Монголией, хотя теперь работаю в Министерстве культуры и искусства ПНР.

В течение своей жизни работал в Музее Азии и Тихого океана в Варшаве (1980—1986), являлся автором нескольких выставок, посвященных старому монгольскому искусству. В 1981 г. на международной конференции, посвященной монгольскому искусству, проходившей в Москве, читал доклад, связанный с проблемами атрибуции скульптур Дзанабадзара Ундур-гэгэна (1636—1724).

Я автор музейных каталогов, посвященных старомонгольскому искусству, а также искусству Дальнего Востока (Китай, Непал, Монголия), издававшихся в разные годы.

3. С 1959 г. занимаюсь художественной литературой Монголии и переводами современной монгольской поэзии. Переводы печатались главным образом в литературных газетах и журналах ПНР, а также в журнале «Востоковедческое обозрение».

Переводил разные стихотворения, прежде всего лирические, таких авторов, как Д. Нацагдорж, С. Дашдооров, С. Эрдэнэ, Б. Явуухулан, Б. Ринчен, Ц. Дамдинсурэн, Д. Гомбожав, Т. Нацаг-

дорж, Д. Тарва, Л. Хуушан, М. Цэдэндорж, Н. Нямдорж и др.

С немецкого языка перевел книгу Б. Ринчена «Ламаистские танцевальные маски», добавив к ней обширное вступление и комментарий. Недавно перевел рассказы Б. Ринчена из сборника «Принцесса», сейчас работаю над переводом романа Б. Ринчена «Заря над степью».

Являюсь автором научных статей, связанных с историей ламаизма в Монголии и ламаистского искусства. В 1986 г. газета «Литературная жизнь» поместила статью, посвященную жизни и творчеству Д. Нацагдоржа (вместе с переводом девяти стихотворений).

4. В моей библиотеке имеется около 200 разных книг на монгольском и русском языках, связанных с языком и литературой Монголии. Кроме того, есть книги и публикации, связанные с историей, этнографией, искусством, музыкой. Имею почти все словари монгольского языка, также американский словарь, составленный Д. Гомбожавом и Лессингом.

У меня есть много книг на английском языке, относящихся к Монголии, в основном послевоенные издания. Есть также старомонгольские сутры «Улгэрийн далай», «Словарь лекарственных растений», «Комментарии философского характера по буддизму», «300 бурханов», «500 бурханов», монгольская литература на тибетском языке. В общем имеется около 300—400 книг по Монголии.

АУРЕЛ КОВАЧ — секретарь отделения перевода Румынского

Союза писателей, переводчик.

1. Переводил монгольскую поэзию, в том числе — стихи Д. Содномдоржа.
2. Я впервые в Монголии. Надеюсь приехать еще.
3. После встречи в Улан-Баторе моя библиотека пополнится новыми книгами, подаренными монгольскими писателями.

ЖАК ЛЕГРАН — доктор филологии, заведующий отделом мон-

гольского языка и истории Монголии Института восточных языков и цивилизаций (Париж).

1. Книги: *Le Choix mongol*. Париж, 1975; *La Mongolie*. Париж, 1976; *L'administration dans la domination sino-mandchoue en Mongolie Qalq-a*. Париж, 1976; *A Republica popular da Mongolia*. Лиссабон, 1977. Несколько десятков научных, популярных и политических статей.
2. В этом году исполняется 20 лет моей монголоведческой деятельности. Поэтому Монголия и все стороны монгольской жизни, монгольской истории, культуры для меня повседневное дело. Монголия стала неотделимой частью моей жизни.
3. Главным образом занимаюсь монгольским языком. В ближай-

шее время надеюсь завершить общее описание монгольского языка, над которым работаю уже десять лет и в котором предлагаю объяснение ряда важных языковедческих проблем в свете современного языкознания.

4. В моей библиотеке около 1000 книг, от ксилографических изданий XVIII в. до современных книг. Главное место занимают труды исторические, источники и документальные материалы.

иржи шима — доктор филологии, научный сотрудник Восточного института Чехословацкой Академии наук в Праге, переводчик.

1. Д. Цэвэгмид. Рыжий ветер. Сборник рассказов, перевод на чешский язык. Прага, 1986; Б. Явуухулан. Звезды в пустыне. Перевод на чешский вместе с В. Данеком. Прага, 1974; Б. Явуухулан. Роща около Толы. Перевод на словацкий вместе с Р. Чижmareком. Братислава, 1981.

2. Больше половины жизни, точнее говоря, не меньше четверти века, связаны с Монголией. После окончания Монгольского Государственного университета имею постоянные духовные и дружеские контакты с Монголией не только по линии Академии наук, но также по многим другим линиям, связанным с официальными отношениями в области политических, экономических, культурных и других контактов между ЧССР и МНР. Почти ни один день не проходит без встречи с монголом или моим соотечественником, собирающимся поехать в Монголию. Это требует много времени, но монгольские коллеги и друзья отвечают мне тем же, когда я посещаю Монголию. Приятно мне принимать посланцев далекой Монголии в моей четырехстенной юрте.

3. Кроме исследования Монголии, особенно новейшей истории, современного состояния культуры и литературы, также перевожу художественную литературу и другие материалы, включая тексты технического характера. Интересуюсь монгольским фольклором, который хочу представить нашим читателям.

4. Мое хобби — собирать литературу о Монголии, вышедшую у нас, и литературу о Чехословакии, которая издается в МНР, включая художественные переводы. В моей личной библиотеке довольно хорошо представлена основная литература по Монголии, и я с удовольствием одалживаю ее не только чехам, интересующимся Монголией, но также самим монголам, которые учатся или работают у нас. Таким способом, можно сказать, я пропагандирую монгольскую книгу.

зоран милич — писатель, переводчик (Югославия).

1. Очерки о Монголии.

2. Я написал книгу о Монголии «Дзугалгын дзам» — монографию о культуре Монголии.

4. Много на русском языке (не помню всё).

ОЛИВЕРА ШИЯЧКИ — редактор издательства «Форум» (Югославия), поэтесса, переводчица.

1. Составила и перевела поэтическую антологию «Всадник и степь».
2. Это моя первая и, надеюсь, не последняя встреча с Монголией.
3. Беллетристика (поэзия и рассказы).
4. После встречи в Улан-Баторе в моей библиотеке появятся монгольские книги.

ТАДАНОРИ МАЦУДА — писатель, переводчик, магистр искусств (Япония).

1. *Степь и пламя. Избранная монгольская поэзия.* Токио, 1974. Составление и перевод: Д. Цэвэгмид. На могиле. Поэма. Токио, 1981; *Избранные монгольские рассказы.* Токио, 1984; Ч. Лодойдамба. *Прозрачный Тамир.* Роман.
2. Изучение монгольской литературы — дело моей жизни.
3. Я много переводил и писал о монгольской литературе для газет и журналов.
4. У меня более ста книг — монгольских и о Монголии.

ШИНИЧИ АРАЙ — профессор, преподаватель монгольского языка в университете города Осака.

1. Монгольская художественная литература (повести, фольклор).
2. Занятия, лекции, изучение.
3. Преподаю, открываю для студентов монгольскую литературу, ее развитие.
4. Более 2 000 томов.

МАРК ГОЛЬМАН — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения АН СССР (Москва).

1. Монографии: *Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии.* М., 1970 (Улан-Батор, 1974 — на монгольском языке); *Изучение истории Монголии на Западе. XIII — середина XX в. Исторический очерк.* Москва, 1987; Больше двух десятков статей по истории и историографии МНР; Сборники документов по истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений (один из составителей и авторов комментариев); один из авторов комментариев совместных советско-монгольских трудов: «История МНР». М., 1983, 3-е издание, исправленное и дополненное; «История советско-монгольских отношений». М., 1981.

Основные переводы: романы — Д. Гармаа «Земля и небо» (М., 1983), Ж. Лодой «Битва» (М., 1987, совместно с Железняковым); Д. Гармаа — «Веселые повести» (М., 1978); Д. Мягмар. «Повести и рассказы» (М., 1970); П. Хорлоо. «Мальчик из Гоби» (М., 1972); рассказы Б. Бааста, Л. Тудэва, Н. Надмида; Монгольские сказки (М., 1962; 1967).

2. Я монголист по образованию и работе с 1957 года. Монголия — вся моя трудовая, научная и литературная жизнь. Так было и будет до конца.
3. Переводом художественной литературы занимаюсь с 1962 года, люблю это дело и буду его продолжать.
4. В моей библиотеке, естественно, первое место занимают книги по истории, историографии, экономике МНР. Здесь почти все советские и многие зарубежные издания 1950—1987 гг. Много художественных произведений и переводной литературы.

ГЕННАДИЙ ЯРОСЛАВЦЕВ — переводчик поэзии, литературовед, редактор издательства «Художественная литература».

1. Поэзия Монголии — «Свод вдохновенных слов» (журнал «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3); Вступительная статья к роману Л. Тудэва «От кочевья к оседлости». М., Художественная литература, 1983 (Библиотека монгольской литературы); Вступительная статья к сборнику «Голоса молодых» (М., Радуга, 1988). Всего свыше 20 статей.

Переводы современных поэтов Монголии — в сборниках «К солнцу», «От весны к весне», «Из монгольской поэзии XX века», «Поэзия Народной Монголии», т. 1, 2 (БМЛ), «Голоса молодых» (БМЛ). Переводы традиционной поэзии; памятника «Субхашита».

2. Играет доминирующую роль, занимает основное рабочее, значительную часть нерабочего времени.

3. Постоянны в течение трех десятилетий, но ограничены кругом доступных мне источников на русском, редко на китайском и английском языках. В сферу моих интересов включаю проблемы современной поэзии МНР, изучение традиционной монгольской поэтики, поэтическое наследие монголов. Перевел и опубликовал отдельные произведения Данзанванжила, Гэлэгбалсана, Хишигбата, перевел двадцать наиболее известных произведений Д. Равджи.

Составил поэтические сборники «От весны к весне», «Семь волшебных карандашей» (стихотворения Д. Содномдоржа), «Повести монгольских писателей» в двух томах (БМЛ), «Поэзия Народной Монголии» (БМЛ), т. 1 и т. 2 (совместно с К. Н. Яцковской); поэтический раздел тома «Голоса молодых» (БМЛ); раздел монгольской поэзии в томе «Поэзия антифашистского сопротивления» (6-ка Победы, изд-во «Художественная литература»); раздел монгольской поэзии в томе «Поэты Азии и Африки» серии «Писатели стран Азии и Африки»; переводил стихи для совместных советско-монгольских изданий «Побратимы Халхин-Гола» (1969), «Книга братства»; «Побратимы Халхин-Гола» (1979). Участвовал в создании специальных монгольских выпусков журнала «Вопросы литературы» № 12 за 1973 г. и журнала «Детская литература». Автор

ряда статей о монгольских писателях в «Краткой литературной энциклопедии».

ЛИДИЯ СКОРОДУМОВА — кандидат филологических наук.

1. Статьи по классической и современной монгольской литературе. Переводы: В. Инджаннаш «Одноэтажный павильон» (М., 1984); С. Эрдэнэ — повести, рассказы; произведения других современных авторов.
2. Изучение монгольской литературы, особенно старой литературы, считаю главным делом своей жизни, главным ее содержанием и смыслом.
3. Постоянно изучаю творчество Инджаннаша, прежде всего роман «Синяя книга». Большой интерес вызывает и современная монгольская литература, новые явления в литературном процессе Монголии.
4. Стараюсь приобретать все сборники прозы на монгольском языке, переводы, научную литературу по монгольской филологии, этнографии, древней истории.

АЛЕКСАНДР МЕЛЁХИН — переводчик-монголовед, сотрудник издательства АПН.

1. Д. Сэнгээ. Аюуш; Ж. Лхагва. Родина (рассказ); Л. Дашням. Свидание в тайге; стихи в прозе.
2. Я окончил Монгольский Государственный университет; получил специальность монголоведа-переводчика; женился на монголке; вношу свой скромный вклад в пропаганду монгольской литературы в нашей стране.
3. Мои занятия монгольской словесностью не ограничиваются переводами монгольской художественной литературы на русский язык. В последние годы, заинтересовавшись творчеством Д. Равджи и работая совместно с Г. Б. Ярославцевым над переводом его поэзии, я написал статью «Влияние поэтики Дандина на поэтическое творчество Д. Равджи», думаю, что и в дальнейшем продолжу изучение творчества этого замечательного поэта.

АЛЕКСАНДР КУДРЯШОВ — филолог-монголовед, редактор издательства «Прогресс».

1. Переводил рассказы и повести монгольских писателей (см. сборники БМЛ), роман Ж. Пурэва «Гром», рассказы Д. Цэдэва.
2. В Монголии получил высшее образование, полюбил ее народ и язык. Вижу целью всемерное духовное сближение двух наших народов. Основная работа — редактирование книг, переведенных с русского на монгольский. Хобби — перевод и знакомство советского читателя с произведениями монгольских прозаиков.
4. В основном это словари и художественная литература на монгольском языке, научно-популярные брошюры последних лет.

людмила букина — поэт, переводчик монгольской литературы.

1. В периодике, различных сборниках и антологиях опубликованы переводы следующих поэтов: В. Инджанаш, Цогту-тайджи, Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, Б. Явуухулан, М. Цэдэндорж, Д. Шагдарсурэн, Д. Батбаяр, Д. Бямбаа, Ц. Гайтав, Т. Галсан, Р. Гэрэл, Д. Даваашарав, О. Дашбалбар, С. Дашдооров, С. Долд, С. Доржпалам, С. Дулам, Ч. Жигмид, Ж. Лхагва, Б. Лхагвасурэн, Г. Мэнд-Ооёо, Х. Мэргэн, Л. Мягмарсурэн, Д. Нямсурэн, Д. Отгонсурэн, С. Оюун, П. Пурэвсурэн, Ж. Саруулбуян, Ш. Сурэнжав, З. Тумэнжаргал, Д. Урианхай, Б. Хурэлбаатар, Л. Хуушан, Д. Цоодол, Д. Цэдэв, М. Ширчинсурэн.

Б. Явуухулан. Избранное. М., 1987 (Б-ка, «Современная зарубежная лирика». Перевод, вступительная статья, составление).

2—3. Монгольская поэзия стала моей жизнью с 1975 года — со времени поступления на отделение монгольского перевода в Литературном институте им. А. М. Горького. Лингвистическая практика в Улан-Баторе, учеба в аспирантуре Института Востоковедения АН СССР, поездки в Монголию — все это дало возможность встретиться с замечательными поэтами, среди которых — рано ушедшие от нас Б. Явуухулан и М. Цэдэндорж. Бережно храню письма Б. Явуухулана, в которых — мысли о поэзии, оценка моих опытов перевода, советы, планы.

Работа над переводом монгольской поэзии доставляет мне высокое наслаждение, как всякая работа глубокая и сложная, требующая полной отдачи и вызывающая к жизни нерализованные пласты собственного мировосприятия, собственного творчества. Так появился восточный цикл «Оазис» в моей первой книге стихов «Косой полет» (М., 1986), цикл «Цветы в зеркале» — во второй книге «Поляна времени» (М., 1987).

Как переводить монгольскую поэзию? Ее основной формообразующий элемент — анафорическая рифма в начале строки: рифмуются не окончания слов, а их начала. Непривычно для русского слуха. Нужно ли буквально копировать элементы монгольской поэтики? К тому же, в фольклоре и классической поэзии существуют и срединная, и конечная рифмы. Попытки придерживаться монгольских канонов стихосложения, перенесенные на русскую почву, приводят к тому, что перевод укладывается в прокрустово ложе формализма, и теряется главное — поэтическое дыхание, которое дает жизнь стихотворению. Важно, чтобы поэзия оставалась поэзией — такой путь избран мной, а средства каждый раз — иные. Вспомним слова В. Жуковского: «Главная должность переводчика, которой подчинены все другие, состоит в том, чтобы он везде в переводе своем старался произвести то действие, которое производит подлинник. Переводчика можно сравнить с должником, который обязывается заплатить если не тою же монетою, то

по крайней мере ту же сумму». В монгольской поэзии разлито знание о будущем и прошлом, в ней полноценно и ярко живет сегодняшний день. Постичь это знание и передать его в русском стихе — такова моя задача.

4. Книги монгольских поэтов и литературоведов; книги по истории, культуре, этнографии, искусству Монголии; научные труды и старые русские журналы, в которых опубликованы статьи Б. Владимирцова, В. Котвича, Г. Потанина, С. Ольденбурга и других выдающихся монголоведов; книги Козлова, Сапожникова, Цыбикова и др.

**ВЕЧНОЕ СИНЕЕ НЕБО
ФОЛЬКЛОР, ЭПОС, ЛЕТОПИСЬ,
ИСКУССТВО МОНГОЛОВ**

ХУЛЬЧИ САНДАК — МАСТЕР МГНОВЕННОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ*

Несмотря на более чем вековое существование монголоведения как отрасли науки, богатства монгольской литературы и народного творчества монгольских племен еще ждут исследователей, вооруженных не только научным методом и большой эрудицией, но и проникновенным знанием языка, быта и истории народа, живых традиций его письменного и устного творчества. Только и только тогда в литературе по монголоведению, претендующей на научность, перестанут иметь место беспрецедентные в истории мировой литературы случаи, когда герой монгольских народных легенд Балансенге или талантливый, но неграмотный сказочник Лувсан хурчи объявлялись «демократическими писателями».

Переводы на русский и другие европейские языки произведений нашей литературы, еще так мало известной даже монголистам, знакомя в какой-то мере читателя с устным и письменным творчеством монголов, несомненно, должны помочь и тем, кто работает над изучением нашей литературы. Вот почему при большом интересе зарубежного читателя к культуре нашего даровитого народа монгольские филологи и этнографы должны заняться хотя бы переводами отдельных произведений своих писателей и сказителей, чтобы в какой-то мере удовлетворить законному желанию узнать больше о духовной культуре народа, ныне так успешно строящего основы социализма на своей большой и солнечной земле.

Здесь я позволю себе в посильном переводе дать несколько произведений мастера художественного слова, создателя своеобразного жанра «уге», обладавшего так ценным в народе даром мгновенной импровизации — Хульчи Сандака. Жил он в конце XIX — начале XX века в хошуне Мерген вана Тушетуханского аймака. Для своего времени это был человек весьма начитанный и прекрасно знавший жизнь кочевой степи. Большой знаток пословиц,

* Печатается по книге Б. Ринчена «Из нашего культурного наследия» (Улан-Батор, 1958).

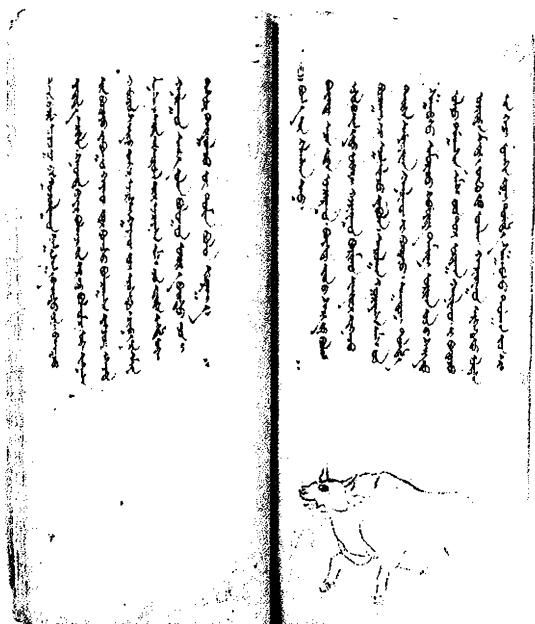
Бямбын Ринчен. Фото Р. Гомбожава

сказок, преданий и народных обычаев, любитель меткого и острого слова, он слагал свои «уге» — «слова» — на ходу, иной раз в седле. Так, «Жалобу волка, попавшего в круг загонщиков», он сложил, говорят, по просьбе своего князя Мерген вана во время облавной охоты, когда князь сказал ему: — А ну, скажи слово о волке, который там мечется в кольце охотников.

Однажды весной, когда таяли последние остатки снега в ложбинах, Сандак ехал в степи. Один из его спутников, услышав, как журчит талая вода, сказал: «О чем журчит ручеек из тающего сугроба?» И Сандак тут же произнес «Жалобу тающего снега».

Импровизации Сандака расходились по всей стране. В 1928 году я записал «Жалобу тающего снега» у стен Кобдо и в горах Гобийского Алтая, а «Жалобу волка, попавшего в круг загонщиков» — на берегах Онона.

Все произведения Сандака очень коротки и ведутся всегда в первом лице. Эти его маленькие импровизации тут же запоминались слушателями, а затем расходились, записанные каким-нибудь писцом. В канцеляриях удельных князей, в герах-юртах арат-скотоводов можно было встретить небольшие тетрадки из китайской бумаги «маотоу» с импровизациями Сандака, переписанными кистью какого-нибудь писца.

Монгольская иллюстрированная рукопись
стихов Хульчи Сандака. XIX в. (ЛО ИВ)

Самого Сандака прозвали «Цецен Сандак», или «Хульчи Сандак». «Цецен» значит мастер меткого слова, Хульчи — сказитель.

Готовя маленькую монографию об этом своеобразном народном поэте-импровизаторе, я собрал крупичку за крупичкой сведения о нем и предлагаю читателям некоторые его импровизации, полные незлобивого юмора и тонкой наблюдательности. Сандак был сыном своего века и творил в духе и стиле своего времени. В записях его произведений много форм, встречающихся в разговорной речи и говорящих о том, что автор не писал, а произносил, и записи делались уже потом в народной среде, людьми не особенно сведущими в книжном искусстве и потому бесхитростно передававшими все просторечные формы так, как они умели. Устные пересказы и письменные тексты часто имеют многие варианты.

ЖАЛОВА ТАЮЩЕГО СНЕГА

Ах, как было хорошо, когда зимние морозы помогали мне, а сам я был могуч телом и покрывал широкую степь. От моего дыхания инеем покрывались стебли трав и земля окутывалась пеленой

бурана, а сугробы скрывали пастбища и жалкой смертью погибал тучный скот.

Увы, оказался весенний месяц, повеяло дыханием тепла и почернела бескрайняя степь. Истерзано мое тело, пал мой дух! Мне бы уйти так, как я пришел, но, увы, прошла пора моей юности и силы.

Остаться здесь — так спасу нет от горячего дыхания весны, и тело мое растекается ручейками в ложбинки. Увы, только в землю мне осталось впитаться и исчезнуть. О горе мне!

ЖАЛОБА ВОЛКА, ПОПАВШЕГО В КРУГ ЗАГОНЩИКОВ

Я сивый волк, что родился в степи. Похитил я у человека скотину, наелся и хотел отойти в укромное местечко отоспаться — а не тут-то было! Нагрянул во главе своих воинов господин здешних мест, на конях, быстрых как вихрь, и настиг меня. Жалок мой удел — нет у меня своего добра и кормлюсь только тем, что высматриваю украдкой по утрам и вечерам. Подозрительность хранила мою жизнь, быстрота ног давала мне пищу. Любил я настигать и убивать молодых неокрепших животных и только теперь я понял, как не хотелось им умирать. Вкусно и нежно было их мясо, а сердце не знало жалости и цены жизни. Рожденный нищим, вор я в душе. Увы, смерть настигает меня — что мне делать? Как далеки эти горы на севере, как бесконечна степь до гор, в ущелье которых я родился, несчастный косоглазый волк. Истомилось мое тело. Мысли разбегаются, а спасения нет и нет. О, княже, сжался и помилуй!

ЖАЛОБА ДЗЕРЕНА, ПОПАВШЕГО В ЛОВУШКУ

Кочевья мои — степь Менен, владыка мой — дух Манахан*. В пору вьюжной зимы я провел трудные дни на приволье дальних пастбищ. Пахнуло теплом, и с тысячами друзей я гордо мчался к родным кочевьям. Не знал я, что ждут меня плоды прежних дел**, что попаду в ловушку. Скрылись вдали тысячи тысяч друзей, и мне с переломанными ногами осталось только смотреть вслед им. Вздывая легкую пыль, умчались друзья-сверстники, и мне, вкушающему плоды прежних деяний, осталось только ждать с тоской неминуемой смерти. Плечом к плечу ушли друзья, и мне, попавшему в беду на полпути в родные кочевья, осталось только горе.

* Манахан — дух, владыка зверей в древней мифологии монголов.

** Здесь Сандак использует буддийское понятие о возмездии, согласно которому каждый пожинает плоды своих деяний, совершенных в прежних перерождениях. Творивший зло вкушает его последствия в последующем перерождении.

Говорят, орлиная охота — обычай мира. О, мне бы избавиться от жизни звериной и родиться в мире счастливым!

СЛОВО ДОМАШНЕЙ СОБАКИ

В детстве моем вскормил меня хозяин. Возмужал я, и он доверил мне свое добро. Едва завидев издали чужого, я уже мчался к нему навстречу, свирепствовал, как бешеный, отвечая за вверенное мне. И только хозяйский приказ заставлял меня уняться и смотреть, как чужой всадник слезает с коня у нашего дома.

Не терпелось мне, когда чужак, отъезжая, садился на коня. Мчался я за ним следом, чтобы растерзать, и возвращался домой, далеко проводив незнакомца.

В темные ночи не допускал я злого волка к спящему стаду. Знал я норы волчий и лаем давал хищнику знать, что не дремлет страж у стада. Часто голод начинал мучить меня, и я подходил к хозяйскому порогу, но мне доставались побои. Больно бывало, но мести не таил я в душе, — только обида на миг овладевала мной. А когда стан наш снимался и кочевал на новое место, все верхами, только я плелся пешком. На новом стойбище мне доставались лишь обглоданные кости, да остатки бульона без капельки жира. И все же я буду служить хозяину верой и правдой и с ним жить в мире и дружбе.

ЖАЛОБА ВЕРБЛЮДИЦЫ, РАЗЛУЧЕННОЙ С ВЕРБЛЮЖОНОМ И ОТДАННОЙ КАРАВАНЩИКУ

Носила я его в чреве своем, родила в положенные сроки и не отходила от него с тех пор, как отведал он молока сосцов моих. Ходила я за детенышем моим и по воле хозяина разлучилась сегодня с ним. Вскормила я верблюжонка молоком моего вымени, и вот разлучили меня с ним, навьючили на меня тяжелый груз и погнали в далекие края. О, горе мне!

Черноокий мой верблюжонок! Тоскуешь ты без меня и, увидев издали, верблюдов, мчишься разыскивать меня. Сверстники твои спешат к матерям, идущим с пастбища, и лишь тебе некого встретить, о мой верблюжонок. Ослабли, наверное, твои ноги и лежишь на стойбище печальный, о мой верблюжонок!

Услышав рев верблюдиц, рвешься, наверное, ты к матери и рад бы, как перекасти-поле, покатиться навстречу той, которая тоскует по тебе, мой верблюжонок! Были мы неразлучны со дня твоего рождения, а теперь, с высохшими от жажды губами, томишься ты, наверное, без матери, о мой верблюжонок. На пастбище ищешь меня и не находишь, осиротевшее без матери дитя мое! Мне бы поскорее вернуться из далекого пути здоровой и невредимой и встретиться с тобой, о мой верблюжонок.

ПЛАЧ ВЕРБЛЮЖОНКА ПО МАТЕРИ,
УШЕДШЕЙ С КАРАВАНОМ

Скрылась вдали мать моя, что родила и молоком своим вскормила меня. О, как радостно бывало мне слышать издали голос матери, спешившей с пастбища ко мне. Голос твой в моих ушах говорил о сладости молока твоих сосцов, о мать моя!

Посасывая молоко, я дремал, бывало, прижавшись к твоему теплему телу, о мать моя! А теперь с плачем смотрю я на других верблюдиц — похожи их глаза на твои, но запах неродной и тепло их тела чужое, о мать моя! Прощала ты мои шалости, помогала мне, несмысленному, в беде. О, когда я увижу тебя, услышу знакомый голос твой, мать, о мать моя!

Аллитерация, своеобразные обороты народной ритмической речи в произведениях Хульчи Сандака трудно поддаются переводу, равно как и своеобразный юмор сына кочевой степи. Вот почему здесь стихотворный текст в переводе передан прозой.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К КЛАССИКЕ (Произведения мировой классики на монгольской сцене)

Прикосновение к классическим русским и западно-европейским произведениям сценического искусства обусловило общий рост монгольского современного театра, а создание национальных драматических, оперных, балетных симфонических произведений — рост мастерства драматических артистов, певцов, музыкантов, артистов балета. Классические пьесы знакомят наш народ с думами и чаяниями народов других стран, играют большую роль в деле интернационального воспитания, прививают уважение к людям иных национальностей, глубокое понимание основы жизни на земле — мира и дружбы между народами.

Прежде чем коснуться темы мировой классики на сценах монгольских театров, сделаем небольшой экскурс в историю, к истокам народного искусства монголов, зарождению и становлению революционного, нового искусства.

Существовавшие с древнейших времен различные народные обряды свадеб, праздник рождения ребенка, омования его, животноводческие праздники весны и другие имеют много театрализованных демократических элементов.

Наличие запретов на игры и развлечения в дореволюционной Монголии — одно из доказательств демократического характера всех видов театрализованного искусства. И оно действительно было демократическим, так же, как и его носители — сказители, певцы, музыканты — люди из народа. Народ создавал песни, сказки, музыку, невзирая на все запреты буддизма.

Многие жанры устного народного творчества монголов в разной мере несут в себе элементы театральности, которые нередко использовали эксплуататорские классы в корыстных целях, пересмысливая идейную направленность произведений. Театры в Кара-Коруме (начало XV в.), театр Юаньской династии со второй половины XIII по XIV век, все виды искусства, широко развитые в монастырях и княжеских ставках, в более позднее время также использовали народное творчество, изменяя его демократическое содержание.

Элементы театра можно наблюдать в бытовых народных играх, спортивных состязаниях, обряде, совершаемом при окончании выделки войлока, в танцах, в мастерстве «хуурч» (музыкантов), «дууч» (певцов), «улигерч» (сказителей), «еролч» (благопожелателей), в соревновании острословов, играх, проводимых в юртах, а также в играх, где испытывались сила, смекалка, быстрота движения, в играх с диалогом и созданием образа — правда, достаточно элементарного, в большинстве своем внешне-подражательного.

Существуют игры не с разговорными, а с песенными диалогами, которые бытуют по сей день на востоке и на севере страны. К ним относятся массовые игры «Прятание кольца», «Жених и невеста» (в последней игре наличествует не только диалог, но и создание образа).

Такие песенные диалоги являются подлинным истоком народного театра, где есть все его основные элементы: диалог, образ, общение между действующими лицами.

«Биелэг» — это своего рода первооснова балетного театра. В вечерние часы (летом — на полянке, зимой — у очага в юрте) собирались люди одного хотона, слушали сказителя, играли и смотрели «биелэг». «Биелэг» — тематические танцы. В некоторых изображается проворная веселая доярка во время работы; умелая хозяйка, готовящая обед; искусная вышивальщица; смелый охотник; заботливый пастух. Танцы «биелэг» — мимодрамы. Они чаще всего исполнялись под аккомпанемент морин-хура, тобшура, а некоторые — под пение сидящих гостей.

В «биелэг» восхвалялись труд, радость, сила, смелость, отвага, они учили благородству душевных движений и грациозности манер, воспитывали романтическую приподнятость восприятия окружающей действительности. История народа и его многовековой жизненный опыт порождает особенности национального художественного мышления, определяют национальные этические представления. Музыка «биелэг» — программная («программно-инструментальные наигрыши», как определил эту музыку П. Берлинский). Танцор обычно передает ее эмоциональное содержание и настроение не только движениями рук, торса, но и мимикой, в особенности выражением глаз.

Очень зрелищны национальные спортивные праздники «Эрийн гурван надом» («Три игры мужей»), которые бытуют у монгольского народа с древнейших времен.

Мимико-танцевальные интермедии, символические картинки борьбы, песнопения для поднятия духа, праздники скачек, восхваление победителей в каждом из трех видов спорта — интереснейшие театрализованные зрелища.

В народе до сих пор ценят певцов, актеров, благопожелателей, сказителей не только за голос, но и за артистичность, выра-

зительность, сочетающиеся с искренностью и задушевностью подачи материала, яркую по форме передачу эмоционального смысла того или иного произведения.

Импровизированные монологи благопожелателей (еролч), создание ими словесных портретов присутствующих, танцы, изображающие процессы приготовления кошмы, словесный поединок мастеров-импровизаторов, специально приглашаемых на свадьбу, песенные диалоги между невестой и ее подругами, между гостями и родителями невесты до увоза ее в юрту жениха, песенные наказания дружков жениху и подруг невесте, театрализованные сценки бытуют до сих пор в разных местностях.

Эти народные зрелища, выросшие из бытовых и обрядовых развлечений, сыграли огромную роль в развитии народного театра. Они не только послужили фундаментом для мастерства будущих артистов, но и подготовили народ к восприятию в дальнейшем развитых театральных представлений.

У исполнителей — «хуурч», играющих на различных музыкальных инструментах, много драматических элементов, которые существуют в исполняемых ими монологах, песнях-сценках, даже сказках. Монгольский литературовед П. Хорло в своей работе «Идейные основы монгольских народных сказок» верно отметил, что в монгольских сказках сюжет выявляется через диалоги действующих лиц, и это обстоятельство сближает их с драматическими произведениями.

Приподнято-романтический стиль исполнения монгольских народных «хурч» зиждется, видимо, в своей основе на специфических особенностях кочевого быта, близости человека к контрастной, величественной природе, суровой жизни народа и глубоких размышлениях о ней.

Сказители — «хуурч» являются родоначальниками музыкального театра, мастерства его актеров, а «еролч», «магтаалч» — родоначальниками мастерства драматического актера. «Хуурч» — исполнители маленьких сатирических сказок — родоначальники комедийных актеров.

Примерно с середины XIX века все чаще стали исполняться песенные пьесы самими «хурч» в лицах, что послужило основой для создания развитого музыкального театра в послереволюционное время.

Песни-пьесы с их малым числом действующих лиц, с их, присущими лишь монголам, чертами жизни представляют собой чисто монгольское национальное явление.

Песни-пьесы имеют все элементы сюжета обычных драматических произведений: завязку, кульминацию и развязку. Из народного фольклора мы узнаем о судьбе народа, о его светлых чаяниях, о стремлении к свободе, братству, миру.

До сих пор в Монголии сохранились носители эпических

форм поэзии — народные поэты и певцы, так называемые «хуурч». Отдельные сказители не просто рассказывали, а инсценировали свои рассказы. Ярким примером служат такие популярные, остро-сатирические водевили, как «Сумья ноен», «Дуйнхэр да лам» и др.

Вскоре после раскатов великой бури — Октябрьской социалистической революции, народ Монголии взял судьбу своей многострадальной родины в собственные руки. Свершились события, которые почти невозможно было предсказать. Неподвижная и пассивная Монголия — страна отсталых, темных, забытых номадов, которым предрекали вымирание и исчезновение с лица земли, — первой из многочисленных больших и малых государств Азии встала на путь социалистического развития.

Монголия пробудилась к новой жизни, к борьбе за человеческие права, за демократию, вдохновленная примером и братской помощью русского пролетариата, победившего в великой классовой битве против тирании. Наша страна преодолела вековую отсталость и пришла к новой жизни.

Весь путь, пройденный свободной Монголией, — яркое доказательство гениальности учения великого Ленина.

Новый революционный строй не получил в наследство от старого строя ни одного профессионального учреждения культуры. В старой Монголии для подавления борьбы народа против угнетателей использовались, кроме многих средств идейного гнета, также религиозные театрализованные представления «цам», «майдари», которыми запугивали людей, старались держать народ в неведении, отгородить от жизни. Не существовало ни одного профессионального театра, концертных учреждений, цирка, кино. Единственной радостью для народа, его духовной пищей было фольклорное искусство.

С первых дней революции Монгольская народно-революционная партия обратилась к народным умельцам и талантливой молодежи с призывом об организации культурно-массовой работы и кружков художественной самодеятельности.

Первыми новыми музыкальными произведениями были партизанские песни. Авторы этих песен опирались на музыкально-певческие традиции «хуурч», «туульч». Один из таких «хуурч» Б. Лувсан с первых лет революции стал создавать новые песни. Первые революционные песни создавал также один из основоположников современной монгольской литературы Д. Нацагдорж, музыкантша из народа Д. Ишдулам и др.

В кружках художественной самодеятельности шли активные поиски театральных жанров и форм.

В феврале 1922 года по решению Временного комитета революционного союза молодежи Монголии был организован драматический кружок, который заложил фундамент театрального искусства в свободной Монголии.

В то время, когда малый процент народа был грамотным, работа кружков театральной художественной самодеятельности имела огромное значение. Они показывали наглядно, кто их враг, кто их друг, за что надо ненавидеть лам, монахов, китайских торговцев. Все это были маленькие агитки. Импровизированный текст был не всегда удачен. Первая попытка внедрения литературного текста на театре, т. е. создания пьесы, была сделана С. Буйн-нэмх на основе опыта советского театра. Таким образом, учеба нашей театральной интеллигенции у советских коллег началась с первых лет революции.

Принимая во внимание всю важность всестороннего развития народного искусства, партия и правительство приняли в 1924 году решение силами и средствами государства построить Народный дом, который бы стал центром культуры и объединил талантливую молодежь. В 1926 году Народный дом уже имел скромный штат: группу артистов и народный оркестр.

Молодой революционный театр должен был отвечать на насущные вопросы жизни.

12 февраля 1931 года по решению Народного правительства на базе реорганизации временного театрального училища был создан Государственный центральный театр, который по праву считался центром творческих сил.

Театр открылся постановкой пьесы «Унэн» («Правда»), рассказывавшей о тяжелом прошлом народа, о революционных преобразованиях, о готовности народа защищать их до конца.

В 1933 году еще совсем молодой Монгольский государственный театр уже демонстрировал свое искусство спектаклем «Темная власть» на Международной олимпиаде революционных театров в Москве и занял 2-е место.

Деятельность этого первого профессионального революционного театра в период 1930—1940-х годов помогла развитию и обогащению национальных форм народного театрального искусства, оказала неоценимую услугу в пробуждении народа. Если в результате последовательных мероприятий партии и правительства к началу 40-х годов был завершен первый этап народно-демократической революции, который заключался в решении задач антифеодальной и антиимпериалистической революции, то и искусство этого периода уже встало на ноги.

По сравнению с 1920-ми годами углубилось содержание сценических произведений, они стали более реалистичными, избавились от условностей и от национальных буффонадных форм, которые стали лишними в театре, теперь исповедующем жизненную правду.

Второй этап нашей революции, ее переход в социалистическую, начался в тяжелых условиях, сложившихся в мире в начале 1940-х годов.

Этот период истории монгольского театра знаменателен быст-

рым ростом кадров творческих работников: артистов, музыкантов, певцов, которых выпускало театральное училище, начавшее свою деятельность в 1936 году. Пьесы и спектакли этих лет отображали не только борьбу с феодалами и ламами, но и борьбу за новые устремления, борьбу с косностью, предрассудками, апатией. Темы становятся шире, репертуар — богаче.

В конце 30 — начале 40-х годов театр уже становится крепким творческим организмом, которому под силу сложные постановки классиков мировой драматургии. В 1935 году была осуществлена постановка «Ревизора» Н. В. Гоголя. Этот спектакль был горячо принят. В 1936 году был поставлен «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник») Лопе де Вега — спектакль, зовущий народ на борьбу за справедливость и получивший большой резонанс, так как борьба испанского народа была созвучна недавней борьбе монгольского народа. Спектакль имел долгую сценическую жизнь.

Государственный центральный театр (тогда он был единственным) вслед за вышеперечисленными спектаклями принял к постановке комедию К. Гольдони «Слуга двух господ».

В те далекие годы, когда современная монгольская драматургия делала первые робкие шаги и народ еще не очень охотно шел в театр, так как пьесы-агитки не могли полностью удовлетворить зрителя, перевод и постановка в 1937 году комедии К. Гольдони имело большое значение. Народ хотел радости, веселья после религиозных устрашающих зрелищ, имевших место до революции. Гольдони своими героями, взятыми из самой жизни, такими, как Труффальдино, Мирандолина, показывал, как хорошо жить на свете, как можно преодолевать препятствия в жизни находчивостью, энергичностью, стремлением помочь людям, идти вперед с веселой душой, со светлым умом.

Народное мудрое слово и действия героев пьес Гольдони настолько увлекали зрителей, что они часто смеялись до слез. Декорации, изображающие Венецию с ее гондолами, мостами, были светлыми и солнечными. Труффальдино, которого играл народный артист МНР Ц. Цэгмид, изливал свет доброго сердца, ума. Он все умеет, всегда находит способ выйти из затруднительных ситуаций, и эти общечеловеческие качества нравились монгольскому зрителю. Спектакль имел очень большой успех, которому во многом способствовало и то, что в монгольском фольклоре есть такие персонажи, которые, благодаря своему знанию жизни и светлomu уму, обводят вокруг носа хозяев-князей, лам. Это Далан-Худалч («Семьдесят небылиц») и бадарчины — бедные ламы, не имеющие пристанища, в большинстве своем не знающие религиозных учений, а лишь использующие монашескую одежду для того, чтобы их принимали, кормили и поили. Анекдоты бадарчинов, искрометные, остроумные, очень любимы в народе, глубоко народны.

Если пьесы монгольских драматургов были лишены движения

(герои мало двигались по сцене, были внешне пассивными), то «Слуга двух господ» сразу же поставил перед актерами задачу активного начала, как внутреннего, так и внешнего, заставил их учиться сценическому движению, танцам, легкости. «Слуга двух господ» прижился на монгольской сцене. В 1976 году была осуществлена новая постановка пьесы, которая с успехом идет до сих пор. В 1948 г. была поставлена еще одна пьеса Гольдони «Трактирщица». Перевод пьес Гольдони дал импульс к переводу других пьес из сокровищницы западноевропейского театра.

Стали появляться и национальные комедии, такие, например, как «Семьдесят небылиц». Прошедшие школу искрометного диалога, красивого и осмысленного движения на сцене, актеры смогли перенести то, чему они научились и в национальные постановки. Затем были поставлены «Проделки Скапена», «Лекарь поневоле» Ж. Мольера, которые также великолепно принял зритель. Увидели свет ramпы пьесы В. Иванова «Бронепоезд 14-69», А. Корнейчука «Платон Кречет». В 1940-х годах была осуществлена постановка пьес А. П. Чехова «Медведь», «Предложение», «Свадьба».

В годы Великой Отечественной войны были поставлены национальные полотно-спектакли, а также патриотические пьесы К. Симонова «Русские люди», «Жди меня», «Русский вопрос» и многие другие, посредством которых монгольский народ еще ближе и глубжезнакомился с характером советского человека, побеждающего фашизм, с неукротимой волей к миру, дружбе, свету на земле.

В 1950-е годы работа театра еще более расширилась. Постановки театра стали более разнообразными. Появились тематические концерты, в которых исполнялись произведения Чайковского, Моцарта, Баха.

Создание симфонического оркестра в 1958 году положило начало освоению лучших произведений мировой классической музыки: Бетховена, Бородина, Шопена, Гайдна, Дворжака, Сметаны, Грига, Глинки, советских и монгольских композиторов.

К 1960-му году Государственный музыкально-драматический театр принимал выпускников национальной музыкально-хореографической школы и балетных артистов, окончивших специальные студии в Перми и Ташкенте, певцов — выпускников Московской государственной консерватории. Была создана оперно-балетная труппа, которая стала основным ядром творческих работников Государственного театра оперы и балета. В 1963 году по постановлению ЦК МНРП Государственный музыкально-драматический театр был разделен на Государственный театр драмы им. Д. Нацагдоржа и Государственный театр оперы и балета.

Первыми постановками были оперы и балеты монгольских композиторов С. Гончигсумла, Б. Дамдинсурэна, Л. Мурдоржа, Э. Чойдога, пьесы Ч. Чимида, Л. Вангана, Д. Намдара. Наряду с ними

Театр оперы и балета осуществил постановку «Чио-Чио-сан» Пуччини, «Травиаты» Верди, «Евгения Онегина» и «Лебединого озера» П. Чайковского, «Франческа да Римини» Рахманинова, «Русалки» и «Эсмеральды» Даргомыжского, «Фауста» Гуно, «Шехерезады» Римского-Корсакова, «Бахчисарайского фонтана» Глиэра, «Дон Кихота» Минкуса и многих других, которые пользуются заслуженным успехом у наших зрителей. В драматическом театре сейчас идут пьесы Софокла, Шекспира, Шиллера, Лопе де Вега, Сервантеса, А. Островского, А. Чехова, Б. Стоу, Б. Брехта, Э. Войнич, такие пьесы советских драматургов, как «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Семья» А. Попова, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского. Постановками классических пьес театр проверяет свои силы, возможности, рост мастерства актеров, так как это пьесы со сложными образами. Драматический театр осуществил на своей сцене постановку пьес «Любовь Яровая» Тренева, «Далекий полустанок» Афиногенова, «Поднятая целина» М. Шолохова, многих пьес В. Розова, «Барабанщицу» А. Салынского, «Два поколения» Г. Мдивани, «Украли консула», «Иркутскую историю» А. Арбузова. За последние годы монгольский зритель познакомился с творчеством А. Вампилова, В. Шукшина, В. Распутина.

Кроме профессиональных театров, существуют сотни самодеятельных кружков при предприятиях, школах, госхозах, сельскохозяйственных объединениях, в частях Народной армии, в районах, в которых участвуют рабочие, скотоводы, военнослужащие, учащиеся. Часто организуются смотры художественной самодеятельности.

Монгольский народ миролюбив, искусство его также миролюбиво. Оно воспитывает человека в духе служения и верности Родине, в духе дружбы со всеми народами земли.

НАД СТРОКОЙ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ»

«Сокровенное сказание монголов» — историко-литературный памятник XIII века.

Как известно, оно повествует о роде, из которого вышел Чингисхан, подробно рассказывает о жизни и деятельности этого завоевателя и заканчивается на царствовании Угэдэя — третьего сына и наследника Чингисхана.

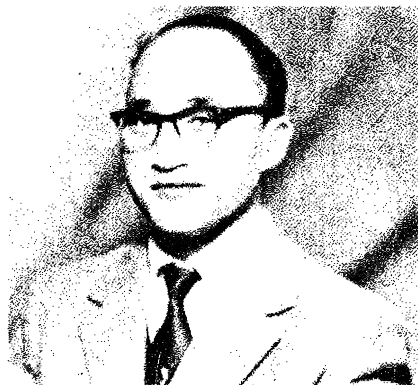
Я склонен полагать, что «Сокровенное сказание» было написано в 1228 году, как утверждает Игорь де Рахевилц, а не в 1240, 1252 или 1264 году, как считали другие ученые, по-разному интерпретируя последнюю дополнительную часть памятника.

С тех пор, как русский ученый архимандрит Палладий (Кафаров) впервые в Европе издал краткий русский перевод «Старинного монгольского сказания о Чингисхане» в Трудах Русской Духовной Миссии в Пекине в 1866 году, началось и успешно продолжается исследование этого памятника крупными синологами и монголоведами Запада и Востока.

Исследования шли главным образом в направлении восстановления оригинального монгольского текста сказания с древнекитайской звуковой транскрипции, т. е. с китайских, специально выбранных для этой цели иероглифов (более четырехсот знаков). Над этим долго и упорно работали многие ученые-синологи и монголоведы разных стран: Палладий Кафаров — в России, Ценде — в Монголии, Э. Хениш — в Германии, Ш. Хаттори и К. Широтори — в Японии, Дугарджав — в Китае, С. Козин — в СССР, П. Пелио — во Франции, Л. Лигети — в Венгрии, А. Мостарт — в Бельгии, Игорь де Рахевилц — в Австралии и др.

В результате общих усилий к настоящему времени мы можем считать более или менее приемлемо восстановленным монгольский оригинал памятника, хотя все еще остается много спорных вопросов и темных мест как в воссозданном оригинале, так и в переводах его на разные языки.

В исследовании памятника преобладают два аспекта изучения: лингвистический и исторический. Первый из них связан с тем,

Ш. Гаадамба. Фото. Р. Гомбожава

что памятник дошел до нас в записи китайскими «звуковыми иероглифами» обширного текста живой, связной монгольской речи восьмивековой давности, а также был зафиксирован на одном из наречий монгольского языка того времени. Наличие и преобладание второго — исторического — аспекта изучения памятника обусловлено тем, что «„Сокровенное сказание“» закономерно считается одним из трех основных наиболее достоверных источников по истории древних монголов, создавших в свое время империю номадов на необъятной территории.

На наш взгляд, необходимо ввести и третий, не менее важный и правомерный аспект — литературоведческий. Однако этот аспект изучения „Сокровенного сказания“ до сих пор остается вне пристального внимания исследователей. Трудность литературоведческого подхода к изучению памятника обусловлена прежде всего национальной самобытностью памятника и его исключительно своеобразными функционально-структурными особенностями.

Подтверждением такого мнения служит высказывание Б. Я. Владимирцова, в котором изложена целая литературоведческая концепция изучения памятника: „Сокровенное сказание“ — не „история“ и не летопись, его ни в коем случае нельзя поставить в ряду подобных произведений; это эпическое богатырское сказание, любопытнейший образчик степного эпического творчества, получившего литературную обработку, записанного, во всяком случае. Но, давая такое определение „Сокровенному сказанию“, его нельзя все-таки назвать настоящей эпопеей; это не монгольская Илиада, для этого оно слишком исторично, местами слишком прозаично, вообще, переработано с очевидной целью стать „историей“ Чингисхана. Тем не менее „историей“ „Сокровенное сказание“ не делается, оно слишком наполнено эпическими настроениями,

эпическими мотивами, слишком напоминает своим складом эпическую былинку и остается, несмотря на обработку с определенной целью сделаться заветным преданием дома Чингисхана, ярким и верным выразителем идеалов степной монгольской аристократии.

(...) Монгольская междуплеменная аристократия, организованная и поставленная во главе государства, является не только хранительницей и распространительницей эпических сказаний, но и созидательницей их; затем монгольская степная аристократия хочет слышать не только воспевания отдельных богатырей, отдельных родов, сказания о славных битвах, прославления вольной кочевой жизни, но хочет и более сложной национальной эпопеи — родной истории, не умея еще различить эти понятия, но стремясь к созданию их своим пробудившимся национальным самосознанием. „Сокровенное сказание о монгольском народе“ и является результатом этих стремлений монгольского степного аристократического класса, которому на помощь пришла существовавшая уже монгольская письменность. Вот поэтому-то „сказание“, несмотря на свое задание, более занято представителями степной аристократии, чем самим Чингисом, вот почему оно представляется апофеозом кочевой жизни, почему пропитано оно „ароматом степи“».

С проникновения в смысл этих глубоко содержательных и в то же время диалектически противоречивых высказываний знаменитого русского востоковеда я и начал свою работу над строками, вернее, над текстом «Сокровенного сказания монголов». В высказывании академика Б. Я. Владимирцова меня заинтересовал его литературоведческий подход к памятнику и его четкое определение памятника как эпического, богатырского сказания, представляющего «любопытнейший образчик степного эпического творчества, даже литературно обработанного или записанного во всяком случае».

После многократного внимательного чтения и раздумий над этими высказываниями мы нашли в них доказательство того, что «Сокровенное сказание» — литературное произведение, которое не имеет аналога в мировой литературе, что оно является одновременно и «летописью», «историей» образования монгольского государства, и настоящим литературным произведением неизвестного автора, видимо, монгола, обладавшего незаурядным писательским талантом и достаточным образованием. То, что у Б. Я. Владимирцова дается в форме отрицательного суждения — не история, не летопись и не монгольская Илиада — на самом деле лишь подчеркивает национальную самобытность и оригинальность памятника.

Цель нашей работы над текстом «Сокровенного сказания», таким образом, заключалась в том, чтобы доказать, что оно является художественным эпическим творением исторического содержа-

ния, прогрессивным в идейно-политическом смысле, наивно-реалистическим по характеру.

Основная идейная направленность «Сокровенного сказания» — обоснование объединения всех монгольских племен и воспевание образования единого монгольского феодального государства. Выражена эта идейная направленность, на наш взгляд, такими средствами, как:

а) Обоснование единства происхождения всех монгольских племен (§§ 1—51);

б) Включение и умелое использование легендарных, подчас сказочных сюжетов для обоснования идеи объединения всех монгольских племен. Возьмем, к примеру, рассказ о монгольских тотемных предках — Борте Чину-а (Серый с белыми пятнышками волк) и Хува-Марал (Рыже-соловая Лань) — § 1; затем — образ Дува-сохора (§ 4), аналогичный известной версии мифологического сюжета о Полифеме (§ 14, II, с. 322, б) или монгольской сказки «О пузатом темном старике, имеющем десять тысяч черных баранов», по всей вероятности, не подсказан исторической личностью, так как он, во-первых, не упоминается ни в одном из главных, достоверных источников по истории монголов (ни в «Сборнике летописей» Рашидаддина, ни в «Юань-ши», ни в «Шен-у цинь-чжэн лу»), во-вторых, слово «Дува», по-видимому, невозможно этимологизировать, если исходить из данных монгольского языка, но фонетически сходное слово «дее» («великан») встречается в киргизском языке. Наконец, широко распространенный сюжет о пяти хворостинках, включенный в поучение Алун-гуа, мудрой жены Добун-мэргэна (§ 19). Аналогичный сюжет был зафиксирован в китайской летописи при описании жизни и истории древнемонгольского народа — тобасцев или табгачей (V — VI вв.). Хорошо известно о существовании аналогичного сюжета у иранских народов, в частности у скифов. Плутарх приводит рассказ о скифском царе Скилуре (II—I вв. до н. э.): «Перед смертью царь позвал всех своих сыновей (а их было восемьдесят) и предложил каждому переломать связку дровиков. Они отказались. Тогда он, вынимая по одному дровику, переломил всю связку и объяснил, что все вместе они будут непобедимы, а поодиночке их легко одолеть».

Эти фольклорные вставки в повествовании «Сокровенного сказания» лишний раз доказывают, что автором (или авторами) сознательно и к стати использован прием историзации подобных легендарных, подчас сказочных материалов, для выражения и передачи основной идеи сказания;

в) Идея объединения всех монгольских племен в единое государство в повествовании сказания выражена иногда аллегорическим языком, через символику образа. Так, например, в вещем сне князя-Хурчи, предсказавшего возведение

Темучина (будущего Чингиса) на ханский трон, фигурируют однорогая рыже-красная корова и большой безрогий рыже-красный вол. Корова ходит вокруг Джамухи, бодая его, мычит и требует от него потерянный ею рог. Вол же, запряженный в телегу, на которой установлена большая юрта (дворец хана), мыча, следует за Темучином по большой дороге (§ 121).

В своем противопоставлении образы рогатой, бодливой коровы и безрогого большого вола означают, что сообщники Джамухи завистливы и готовы выступить против единоначалия, а вол — символ сильного преданного последователя.

Эта же идея ярко выражена в возвышенной патристической речи Кокчуса — одного из советников Чагатая — сына Чингисхана. Кокчус осуждает своего подопечного за то, что он выступил против единокровного брата Джочи, тем самым и против объединения и единоначалия в управлении государством (§ 254).

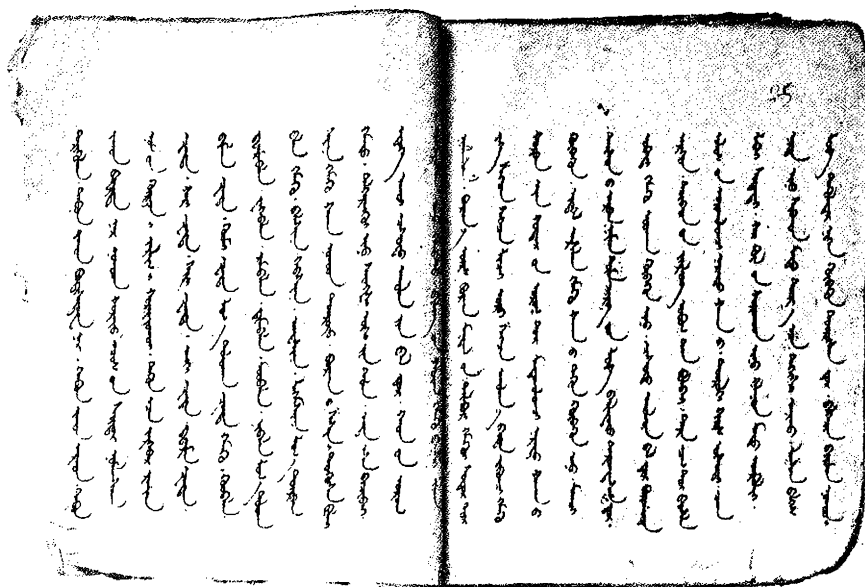
Эту речь Кокчуса, на наш взгляд, можно считать образцом гражданской лирики и ораторского искусства.

Композиционная особенность памятника — в сочетании предельной широты предмета изображения и крайнего лаконизма.

«Сокровенное сказание» охватывает в своем повествовании довольно большой отрезок времени — четыре века, сюда включены и легендарные события из преданий генеалогии Чингисова рода, причем те, что имеют отношение к основным историческим событиям из жизни Чингисхана, излагаются подробно и последовательно. И все это уместается на 120 страницах. При этом памятник имеет композиционную стройность литературного произведения, хотя в нем рассказывается о событиях, не связанных между собою и отдаленных друг от друга более или менее продолжительными отрезками времени.

В ходе исследования текста мы выяснили, что повествование «Сокровенного сказания монголов» составляют более тридцати отдельных рассказов исторического содержания, соединенных специальными литературными связками. Такой, например, связкой являются два стихотворения: первое — хвала матери — Угелун, покинутой сородичами и кормившей своих маленьких детей-сирот. Второе — о том, как эти дети, став подростками, в благодарность вскормившей их матери, решили кормить ее, занимаясь охотой и рыболовством. Стихотворение о рыбной ловле связывается с последующим рассказом о том, как из-за улова Темучин и Хасар убили сводного брата Бектера (§§ 76—77).

Связкой между двумя рассказами служат иногда строки напоминания-предупреждения: когда мать Угелун поучает двух своих кровожадных сыновей-братоубийц, она как бы случайно упоминает о том, что они так дерзко поступили в то время, когда еще неизвестно, кому из них придется мстить сородичам Тайчу-там, бросившим их на голом кочевье. Автор нарочито связывает

Монгольская рукопись XVII в. летописи «Драгоценный свод» Саган Сэцэна (ЛО ИВ)

это поучение матери со следующим рассказом о нападении Тайчутов и взятии в плен старшего сына Есугея — Темучина (§§ 79—80), хотя братоубийство, совершенное Темучином и Хасаром, и нападение на них Тайчутов отделены друг от друга, возможно, несколькими годами.

Из разнородных, не связанных между собою, отдаленных друг от друга довольно большими отрезками времени событий, автор создает определенную композиционно-сюжетную линию сказания, нанизывая на нее отдельные вполне самостоятельные рассказы сугубо исторического содержания. Благодаря этому у читателей создается впечатление о непрерывности, текучести изображаемых событий.

По всей вероятности, преследуя определенные познавательно-воспитательные, идейно-политические, эмоционально-эстетические или морально-этические цели, автор предпочел форму художественного рассказа чисто логическому, хронологическому, фактографическому повествованию. Но не исключено, что «Сказание» было создано в рамках традиций первоначального синкретизма, и поэтому автор не мог разграничить не только историю и литературу, но и понятия чувственного и логического, единичного и общего, конкретного и абстрактного и т. д.

Язык «Сокровенного сказания» прост, лаконичен, во многих случаях автор не просто рассказывает, а изображает словом, используя приемы, которыми располагает язык художественной литературы.

Так, например, лесная чаща, куда Темучин убежал от мергитов, в сказании определяется как «чаща, куда не могла бы поползти сытая змея» (§ 102).

Один из знаменитых сподвижников Чингисхана — Субегетэй — торжественно обещает, что он обернется мышонком и соберет то, что нужно хану, или станет вороной и будет оберегать все, что находится вне юрты хана, превратится в войлочную ширму, чтобы защитить его. Эти метафоры содержатся в оригинальном тексте.

Автор часто прибегает к аллегории; например, разлад между Чингисханом и Ун-ханом передан в следующих словах Чингисхана: «Мы ведь договорились, если подвергнемся укусу зубастой змеи, то не поддадимся ее яду, а убедим друг друга лишь тогда, когда сами поговорим (устаи да зубами)» (§ 264). Здесь под «укусом змеи» подразумевается злой наговор врага, желающего поссорить их. Манере автора свойственно также использование оригинальных сравнений, гипербола и т. п.

Об убежавшем враге в сказании говорится: «Сыновья мергитского предводителя Тогтуга убежали, как дикий осел с петлей (аркана) на шее, как олень с (вонзившейся) стрелой» (§ 199). В вышеупомянутой речи Кокчуса он характеризует ханшу Борте-уджин следующими сравнениями: «Наша благородная хатун (умом) так светла, как солнце (сияющее), (душою) так широка, как озеро (раскинувшееся)» (§ 254).

Плач молодой жены Угелун, отбитой Есугей-батыром и его братьями у мергитского Их-Чиледу во время их брачной поездки, гиперболически изображается в сказании: «Она заплакала так громко, что река Онон взволновалась, эхо разлетелось по (всем) лесам да оврагам» (§ 56).

Художественно-изобразительные средства языка сказания разнообразны: это и особые лексические ресурсы, и фигуры поэтической речи.

Размышляя над текстом «Сокровенного сказания», мы пришли к выводу, что это — оригинальное эпическое произведение, имеющее общую идейно-политическую направленность и своеобразную композицию. Его художественные достоинства заключаются в сочетании исторической тенденции с основной идеей автора, в широком охвате предмета изображения с крайней лаконичностью и образностью языка.

Изучение текста этого замечательного памятника, особенно в литературоведческом аспекте, далеко не закончено. «Сокровенное сказание монголов» ждет новых исследований.

РУКОПИСИ ДЖАНГАРИАДЫ

Героический эпос «Джангар», названный так по имени главного героя, получил распространение у всех монголоязычных народов. Создателями и исполнителями его были джангарчи — певцы-сказители, художественная традиция которых жива и по сей день. Каждый джангарчи пел эпос по-своему. Некоторые воспроизводили заученный, перенятый от других сказителей текст; иные, имея особый дар к импровизации, вносили что-то свое, дополняя или сокращая традиционный текст. Конечно, подобное новотворчество возможно было лишь в рамках определенной, прочно сложившейся эпической традиции — в построении сюжета, в мотивах и образах, системе художественных средств, которыми певец пользовался как своего рода готовым поэтическим языком.

Эпос «Джангар» — это цикл эпических песен (точное количество которых определить невозможно), объединенных общей идеей и главными действующими героями. Причем в отличие от других эпических сказаний монгольских народов, «Джангар» является эпосом классического типа, потому, пусть и в опосредованной форме, но запечатлевшим процессы этнической консолидации, возникновения и развития государственного самосознания и экономического уклада. «В Джангариаде, — писал Б. Я. Владимирцов, — отражается сложная кочевая жизнь, жизнь не только кочевника, но кочевого государства. Здесь ее настоящий апофеоз. Эта идеальная, патетическая картина кочевой жизни является перед нами сложной и пестрой; видно, что грезит о ней народ, проживший жизнью организованного кочевого государства» (Владимирцов, 1923, с. 20).

Основная идея «Джангара» — прославление воинского подвига, защита родной страны от чужеземных захватчиков. В центре эпического повествования — богатырь, «жизнь и век свой предавший острию копья», постоянно преодолевающий неимоверные трудности и смертельную опасность. Богатырь всегда с соратниками и народом, готовыми прийти ему на помощь в трудный час.

Характеры героев «Джангара» раскрываются в соответствии с

«эпическим каноном». По традиции героического эпоса, образы четко делятся на положительные (Джангар и его богатыри) и отрицательные (враги). В основе характеристики образа лежит исключительность героя, его незаурядность. Так, Хонгор, самый выдающийся из Джангаровых богатырей, наделен несравнимой храбростью, Алтан Цеджи — мудростью и прозорливостью, Тяжелорукий Савар — силою, Санал — выносливостью, златоуст Ке Джилган — красноречием, Мингиян, первый красавец вселенной — красотой.

Содержание песен основано на традиционных темах, характерных для героического эпоса. Это главным образом столкновения Джангара и его богатырей с иноземными захватчиками, угон табунов, жестокие поединки враждующих богатырей, многодневные походы, победы и поражения. Стойко сохраняются архаические темы, очевидно, составившие первооснову эпоса. Таковы: борьба с различными демоническими противниками, оживление героя эликсиром жизни, путешествия в нижние миры и т. д. К числу древних эпических мотивов исследователи относят повествования о сватовстве. При этом, как уже отмечалось, главная тема, пронизывающая весь эпос, — это освободительная борьба против захватчиков, стремление к достижению независимости и могущества.

Эпос «Джангар» занимает особое место в устной поэзии монгольских народов. Уникальная популярность эпоса в значительной степени объясняется его высокой самобытной художественностью и огромным талантом его певцов — джангарчи. Тексты оригинала наглядно демонстрируют впечатляющую силу художественного слова.

Исследование эпоса «Джангар» составляет одну из важнейших проблем монголоведения. История собирания и изучения памятника насчитывает около двух столетий, но тем не менее целый ряд существенных проблем, связанный с генезисом, эволюцией, поэтикой эпоса, остаются еще нерешенными. Такое положение можно объяснить несколькими причинами.

В истории исследования «Джангара» периоды активного изучения эпоса (как это было, к примеру, в предвоенные годы) сменялись долгими перерывами, после которых приходилось восстанавливать утраченные позиции.

Долгое время «Джангар» исследователям был известен только в своей калмыцкой традиции, хотя общепринятым стало положение об его западномонгольском (ойратском) происхождении. Существование же Джангариады в Монголии, не исключая и районы, населенные ойратами, подвергалось сомнению. И сомнения эти казались не лишними оснований, поскольку ни записей песен о Джангаре, ни свидетельских показаний об их бытовании в Монголии в научной литературе не было вплоть до

20-х годов нашего столетия. Первая запись и издание монгольской версии эпоса связаны с именем Б. Я. Владимирцова, опубликовавшего в 1926 г. одну песнь «Джангара» (скорее изложение нескольких популярных сюжетов), сообщенную ему неким байтским ламой. Следующие издания песен эпоса в Монголии были осуществлены после долгого перерыва в несколько десятилетий — в 1968 и 1978 гг. Переводы песен на русском языке отсутствуют. К слову, широкий перевод калмыцкой Джангариады только начинает осуществляться.

Еще более спорным оставалось бытование «Джангара» у ойратов КНР. Первые публикации на языке оригинала ойратских записей эпоса в Китае были сделаны совсем недавно, в начале 80-х годов. В настоящее время в КНР развернута большая исследовательская работа по собиранию и изучению «Джангара», приняты оригинальные издания, ведутся научные разработки различных проблем эпоса. В количественном отношении песни «Джангара», зафиксированные в КНР, намного превосходят калмыцкую и монгольскую версии эпоса (Джангар, 1980).

Таким образом, только в настоящее время «Джангар» предстает перед исследователями в более или менее полном объеме. Несомненно, что выявление и ввод в научный обиход такого обширного материала откроет новые возможности в исследовании эпоса. Так, все три версии «Джангара», связанные единством происхождения, располагают важными отличительными особенностями, вызванными условиями их самостоятельного развития в течение последних трех с половиной столетий, прошедших после отделения калмыков от ойратов. Анализ специфических признаков версий позволит исследовать эпос в сравнительно-историческом плане, что в свою очередь поможет разрешению сложных вопросов происхождения, жанрово-тематического состава, эволюции «Джангара» и т. д.

В данной статье, предназначенной для «Альманаха библиофила», мне хотелось бы рассказать об истории письменного «Джангара», рукописях эпоса.

Вопросы становления письменной формы «Джангара» не подвергались специальному изучению, хотя ученые уже касались отдельных сторон этой проблемы.

Среди исследований, посвященных «Джангару», значительный интерес представляет труд Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос» (Владимирцов, 1923). В книге характеризуются различные эпические сказания монгольских народов, устанавливаются их типовые жанровые признаки, выявляются основные сюжетные темы, художественные формы и поэтические особенности. Принципиальный интерес представляют для нас заметки Б. Я. Владимирцова о записи ойратских героических эпосов. Согласно его мнению, записи производились для того, чтобы

сказители имели возможность лучше запомнить текст старинной былины — искажения эпоса влекли всяческие опасности, грозящие исполнителю и слушателям, т. е. записи служили сохранению магической обрядности.

К исследованию устных и литературных традиций другого центральноазиатского эпоса «Гэсэр» обратился С. Ю. Неклюдов (*Неклюдов, 1984*). Вопросы стилистики, композиции книжных версий «Гэсэра» имеют общее значение и для письменных форм «Джангара». Следует указать, что С. Ю. Неклюдов оговаривает наличие рукописных редакций некоторых эпических сказаний, которые «на один шаг» отстают от своих устных прототипов, и не вполне обособились в качестве самостоятельного жанра.

Вопросам происхождения рукописи «Джангара», содержащей «малодербетовскую версию» эпоса, посвящена работа А. Ш. Кичикова (*Кичиков, 1976, с. 28—40*). Он устанавливает внутреннее единство цикла (состоящего из трех песен), возможные истоки школы его исполнителей.

Необходимо отметить, что в литературе имеются многочисленные сведения о существовании записей «Джангара» (особенно в монгольской и ойратской традициях эпоса). Но эти факты не подтверждались весомыми находками, доступными изучению. В МНР и КНР так и не зафиксирован пока ни один рукописный список эпоса. Автором данной работы была проведена предварительная работа в различных научных архивах СССР по выявлению рукописей Джангариады. В результате поисков удалось обнаружить неизвестные ранее списки эпоса, позволяющие конкретно датировать время сложения рукописной формы «Джангара» и отметить особенности ее бытования.

О существовании рукописных списков Джангариады в литературе стало известно в середине XIX в. В 1852 г. П. И. Небольсин, ученый-этнограф, сожалея, что в бытность у калмыков ему не удалось записать джангер (как он именовал эпос), сообщал, что профессора О. М. Ковалевский и А. В. Попов имеют у себя «писанные джангеры» (*Небольсин, с. 132*). Сам он эту запись не видел и дал совершенно неверные сведения об ее содержании. Но тем не менее этнограф оказался прав: запись такая существовала, А. А. Бобровников, в руки которого она позже попала, писал, что однажды для О. М. Ковалевского «была сделана в Хошоутовском улусе попытка записать «Джангар» — написано весьма немного и так неисправно, что в этом немногом многого нельзя было понять» (*Бобровников, 1854, с. 100*). Он вкратце описал рукопись, содержащую, оказывается, лишь вступление (правда, во многих отношениях очень любопытное) к некой песне эпоса. После Бобровникова список этот никто не упоминал, и дальнейшая его судьба остается до сих пор неизвестной. В. А. Закруткин первым высказал предположение, что список,

по всей вероятности, был составлен во второй половине 40-х годов XIX в. (Закругин, 1940, с. 26).

В 1854 г. Бобровников в «Вестнике Русского географического общества» опубликовал перевод одной песни эпоса. Это был перевод «Джангара», сыгравший заметную роль в популяризации эпоса. Текст же оригинала не был опубликован и поэтому оказался не введенным в научный обиход. И до последнего времени судьба рукописи оставалась неизвестной, хотя учеными-монголоведами предпринимались неоднократные попытки отыскать ее. Так, в 1940 г. С. А. Козин за неимением подлинника вынужден был поместить эту песнь в своей книге, посвященной исследованию «Джангара», «в далеко неполной ревизии перевода А. А. Бобровникова» (Козин, 1940, с. 235). По этой же причине песнь отсутствует в наиболее полном на сегодня издании калмыцкого «Джангара», включающем тексты 25 песен эпоса (Михайлов, 1978, с. 10).

Но недавно калмыцкий оригинал песни был обнаружен нами в архиве Географического общества СССР (Церенов, 1982, с. 245—246).

Рукопись под названием «Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуровского улуса» хранилась в фольклорном фонде народов СССР. На титульном листе карандашом отмечено: «бывшая у Бобровникова».

Собственно, это не рукопись, а книга, тем более, что составитель, к сожалению, оставшийся неизвестным, определил ее как «книгу записи калмыцких песен и сказаний». Так, в ней содержатся буддийская молитва — она открывает книгу, две исторические и одна лирическая песни и текст «Джангара». Таким образом, создается довольно целостное впечатление об устной поэзии калмыков. Содержание песни «Джангара» хорошо известно по переводу, поэтому здесь нет нужды его пересказывать.

Бобровников перевел название песни как «Рассказ о подвигах высокого богдо хана Джангара», хотя в оригинале отсутствует «рассказ», а значит «тууль» — былина, эпическое сказание. Название песни вообще страдает условностью. Речь ведь в ней идет не о подвигах Джангара, а его богатырей Хонгора и Савара, одержавших яркую победу над врагом. В соответствии с установившейся традицией в именовании песен эпоса представляется более правомерным следующее название: «Песнь о победе Красного Хонгора и Тяжелорукого Савара над семью богатырями Догшон Замбал-хана, угнавшими девяти тысячный табун высокого богдо хана Джангара». (Для краткости условимся далее ее называть песнью о Догшон Замбал-хане.)

Список песни, которым Бобровников пользовался при переводе, оказался не совсем качественным, в нем встречаются про-

пуски отдельных слов и даже целых строк (кстати, только этим обстоятельством объясняются недоумения Бобровникова, высказанные им при переводе). Но в архиве Географического общества СССР нами была обнаружена еще одна рукопись песни о Догшон Замбал-хане. Самостоятельного заглавия список не имеет, в хранилище он был зафиксирован как «Тексты калмыцкие, присланные от правителя Багацохуровского улуса, аймачного зайсанга Церен-Раши Онкорова» (Церенов, 1982, с. 245). Возможно, что утерян титульный лист рукописи, на котором было название песни. Рукопись содержит лишь текст «Джангара». Текстологическое сравнение помогло выявить лакуны в первом списке. В архив Географического общества рукопись была доставлена в 1854 г.

К названным выше двум спискам песни о Догшон Замбал-хане тесно примыкает фотокопия рукописи «История походов воинствующего хана богдо Джангара» (более точный перевод: Песнь о деяниях грозного хана богдо Джангара), хранящаяся в Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР (инв. № 5272). Фотокопия содержит список известной песни о Хара Кинясе. К сожалению, неизвестно местонахождение самой рукописи. Фотокопия была осуществлена в 30-х годах нашего столетия, тогда же кто-то и перевел на русский язык название рукописи.

Важно отметить, что «Тексты, присланные Церен-Раши Онкоровым» и «История походов воинствующего хана богдо Джангара» составлены одним и тем же человеком — почерки совершенно идентичны. Одинаково также оформление рукописей. Кроме того, список из фотокопии на протяжении 217 строк слово в слово повторяет вступление песни о Догшон Замбал-хане, хотя дальше полностью совпадает с текстом песни о Хара Кинясе, изданным К. Ф. Голстунским в 1864 г. (Голстунский, 1864, с. 38—74). Таким образом, рукопись «История походов воинствующего хана богдо Джангара» легко датируется — она составлена не позже 1854 г. Во-вторых, список свидетельствует о том, что песня о Хара Кинясе была зафиксирована в письме задолго до издания Голстунского.

В 1864 г. К. Ф. Голстунский опубликовал на калмыцком языке две песни эпоса — о Шара Гюргю и о Хара Кинясе. Об истории их записи он рассказал В. Л. Котвичу, который позже вспоминал об этом так: «В одной из частных бесед К. Ф. Голстунский сообщил мне некоторые сведения об этой эпопее. Он еще молодым человеком столкнулся с калмыками, поддерживал с ними постоянные сношения и часто посещал приволжские степи. Одну из поездок в начале 60-х годов он посвятил поискам Джангариады, которая до тех пор была известна только по трудам Бергманна и А. Бобровникова. Однако имелись точные указания о том, что

существуют многие еще не записанные песни. К. Ф. Голстунский решил их разыскать. В то время задача эта не была трудной: в калмыцкой степи еще жили хорошие сказители. К. Ф. Голстунский нашел их и организовал с ними занятия. Сказители пели известные им песни, с готовностью проявляя все свое искусство.

Но дело осложнилось, когда то, что они пели в несколько таинственной обстановке, в какой обычно исполнялся «Джангар» (вечером, в присутствии многочисленных слушателей), им предложили повторить днем, в будничной обстановке, с более или менее длительными перерывами, приспособляясь к темпу записи. Несмотря на угощение, оказалось очень трудно добиться их согласия на новый, для них совершенно необычный способ воспроизведения «Джангара». Этот процесс был для них мучительным, и занятия то и дело прерывались. В результате, несмотря на благоприятные условия, в то время были записаны только две песни.

Запись проводилась грамотными калмыками, обыкновенным калмыцким письмом, под бдительным контролем К. Ф. Голстунского, который и издал литографским способом обе песни» (Котвич, 1958, с. 196).

Оригиналы этих песен хранятся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета ЛГУ. Об этом с указанием их архивных шифров сообщал еще С. А. Козин (Козин, 1940, с. 59—60).

Подлинник песни о Шара Гюргю находится в рукописи «Джангара. Список М-дербетовского улуса», состоящей из двух общих тетрадей, сшитых вместе (Шифр: Calm. с. 4). Рукопись написана несколькими лицами; на титульном листе стоит дата: 1862 г., 9 августа. Но самое неожиданное заключалось в том, что в ней кроме текста песни о Шара Гюргю содержались еще две оригинальные песни — об Уту Цагане и о Кюрел Эрдени. Находка и публикация их принадлежит А. Ш. Кичикову (Джангар, 1978, с. 44—138). Недоумение может вызвать то, что Голстунский издал только одну из трех этих песен. Но ведь из другой рукописи, привезенной им тогда же из калмыцкой степи, он напечатал тоже одну, первую из двух записанных в ней песен — о Хара Кинясе. Вероятно, К. Ф. Голстунский испытывал трудности, связанные с литографированием.

Подлинник песни о Хара Кинясе также находится в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета ЛГУ (Шифр: Calm. с. 17). В этой же рукописи вслед за текстом песни о Хара Кинясе помещена запись о Догшон Шара Мангасе.

Обратимся к истории публикации песни о Догшон Шара Мангасе. В 1911 г. А. М. Позднеев напечатал ее вместе с двумя другими (известными по изданию Голстунского) песнями — о

Шара Гюргю и о Хара Кинясе. Н. Шведов, председатель общества востоковедения, объясняя необходимость издания, писал: «Значительные исправления произведены также в калмыцкой поэме «Джангар», в пополнение которой профессору Позднееву удалось отыскать теперь третью, совершенно новую и неизвестную доселе в калмыцком тексте главу (песнь о Догшон Шара Мангасе. — В. Ц.), почему общество востоковедения решило издать вышеуказанную поэму «Джангар» еще отдельным изданием» (Шведов, 1907, с. III).

Позднеев не оставил каких-либо заметок об истории нахождения песни. Но сохранилось свидетельство Котвича, согласно которому Позднеев рассказывал, что в одно из посещений Астрахани, узнав, что у наследников покойного учителя Астраханского калмыцкого училища Ш. Саджирхаева хранятся старинные рукописи, обратился к ним и нашел песнь о Догшон Шара Мангасе (Котвич, 1967, с. 195—196). Можно предположить, что обнаружил он песню между 1892 и 1907 гг., т. к. в 1907 г. в предисловии к 2-му изданию «Калмыцкой хрестоматии» Позднеева Н. Шведов обосновывал необходимость отдельного издания «Джангара», вызванного находками Позднеева.

Кроме названного выше списка песни о Догшон Шара Мангасе еще один хранится в ЛО ИВ АН СССР с пометкой «из книг проф. К. Ф. Голстунского» (шифр: Е82). Этими ли списками пользовался Позднеев при публикации, или же у него был другой, третий список — неизвестно. Но записи, содержащиеся в этих рукописях, при текстологическом анализе оказались идентичными тексту песни, изданной Позднеевым.

Вот, собственно, и все известные на сегодня рукописи Джангариады. Правда, нам неизвестно, каким источником пользовался В. Бергманн в 1805 г. при публикации немецкого изложения песни «Джангара». Но оговорка, что им был утерян последний лист оригинала (из-за этого повествование осталось незаконченным), позволяет предположить бывшую в наличии у него рукопись эпоса (Бергманн, 1805, с. 214).

Таким образом, можно констатировать, что письменную форму Джангариада начала приобретать в первой половине XIX в. Названные выше списки эпоса при всей своей близости не могут восходить друг к другу, а имели, вероятно, общий протограф, который мог бытовать в виде сборника песен «Джангара». Иначе чем объяснить, что списки одной и той же песни (например, о Замбал-хане, о Хара Кинясе или же о Шара Мангасе), составленные в разное время, имеют идентичные тексты? Ведь сказитель, как известно, при всей своей традиционной манере пения, не может дважды (причем с перерывом в несколько лет, а то и больше) исполнить совершенно одинаково одну и ту же песнь эпоса. Не может не бросаться в глаза, в большинстве случаев,

единый очаг распространения рукописей «Джангара» — Багацохуровский улус.

В монгольской классической словесности известно много примеров, когда произведения фольклора принимали книжную форму и переходили в сферу литературы. Таковы эпос «Гэсэр» (впервые изданный в 1716 г.), повесть о Хан-харангуе, ойратская историческая песнь «История Убаши-хунтайджи». «Джангар» же не приобрел книжно-эпической формы, во всяком случае, этот процесс не получил здесь углубленного характера.

Рукописи Джангариады не несут следов литературной обработки, например, составители их нисколько не заботились о сюжетно-композиционных связях песен, стилевых признаках и т. д. Записи «Джангара» часто проводились любителями эпической старины, но и нередко, как мы убедились, составлялись по заказу ученых-монголоведов. Поэтому правомернее вести речь лишь о письменной форме «Джангара», которая не вполне обособилась в качестве самостоятельного жанра.

Но тем не менее рукописи «Джангара», содержащие классические тексты эпоса, оказали значительное влияние на распространение и популярность памятника среди монгольских народов. Публикации «Джангара», основанные на этих записях, были широко известны не только в Калмыкии, но и Монголии и Китае.

ЛИТЕРАТУРА

<i>Владимирцов, 1923</i>	Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пб.; М., 1923.
<i>Неклюдов, 1984</i>	— Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: Устные и лит. традиции. М., 1984.
<i>Кичиков, 1976</i>	— Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: Вопросы ист. поэтики. Элиста, 1976.
<i>Небольсин, 1852</i>	— Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. Спб., 1852.
<i>Бобровников, 1854</i>	— Бобровников А. А. Джангар: калмыцкая народная сказка//Вестн. Рус. геогр. о-ва. Спб., 1854. Ч. 12, кн. 5.
<i>Закруткин, 1940</i>	— Закруткин В. А. (ред., вступит. ст. и примеч.). Калмыцкий эпос «Джангар». Ростов-на-Дону, 1940.
<i>Михайлов, 1978</i>	— Михайлов Г. И. Предисловие//Джангар: Калмыцкий героич. эпос. Т. 1. М., 1978.
<i>Церенов, 1982</i>	— Церенов В. З. Новонайденные тексты эпоса «Джангар»//Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. 2. Языкознание, литературоведение. М., 1982.
<i>Голстунский, 1864</i>	— Голстунский К. Ф. Убаши хун-тайджийн туджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрийн тули. Спб., 1864.
<i>Козин, 1940</i>	— Козин С. А. Джангариада: Героич. поэма калмыков: Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л., 1940.
<i>Джангар, 1978</i>	— Джангар: Калмыцкий героич. эпос: В 2 т. М., 1978.
<i>Шведов, 1907</i>	— Шведов Н. Предисловие//Калмыцкая хрестоматия

- для чтения в старших классах народных школ/Сост.
А. М. Позднеев. Спб., 1907.
- Котвич, 1958* — Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи//Филология
и история монгольских народов. М., 1958.
- Котвич, 1967* — Котвич В. Л. Переписка//Уч. записи Калмыцкого
НИИЯЛИ. Сер. филол. Элиста, 1967.
- Бергманн, 1805* — Bergmann B. Nomadische Streiferein unter den Kalmüken
in Jahren 1802 und 1803. Riga, 1805. Bd. 4.

СВОД МОНГОЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Устное народное творчество — не только питательная почва для развития литературы и искусства, но и важное средство воспитания народа, проверенное веками. Именно поэтому в эпоху научно-технического прогресса интерес к устному народному творчеству особенно возрос. В последнее время в Монголии расширилась работа по сбору и публикации образцов фольклора. Институт языка и литературы АН МНР совместно с Объединенной редакцией Министерства культуры МНР в рамках задач, поставленных Центральным Комитетом МНРП о сборе, изучении произведений фольклора и развитии народных традиций в культуре и искусстве готовит к изданию двадцать томов «Свода монгольского устного народного творчества». Эта серия качественно отличается от ранее публиковавшихся сборников. Их выходило немало, но чаще всего они содержали одни и те же материалы, нередко без научного аппарата.

Поэтому можно сказать, что до сих пор не было столь крупного научного издания, представляющего все жанры фольклора на основе выявленных основных списков текстов. Новая серия фольклора призвана также еще более тесно увязать деятельность по изданию фольклора с идеологической политикой партии в области повышения воспитательной работы среди трудящихся.

Из «Свода монгольского фольклора» подготовлены и изданы «Монгольские народные сказки», «Монгольский героический эпос», «Монгольские легенды», «Монгольские народные сатирические сказки», «Монгольские народные протяжные песни», «Современный фольклор». Эти издания привлекают к себе широкий читательский интерес. Сданы в производство тома «Обрядовый фольклор» и «Фольклор народных театральных представлений». В исследовательской работе по изучению фольклора принимают участие как опытные, известные ученые, так и молодые. Например, предисловие и комментарий к классическому оригинальному тексту «Гэсэра», являющемуся «одной из трех вершин монгольской литературы», а также к «Центральноазиатскому эпосу» были

написаны академиком Ц. Дамдинсурэном. Заканчивается редактирование томов, подготовленных другими исследователями — пословицы, загадки. Таким образом, из 20 томов «Свода» готовы уже 12. В дальнейшем предполагается подготовить классические тексты загадок, легенд, былин, исторических песен, избранного собрания эпоса. Наряду с этим работники сектора литературы Института языка и литературы АН МНР ежегодно проводят полевые исследования, организуют фольклорные экспедиции. Результаты экспедиций, в частности, обнародованы в сборниках пословиц и сказок, посвященных Дню школьника.

«Свод монгольского фольклора» привлекает внимание читателей и ученых. В газетах «Унэн» («Правда») и «Утга зохиол урлаг» («Литература и искусство») помещены рецензии на отдельные тома «Свода», кроме того, в газете «Правда» (19 августа 1983 г., № 170) упоминается о работе коллектива Института языка и литературы по сбору, изучению и публикации текстов фольклора, которые становятся достоянием широкого читателя. На том «Современный фольклор» была помещена подробная рецензия.

Изучение и обработка различных жанров монгольского фольклора — часть той большой работы, которая внедряется в практику культурно-воспитательной деятельности в стране.

ИЗДАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ПЕСЕН

Сложный путь прошли монгольские песенники от первых попыток бессистемной записи песен до самых последних изданий, выполненных на высоком техническом и научном уровне.

Самые первые фрагменты народной песни были обнаружены в могиле писца, похороненного вместе с его костяным пером и бронзовой чернильницей в XIV в. в Поволжье на территории бывшей Золотой Орды.

Берестяная коробка с небольшой рукописью, написанной также на бересте, хранится ныне в Эрмитаже. Только после реставрации ее и очистки от земли, расправлении покоробившихся и слипшихся листков и заделки их в целлулоид стало возможным ее прочтение и даже восстановление поврежденных мест, чему помог сам стихотворный текст. Как известно, главными поэтическими приемами монгольской народной песни являются аллитерация (строки начинаются с одинаковых букв) и параллелизм (т. е. первые две строки в строфе перекликаются с последующими двумя), что и послужило дешифровке ряда строк.

Рукопись интересна также тем, что включает уйгурский и монгольский тексты, а также несколько знаков квадратного письма. Состоит она из 25 фрагментов. Первоначальный формат ее был 25×100 мм, на странице 7—8 строк. Золотоордынская рукопись на бересте, как стали ее называть, представляет собой диалогическую песню (чередование куплетов) и является ценнейшим источником для палеографов, лингвистов, историков и литературоведов.

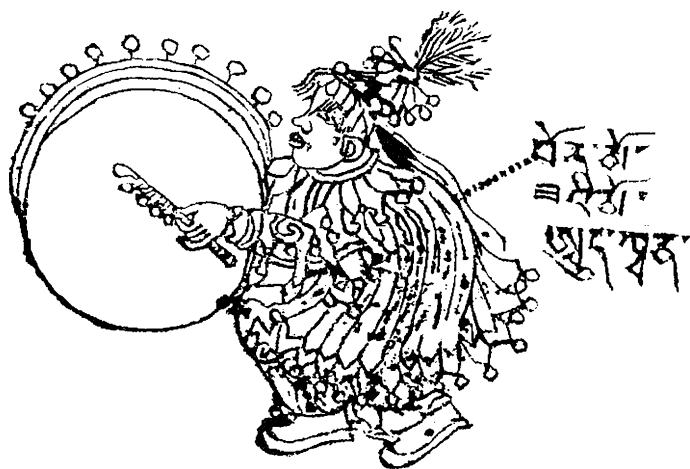
Есть фрагменты песенной поэзии и в «Сокровенном сказании» — монгольской хронике XIII в. Она донесла до нас описания плясок на празднестве в Ононском урочище Хорхон-Чжубун в честь возведения на ханский престол Хутула-Хана: «До того доплясались, что, как говорится, „выбоины образовались по бедру, а кучи пыли по колену”». Последующие несколько веков не оставили нам ни одной записи песни, и мы можем только читать в книгах великих средневековых путешественников Марко Поло, Плано

*Неизвестный художник XVII в. Небесная музыкантша.
(Фрагмент росписи в монастыре
Эрдэни-Дзу).*

Карпини, Вильгельма Рубрука о том, как придворные музыканты развлекали монгольских ханов, как распевали праздничные айзамные песни профессиональные певцы и гости им отвечали пением, как сопровождала монгола песня на протяжении всей его жизни: валянии войлока, приручении скота, постройке юрты, как, бывало, «входили в залу комедианты и музыканты с различными инструментами, а равно скоморохи и фигляры, которые выказывали свое искусство перед его величеством», или о том, что «ни Батый, ни один татарский князь не пьет никогда, если перед ним не поют или не играют на гитаре».

Много музыкальных инструментов знает монгольский народ: это и двухструнные ихэл и товшуур, имеющие чашевидную форму, служившие сначала для аккомпанемента танца тела — бизлгээ, — и никогда не звучавшие в монастырских стенах. Это и китайского происхождения ятага, и тростниковая флейта-лимба, и барабанчик — хэнгэрэг. Но любимейшими — были смычковые — хур и хучир, мягкий и несколько тусклый тембр которых очень приближен к человеческому голосу и незаменим для аккомпанемента героических поэм и народных песен. Живы традиции исполнения, хранения и изготовления музыкальных инструментов. И каждый

Шаманка. Рисунок из ксилографа (ЛО ИВ)

монгол знает легенду о пастухе Намжиле, который в безысходной печали о своем павшем верном друге — крылатом коне, сделал первый морин хур — музыкальный инструмент с изображением головы коня на конце грифа.

Но было время, когда певцы и музыканты средневековой Монголии занимали не особенно почетное место в социальной иерархической лестнице. Над записыванием песен смеялись. Почетно было лишь положение певца героических песен, песен-эпоей. Однако монгольский народ помнит и любит своих певцов-импровизаторов: Пачая, Лувсан Хурчи, Эрэкзэна, Максарона, Муухина. Судьбы их различны, но очень типичны для старой Монголии. Лишь при народной власти в Монголии коренным образом изменилось отношение к певцам. Впервые академик Ринчен привлёк монгольских певцов к записи песен с научными целями в рамках Комитета Наук МНР. И в настоящее время изучение песенного фольклора органично входит составной частью в задачу углубленного изучения различных аспектов духовной жизни монгольского народа.

В России изучение монгольского песенного фольклора началось с середины XVIII в. путешественниками, торговцами, людьми, волею судьбы попавшими в Монголию, местной бурятской, калмыцкой, русской интеллигенцией, жившей в Забайкалье и Поволжье. Громадное количество этих материалов, насчитывающих более тысячи песен, находятся в Архиве Востоковедов АН СССР. Среди них монгольские (халхаские, дархатские, дербетские), бурятские (хоринские, агинские, эрихитские, баргузин-

Портрет Угэдэй-хана. XIII в.

ские, кижингинские, сунитские), калмыцкие. Лишь незначительная часть песенного Архива Востоковедов увидела свет. В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) имеется также музыкальная коллекция монгольских песен, насчитывающая 600 мелодий на валиках, собранная в 30-е годы фольклорной секцией Института антропологии и этнографии АН СССР.

В рукописном монгольском фонде Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР находится ценнейшая коллекция монгольских песенных сборников, их 47 (35 — на монгольском и 12 — на ойратском языках). Они поступили в XIX—XX вв. из частных коллекций Позднеева, Голстунского, Бурдукова, Радлова, Руднева, Жамцарано, Самданова, Юргиновой-Вяткиной, Жигмидона, из коллекции Казанской Духовной Академии и коллекции Монголика Нова.

Рукописи очень разнообразны по объему, языку, техническим данным, характеру и набору включенных песен. Среди сборников есть сценарий (музыкально-эпические композиции на политическую тему), интересный как образец активного музыкально-поэтического творчества масс революционной Монголии, использования традиционного жанра уг-ов (слов по случаю) в новой тематике, образец одной из первых фиксаций носителями языка но-

вых гражданских патриотических песен. Есть сборники айзамных — праздничных песен, на последовательность, время и место пения которых существовали определенные правила. Недаром пословица Хубсугульского аймака Монголии гласит: Вырываются вперед песней «Тумний эх» (первый из тысячи), затем выдвигают «Хурын магнай» (Лучший из хуров), а обрывают песней «Зуны цаг» (Лето). Некоторый отход от традиционного набора песен подтверждает сложный характер бытования монгольской народной песни.

Некоторые сборники имеют названия, такие как «собрание песен», «старые песни», «мелодичные песни», «новые песни», «стихи к песням», «песни скотоводов». Иногда дается внутрижанровое деление, что говорит о существовании определенных представлений народа о жанрах и их отличиях.

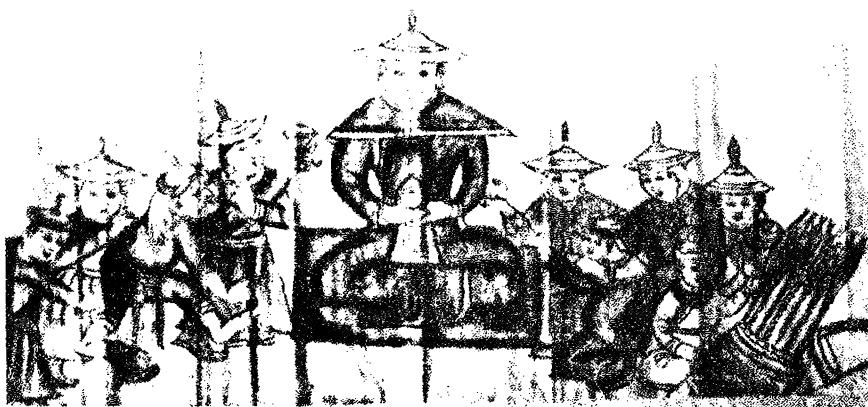
Есть сборники, объединенные тематически. В других — этой закономерности не ощущается. Песенники, написанные самими носителями, строятся по ассоциативному принципу, что и объясняет пестрое их тематическое разнообразие, т. е. рядом с лирическими могут быть записаны философские, религиозные, величественные, революционные, исторические.

Сборники очень различны по техническим данным. Бурятские мы узнаем по отходу от правил монгольской орфографии. Знакомясь с ними, мы можем перелистывать тончайшую белую или розовую китайскую бумагу. Но чаще они написаны на русской желтоватой бумаге производства фабрик Сумкина, имевшей широкое распространение в конце XIX — нач. XX в. на Дальнем Востоке, или толстой, грубой монгольской бумаге, что может говорить о присутствии в Монголии мастерских ручного изготовления бумаги в то время.

Иногда песенники уложены в виде «гармошки», иногда листы ничем не скрепляются между собой и представляют собой тип «бодхи». Но чаще песенники сброшюрованы нитками или бумажными веревками. Как правило писаны черными чернилами или коричневыми — ореховыми, реже фиолетовыми или карандашом.

Они очень отличаются от дорогих буддийских фолиантов. За исключением нескольких заставок в начале и в конце сборников, рисунков животных, одной таблицы с языковой шарадой, нет никаких художественных украшений, например, красочных миниатюр с изображением бодисатв и докшитов, которыми иллюстрируют религиозные сочинения. Отсутствуют красные чернила (символически наиболее значимый цвет). Если и встречаются чернила разного цвета, то это происходит не в целях лучшего оформления, а по небрежности. Ни один сборник, кроме сценария, не имеет колофона.

Очевидно, можно говорить не только об отсутствии традиций записи народной песни среди носителей устного песенно-поэти-

Неизвестный художник XVII в. Абаттай-хан. (Фрагмент росписи в монастыре Эрдэни-Дзу)

ческого творчества в XIX и нач. XX в., но и о первом этапе зарождения этой традиции.

Как писал Дамдинсурэн, «в Монголии всегда существовали интересующиеся люди, которые записывали фольклор в целях сохранения традиции». После революции 1921 года наступает новый период в изучении и издании монгольских песен. Со стороны интеллигенции пробуждается широкий интерес к поэтическому искусству народа. Начинается активное собирание фольклора. Осуществляются поездки в деревню, предпринимаются первые попытки публикации песен. За годы народной власти в Монголии было осуществлено более двадцати научных и массовых изданий народных песен. В них использованы песни, находящиеся в рукописных сборниках в фольклорном фонде Института языка и литературы АН МНР, где, по замечанию П. Хорлоо, хранятся тексты и магнитофонные записи фольклорных произведений, а также песни из фонда Монгольского Государственного университета и Монгольской Государственной библиотеки, где есть сборники, включающие до 300 песен.

Сложен путь от первых, несовершенных песенников времен Народной революции в Монголии до наших дней.

Вот передо мной пионер печатных песенников «Сборник монгольских уртын-дуу» (народные протяжные песни) — улан-баторское издание 1937 года. На выцветшей обложке мчится всадник, привстав на лошади, месяц догоняет его, освещая невысокие сопки вокруг. «Да здравствует национальное народное искусство» — написано ниточкой букв сверху вниз. Еще старой графикой написана эта книга. Еще идет 26-й год монгольского госу-

дарства. А исчисление тогда велось от 1911 года, когда Монголия получила независимость от маньчжурских завоевателей. Именно этот год выхода в свет указан в книге. Из предисловия мы узнаем, что выпустило книгу министерство народного просвещения, когда министром его был Батутэмур, что это уже второй выпуск монгольских песен, и помогали записывать их артисты Монгольского Государственного Театра: Дорждагва, Дугаржав и певица Пичинекова — так можно транскрибировать это имя по-русски. Очень русское лицо в обрамлении тяжелых волос смотрит на нас с фотографии; крупные бусы прикрывает светлый платок, накинутый на плечи. Какую роль сыграла эта женщина в монгольском музыкальном искусстве, что она пела в театре, какая дорога судьбы привела ее в Монголию? Ничего больше мы не знаем о ней.

Деятнадцать песен включает сборник: айзамные, хвалебные, религиозные, философские. Мелодии записаны европейской нотацией, ныне привычной, а еще на рубеже XIX—XX вв. это было новаторством. Сами монголы пользовались тогда тибетской системой нотной записи, приблизительной и понятной только очень посвященному человеку, причем большая часть науки передавалась устно и применялась лишь к религиозным песнопениям. И несколько необычно соседствуют европейские нотные знаки со старомонгольским (уйгурским) письмом. В начале 30-х годов монголы ненадолго перейдут на латинский алфавит. К середине 40-х годов родится монгольский литературный язык на кириллице (на основе халхаского диалекта). Большую работу по переходу на новую графику, которая стала доступна простому арату и способствовала быстрейшему знакомству монгольского народа с мировыми достижениями науки в области культуры и техники, проводил Ученый Комитет МНР (позже Комитет Наук), преобразованный в 1961 году в Академию Наук МНР.

Новой ступенью издательского дела и осознания фольклорного наследия является вышедшая в 1978 году «Хрестоматия монгольского фольклора» на монгольском языке, составленная Цэрэнсодномом с предисловием Дамдинсурэна. Представительный фолиант включает все жанры монгольского фольклора, в том числе 90 песен. Во вступительной статье уже нет необходимости автору доказывать важность собирания фольклора, что он является неотъемлемой частью национальной культуры, как это делал Аюуш в сборнике 1937 года. Дамдинсурэн дает оценку изучению монгольского фольклора в мировом масштабе, выражает свои научные взгляды на классификацию жанров, на тематическую и идейную направленность произведений. Есть ссылки на собирателей.

Монгольские песни — предмет коллективного изучения АН СССР и АН МНР. В 1984 году вышла книга «Монгольские протяжные песни» на монгольском языке, солидное издание,

подготовленное сотрудниками Института языка и литературы АН МНР совместно с сотрудниками Института востоковедения АН СССР. Книга приятно оформлена неброскими заставками, отделяющими части книги, выполнена на высоком профессиональном уровне. Введение знакомит читателя с бытованием монгольской песни, с собиранием ее русскими и монгольскими учеными, с художественными особенностями и манерами ее исполнения.

Книга имеет три раздела: 1) песни, которыми открываются праздники; 2) протяжные песни и 3) праздничные песни. Всего 277 песен (каждая — с комментарием).

Все говорит о том, что изменилось отношение к песенному фольклору, к подлинно народному искусству Монголии вообще. За годы народной власти неизмеримо выросло печатное дело. Песенники стали теперь в Монголии полноправной книгой.

ОТ ЮРТЫ ДО КОЛОКОЛЬЧИКА

С глубокой древности и до нашего времени декоративно-прикладное искусство Монголии продолжало и продолжает развиваться. Обогащаясь и дополняясь, оно воплощает в себе большой опыт человеческого разума, его силу, красоту.

Ученые полагают, что вторая половина 2-го тысячелетия до новой эры отмечена в Монголии как период высокого развития металлоплавления и появления знаменитого карасукского стиля в искусстве, о чем свидетельствуют изображения скульптурных голов диких животных с длинными ушами, большими глазами, огромными рогами на бронзовых ножах, кинжалах, шильях, наварших и на других предметах. Центром распространения и производства карасукских бронз были Монголия и Ордос, откуда эти формы продвинулись в Китай и в Южную Сибирь.

Ранней формой религии у всех палеоазиатских племен было шаманство, поклонение духам природы, обожествление и одушевление её. Древние люди имели своих племенных тотемов, почитали и молились им. Из дерева они вырезали разнообразные предметы шаманского культа, представляющие собой зверей, птиц, животных, которые можно отнести к подлинным произведениям художественной резьбы, аппликации, украшенных орнаментом в особом ритме и сочетании.

С распространением и господством буддизма декоративно-прикладное искусство и ремесло подверглись влиянию религии, появились элементы индийского, тибетского, непальского искусства. Иконостасы (гунгэрва), сосуды для подношений божествам, курильницы и другие изделия, музыкальные духовые и ударные инструменты, употреблявшиеся при богослужениях, являлись творением умельцев народного ремесла. Каждый мастер, согласно своему таланту, способностям, сочинял и создавал их, что открывало широкую возможность для развития творческой фантазии и проявления художнической индивидуальности.

Разнообразием и богатством отличаются в особенности предметы быта, выражающие мировоззрение человека.

Основное жилище кочевников — юрта, убранство ее и декор представляют собой целую галерею декоративно-прикладного искусства.

В легендах и сказаниях часто встречаются песнопения, восхваляющие юрты и дворцы.

В историческом повествовании XVII века — в биографии Равчамба Зая о его юрте говорится: «Круг и уни юрты для зайсана Балгажа Увшанз мастерили с серебряными украшениями, их красили и полировали Шидорч, стены (хана) были покрашены в разные тона, дверь юрты складная с железной обшивкой, покрывало юрты вышито красным и зеленым казахским сукном...»

Юрта, её форма, конструкция, роспись и утварь, проверенные временем и образом жизни, дошли без изменений до наших дней.

Различные монгольские племена отличаются по одежде и её украшениям. Монгольская поговорка: «Одежда — бог, тело — дьявол» исходит из благородного нравоучения, что одежда, ее украшения должны быть к лицу и подобраны со вкусом.

В Монголии было очень много видов, фасонов национальной одежды, и известно, что одни лишь головные уборы составляли более ста видов — женские, мужские, детские, для духовных лиц, для обрядов, парадные, для повседневного пользования и т. д. Правильный покрой одежды, ее отделка, шитье, вышивание были обычным занятием для женщин, а пошив головных уборов различного фасона, сложный вид вышивок, аппликаций из цветной кожи — были делом рук мужчин — искусных мастеров.

Искусство монгольских народных умельцев по способам изготовления можно подразделить на более чем двадцать видов: кузнечные изделия из железа и бронзы, литье из этих металлов, художественная резьба деревянных изделий, орнаменты и аппликация по коже, рельефные надписи, художественное шитье, чеканка по золоту, серебру, скульптура и т. д.

Почти каждый хошун, аймак страны, как правило, славился своими мастерами одного из видов художественного ремесла, например княжество Далай Чойнхор вана отличалось своими кузнецами, Сайн ноён хана — художественной резьбой, Дариганга — мастерами чеканки по серебру, Урга — аппликациями, изготовленными ксилографий для печатания, живописью и т. д.

Монголы веками создавали свои национальные орнаменты, которые, являясь выражением художественного интеллекта народа, отображают чувства прекрасного в природе и жизни, отличаются приподнятостью повествования, глубоким содержанием и служат основой во всех видах народного ремесла и искусства. И за всю историю своего существования орнамент выкристаллизовался в наиболее типичные виды: **ЗООМОРФНЫЙ** — эвэр угалз — роговидный, в котором сочетались, переплетались и соединялись фантазией народа рога архара, воловьши ноздри, птицы

и т. п., **РАСТИТЕЛЬНЫЙ** — в основу которого народ вложил форму листьев, цветов, травы, деревьев, веток, кустарников. **ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ**: форму облаков, туч, гор, дыма, пламени, волн и т. п., **ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ** орнамент — меандры, свастика, «улзий» круглой и ромбовидной формы, орнаменты, имеющие прямоугольные формы, могут быть переплетены между собой.

Орнаменты не являются самостоятельной областью, а считаются неотъемлемой деталью всех основных видов народного изобразительного творчества, служат элементами отделки и украшением, содержат глубокий символический смысл. Например, монголы на дверях или на других предметах домашнего обихода рисуют орнамент «улзий» — чтобы благополучие сохранялось в семье. Старинные орнаменты лаконичны по цвету, обычно их писали синими, черными и красными минеральными красками, но один и тот же цвет могли применять в различных оттенках.

С давних времен в монгольском народе появилось почтительное отношение к мастеровому люду — дарханам — кузнецам, они пользовались особым положением в обществе. Люди из рода дарханов обычно всегда обладали какими-то талантами, были искусными мастерами, умельцами.

Рашид-ад-Дин, иранский ученый XIII века, доносит до нас предание о монгольских племенах, живших около двух тысяч лет назад. Оно гласит о том, что одно монгольское племя в битве с другими было целиком уничтожено, остались только двое мужчин и две женщины, и они были вынуждены бежать из родных мест. Долго шли они по горным тропам и труднодоступным местам, наконец, дошли до большой, просторной котловины среди гор, богатой злаками и дичью. Они остались там жить навсегда. Через несколько сотен лет им стало тесно там, ибо это был уже целый народ. И решили они искать выход из этой горной долины. У них был железный рудник, где плавил железо. Там они стали пробивать выход. Набрали в лесу много дров и угля, из шкур семидесяти лошадей и быков пошили огромные кузнечные меха, развели большой огонь и расплавили железную гору и вышли из горной долины в широкую степь. Г. Е. Грум-Гржимайло, путешествовавший в начале века по Западной Монголии и Урянхайскому краю, в своих записях отмечал особое значение кузнечного дела среди других народных ремесел Монголии. Когда в кузницу заходил чиновник, то кузнец мог не отрываться от работы и не приветствовать его, ибо, по обычаю, считалось, что кузнечное дело родилось намного раньше чиновника. Во всех аймаках кузнечное ремесло имело одинаково широкое развитие и было кастовым, передавалось из поколения в поколение по наследству и имело свои семейные секреты ремесла. Большинство кузнецов было людьми талантливыми и универсалами. Они умели делать все: от ободов на колеса телег, хитроумных замков, таганов, раз-

личной металлической домашней утвари до отделок и украшений для конского снаряжения, до пластинчатых кольчуг, орнаментов на колчаны для стрел, декоративные компоненты из серебра для женской и мужской одежды — бляхи, подвески, орнаментированные серебром ременные пояса, мужские наборы, в которые входили стальные ножи с богатыми ножнами, стальные огнива, палочки для еды, зубочистки, щипчики для выдергивания волос, трубки для курения, ухвертки и пр. Описание работ умельцев выглядит так: «Разбивают чистое серебро в весьма тонкие листы и, по сделанным из бересты образцам, вырезают из них птиц, зверей и другие изображения. Накладывают серебряные вырезки и насекают их в раскаленных горнах молотками с шереховатыми бороздками на уздечки, седла и на колчаны, и серебро пристаёт к железу так крепко, что никогда не отваливается. Напоследок работу воронят через огонь и выглаживают углем». Художественная резьба по металлу далеко выходила за рамки декоративного предназначения. Умельцы создавали сложные фигуры буддийских божеств размером до 40 см. Эти несравненные изваяния были отшлифованы до синеватого оттенка и были блестящими, как стекло, — так отзывались люди, видевшие их. Недаром в старинных сказаниях и легендах говорится, что «фигуры сделаны белее серебра, отшлифованы глаже льда, украшены редкими самоцветами».

Ювелирные работы были распространены по всей Монголии. Чаще всего мастера украшали медные и железные изделия золотыми и серебряными орнаментами, а позже, когда стали использовать золото и серебро для украшений, покрывали тонкие серебряные пластинки сложным рельефным орнаментом — из серебряных нитей выполнялись причудливые, затейливые переплетения национальных узоров — монгольская филигрань. Головные украшения, короны, зажимы, накладки, заколки для причесок, подвески халхасских, даригангских, узэмчинских, бурятских женщин и женщин Западной Монголии обычно изготовлялись на серебряном остоле с филигранными орнаментами из золота и серебра с вкраплениями кораллов, бирюзы и других драгоценных камней. Это тонкое и сложное ремесло в талантливых руках народных мастеров часто поднималось до высокого ювелирного искусства.

Достойна восхищения художественная резьба по металлу монгольских мастеров; изделия их могут соперничать с тончайшей резьбой по сандаловому дереву и по слоновой кости художников Индии и Китая. В музеях МНР имеются ножи в ножнах и огнива, различные футляры, печати монгольских чиновников, курительные трубки и принадлежности к ним, на которых искусно вычеканены 12 животных монгольского календаря, рельефные орнаменты, эмблема и титульные названия, в некоторых применена золотая инкрустация.

С бронзового века у монголов сохранилась традиция литейного

мастерства, а в конце XIX века у них широкое распространение получило литье из цветной бронзы, латуни и из сплавов с примесью меди. Отливали ритуальные музыкальные инструменты и другие предметы культа, кадила, курильницы. Различные колокольчики, гонги ручные и висячие изготовлялись литьём. Каждый мастер владел своим собственным секретом отливки и настройки. Так все шестьсот колокольчиков, отлитые известным мастером из Урги Дагвадоржем в начале XX века, отличались друг от друга оформлением, отделкой, орнаментом и своим особым звучанием. Хорошо отлитый и верно настроенный колокольчик — дэншиг — издаёт удивительно чистый и мелодичный звук, который долго вибрирует и звучит как камертон. При отливке сложных произведений большого размера применялся способ перегонного литья, инструкцию для которого в свое время написал великий монгольский скульптор XVII века Г. Дзанабадзар. На протяжении долгих лет ею пользовались многие мастера-литейщики, в том числе и Дагвадорж.

Монголы с давних времен всегда сами изготавливали из дерева домашнюю утварь: остои юрты, телеги, сундуки, шкафы, ведра, посуду, музыкальные инструменты и т. д. Резчики вырезали шахматы, хоролы (национальные игрушки), фигурки домашних животных, клише для печатания книг, изображений бурханов, предметы тонкой художественной работы.

Монгольские столяры, плотники, краснодеревщики особое внимание уделяли правильной сушке и обработке дерева. Мастер заботился о качестве материала; когда дерево ещё стояло в лесу на корню, с него снимали кору, долго сушили, потом спиливали и вынимали сердцевину, в речной воде смывали смолу, если было нужно, то ее вываривали в воде. Некоторую утварь, например корыто для водопоя скота, различные ступы, выдалбливали из твердого дерева; ложки, пиалы, корытца для мяса, мешалки, различные половники и другую необходимую посуду резали из цельного дерева, предпочтительно из осины, поскольку она не давала посторонних привкусов. Плотники умело использовали природные качества деревьев, например для изготовления гнутых изделий — тооно — верхнего круга юрты — летом срезали одну половину ствола березы, и когда она высыхала на корню, то гнулась в ту сторону, где ствол оставался несрезанным.

Для художественной резьбы использовались береза, сосна, кизил, крушина, корни можжевельника, т. е. подбирались такие породы деревьев, которые сохраняли влажность в течение года. Для тонкой резьбы также использовались сандаловое дерево, красное, эбеновое и др.

Изготовление монгольских национальных музыкальных инструментов издавна относится к народному художественному ремеслу. В истории Юаньской династии сказано, что во дворце императора

Тогон Тэмура был симфонический оркестр в составе 312-ти человек. Искусствовед Г. Бадрах в своем очерке писал, что монгольские музыкальные инструменты в большинстве своем струнные — щипковые и смычковые. Во всемирно известном монгольском героическом эпосе «Джангар» о супруге Джангара Агат говорится: «Когда в руки брала она высокую серебряную ятгу с 91 струной, раздавались крики лебедихи, снесшей в камышах яйцо, утки, снесшей яйца в водных зеркалах озера»... Самым распространенным народным музыкальным инструментом был моринхур. Грифы моринхуров гордо венчают одна, две или три выразительных, прекрасных лошадиных головы, под ними иногда вырезали голову дракона. По бокам квадратного корпуса, на ушках — колках, на смычке вырезали красивые орнаменты. Есть еще такой инструмент — шанаганхур, который выдалбливали из цельного куска дерева или же склеивали из тоненьких дощечек. Орнаменты на нем не вырезали, а наклеивали из тонких пластинок дерева. Создать настоящий шанаганхур мог только очень опытный мастер.

Деревянные клише для печатания книг и рисунков изготавливали из плоских досок, но, чтобы избежать деформации, резьбу наносили с 4-х сторон на квадратной или прямоугольной доске в длину. Мастера предпочитали и высоко ценили резьбу цельных фигур, чем плоские орнаменты и барельефы. Считали, что резьба должна четко выделять живую природу: людей, растения и животных, и такая резьба приобретала большую художественную ценность.

Монгольская резьба отличается своей монументальностью. В шахматных фигурках, находящихся в Музее изобразительных искусств, ловко вырезан верблюд, и хотя он размером меньше спичечного коробка, выглядит внушительно, монументально.

В начале XX века в Ургу были созданы со всей страны прославленные мастера — резчики для выполнения больших государственных заказов религиозного значения, таких, как создание храмов — обиталищ небесных буддийских божеств: Дуйнхорын Лойлин, Авидийн Шангад, представляющих собой архитектурные ансамбли со всеми сложными атрибутами, создание окладов более трехсот томов Ганджура и Данджура — сборников индийских, тибетских ученых трактатов по многим отраслям знаний: литературе, искусству, астрономии, философии, логике, медицине, математике, теологии и т. д. В Ганджуре было 1260, в Данджуре 3427 разделов. Каждый из них имел по 500—600 страниц размером 80×24 см. Все эти работы были прекрасно выполнены в предельно малый срок.

Резчики работали и в других материалах — по кости, камню, янтарю. Для украшений костюмов для религиозной мистерии-цам в Урге делали костяные украшения так: вываривали кости верблюда,

после чего они становились белоснежными, и эти белые кости шли на бижутерию.

Издавна мастерами художественной вышивки были женщины, искусно владевшие иглой и нитками. Это обширное звено народного ремесла, в свою очередь, делилось на художественную вышивку, аппликацию и на художественную строчку, или прошивание.

Каждый вид шитья имел свою особенность и специфику. Аппликация и художественное прошивание господствовали в кочевых районах. Традиционная художественная прошивка найдена при раскопках могил времен древнего гуннского государства; рисунки таких строчных войлочных ковров до сих пор бытуют во всех тюрко-монгольских аймаках. На западе Монголии, особенно среди казахского населения, и ныне широко практикуются художественная аппликация и сюзане — из красной, коричневой и черной материй вырезают орнаменты и прошивают на войлочных коврах и такими же цветами окаймляют войлочный ковер. Монголы любят украшать синие или голубые палатки крупной белой орнаментальной аппликацией. Еще древние монголы создавали аппликации на войлочных коврах, на богатых покрытиях юрт-дворцов, о которых много писали европейские путешественники того времени. Буддийская религия часто использовала аппликацию в своих целях. Монгольские мастерицы создавали роскошные свитки (иконы) святых буддийского пантеона, они были яркими, красочными, из дорогих материалов — натурального шелка, парчи. Их украшали жемчугом, кораллами, бирюзой. Подобные свитки-аппликации порой конкурировали с живописью — танкой, и постепенно аппликация выделилась в самостоятельный вид искусства.

В конце XIX века широкое распространение получило художественное шитье с применением серебряного и золотого позумента, который прошивали тонкой нитью. Одежды привилегированных лам, князей, ноенов стали украшать мелким речным жемчугом, кораллами, бирюзой и т. д.

Помимо вышеупомянутых основных видов монгольского декоративно-прикладного искусства, еще имеются и другие, самобытные: имел распространение метод изготовления рельефных орнаментов и изделий из кожи. Так в Западной Монголии шили кожаные фляги — бурдюки, на которые вдавливали рисунки любого орнамента. Эти вдавленные рисунки не стирались и не исчезали даже при хранении в них жидкости. Такие фляги-бурдюки были очень практичны в условиях кочевой жизни, они были легкими, прочными, удобными. Из сыромятной кожи и из обработанной кожи монголы делали ремни, уздечки, упряжь, седла, украшения к ним, сапоги-гутулы. Также хорошо они выделяли замшу и украшения из замши, которые шли на детали седел, на выючные

кожаные мешки, на футляры курительных трубок, на голенища гутулов и т. д.

Был другой вид искусства — намх — плетение сложных узлов из цветных ниток на деревянной крестовине. С её помощью нитками пяти цветов — синей, белой, красной, желтой, черной — создавали различные плетения — орнаменты зооморфного и геометрического вида. Суть заключалась в том, что по контуру крестовины цветными нитями натягивали орнаменты с прямыми углами, фигурки людей, животных. Свообразным видом монгольского декоративно-прикладного искусства был дзумбэр, аналогичный рельефному орнаменту. Его делали так: брали толченый фарфор или мрамор, добавляли сахарный песок, раствор клея и из всего этого замешивали густую массу. Ее клали в сосуд с тонкой трубкой и выдавливали по контурам будущего орнамента, который походил на тонкую резьбу или барельеф. После затвердевания массы, орнамент красили, чаще всего в желтый цвет.

Искусство монголов, как и других народов, служащее бытовым целям, оперирующее определенным набором специфических художественных и технических приемов, органичное и цельное в своей основе, рождено потребностью человека в красоте, тесно связано с природой и народным бытом. Искусство основано не только на владении сложной исполнительской техникой, но и на умении выразить философские понятия и размышления.

В начале 1984 года была развернута выставка этнографии и народного творчества. Она демонстрировалась в столице нашей страны. Все экспонаты, а их насчитывалось около тысячи, явились итогом работы историко-этнографических экспедиций, организованных сотрудниками Управления делами музеев МНР во многих районах — областных центрах. На выставке были широко представлены разнообразные предметы домашнего обихода, одежда, старинные рабочие инструменты скотоводов, кузнечных дел мастеров, игрушки. В собранной коллекции можно увидеть почти все виды принадлежностей арата-скотовода: аркан, обычную и оправленную в серебро конскую сбрую, уздечки, седла с серебряными бляхами, украшенные инкрустацией из драгоценных камней. Представлены также различные телеги и приспособления к ним, ведь основное средство передвижения монголов составлял гужевой транспорт.

Предметы женского и мужского туалета, посуда, изготовленная из дерева, металла, другие уникальные произведения народного творчества стали важным материалом изучения для художников, особенно для представителей молодого поколения, которые стремятся как можно шире использовать национальную форму, обогащая их современными материалами и приемами.

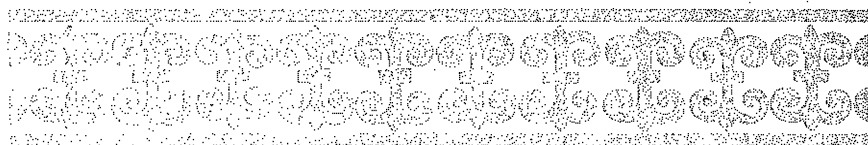
Учиться у традиционного искусства и мыслить современно — вот специфика профессионального искусства Монголии.

Д. Нацагдорж

ЗВЕЗДА

Кто ты,
 Далеко, светом притягивающая звезда?
Красная искорка,
 страница космоса,
 странен твой путь.
Кто ты, звезда Ангараг?
 Что с тобой --
 может, радость, а может, беда?
Все человечество хочет коснуться тебя,
 но обжечься боится чуть-чуть.
Что за созвездия рождаются на лоне твоём
 золотом?
А из чего эти горы,
 деревья, вода и цветы?
Столько ли разностей разных,
 как где-то на шаре земном?
К социализму пришла
 или дальше продвинулась ты?
Землю тебе разглядеть с высоты удалось?
Знаешь ли ты мирозданье,
 в котором живешь?
Знаешь ли ты,
что любовь разгорается сильнее всех
 звезд?
И почему нам, землянам,
 ты писем не шлешь?
А, Ангараг!
 Проникающ, всевидящ твой взгляд.
Что ты задумалась молча
 над нашей судьбой?
Все на земле — астрономы,
 когда они в космос глядят.
Социализм мы сначала построим,
 потом породнимся с тобой.

Перевел Е. Евтушенко

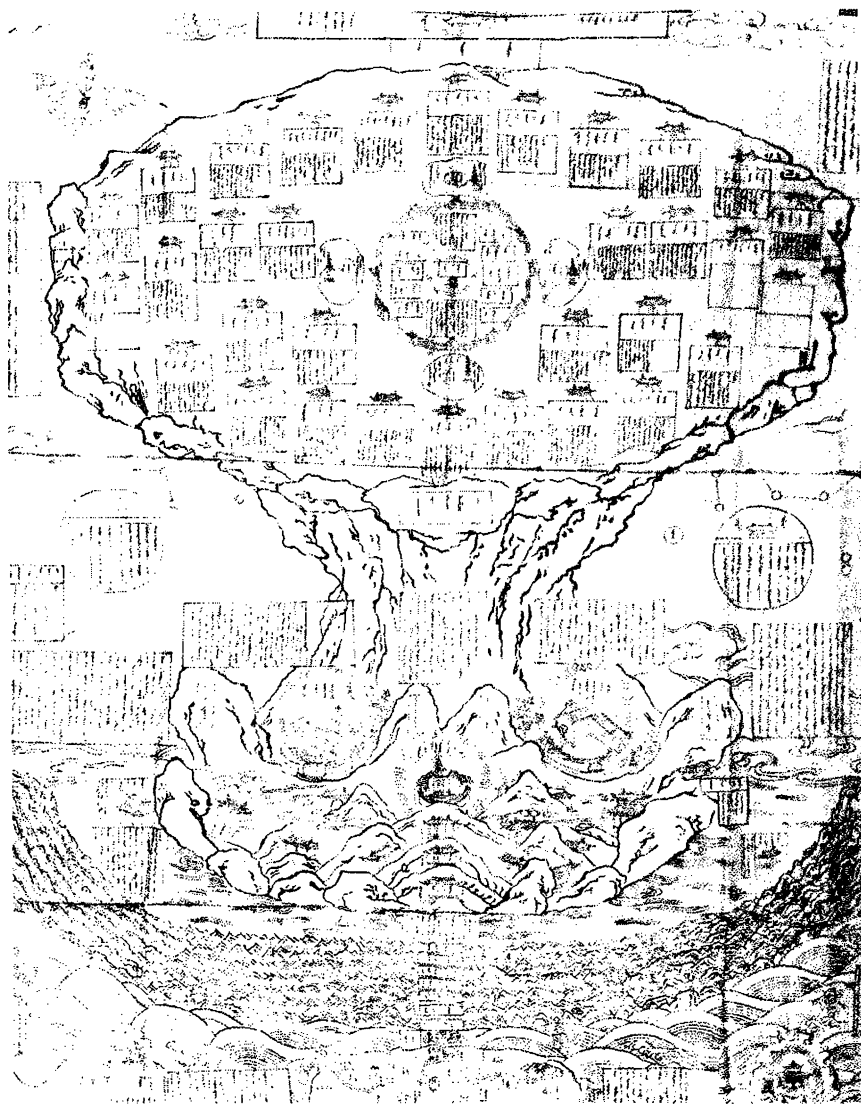
MONGOLICA

БУДДИЙСКИЙ КАНОН

Историки пока не могут дать точного ответа на вопрос о том, когда монголы впервые познакомились с буддизмом. В старинных книгах содержится версия, согласно которой это знакомство состоялось в глубокой древности, так как среди трофеев, захваченных китайцами в 121 году до нашей эры во время одной из войн с предками монголов гуннами, якобы была большая золотая статуя Будды. Есть также легенда о том, что один из далеких предков Чингисхана по имени Тамача приютил у себя буддийских монахов, бежавших в начале IX века от преследований тибетского царя Ландармы, и, познакомившись с их религией, сам стал правоверным буддистом. Основатель единого Монгольского государства Чингисхан (1162—1227) также был объявлен позднейшей традицией покровителем буддизма. Достоверно известно одно: буддизм (в его тибетской форме, часто называемой ламаизмом) получил распространение среди монголов с середины XIII века.

В XIII—XIV веках большое количество буддийских сочинений было переведено на монгольский язык с тибетского и, возможно, уйгурского языков и санскрита. До наших дней дошли лишь несколько переводов этого периода. В это же время появилось ксилографическое печатание книг на монгольском языке. Но с падением монгольского владычества в Китае в 1368 году начался период длительных междоусобиц монгольских феодалов, и письменная культура монголов пришла в упадок на два столетия. В конце XVI века начинается новая волна распространения буддизма в Монголии. По инициативе крупных монгольских князей в Монголию был приглашен далай-лама, вместе с которым прибыли тибетские ученые монахи. С их помощью была организована работа по переводу буддийских сочинений с тибетского языка на монгольский, которая не прекращалась в течение трех столетий.

Буддизм учит, что всякое существование есть страдание.

Символическое буддийское изображение Вселенной (ЛО ИВ)

В зависимости от своих деяний в прошлых жизнях, существа перерождаются в людей, богов, обитателей ада, животных, пребывая в материальном мире — сансаре. Основатель буддизма Шакья-Муни (около 563—483 годов до нашей эры) считал,

что он открыл путь к освобождению от страданий, идя по которому, можно разорвать круговорот индивидуального существования и обрести небытие — нирвану. И одной из главных причин того, что люди и другие существа не могут вырваться из сансары и продолжают страдать, является их невежество — незнание «высокого Учения» Будды. Существует легенда, что однажды, когда проповедовал Будда, из лесу выбежали две лани, чтобы тоже послушать учителя. Поэтому над входом буддийских храмов помещается скульптурная группа — две лани и между ними так называемое «колесо Учения», которое является в данном случае символом проповеди Будды. Смысл этой скульптуры ясен: если даже животные внимают словам Будды, это тем более должны делать люди. Сохранить же слова Учения — это, прежде всего, записать их. Весьма показательными являются десять благочестивых деяний буддиста: переписывать Писание, совершать обряды, подавать милостыню, слушать Учение, читать Писание, понимать Учение, проповедовать Учение, читать Писание наизусть, размышлять, созерцать. Поэтому во всех странах, где получил распространение буддизм, процветала религиозная книжность.

Хотя сам Шакья-Муни не оставил ни одного писаного слова, существует множество книг, которые буддийская традиция считает записью его проповедей. На эти проповеди индийские религиозные философы писали многочисленные комментарии. Все эти писания и сложились в буддийский канон, состав которого различен у разных народов и буддийских школ. Традиционно канон делится на три раздела: Сутра — запись речей Шакья-Муни, Виная — правила монашеской дисциплины и Абхидхарма — философские сочинения. Санскритские оригиналы подавляющего числа книг буддийского канона погибли, но зато сохранились их переводы на китайский и тибетский языки. В Тибете буддийский канон принято делить на две большие части: Ганджур, объемом 108 томов, — те сочинения, которые традиция считает записью подлинных слов Шакья-Муни, и Данджур, объемом 226 томов, — сочинения, являющиеся комментариями к словам Будды, сочинения индийских философов и т. п. Таким образом, объем тибетского буддийского канона огромен: 334 тома, в которых содержится около 6000 сочинений.

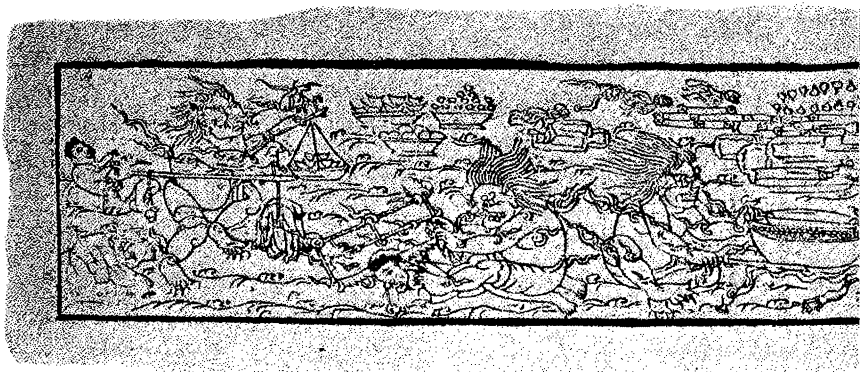
В конце XVI века Монголия представляла собой несколько фактически независимых княжеств, и возникшее в это время агрессивное маньчжурское государство серьезно угрожало независимости страны. Монгольский Лигдэн-хан (1592—1634), пытавшийся объединить монгольские княжества под своей властью и дать отпор маньчжурам, был человеком энергич-

Изображение буддийского ада. Ксилограф (ЛО ИВ)

ным и честолюбивым. Он стремился укрепить свой авторитет и увековечить свои деяния еще и тем, что организовал перевод Ганджура на монгольский язык. Перед монгольскими переводчиками встала очень непростая задача: перевести многотомное книжное собрание, которое складывалось на протяжении почти двух тысячелетий. Как свидетельствуют исторические хроники, в 1628—1629 годах по повелению Лигдэн-хана была собрана комиссия из тридцати пяти ученых лам во главе с Гунга-Одсэром, которая и перевела весь Ганджур в течение одного года. Столь быстрая работа комиссии уже давно вызывала недоумение европейских исследователей: ведь на каждого из переводчиков приходилось в среднем более чем по 2000 листов сложнейшего текста! Наконец, западногерманскому монголисту В. Хайсигу удалось найти несколько сочинений из канона, переводчики которых жили и работали за несколько десятилетий до создания Лигдэн-ханом своей комиссии.

Здесь нужно отметить, что в тибетской и монгольской книжной традиции имена авторов сочинений, их переводчиков и заказчиков ставились не в начале, а в самом конце книги. Монгольские переводчики добавляли к переводимым ими книгам небольшое повествование «от себя» (в научной литературе такие повествования называются колофонами), чаще всего в стихах. В колофонах монгольского Ганджура есть много хвалебных слов о Лигдэн-хане, о его могуществе и заботе о процветании буддизма. Оказывается, некоторые из этих колофонов были присоединены к значительно раньше переведенным сочинениям, а старые колофоны, с именами переводчиков и заказчиков, изъяты. Таким образом, задача

Изображение буддийского ада. Ксилограф (ЛО ИВ)

переводческой комиссии была несколько проще, чем могло показаться на первый взгляд: в ее распоряжении было большое количество старых переводов на монгольский язык канонических сочинений. Поэтому комиссия занималась переводом лишь ранее не переведенных сочинений, а старые переводы редактировались. Когда работа по переводу Ганджура на монгольский язык была окончена, пять экземпляров были переписаны черной тушью, а один — золотом.

В 1892 году профессор Петербургского университета А. М. Позднеев находился в Монголии в научной экспедиции. За время поездки он посетил немало монгольских поселений и монастырей, собрал большую коллекцию монгольских книг. Когда он находился в городе Калгане, который расположен рядом с Великой Китайской стеной и через который раньше проходила главная дорога, связывавшая Китай с Монголией, то повстречался там с почтмейстером-бурятом Н. И. Гомбоевым. Тот сообщил Позднееву, что недавно приобрел рукописный Ганджур на монгольском языке и готов уступить его столичному востоковеду при условии, что Петербургский университет возьмет на себя бесплатное обучение трех его сыновей и оплатит обучение его дочери в Иркутске. Когда Позднеев осмотрел связки пожелтевших от времени книг, он понял, что перед ним — Ганджур, переписанный при Лигдэн-хане. Позднеев немедленно написал об этом в Петербург. Деканом факультета восточных языков Петербургского университета в это время был В. П. Васильев — блестящий знаток китайского, монгольского, тибетского и маньчжурского языков, автор классических трудов по буддизму. Ему не нужно было долго объяснять, какую ценность для науки представляет старинный

Изображение буддийского ада. Ксилограф (ЛО ИВ)

монгольский Ганджур. После переписки Позднеева с Петербургским университетом и переговоров с Гомбоевым Ганджур был приобретен университетом, но не на прежних условиях, а за 4500 рублей с рассрочкой платежа на пять лет. 113 томов Ганджура, перевязанные в 100 связок, отправились в далекий Петербург. Ныне они хранятся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ. По-видимому, это — единственный в мире полный экземпляр Ганджура времен Лигдэн-хана. Скоро выйдет из печати его полный каталог, подготовленный после долгих лет работы доцентом Восточного факультета ЛГУ З. К. Касьяненко. В одной из библиотек г. Хух-хото (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) хранятся тринадцать томов этого Ганджура, переписанные золотом.

В 1910 году совершал путешествие по Южной Монголии отечественный ученый, бурят по национальности Ц. Жамцарано. В одном из монастырей он обнаружил рукописный Ганджур времен Лигдэн-хана с многочисленными редакторскими правками и заметками. Судя по всему, это был «черновой вариант» перевода канона. Нетрудно догадаться, что эта рукопись имела бы огромную ценность, так как с ее помощью можно было бы проникнуть в «секреты» переводческой деятельности комиссии и составить представление о поисках монгольских эквивалентов тибетским буддийским терминам. Однако, вероятнее всего, никто из исследователей не воспользуется этим Ганджуrom. Когда Жамцарано попросил настоятеля монастыря продать ему Ганджур, тот потребовал за него 500 серебряных долларов. Такой суммы у ученого не было, сделка не состоялась, и дальнейшая судьба этого рукописного Ганджура неизвестна.

Изображение буддийского ада. Ксилограф (ЛО ИВ)

В 1718—1720 годах монгольский Ганджур был напечатан в Пекине ксилографическим способом. Основу издания составил перевод времен Лигдэн-хана, который, правда, подвергся некоторому редактированию. В общей сложности, ксилографический Ганджур насчитывает 40 008 листов размером 35×70 сантиметров. В начале и конце каждого тома были помещены миниатюры с изображениями буддийских божеств. Для печати использовалась только киноварь, и это издание часто называют «красный Ганджур». Единственной европейской библиотекой, которая имеет его полный экземпляр, является парижская Национальная библиотека.

После того, как Ганджур был полностью переведен на монгольский язык, окончательно отредактирован и напечатан, перед монгольскими книжниками встала задача перевода второй части канона — Данджура. Это было еще более трудной задачей. Проблема заключалась не только в его громадном объеме: если содержание Ганджура ограничивается почти полностью религиозными предметами, то Данджур представляет собой настоящую энциклопедию древнеиндийской науки и культуры. Помимо чисто религиозных сочинений, в нем содержатся книги по индийской поэтике, медицине, философии, логике. Например, в его состав входит известная поэма Калидасы «Облако-вестник». В 1741 году в Пекине по императорскому указу была собрана комиссия из сорока лучших знатоков буддийской книжности Монголии и Тибета, которая составила тибетско-монгольский терминологический словарь «Источник мудрецов». На основе этого словаря и был выполнен перевод Данджура, ксилографическое издание которого завершилось в 1749 году. Это издание было роскош-

Декоративная завеса. Фрагмент. Монголия, XIX в. (Музей искусств народов Востока, Москва).

ным — красный шрифт, великолепные миниатюры. Разноцветными орнаментами и рисунками были украшены даже корешки томов.

Разумеется, монгольский Данджур стоил огромных денег, и его владельцами могли быть только очень богатые монастыри. Например, на территории Внешней Монголии (нынешней МНР) не было ни одного его экземпляра. Созданный после

победы народной революции в Монголии в 1921 году Комитет наук одной из своих первоочередных задач считал необходимость разыскания Данджура. Ведь многими монголоведами, даже Позднеевым, высказывались сомнения в том, что вообще существовал Данджур на монгольском языке. Наконец, удалось выяснить, что экземпляр Данджура имеется в храме, который находился во владениях Наянту, одного из богатых князей Внутренней Монголии. Сам князь жил в Пекине, и для переговоров о приобретении Данджура для Комитета наук в 1925 году туда был командирован его председатель Джамьян. Наянту долго не соглашался: ведь когда в 1912 году китайское правительство назначило его своим верховным резидентом во Внешней Монголии, провозгласившей свою независимость, новое монгольское правительство отказалось пустить его в страну. К тому же, как верующему буддисту ему было трудно расстаться с такой святыней. В конце концов Наянту уступил Данджур при одном условии: договор о безвозмездной передаче Данджура между ним и Комитетом наук МНР должен быть высечен на камне. Данджур был перевезен в Улан-Батор, где ныне хранится в Государственной библиотеке МНР. В вестибюле библиотеки стоит небольшая каменная стела, где и высечен текст договора князя Наянту с Ученым комитетом.

Еще два экземпляра монгольского Данджура находятся в городе Хух-хото. Кроме этих трех сохранившихся до наших дней двухсотдвадцатиститомных комплектов его нет ни в одной библиотеке мира. Однако в библиотеке Восточного факультета ЛГУ есть рукописный том из Данджура, написанный очень красивым почерком, — так называемым «ламским уставом». На книге стоит экслибрис одного маньчжурского принца, который, как это достоверно известно, умер в 1738 году, то есть за три года до начала работы переводческой комиссии. Встает вопрос: не был ли Данджур хотя бы частично переведен на монгольский язык раньше? Не повторилась ли история с переводом Ганджура при Лигдэн-хане с той только разницей, что теперь за заботу о религии монгольские переводчики славили маньчжурского императора Цяньлуна? Определенного ответа на этот вопрос пока дать невозможно.

Рассказ о судьбе буддийского канона в Монголии будет неполным, если ничего не сказать о его издании в начале XX века в Урге (нынешний Улан-Батор) на тибетском языке. В Монголии тибетский язык имел не меньшее значение, чем в средневековой Европе латынь. На нем совершалось богослужение, писались книги самого разнообразного содержания. Литература, созданная монголами на тибетском языке, столь же обширна, сколько малоизучена. Ученый лама

Дандар (1835—1915), сличив несколько разных изданий тибетского Ганджура, сделал ряд исправлений в священных текстах. Эти исправления были учтены при издании ургинского Ганджура, главным редактором которого был сам Дандар.

Так священные книги Индии, исчезнув у себя на родине, были переведены и сохранены монголами. Недавно факсимиле всех ста восьми томов монгольского Ганджура было издано, в Индии. Изучение монгольского буддийского канона еще только начинается, и, конечно, исследователей ждут поиски и открытия.

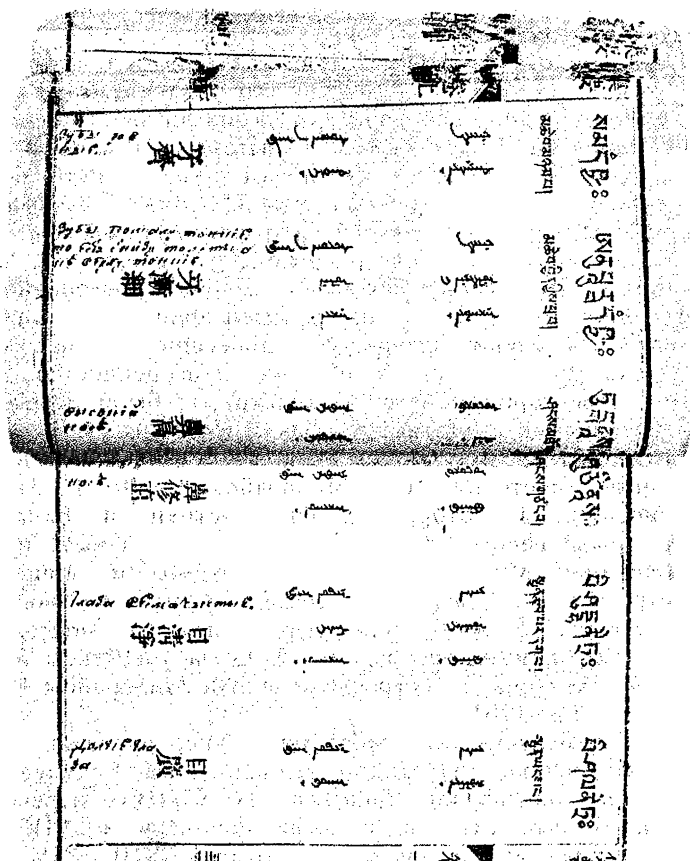
СОКРОВИШНИЦА ПЕРЕВОДОВ

Начиная с VII века, т. е. со времени появления письменности, тибетцы создали большую литературу по разным областям знаний. Хотя в тибетской литературе основное место занимают книги, переведенные с санскрита, богато представлены в ней и произведения, написанные самими тибетцами — религиозные и светские сочинения.

Литература Тибета — одного из высококультурных регионов Азии — оказала большое влияние на развитие монгольской литературы.

Самым замечательным произведением тибетской литературы является Гэсэриада. Наряду с существованием многих томов Гэсэриады, она живет в устах сказителей. Гэсэриада дошла до нас в двух формах: устной и письменной, в огромном количестве вариантов. В биографии Цанъянджамцо (1683—1746), написанной в 1757 году монгольским автором Даржой, сказано, что существует 18 различных историй у Линского Гэсэр-хана, и его имя уважаемо каждым человеком. Идеи и художественные особенности вариантов Гэсэриады различны. Вполне понятно, что на Гэсэриаду оказали большое влияние буддийская и ламаистская религия. Но из любых вариантов ясно, что Гэсэриада выражала мечты и чаяния простого трудового народа. Хотя монгольская Гэсэриада значительно отличается от тибетской и является самобытным произведением, она несомненно связана с тибетской Гэсэриадой, возникла и развивалась под ее влиянием. Если верны мои доказательства, основанные на некоторых фактах, то первоначальный вариант тибетской Гэсэриады был создан в XI веке в северо-восточном Тибете или районе Амдо поэтом Чойбэб.

Буддийские сутры, переведенные с санскрита, были упорядочены на тибетском языке и включены в два огромных сборника — Ганджур и Данджур. Сочинения индийского происхождения, находящиеся в Ганджуре и Данджуре, оказали значительное влияние на развитие тибетской литературы. К примеру, составленные в подражание джатакам (рассказам о

Пятиязычный терминологический словарь. XVIII в. (ЛО ИВ)

перерождениях Будды) 23 эпизода из перерождений религиозного деятеля Тибета XI века Брома были объединены в один сборник под названием «Книга сына». Бром, собрав поучения своего индийского учителя Атиши, назвал их «Книгой отца». Сравнивая учителя Атишу и его ученика Брома с отцом и сыном, книгу про Атишу называли «Книгой отца», а книгу Брома «Книгой сына». Обе книги иногда называют «Драгоценными Четками». Эти два сочинения, в особенности «Книга сына», интересны тем, что написаны по образцу индийских джатак. «Книга отца» была переведена на ясное письмо ойратским Дзая-пандитой. «Книга сына», переведенная Ши-

рету-гуши, была издана ксилографическим способом в Монголии, а затем в Бурятии.

В XI веке Бодова — ученик Атиши и Брома — для того, чтобы поучения, которые проповедовали его учителя, были понятны народным массам, использовал в своих объяснениях в качестве примеров народные сказки и легенды. Так идеи религиозного учения, в частности книги «Светильник пути бодхи», в которой Атиша излагал основные положения буддизма, были переложены на язык сказки, которая, развиваясь, стала одним из основных жанров религиозной литературы. Главными книгами этого жанра являются сборник драгоценностей-сказок, «Синяя тетрадь» и их комментарии. Эти книги — драгоценные памятники литературы, донесшие до нас сотни народных сказок и легенд. «Собрание драгоценностей книги сказок» и комментарии к нему несколько раз были переведены на монгольский язык и изданы.

В XI веке среди проповедников буддизма выделился прославленный тибетский поэт Миларайба (1040—1123). Два тома сочинений, в которые входили стихи и биография Миларайбы, были распространены повсеместно в Тибете и Монголии. Сочинения Миларайбы и его портреты и сейчас еще можно встретить в монгольских семьях. Стихи и биография Миларайбы были в XVII веке переведены на монгольский язык, Ширету-гуши и вскоре изданы. Есть на тибетском и монгольском языках стихи и биография ученика Миларайбы Райчун Дагвадоржа (1084—1161).

В период правления тибетского царя Тисрондэдзана (755—797) в Тибет приехал из Индии великий йога Бадмасамбава. Существуют его биография «Бадмакатан» и «Пять изречений». Легенда гласит, что эти книги были сочинены в VIII веке, спрятаны в скальных пещерах, а потом, в XIII—XIV веках найдены. Современные же ученые считают, что эти сочинения, видимо, были написаны в XIII—XIV веках с использованием различных произведений VIII века и более позднего периода. «Бадмакатан» дважды был переведен на монгольский язык. Один из переводов, сделанный переводчиком Саджа Донравом, был издан ксилографическим способом. Другой перевод известного переводчика дошел до нас в рукописном виде.

В числе книг, по преданию, найденных в кладах, необходимо упомянуть «Маникамбум» или Десять тысяч изречений царя Сронцзангамбо. Хотя считается, что «Маникамбум» является произведением, составленным царем Сронцзангамбо в VII веке, современные ученые придерживаются мнения, что это сочинение было создано в XIV—XV вв. Основная его идея — восхваление бодисатвы Авалокитешвары. В «Маникамбуме» говорится, что бодисатва Авалокитешвара родился и

служил благо живых существ в образе царя Сронцзангамбо в Тибете. Это положение было подготовкой провозглашения Далай-ламы перерождением бодисатвы Авалокитешвары. Неоднократно там говорится о пользе, которую приносит магическая формула бодисатвы Авалокитешвары «Ом мани падмэ хум». Хотя в «Маникамбуме», как во всей подобного рода литературе, много таких вставок, не связанных с художественной литературой, в него входят и история о том, как царь Сронцзангамбо взял в жены китайскую и непальскую принцесс, джатака о прежних рождениях Сронцзангамбо, а также исторический материал типа законов и постановлений царя Сронцзангамбо. Существует три перевода на монгольский язык «Маникамбума». Один из них был переведен ойратским Дзая-пандитой и напечатан ксилографическим способом. Другой перевел Ширету-гуши, а третий — Цултимлодой. Оба перевода дошли до нас в рукописном виде.

В VIII веке тибетский ученый Саджа-пандита Гунгаджалцан (1182—1251) сочинил «Сокровищницу назидательных изречений», в которую вошли 457 куплетов стихов дидактического характера. В XIII же веке Ринчинбал написал комментарий к ней, в который полностью вошли все сказки и легенды, упомянутые в самих стихах. Кроме того, есть и другой комментарий «Сокровищницы назидательных изречений». Эти два комментария являются важными памятниками тибетской литературы. Они много раз переводились на монгольский язык и издавались. Есть несколько комментариев «Сокровищницы назидательных изречений», написанных монголами на монгольском языке с использованием тибетских комментариев. Среди них можно упомянуть комментарии, написанные Чахар-гэбши Лувсанчултимом и Ринчин Номтоевым.

Панчин Соднамдагва (1478—1554) написал дидактические стихи под названием «Букет белых лотосов», подражая «Сокровищнице назидательных изречений». В XIX веке тибетский писатель Янджингавиловой написал к нему «Комментарий солнечного света на Букет белых лотосов», в который он включил полностью все сказки, упомянутые в «Букете белых лотосов». Это произведение переводилось на монгольский язык и печаталось.

Есть тибетские сочинения, написанные в подражание индийским «Панчатантре» и «Рамаяне». К ним относятся «Драгоценное украшение», «Шастра о царе Рамаяне». Все они переведены на монгольский язык.

Существуют два сборника сказок о Волшебном мертвце, написанных в Тибете по образцу индийских 25 сказок о Волшебном мертвце. Один из них состоит из 13 глав, другой

из 21. В «Книге сына», написанной в XI веке, упоминаются эти два тибетских сборника сказок о Волшебном мертвеце, поэтому можно считать, что в XI веке они уже существовали. То, что тибетские сказки о Волшебном мертвеце совершенно отличны от индийских сказок о Волшебном мертвеце, известных современной науке, наводит на мысль, что тибетский сборник является не переводом, а оригинальным произведением.

Они существуют на монгольском языке в многочисленных переводах и переработках.

В XVIII веке в Тибете жили два замечательных поэта — VI Далай-лама Цангьянджамцо (1683—1746) и Дохар Шаврун Цэринванджал. Цангьянджамцо из 64 лет жизни только девять лет находился в сане Далай-ламы, затем был изгнан и остальные годы провел в скитаниях. Его стихи «Песни любимой» широко известны среди тибетского народа.

Дохар Шаврун Цэринванджал писал лирические стихи, его перу принадлежит прекрасный стихотворный роман «Биография царя Норсана», написанный под псевдонимом Цэринвандуй.

Этот писатель также составил биографию Полханай Соднамдобжал, правившего в 1735—1747 годах в Тибете.

В 1737 году Дагфу Лувсамдамбиджалцан написал стихотворный роман «Лунная кукушка». Используя тему этого романа, халхасец Д. Равджа написал оперу «Лунная кукушка», которая исполнялась в Гоби. Тибетскую «Лунную кукушку» на монгольский язык перевел и издал в 1770 году Дай гуоши Агвандампил. Если роман Цэринвандуйа «Биография царя Норсана» — светское сочинение, то «Лунная кукушка» Дагфу Лувсамдамбиджалцана насыщена религиозными мотивами.

Кроме того, что в Тибете исполнялась религиозная мистерия «цам», там были распространены и музыкальные пьесы на различные сюжеты. Самыми популярными из них были следующие: «История о царевице, исполненном чистоты», «История о добродетельной девушке», «История о царевице Норсане», «История о Нансал». «Историю о царевице, исполненном чистоты» перевел на монгольский язык в стихах Ширету-гуши.

За период более чем в тысячу лет, в который возникла и развивалась тибетская литература, было создано огромное количество сборников, написанных учеными ламами. Их называют «Сумбум». Среди «Сумбумов» немало художественных произведений, биографий известных людей. Хотя и не принято считать жизнеописания художественной литературой, но существует немало биографий, содержащих художественные описания действительности.

В последние века существовало много монгольских писателей, великолепно владевших тибетским языком и письменностью, написавших большое количество сочинений на тибетском языке и тем самым обогативших тибетскую литературу.

ИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ

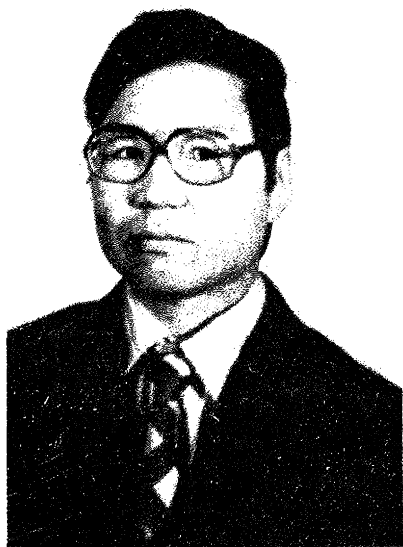
В Монголии в XIII—XIV вв., вскоре после образования единого монгольского государства и создания национальной письменности, переводились книги со многих языков мира, в том числе с санскрита. В большинстве своем это были буддийские сочинения, которые требовали от литераторов знания санскрита.

Те переводчики, кто не владел санскритом, обращались для сверки к индийским оригиналам с помощью своих коллег. Так, в колофоне к «Сутре золотого блеска», например, говорится, что ее перевел на монгольский язык с тибетского и уйгурского Шэйравсэнгэ и вместе с Буняшири, владевшим санскритским и тибетским, он сверил свой перевод с его индийским оригиналом, а также тибетской и уйгурской версиями (см.: Ц. Дамдинсурэн. Сто образцов монгольской литературы. Улан-Батор, 1959. С. 164).

Монголы не ограничивались переводом, они и изучали буддийскую философию, составляли к отдельным произведениям комментариев. Как известно, Чойджи-Одсэр в 1312 году написал обширный комментарий к «Бодичарьяаватаре» на родном языке. В нем он ясно и сжато толкует смысл каждой строфы из сочинения Шантидевы. Философским содержанием насыщены и его собственные стихотворения, написанные в качестве вступительной части, или колофона к тому или иному его переводу. Кстати, интересно отметить, что в своих стихотворениях Чойджи-Одсэр умело применял поэтические принципы, изложенные в трактате по поэтике «Зерцало поэзии» (Кавъядарша) Дандина, индийского ученого и писателя VII в. н. э.

О масштабе переводческой деятельности монголов на протяжении XV—XVI вв. судить трудно, так как от этого смутного периода нашей истории сохранилось сравнительно незначительное число письменных памятников. И тем не менее можно с уверенностью сказать, что деятельность по переводу древнеиндийской литературы продолжалась. Об этом свидетельствуют, в частности, находки из Олон-сумэ.

С конца XVI в. в Монголии активно внедряется буддизм в

Дандарын Ёндон. Фото Р. Гомбожавы

форме ламаизма. С новой силой возобновляется работа по переводу священных текстов. Новый подъем переводческой деятельности вызвал к жизни целый ряд проблем. Среди них особо выделился вопрос о точной передаче иноязычных слов, санскритских терминов, собственных имен, магических формул и заклинаний. Не без связи с этим в 1587 году Аюдуши-гуши создал алфавит Али-гали — первую монгольскую транскрипционную систему на базе уйгуро-монгольской письменности. Эта транскрипционная система получила дальнейшую обработку в XVII—XVIII вв., при проведении огромной работы над переводом и изданием буддийского канона — Ганджура и Данджура — на монгольском языке. В связи с предстоящим переводом и редактированием Данджура большая группа монгольских ученых, состоящая из 40 человек под руководством Джанджаа Ролбидорджэ (1717—1786), составила в 1741—1742 гг. тибетско-монгольский терминологический словарь «Источник мудрецов». В нем охвачены все основные термины различных отраслей буддийского знания. Словарь представляет собой, по существу, краткую энциклопедию буддизма.

Как известно, в Ганджуре (108 томов) и Данджуре (226 томов) богато представлена древнеиндийская и тибетская литература по традиционным отраслям знаний в самых различных ее разновидностях (всего 4619 сочинений). Поэтому перевод и издание этих

двух собраний знаменовали собой новую веху в процессе приобщения Монголии к буддийскому культурному миру.

В них есть, например, трактаты по санскритской грамматике Панини (V в. до н. э.), Чандрагомина, Калапы, Анубхутисварупы, философские сочинения и комментарии на них Нагарджуны (приблизительно II в. н. э.), Арьядевы, Асанги, Васубандху (V в. н. э.), Дигнаги (приблизительно IV в. н. э.), Дхармакирти (VII в. н. э.), Дхармоттары (IX в. н. э.), медицинские труды Чараки, Сушруты и Вагбхаты. В канон включены также выдающиеся образцы индийской литературы. К их числу, в частности, относятся дидактические сочинения Нагарджуны, Равигупты, Вараручи, Ачарьи Амогхаварши, Чанаки, Масуракши, поэма «Облако-вестник (Мегхадута)» Калидасы, шедевры буддийской классической поэзии «Дхаммапада» и «Уданавагга», сотни джатак и авадан, представляющих собой обработки народных сказок, легенд, басен. Нужно сказать, что множество переводов этих сочинений, выйдя за пределы канона, распространилось по всей Монголии в виде списков и ксилографов, попало в стихию фольклора.

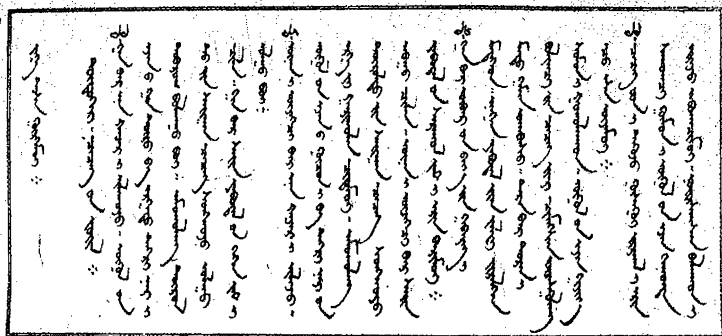
В то время появилась плеяда известных переводчиков в лице Ширегету-гуши-Цорджи из Хухэ-хото, Самдансэнгэ, Тайгун-таюн-шику-гуши, Гунга-Одсэр, Алтангэрэл-убаши и других, которые сыграли выдающуюся роль в формировании классического монгольского языка.

Из западной Монголии вышли такие ревностные проповедники буддизма, как Нэйдж-тойн (1557—1653) и Дзая-пандита Нам-хайджамцо (1599—1662). Последнему принадлежит заслуга в создании алфавита «Ясное письмо». Он использовал его при переводе многих произведений индийской и тибетской литератур, при этом сумел разработать целую систему терминологии на ойратском (западномонгольском) языке.

Основной очаг распространения индийской, или, точнее, буддийской культуры в Монголии составляли буддийские монастыри. Один за другим учреждались специализированные культовые колледжи-дацаны. В них изучались древнеиндийская философия, теория познания, логика, астрология, медицина, санскритская грамматика, поэтика.

При каждом монастыре было большое книгохранилище, насчитывавшее сотни тысяч книг по различным отраслям знаний, функционировала печатня, где издавались в виде ксилографов сочинения древнеиндийских мудрецов на тибетском и монгольском языках, а рядом с ними — оригинальные труды местных авторов.

В традиции индийской культуры в Монголии видное место занимает тибетоязычная литература монгольских авторов. Литературное творчество монголов на тибетском языке, судя по доступному нам материалу, непрерывно развивалось, начиная примерно со времени Дзанабадзара (Ундур-гэгэна). Его учеником Гэлэгжал-

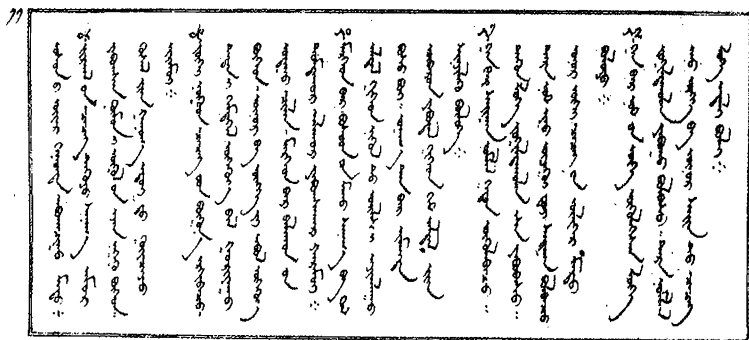
Монгольское литографское издание «Дхаммапады» (ЛО ИВ)

цаном с тибетского на монгольский язык было переведено «Зерцало поэзии» (Кавъядарша) Дандина, на протяжении многих столетий являвшееся единственным в Монголии трактатом по поэтике и оставившее глубокий след в нашей классической литературе.

Другой ученик Ундур-гэгэна — Лувсанпрэнлэй, известный как халхаский Дзая-пандита (1642—1715), первым из монгольских литераторов сочинил комментарий к «Зерцалу поэзии», в котором иллюстрировал ее положения сложными им стихами. Перу самого Дзанабадзара также принадлежит комментарий к поэтике Дандина. Следует также отметить, что теорию Дандина наряду с комментаторами изучали монгольские поэты, применяли в своем творчестве ее принципы, в частности смысловые и словесные украшения. Эта тенденция красной нитью проходит через всю историю тибетоязычной литературы в Монголии, начиная от Чойджи-Одсэра и кончая последними представителями старой поэтической школы.

Буддийская философия, видимо, была весьма соблазнительным объектом для монголов, занимавшихся литературным делом. Трудно назвать хотя бы одного человека из числа средневековых авторов, который обходился в своих работах без философствования.

Из-под пера церковных деятелей, писавших на тибетском языке, выходили и оригинальные исследования-комментарии, и учебные пособия, и справочники-словари по буддийской философии. В области истории философии плодотворно работали Агван-Балдан (1797—1864), Сумба-хамбо Ишбалджир, Лувсанчойндон

Монгольское литографское издание «Дхаммапады» (ЛО ИВ)

(XIX в.) и другие. Они, следуя тибетским традициям, излагают философские концепции буддийских и небуддийских школ, толкуют отдельные вопросы древнеиндийской философии.

Среди философских работ монгольских буддистов преобладают их собственные комментарии к трактатам знаменитых древнеиндийских мыслителей — Нагарджуны, Асанги, Васубандху, Чандракирти, Дигнага, Дхармакирти и Чандрагомина. Любопытно, что в аналогичных сочинениях очень часто встречаются критические суждения по узловым вопросам философии, уточнения и исправления некоторых положений тибетских комментаторов.

Монгольские филологи, штудировав санскритскую и тибетскую грамматики, сами писали оригинальные труды и учебники, рассчитанные на желающих изучать эти языки. В кругу монгольской ученой общественности большой популярностью пользовались грамматические сочинения Сумба-хамбо Ишбалджира, Дандара Лхарамбы, Агванцэрэна и Дамдинсурэна.

В области филологии также выполнялись лексикографические работы, составлялись двуязычные и многоязычные словари. Из санскритских словарей, имевших хождение среди любознательных эрудитов, самыми большими по объему были, насколько мы знаем, «Амаркоша» и «Махавьютпатти».

В области медицины, идя по следам своих прославленных индийских и тибетских предшественников, представители местного буддийского духовенства писали терапевтические сочинения, фармакопеи, составляли комментарии к известным трактатам восточной медицины, в частности, к «Четырем основам медицины». Так, в монгольской медицинской литературе видное место занимают

труды Лувсандандзанджалцана, Джамбалдорджа, Сумба-хамбо Ишбалджира, Дандара Лхарамбы и Дандара Аграмбы. Лекари-ламы, ознакомившись с содержанием древнеиндийского медицинского трактата «Аюрведа», широко практиковали его рекомендации применительно к местным условиям.

Ученые занимались и астрологией. Проникновение в Монголию достижений астрологии из других стран, в первую очередь из Индии и Тибета, обогатило эмпирическое знание монголов в этой области, способствовало дальнейшему развитию у нас календаря и астрономии. Характерно, что в астрологических сочинениях монголов часто переплетаются местные и заимствованные традиции.

В заключение можно сказать, что индийская литература, привнесенная в Монголию буддизмом, очутившись на новой для нее почве, не только успешно прижилась, но и, входя в тесное взаимодействие с местной литературой и фольклором, оказала благотворное влияние на их развитие, вызвав к жизни оригинальные образцы, воплотившие в себе синтез собственных и иноземных традиций.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ

Средневековая литература Монголии оказывала постоянное глубокое воздействие на современное ей изобразительное искусство. Особенно наглядно это проявлялось в традиционной живописи. Ее сюжеты и описания персонажей в большинстве своем были заимствованы из литературных источников. Отдельные иконы или целые житийные циклы, посвященные жизни и деятельности как легендарных, так и исторических деятелей буддизма, представляли зрителям то, что не мог передать по условиям своего художественного метода писатель. Обычно житийная икона строилась по определенным правилам: в центре располагалась укрупненная фигура главного персонажа, а вокруг него меньшие по величине и значению действующие лица. Это окружение со временем становилось все большим по числу участников. Художник размещал их в отдельных клеймах, каймах и рапортах. Подобная многознаковая иллюстративность служила наглядным объяснением литературного текста, используя самые разнообразные как канонические, так и фольклорные объяснения.

Анализ построения композиции, цветового решения, сопоставления целого и деталей в монгольской средневековой живописи позволяет увидеть и понять, как тонко использовал художник художественные средства для создания определенного психологического восприятия иконы зрителем. Его мало тревожит явное несоответствие масштаба и пропорциональных соотношений, совмещение разных частей пространства в одном изображении. Цель его была не воссоздание видимого мира, а передача внутреннего, «духовного видения». Среди житийных икон были очень распространены серии, посвященные жизни и деятельности будды, Шакья-Муни. Он изображался в центре иконы, восседающим на лотоковом троне, столь идеально величественным и отрешенным, что мир человеческих переживаний с его мимолетностью и суетностью не мог быть приближен или сопоставлен с духовностью и созерцательностью его как символа всеведения и всевластия. Геральдичность, церемониальность и идеализация являлись основными

Будда Шакья-Мунни. Тибет, XIX в.

средствами художественного обобщения в средневековой живописи.

Вокруг будды изображались его ученики и последователи. Они представлены живописными группами, контрастными по отношению к центральному персонажу изрезанным волнующимся контуром построения, высветленной цветовой гаммой, измельченным рисунком деталей. Их тела и одежды сияют голубыми, синими, золотисто-желтыми, белыми, розовыми и оранжево-красными цветами, напоминая драгоценное ожерелье.

Среди окружения центрального персонажа нередко можно видеть изображения монахов-писателей и переводчиков за работой, склонившимися над листами книг, объясняющими тексты канонических произведений, записывающими слова поучений своих духовных патронов. Эти сцены, в которых средневековый художник использует свои наблюдения, заимствованные из окружающей жизни, чрезвычайно интересны. В них запечатлены исторические и бытовые подробности, с наивным, но убедительным реализмом представлены ансамбли известных архитектурных комплексов монастырей и княжеские ставки, интерьеры храмов и жилых юрт, предметы быта, одежды, прически различных слоев населения Монголии.

Нередко в клеймах житийных икон предстает перед зрителями образ художника за работой. Если сопоставить эти изображения со сведениями из литературных источников о правилах выбора материалов и инструментов, их подготовке, рекомендациях исполнения рисунка композиции с указанием всех необходимых для того или иного персонажа буддийского пантеона атрибутов и аксессуаров, можно представить, как создавалась средневековая монгольская икона. Техника ее исполнения имеет аналогии с техникой оформления монгольской книги, а кроме того, для письма текста книги, миниатюр применяли основу, грунт, красители и связующие материалы, идентичные используемым в станковой живописи. Традиция позволяет использовать в качестве основы иконы кожу, шелк, хлопчатобумажную и льняную ткань. Монгольские художники отдавали предпочтение тонкой хлопчатобумажной ткани, которую натягивали на специальный низкий подрамник-станок, перед которым располагался художник. Установив раму станка в горизонтальном положении, на поверхность полотна наносился грунт, в состав которого входил клей, смешанный с мелом, гипсом или каолином. Когда грунт подсыхал, его полировали, добиваясь, чтобы он стал гладким, прочным, эластичным, хорошо удерживающим красочный слой. Часто грунтовали не только лицевую сторону — зеркало будущей иконы, но и ее обратную сторону.

В работе над живописным произведением художник мог пользоваться, наряду с текстами-описаниями персонажей буддийского пантеона, и графическими образцами или прорисьями, на которых

цвета были обозначены словами. Существовало несколько способов перевода изображения с прориси на загрунтованное полотно. Например, воспроизводимый рисунок накалывали по контуру иголкой и накладывали на полотно будущей иконы. Проколы припорошивали сухой краской, используя для этого порошок охры или древесной сажи, насыпанной в маленький мешочек из ткани редкого переплетения. Порошок попадал в проколы и оседал на полотне, воспроизводя нужное изображение. Другой способ заключался в том, что обратная сторона образца покрывалась слоем краски, затем он накладывался на основу и контур рисунка обводился. Когда возникала необходимость в тиражировании какого-либо образа, пользовались деревянными или металлическими клише.

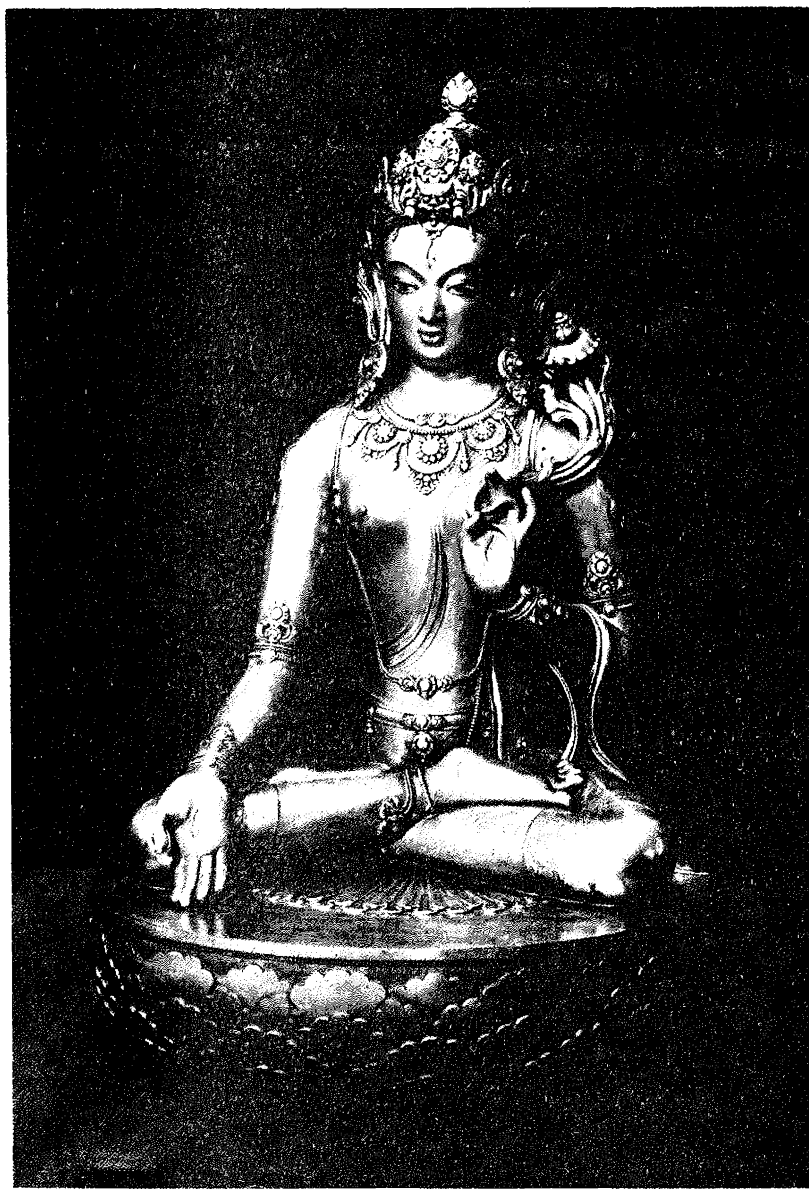
На поверхность загрунтованного полотна острозаточенным бамбуковым стилем наносили контур будущей композиции, затем изображения тонировались краской, наложенной обычно в один слой, что придавало ей эффект свечения, когда лучи света отражались от белого грунта, подсвечивая красочный слой как бы из глубины. Средневековый мастер-живописец в своей работе пользовался богатой палитрой красок. Традиционно в их состав входили пигменты минерального и органического происхождения. От художника требовалось не только хорошо знать свойства каждого пигмента, но и умение самостоятельно приготовить ту или иную краску. В нее кроме пигмента входил связующий состав из разваренных в сахарном сиропе животных кож, рогов и костей, а также специальный консервант, оберегающий икону от порчи насекомыми. Им чаще всего была лимонная кислота. В состав красок входили, кроме того, специальные компоненты: частицы земли или воды, собранные благочестивыми паломниками в святых местах буддизма, кровь из носа самого художника, размельченные в порошок золото, серебро, драгоценные камни, соки и смолы медицинских растений.

Имена талантливых художников были известны современникам так же, как были известны имена писателей и переводчиков. Кроме того, сюжеты, повествующие о создании того или иного образа, часто приписываемые легендарным или историческим деятелям буддизма, становятся предметом описания в литературе. Например, Будда Шакья-Муни сам эманировал свое изображение, под его руководством было изготовлено первое живописное сансарын-хурдэ; Цзонхава в подарок своей матери отослал свой автопортрет, написанный «носовой» краской — кровью из носа. Первый монгольский богдо-гэгэн Дзанабадзар, согласно его официальным биографиям, был выдающимся скульптором и живописцем.

Жизнеописания многих писателей и теоретиков буддизма свидетельствуют о том, что они занимались изложением, сочинением, комментированием трактатов и руководств по изобразитель-

Цзонхава. Монголия, середина XIX в.

Дзанабадзар. Дхьяни-будда

ному искусству. В монгольской средневековой литературе существовал целый ряд произведений, в которых рассказывалось об основании знаменитых храмов и монастырей, перечислялись и описывались находившиеся там произведения живописи и скульптуры, особое внимание авторов привлекали легенды и чудеса, связанные с этими произведениями. Иконы и статуи плакали кровавыми слезами, чудесным образом перемещались в пространстве, являлись во сне своим создателям или почитателям, предъявляя свои, конкретные, нередко очень материальные требования и желания. В свою очередь, живописец использовал в своих произведениях надписи. В монгольских иконах начала XIX века они очень кратки. Это имя персонажа, начертанное тонкой золотой или красной линией, часто замаскированное в завитках орнамента спинки трона или лotosового основания. В редких случаях на оборотах икон этого времени имеется карминно-красный оттиск печати, напоминающий древние знаки-тамги, а рядом с ними — оттиски ладоней рук. Для более поздних икон характерно все большее использование надписей, подписей и целых фрагментов текста, которые помещались как на зеркале иконы, так и на ее оборотной стороне. Но все же преимущество отдавалось размещению частей текста в виде широкой рамки-каймы, охватывающей по контуру все поле иконы. Особенно много было икон-ксилографов, отпечатанных с досок на тонкой, не грунтованной, редкого плетения ткани, на которой само изображение бывало чуть тронуто красками двух или трех цветов, нанесенных большими аморфными пятнами. Эти тиражированные дешевые изображения предназначались для распространения в дни больших церковных праздников или во время ярмарок, на которые съезжалось до половины всего населения Монголии.

Графика шрифта, как рукописного, так и печатного, со своими многочисленными алографами, усложненная элементами орнамента, увеличенная или уменьшенная в размерах, включенная в декоративное обрамление или окруженная, выделенная из общей композиции гладким фоном, становится своеобразным узором. С другой стороны, наличие больших фрагментов текста, параллельных изображенному на иконе сюжету, помогает не только правильно его понять, но и выявить существование редакций литературного произведения, установить историю его создания и существования, его датировку. Однако в руки исследователей очень редко попадали произведения, в которых текст и зрительный образ раскрывали и дополняли друг друга, составляя единое произведение от начала до конца. К подобным редкостям относятся 76 полотен-иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату «Вайдурья Онбо» — «Голубой берилл», хорошо известный в Монголии. Этот свод хранится ныне в собрании Бурятского государственного объединенного архитектурно-исторического музея города

Улан-Удэ. Они написаны на тонком льняном полотне большого формата в традициях средневековой станковой живописи.

По сюжетам изображений улан-удинские полотна можно разделить на несколько групп. К первой относятся полотна с сакральными изображениями — мандалы, гадательные круги. Ко второй группе, самой многочисленной, — сцены или отдельные группы людей и животных. К третьей — натюрморты — изображения растений, минералов, жидкостей. К четвертой группе — анатомические рисунки. К пятой, последней, группе относятся изображения медицинских инструментов и аппаратов.

Уже при первом знакомстве с иллюстрациями к «Вайдурья Он-бо» становится очевидной органическая связь их с текстом трактата. Строгая последовательность изложения текста находит отражение в построении всего изобразительного ряда и каждой его части, соответствующей разделам литературного источника: основная часть, состоящая из четырех глав, каждая из которых имеет свое собственное вступление, изложение и заключение. Другой особенностью полотен из Улан-Удэ является их органическая взаимосвязь друг с другом, основанная не только на отнесенности к одному и тому же литературному произведению, но и на единстве размера, формы, техники исполнения и оформления, стилистических и сюжетных элементов.

Значительная часть улан-удинских полотен имеет трехчастную композицию: большая центральная часть полотна обрамлена сверху и внизу почти одинаковыми узкими регистрами. На первых пятнадцати полотнах в верхней части помещены изображения будд, бодисатв, волшебников, святых, реально существовавших деятелей буддийской церкви разного ранга, имевших отношение к медицине и передававших ее основы из поколения в поколение.

В центральной части полотен расположена одна композиция или несколько, иллюстрирующие основной литературный сюжет той или иной части текста.

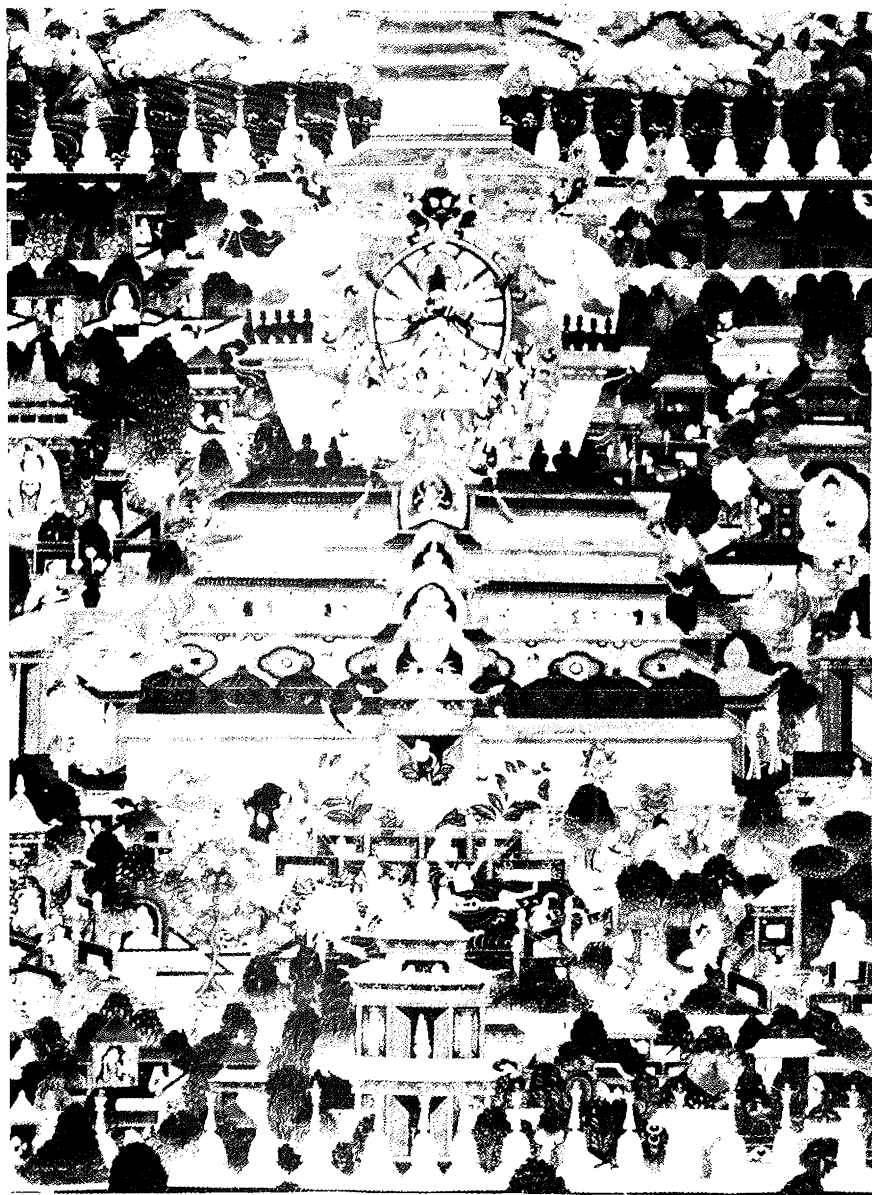
Текст памятника начинается со вступления, которому соответствует так называемая вводная иллюстрация, где рассказывается о легендарном основателе медицины будде Манле, который излагает окружающим его ученикам и последователям свое учение. Композиция этого полотна отвечает принципам построения мандалы — распространенной в буддийском искусстве модели космоса, места обитания того или иного божества. Мандала представляет сочетание простейших геометрических элементов — кругов, квадратов, треугольников. Графическая основа композиции строится на четырех осях симметрии отражения, ориентированной по странам света, обозначенным цветом и расположением дворцов локапал — мифических хранителей стран света. На пересечении осей, в центре мандалы помещается изображение божества, знака или предмета, олицетворяющего понятие, которому посвящена

мандала. В составляющие ее фигуры и поля могут вписываться изображения божеств и предметов, связанных с центральным образом.

Полотно, открывающее улан-удинский свод, отличается от классических мандал обилием фигуративных изображений, исполненных с известной долей реализма, за которыми графическая схема мандал лишь угадывается. Художник, изображая почти три десятка фигур, придал им неповторимо изящные позы, наделил разнообразными жестами, попытался оживить их лица мимикой.

За величественными стенами обители Манлы представлены разнообразные архитектурные постройки, в некоторых из них видны люди, занятые своими повседневными делами. Художник смело komponует изображения, используя приемы линейной и обратной перспективы, отсекая, искусственно кадрируя архитектурные объемы, как бы представляя их с различных точек зрения.

За архитектурным обрамлением следует двойной пояс изображений лекарственных растений, среди которых летают птицы, отдыхают лани, в источниках купаются люди. Здесь художник использует как художественный прием сознательное нарушение масштабных соотношений. Для него одинаково важно изобразить клубни, стволы, листья небольших растений, увеличив их, а рядом — деревья, уменьшенные в своих размерах, сопоставленные с изображенной рядом травой или кустарником. Растения композиционно не связаны друг с другом. Они воспринимаются как отдельные изобразительные единицы, объединенные единым абстрактным пространством. Для изображений растений свойственна еще одна особенность: наряду с их точной ботанической характеристикой художник наделил их почти осязательной витальной силой — стволы деревьев, изгибаясь и ветвясь, тянутся ввысь, травы и кустарники цветут и плодоносят. Эти художественные особенности характерны и для других полотен. Следующие три полотна являются своеобразным иллюстративным оглавлением трактата. На них изображены могучие деревья с несколькими стволами, пышной кроной, в листве которой видны цветы и бутоны. Мотив дерева — один из самых распространенных сюжетов в фольклоре, мифологии и литературе Востока. Его символика сложна и многогранна. Дерево своим соком вскармливает богатырей и героев, защищает от врагов, предсказывает будущее, зло, причиненное дереву, губит обидчиков. Строгая последовательность текста «Вайдурья Онбо», логическая взаимосвязь каждой из его частей подсказали художнику образ, наиболее соответствующий переводу литературного сюжета на язык живописи, при этом основная мысль источника становится еще более ясной и четкой. Например, на полотне № 3 — дерево с тремя стволами, соответствующее трем способам «узнавания» болезни — исследование пульса, осмотр и расспрос больного.

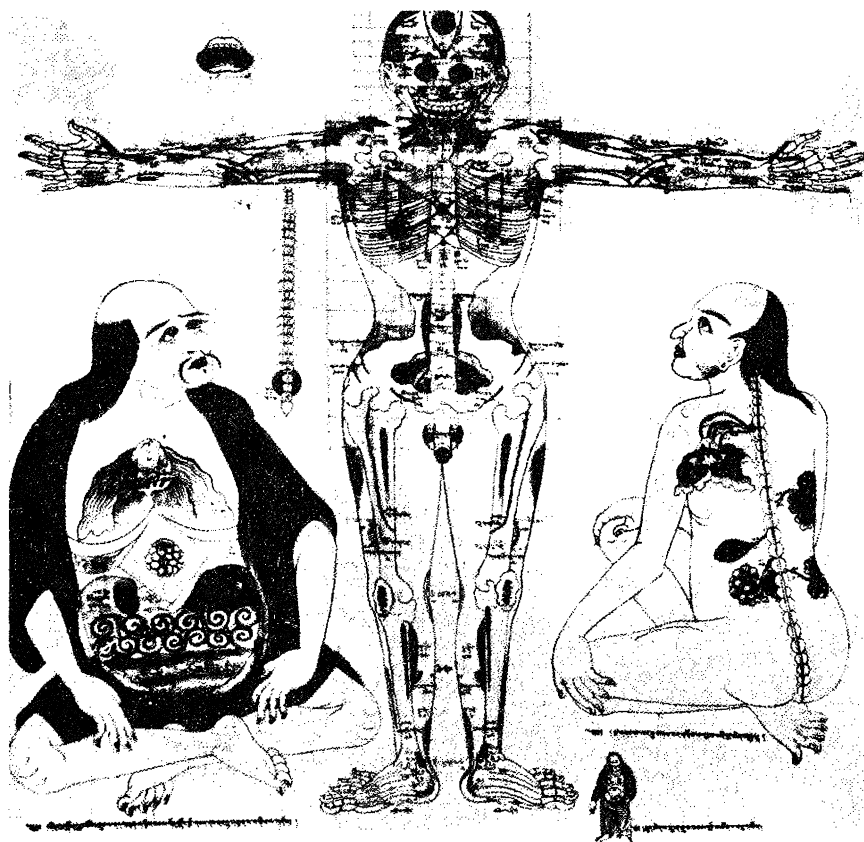

Изображение субурбана

Декоративная завеса. Фрагмент. Монголия, XIX в.

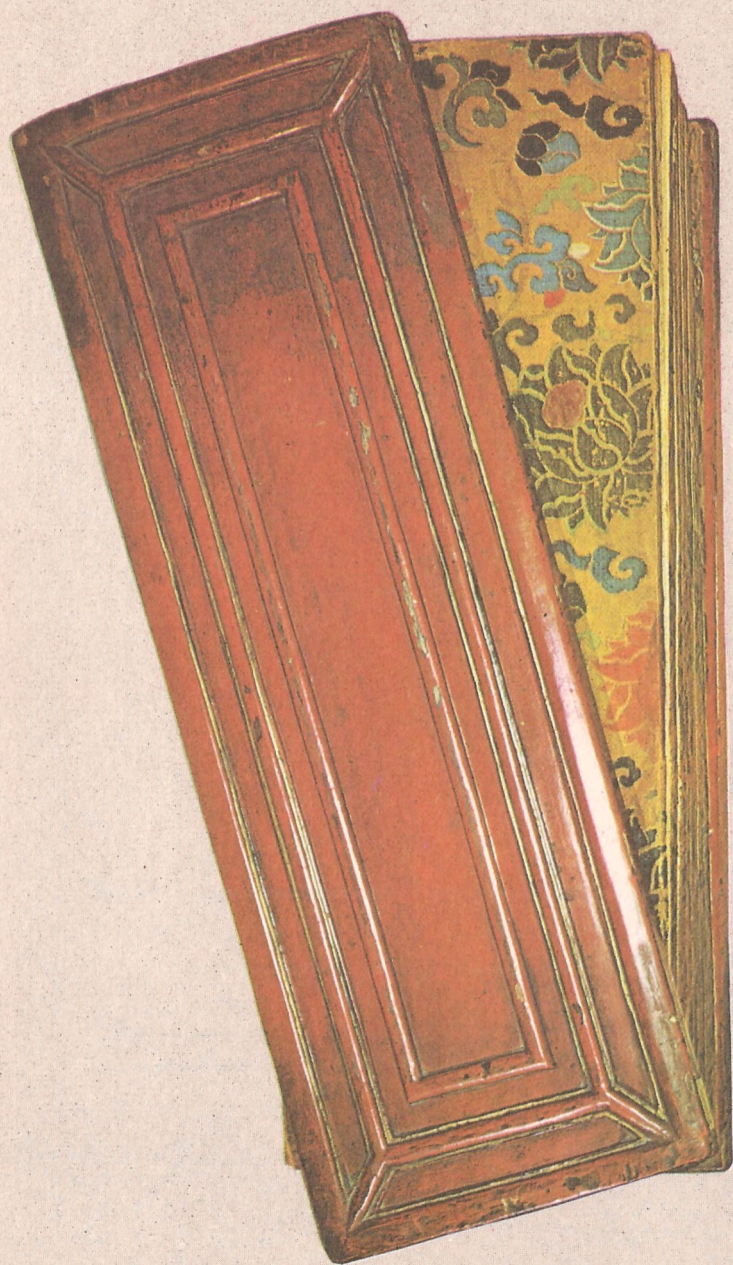
Наивная простота и назидательность изображений — кажущиеся. За ними скрывается высокое профессиональное мастерство художника и интеллект философа, нашедшего простые и убедительные образы для наиболее адекватного перевода и объяснения литературного текста. Он свободно владеет не только текстом произведения, но и специфическим языком символов и аллегорий,

Анатомическая таблица медицинского атласа. Тибет, конец XIX в.

который был создан буддийской культурой. Если полотна с деревьями положить рядом, то окажется, что они составляют своеобразный триптих, объединенный не только единством композиции литературного сюжета, но и изобразительного ряда. В верхнем левом углу первого полотна изображена небольшая фигура будды Манлы, изъясняющего основы медицинских знаний своему преемнику Ригба-и-Еше, что соответствует первой главе текста «Вайдурья Онбо». На третьем из триптиха полотне в нижнем углу изображен тот же будда Манла и Ригба-и-Еше, чья маленькая фигурка уходит в сердце будды, что соответствует окончанию первой главы.

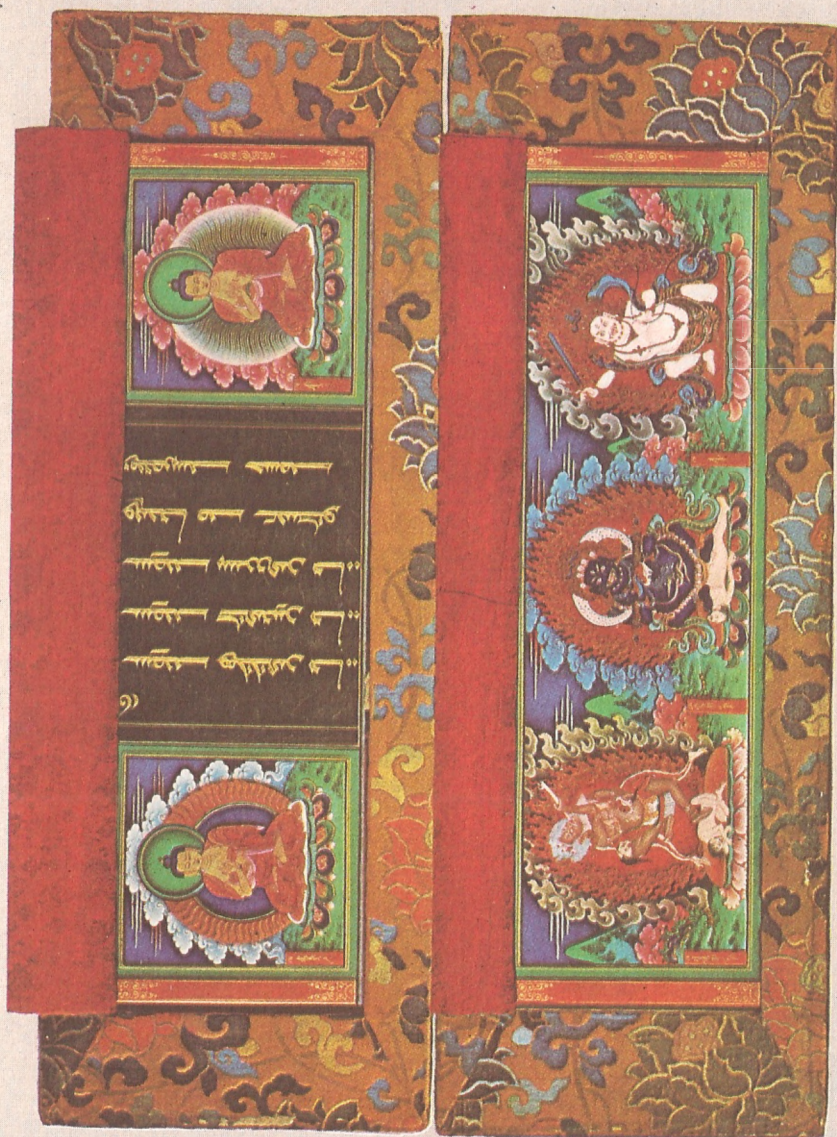
Пожалуй, самой большой по количеству полотен и изобра-

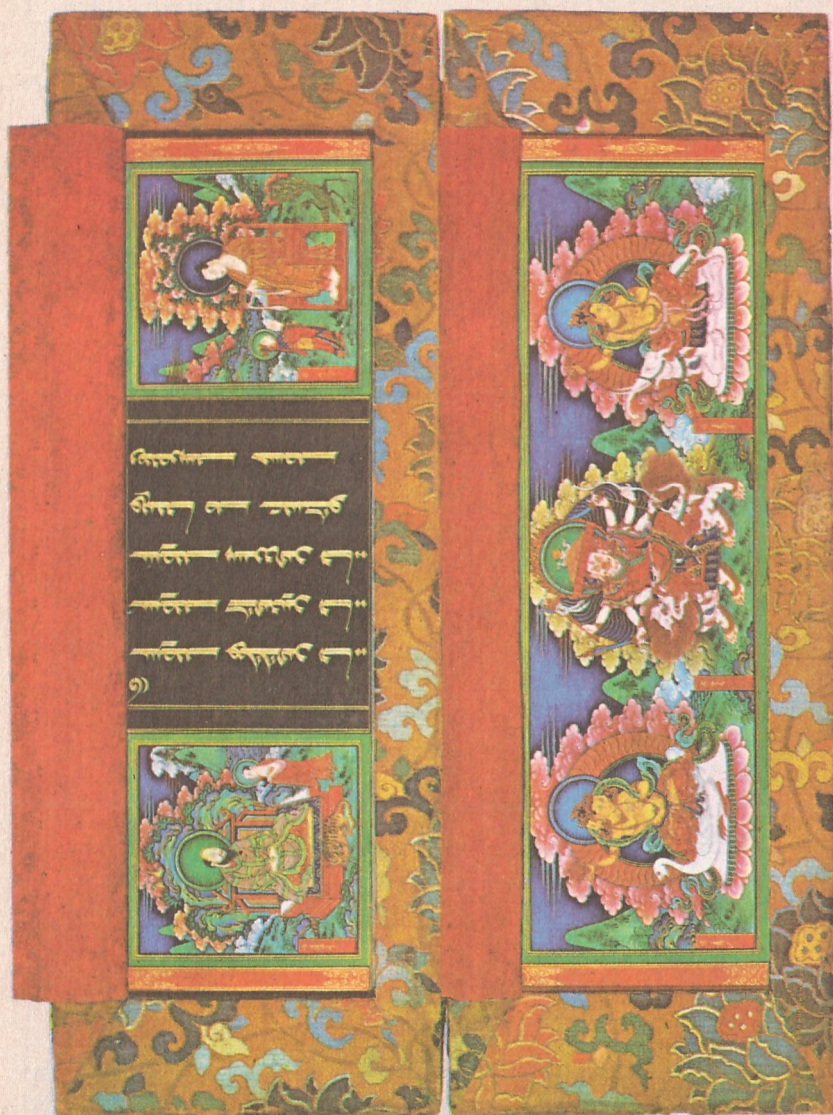
Общий вид одного из томов рукописи «Сто тысяч стихов» (ЛО ИБ, К 24).

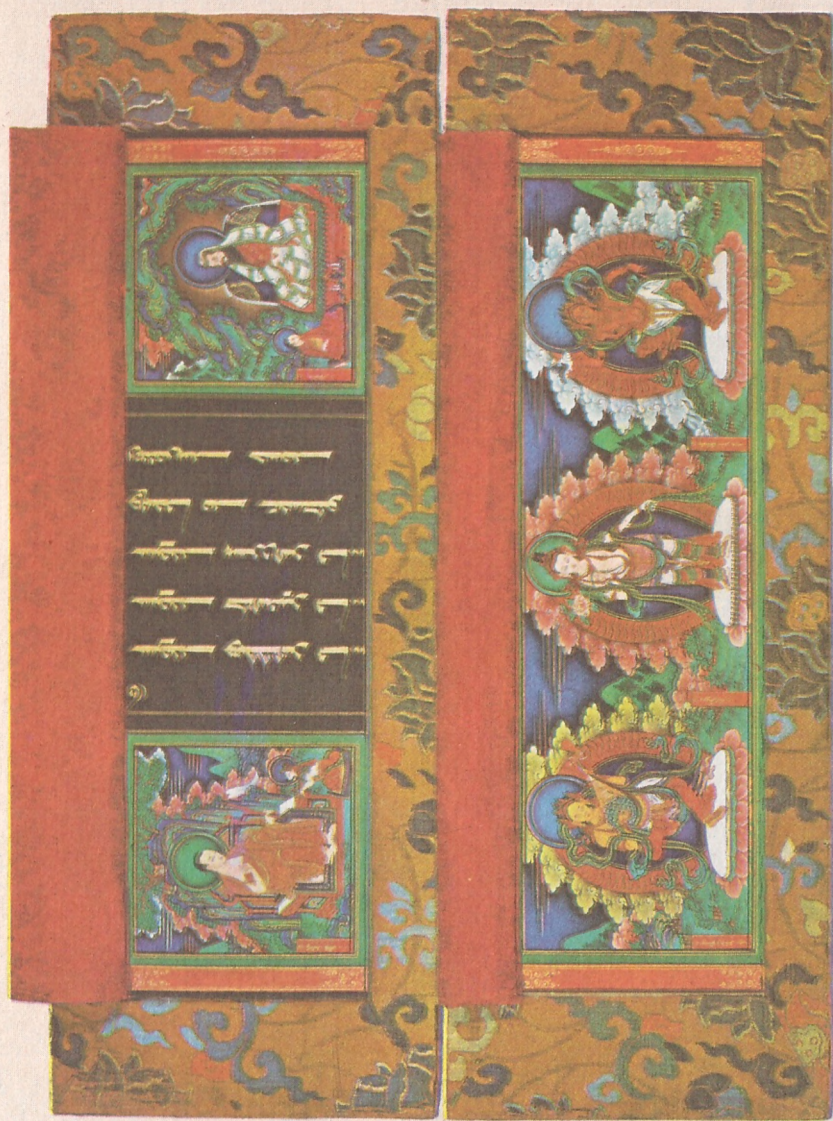
Первый том рукописи К 24 с открытой верхней крышкой

Иллюстрированные листы из рукописи К 24

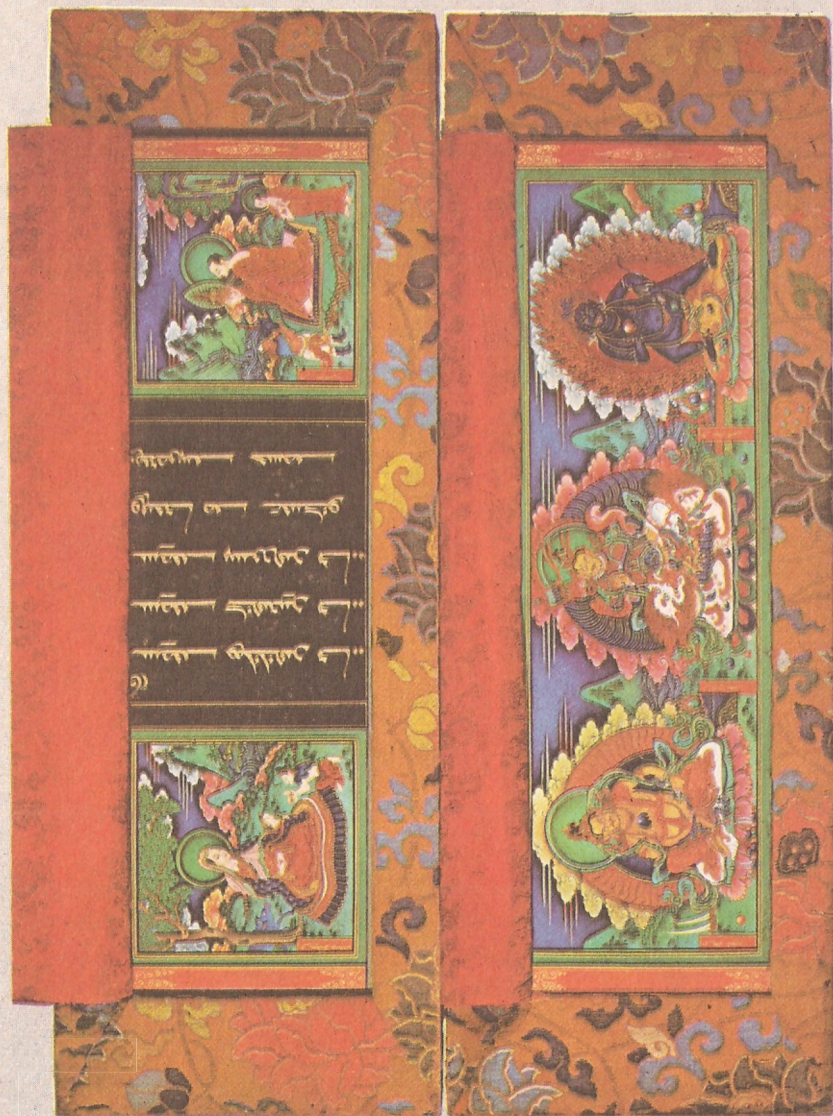

Иллюстрированные листы из рукописи К 24

Иллюстрированные листы из рукописи К 24

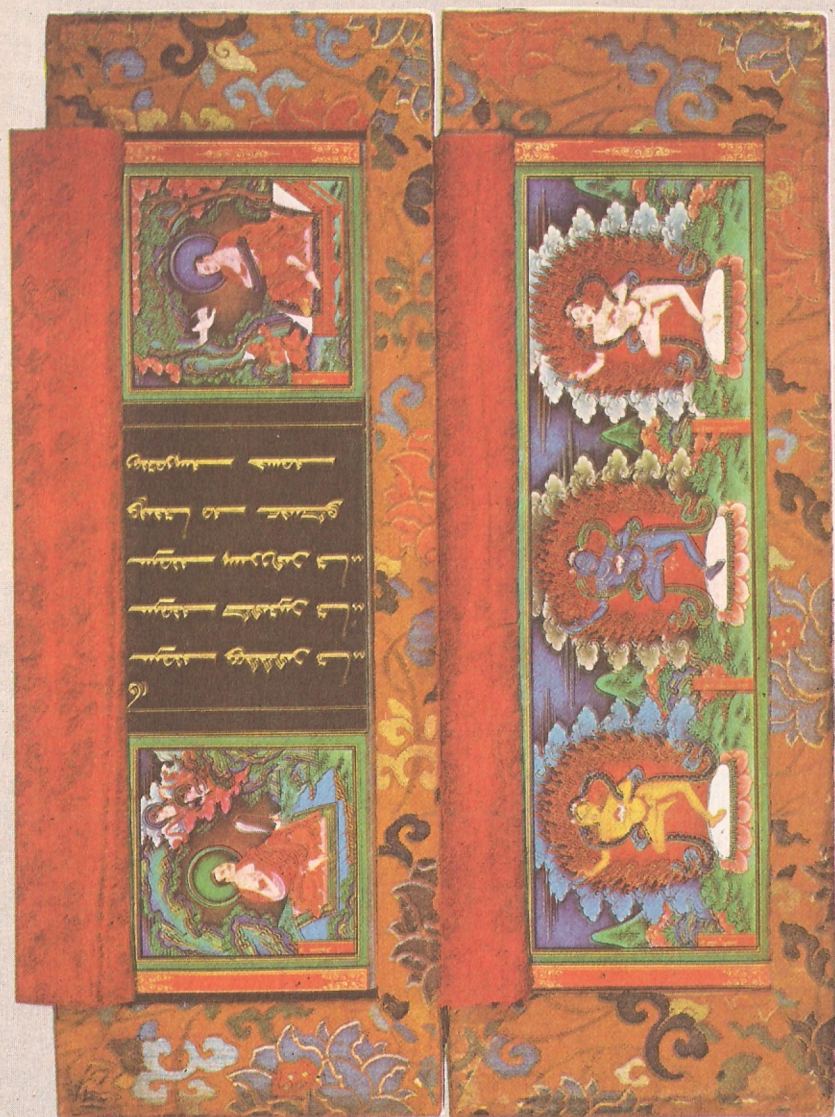

Иллюстрированные листы из рукописи К 24 (фрагмент)

Иллюстрированные листы из рукописи К 24 (фрагмент)

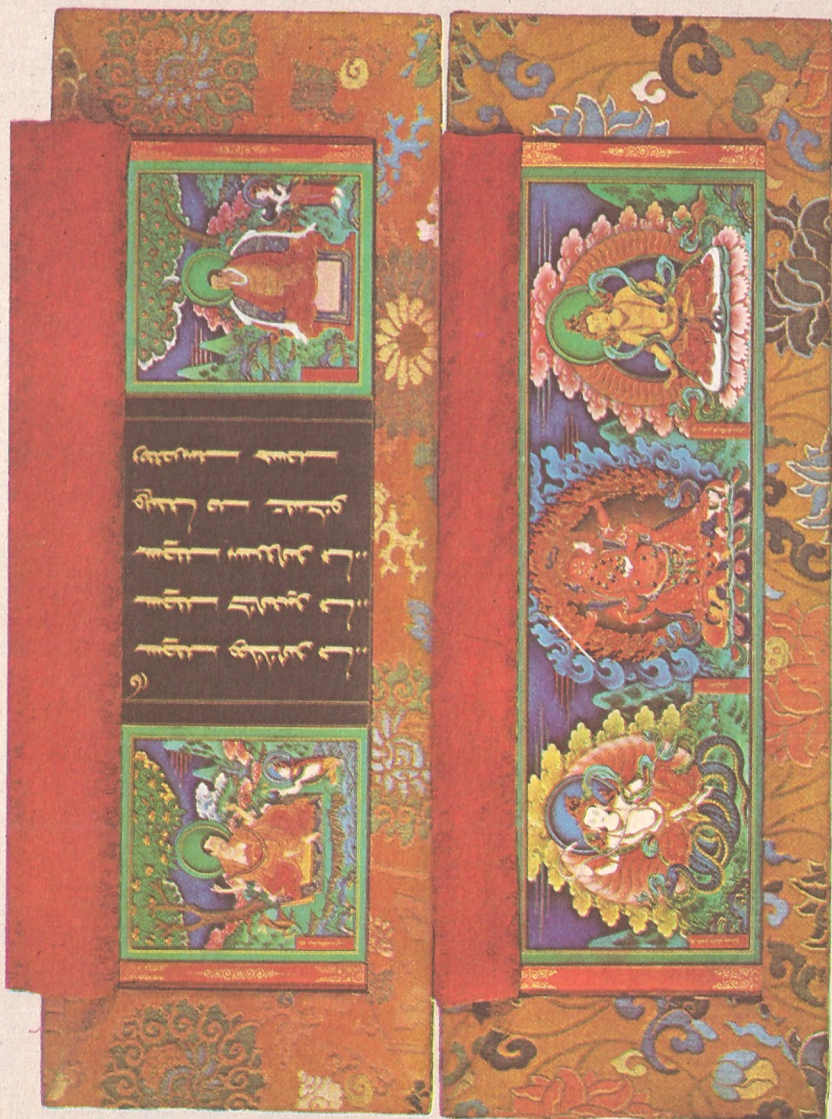

Иллюстрированные листы из рукописи К 24

Иллюстрированные листы из рукописи К 24

Общий вид последнего (12-го) тома рукописи К 24 с открытой нижней крышкой

Закрытый том рукописи К 24

Зеленая Тара. Подготовительный рисунок. Монголия, конец XIX в.

жений является группа, на которой представлены люди и животные. Общая композиция полотен та же, что и у предыдущих: вверху и внизу расположены узкие полосы. На верхней — ученики и последователи Манлы, а на нижней — отрывок текста, иллюст-

рацией к которому является композиция центральной части. Она разделена на несколько узких горизонтальных полос, где и размещены изображения людей и животных. Большинство изображений этих полотен не связаны между собой каким-либо сюжетом. Однако композиционно зависимость между ними устанавливается переходом линии контура, контрастным сопоставлением или созвучием цветовых пятен, направленностью движения, не всегда мотивированного. Изображения людей лишены той монументальности, которая присуща изображениям будд. Им присущ оттенок наивного простодушия у одних или почти мистического напряжения взгляда у других. Художник пишет фигуры людей то плавной линией, передавая ощущение бессилия, какой-то утрированной грациозности, анатомически неосмысленной гибкости их тел, то изображает стремительность бега, сложный ракурс фигур. С большим мастерством вписывает художник своих персонажей в узкое прямоугольное поле отведенного для них регистра, всегда находя для них правильное соотношение со свободным полем полотна. Он умеет обыгрывать пространственные интервалы между отдельно расположенными фигурами. Эти интервалы входят в общий композиционный замысел, основанный на введении достаточного количества лакун между фигурами, что способствует созданию впечатления свободы и некоторой воздушной среды.

Композиции улан-удинских полотен предельно лаконичны. В некоторых случаях художник опускает отдельные детали, рассчитывая на то, что созданный им образ вызовет у зрителя ряд определенных ассоциаций. Ассоциативность восприятия — одна из особых черт культуры и искусства Востока. Она могла быть вызвана у зрителя посредством звука, цвета, запаха. От малого к большому, от части к целому — таков принцип познания и осмысления мира.

Следующую сюжетную группу составляют анатомические таблицы, которые, казалось, имея сугубо служебную роль, не дадут художнику возможности создать что-либо помимо натуралистического рисунка. Однако художник, стилизуя линии силуэтов и деталей, превращает их в рокальные завитки, лепестки, бутоны. Тем не менее анатомические полотна отличаются от всех остальных. Изображения на них значительно укрупнены, исполнены по клеткам.

Значительную по количеству полотен составляет группа, где представлены минералы, растения и жидкости, дающие сырье для приготовления лекарств, а также виды мочи здорового и больного человека. В высоких чашах на удлиненных конусовидных поддонах горками лежит лекарственное сырье, о котором говорится в тексте. Художник должен был призвать себе на помощь всю выдумку и эрудицию, чтобы, например, изобразить семь разновидностей золота, десять серебра и т. д. В данном случае текст литератур-

ного источника не давал никакого намека на то, как это следует изображать. Мастер решал эту задачу самостоятельно, отталиваясь от собственных реальных наблюдений. Изображая лекарственное сырье, художник ни разу не повторился, хотя ему пришлось создать более трех сотен композиций-натюрмортов. В них особенно красивы чаши, в которых лежат причудливые растения, минералы, редкие плоды и растения. Они разные: у одних приземистые тулова с плоским дном, стоящие на резной подставке, украшенные полосой геометрического или растительного орнамента, другие высокие на конусовидной ножке с орнаментом в виде меандра, знака-тамги, композицией «цветы-птицы» или «горы-воды».

Переводя текст на язык живописных изображений, художник тщательно следит за соответствием этих образов. Если и бывают отступления, то они редки и появляются тогда, когда текст «молчит». Используя все возможности живописи, мастер стремится сопоставить изображения с графикой текста. Его единообразие, тщательность письма, ритм знаков, строго определенное количество строк контрастируют с кажущейся пестротой и стихийностью живописи.

Работая не с натуры, а по памяти и образцу, художник, казалось, был обречен на ремесленное копирование. Но это было не так. Он обладал острой зрительной памятью — хранильницей живых воспоминаний, которые передавались, вплетались в иконографическую систему. Традиционная формула канона не довлела над сознанием художника. Всякий раз она была новой, отличной от прежней по изменению психологических оттенков композиции, ритма, цветовой гаммы. Имевшиеся в пользовании художника образцы облегчали и ускоряли его работу, не позволяя отступать от прототипа. Но их использование не было точным копированием. Едва заметные на первый взгляд изменения приводили к совершенно неожиданной и оригинальной аранжировке. При этом следует помнить, что мастеру-профессионалу свойственна «спрятанность» технической стороны живописи, материальности вещества краски, которая в его руках превращается в тающий мираж, когда ремесленная сторона искусства не видна. В произведениях средневековой монгольской живописи постепенно все более увеличивается интерес к изображению реалистических деталей, конкретизируется место действия. Под их воздействием отступают средневековое представление о человеке и его месте в мире, объяснение событий и явлений реальной жизни. Монгольский художник все больше обращается в своих произведениях к сюжетам окружающей его реальности, которые начинают возобладать над каноническими литературными. На рубеже конца XIX — начала XX века эти поиски приводят к открытию новых жанров в живописи, насыщения ее сюжетами, которые ранее считались неприем-

лемыми для нее. Они полны гротеска, скоморошества, обращений к самым незначительным, подчас биологическим и анатомическим подробностям в жизни животных и человека. Эта неожиданная свобода в выборе сюжетов для живописных произведений, их нарочитая «приниженность», кажущийся разрыв с традицией средневекового искусства особенно наглядно проявилось в произведениях монгольского художника Б. Шарава. В его произведениях темы народного искусства, которые всегда присутствовали в средневековом искусстве, вытесняют, подменяя собою, канонические сюжеты. Но для осуществления этой замены требуются совершенно по новому осмысленные и претворенные в иные художественные формы взаимосвязи между живописью и литературой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ «СТА ТЫСЯЧ СТИХОВ»

В рукописных и печатных монгольских книгах иллюстрации, наиболее часто встречающиеся в буддийских канонических сочинениях, представлены, как правило, иконами божеств и буддийских святых, выполненными в соответствии со строгими требованиями иконографических предписаний. В ксилографированных изданиях это всегда одноцветные гравюры, порой весьма умело раскрашенные и позолоченные. В рукописях же бывают помещены рисунки или выполненные акварелью многоцветные миниатюры. Находятся они на первой (иногда и второй) странице книги и в конце — на отдельном листе без текста, где обычно изображены четыре «махараджи» («локапала»), т. е. защитники буддийской веры и хранители четырех сторон света Вайшравана, Дхритараштра, Вирудхака и Вирупакша.

Устойчивость такой традиции иллюстрирования книг легко проследить на примере пекинского ксилографированного Ганджура на монгольском языке, где каждый из 108 томов имеет по одной иллюстрированной странице в начале и конце текста.

Не составляет исключения и упомянутое в заглавии данной публикации сочинение «Сто тысяч стихов», включенное в раздел «Юм» Ганджура. Это двенадцатитомное сочинение, занимающее в пекинском ксилографированном издании тома с 26 по 37, общим объемом свыше пяти тысяч листов, было в 1620 г. переведено на монгольский язык Шришила-свараба ширэгэту гуши Манджу-ши Цорджи, известным более под кратким титулом Ширегэту-гуши Цорджи. И уже с первой половины XVII в. этот перевод «Ста тысяч стихов» стал распространяться у монголов в составе рукописного Ганджура и в виде отдельных рукописных книг.

В первой половине XVIII столетия появились и отдельные пекинские ксилографированные издания этого сочинения на монгольском языке. Два из них имеются в собрании рукописного отдела ЛО ИВ. Там же хранятся четыре рукописи «Ста тысяч стихов», три из которых иллюстрированы цветными миниатюрами.

Гравюры известных нам пекинских ксилографов и миниатюры

рукописей сочинения содержат, как и положено, изображения буддийских божеств и святых лам буддийской церкви. Однако все письменные образцы указанного канонического сочинения, находящиеся в собрании ЛО ИВ, существенно разнятся по количеству иллюстраций, по составу представленного в них пантеона. Весьма различны они и по технике исполнения, и по своим художественным достоинствам.

Подобная подвижность, изменчивость иллюстративной части рукописей и ксилографов позволяет предположить существование достаточной свободы для издателей ксилографов и исполнителей рукописей в подборе иконографического материала. Рассмотрению многообразия иллюстраций в выявленных к настоящему времени рукописных и печатных книгах сочинения «Ста тысяч стихов» и посвящена настоящая статья.

Наиболее распространенным и доступным является пекинское ксилографированное издание, появившееся в 1714 г., т.е. еще до печатания томов пекинского Ганджура на монгольском языке. Полные экземпляры его имеются в Историческом музее Берна и в собрании университета Рюкоку в Киото. Один экземпляр находится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ (С 35), два экземпляра — в монгольском фонде рукописного отдела ЛО ИВ (К 1, экз. 1—2).

Основная часть пантеона, включающая изображение 24 будд, размещена на лицевой стороне первого листа каждого тома (по две иконы в томе). Каждое изображение имеет подпись с именем будды в переводе на монгольский язык. На лицевой стороне последних листов всех 12 томов находится одна и та же гравюра с изображением четырех «махараджей».

Совершенно таким же образом иллюстрирована и более ранняя монгольская рукопись «Ста тысяч стихов», написанная в 1705 г., хранящаяся ныне в библиотеке Марбурга.

Из трех имеющихся в Ленинграде экземпляров издания 1714 г. наибольший интерес представляет ксилограф К 1, экз. 2, отличающийся от остальных прежде всего тем, что все гравюры в нем довольно искусно раскрашены и позолочены. Кроме того, на последних листах его гравюру с четырьмя «махараджами» можно обнаружить только в томах 4, 5, 7—10. В остальных шести томах помещены изображения других четырех божеств буддийского пантеона с краткими тибетскими именами.

В печатном Ганджуре на монгольском языке, изданном в Пекине в 1718—1720 гг., на первых листах томов, содержащих перевод «Ста тысяч стихов», целиком воспроизведен пантеон из 24 будд, известный по предыдущему отдельному ксилографированному изданию сочинения. Все гравюры также снабжены подписями с монгольскими версиями имен будд, хотя уже и в несколько видоизмененной форме.

Совершенно иначе оформлены в печатном Ганджуре нижние листы томов «Ста тысяч стихов». Здесь, в отличие от прежних упомянутых изданий, каждый том имеет отдельную гравюру, представляющую изображения пяти буддийских божеств. Таким образом, всего в указанных двенадцати томах Ганджура насчитывается 84 иконы.

Позже в Пекине было осуществлено еще одно отдельное ксилографированное издание «Ста тысяч стихов» на монгольском языке в 16 томах. Это подготовленное в 1734 г. издание содержит заново сверенный с тибетским оригиналом и отредактированный в начале XVIII в. южномонгольским Далай-ламой Дхарма-Сагарой перевод сочинения.

Все тома данного издания тоже иллюстрированы. Мы не имеем возможности обсудить весь пантеон, поскольку в экземпляре из собрания ЛО ИВ отсутствуют тома с 7 по 10. Но, судя по имеющимся томам, можно заключить, что ксилограф был иллюстрирован совершенно по тому же принципу, что и тома из Ганджура (две иконы на первом листе и пять — на последнем). Таким образом, общее количество гравюр возросло уже до 112.

Иллюстрации сохранившихся восьми томов из первых двенадцати издания 1734 г. в точности повторяют то, что помещено в соответствующих томах Ганджура. В 13-м томе совершенно неожиданно появляются гравюры из 10-го тома «Ста тысяч стихов» печатного Канона. Для остальных же трех томов использованы гравюры, помещенные в пекинском ксилографированном издании Ганджура на монгольском языке в качестве иллюстраций к сочинению «Двадцать пять тысяч стихов», следующему сразу же после «Ста тысяч стихов».

Таким образом, в ксилографах «Ста тысяч стихов», появившихся в Пекине в первой половине XVIII в., от издания к изданию шло расширение иллюстративной части за счет включения все большего числа изображений мифологических персонажей буддийского пантеона.

Несколько иные принципы подбора иллюстраций к томам «Ста тысяч стихов» можно обнаружить в рукописях XVII в., имеющихся в собрании ЛО ИВ. Об одной из этих рукописей (Q 401) сообщил Д. Кара в своей монографии «Книги монгольских кочевников», где он пишет, что «с большим мастерством написаны акварельные иконы двенадцатитомной книги «Юм»... Эти иконы, среди которых есть и портреты исторических личностей, исполнены восемью-десятью разными красками, подобранными — в пределах иконографических предписаний — с тонким вкусом».

В этой же работе Д. Кара воспроизведена фотография первого листа пятого тома рукописи Q 401 с изображениями высших иерархов тибетской церкви — Далай-ламы и Панчэн-ламы, точ-

нее — одного из перерождений этих святых лам. В рукописи Q 401 имеется изображение еще одной исторической личности, а именно — реформатора тибетского буддизма Цзонхавы, помещенное на первом листе четвертого тома.

Этими тремя высшими тибетскими ламами и ограничивается «историческая» часть иллюстраций указанной рукописи. Все остальные миниатюры, украшающие лицевую сторону первого листа каждого тома (иллюстрации на последних листах рукописи Q 401 отсутствуют), представляют 21 изображение будд и различных буддийских божеств.

Еще больше (30) миниатюр аналогичного содержания помещено в другой рукописи (XVII в.) «Ста тысяч стихов» из собрания ЛО ИВ. К тому же в ней находим и большее, чем в рукописи Q 401, количество миниатюр, изображающих вполне реальных деятелей буддийской церкви. Кроме упоминаемых уже трех высших тибетских лам, здесь помещены также лики пяти монгольских хубилганов.

Включение монгольских святых лам в пантеон указанной рукописи составляет, в сущности, единственную примечательную особенность ее, поскольку все миниатюры в ней выполнены крайне неумело.

Имеется, однако, в монгольском фонде ЛО ИВ рукопись, включающая не только во многом своеобразный, не имеющий аналогий в других рукописных и печатных образцах интересующего нас сочинения пантеон, но, что особенно ценно, все миниатюры в ней исполнены с высоким мастерством и художественным вкусом.

Данный экземпляр представляет, пожалуй, наиболее совершенный образчик профессионального мастерства художника-иконописца среди всех прочих иллюстрированных монгольских рукописей из собрания ЛО ИВ. Таким образом, публикуемая нами сохранившаяся иллюстративная часть этой рукописи впервые дает возможность ознакомиться с лучшими образцами монгольской миниатюры XVII в.

Известна, впрочем, и точная дата появления этой иллюстрированной рукописи «Ста тысяч стихов» (хранящейся в рукописном отделе ЛО ИВ под шифром К 24). Как следует из колофона переписчика, помещенного в первом томе сразу же после колофона переводчика Ширегету-гуши Цорджи, написана рукопись была за время с 8-го числа первого летнего месяца по 15-е число среднего осеннего месяца 1676 г.

К сожалению, из двенадцати томов в собрании ЛО ИВ имеются только одиннадцать. Третий том отсутствует. Утрачен также последний иллюстрированный лист первого тома рукописи. Следовательно, в наличии имеется 21 иллюстрированный лист, где помещены изображения 53 персонажей буддийского пантеона.

**МИРОВАЯ ОРБИТА
МОНГОЛЬСКОЙ КНИГИ**

ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА СТРАНЫ

Решением Народного правительства от 19 ноября 1921 года при Ученом Комитете была организована первая общедоступная библиотека. Изначально ее фонд насчитывал всего 2000 томов. И всё же это был фундамент, на котором впоследствии создали Государственную публичную библиотеку МНР.

В Государственной публичной библиотеке хранятся печатные и рукописные книги, среди них — книги на древнемонгольском, тибетском, санскрите, русском, английском, немецком, французском, испанском, хинди, японском, китайском, корейском, вьетнамском, арабском и многих других языках мира.

В Государственной публичной библиотеке хранится большое количество литературы по востоковедению, тибетологии, монголоведению, архивные материалы, а также более миллиона редчайших и ценных рукописей на старомонгольском, тибетском и санскрите.

Сегодня одна из крупнейших в Азии Государственная публичная библиотека МНР насчитывает в своих фондах более трех миллионов книг. Национальная библиотека страны является одной из ведущих культурно-просветительских организаций страны. Ежегодно в ней обслуживают более двухсот тысяч читателей.

В библиотеке имеется шесть основных фондов: монгольский, тибетский, европейский, восточный, фонд периодических изданий, резервный и архивный. Это благотворно сказывается на книгообмене библиотеки. За последние пять лет ее фонды пополнились на 200 000 новых книг и периодических изданий на различных языках. В свою очередь, Монгольская государственная библиотека послала за рубеж более 50 тысяч книг и периодических изданий.

В фонде редких и ценных книг Государственной библиотеки МНР хранится множество исторических памятников письменности с X по XII вв. Они написаны на пальмовых листах, вырезаны на деревянных досках, вышиты разноцветными нитками по ткани «девятью драгоценностями», которые составляют измельченные в порошок бирюза, коралл, жемчуг, лазурит, перламутр, золото,

серебро, сталь и медь. Из искусно изданных книг назовем десяти-
томное произведение «Сандуй Джуд», на изготовление которого
пошло около 50 кг золота и более 400 кг серебра.

В Монголии немало памятников словесности, запечатленных
на камне. Библиотека располагает фотокопиями наскальных изо-
бражений и надписей. На пальмовых листьях написана священная
книга «Найман мянгат» или «Джадамба» («Поэма в восемь тысяч
строф»).

В фондах монгольской литературы, тибетских книг и восточ-
ной литературы хранятся редкие рукописи, в частности труды
монгольских ученых прошлого и настоящего времени, монголь-
ский перевод знаменитого Ганджура в 108 огромных томах и
Данджура в 226 томах, содержащих сведения по философии,
медицине, искусству, поэтике, языкознанию, точным наукам и др.

В фондах Государственной публичной библиотеки хранятся
древние карты звездного неба и книги по древней монгольской
математике, черчению, бесценные трактаты по астрономии, фило-
софии, медицине, старинные хроники. Немало письменных и куль-
турных ценностей монгольского народа хранится в библиотеке,
поэтому она занимает одно из ведущих мест среди библиотек
стран Азии.

Имеется фонд изданий ООН и фонд, содержащий книги по
монголоведению, рукописи и диссертации. Самым большим в
библиотеке является фонд европейской литературы: более 700
тысяч книг, основная часть которых издана в Советском Союзе.
Среди монгольских читателей очень популярна русская и совет-
ская литература.

Монгольский фонд насчитывает около полумиллиона томов,
в их числе старинные книги и рукописи. Есть восточный фонд —
около 200 тысяч книг и периодических изданий на японском,
китайском, корейском, вьетнамском языках.

С каждым годом растут и ширятся международные связи
Государственной публичной библиотеки МНР, которая в насто-
ящее время ведет регулярный книгообмен почти с 80 библиоте-
ками и научными организациями более чем 50 стран. В числе
их Советский Союз, другие социалистические страны, Англия,
Франция, США, ФРГ, Япония, Австралия, Индия, Финляндия.

Важным источником комплектования Государственной публич-
ной библиотеки является международный книгообмен. В настоящее
время это сотрудничество выходит за рамки давних связей
по линии международного книгообмена и абонементов, поднима-
ется на более высокую ступень. Заключаются специальные согла-
шения о сотрудничестве, обмене опытом, о проведении совместных
семинаров и совещаний с зарубежными библиотеками. Представи-
тели Государственной публичной библиотеки участвуют в международных
совещаниях и встречах, издают совместные труды. Так, в 1982 го-

ду в городе Улан-Баторе состоялось очередное XII совещание руководителей библиотечных служб, министерств культуры и директоров национальных библиотек социалистических стран, организованное Государственной публичной библиотекой.

Широко развиваются и внешние культурные связи главной библиотеки нашей страны: налажен книжный обмен с 30 библиотеками Советского Союза — Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, Всесоюзной Государственной библиотекой иностранной литературы, Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, библиотекой ИНИОН Института Востоковедения АН СССР и др. Расширяются связи и с библиотеками братских социалистических стран. За последние пять лет по книгообмену получено около 40 000 книг от наших партнеров.

Большое внимание Государственная публичная библиотека МНР уделяет обслуживанию читателей в координации с другими библиотеками как своей страны, так и Советского Союза и других стран социализма.

Главной задачей Государственной публичной библиотеки МНР является удовлетворение возрастающих культурных запросов читателей. Число читателей Государственной публичной библиотеки МНР превышает двести тысяч; особенно возрос приток рабочих, учащихся ПТУ, студентов, аспирантов, научных работников, преподавателей учебных заведений, иностранных специалистов.

Государственная публичная библиотека МНР является и государственным хранилищем произведений печати: она получает по одному обязательному экземпляру всех изданий, выходящих на территории Монголии. Библиотека комплекзует редкие книги и рукописи и является фундаментальной библиотекой Академии Наук МНР.

В настоящее время, применяя опыт библиотечного дела Советского Союза и стран СЭВ, с 1981 года в работе Государственной публичной библиотеки началось внедрение новой библиотечно-библиографической классификации (ББК). Таблицы ББК уже применены при обработке фондов Государственной публичной библиотеки.

Совместное сотрудничество Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки МНР началось с 1930 года и, согласно плану двустороннего сотрудничества последних лет, в каждой стране регулярно проводятся раз в два года традиционные семинары. Отсутствующую в Государственной публичной библиотеке МНР книгу по запросу читателя можно заказать в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Специалисты Государственной библиотеки выезжают в командировки в аймаки и сомоны, чтобы оказать творческую и практическую помощь на местах, научить своих читателей любить

книгу и беречь ее, ощущать ее необходимость, дружить с ней, иметь в ее лице верного советчика в жизни и труде.

Государственная публичная библиотека МНР принимает от читателей заказы на литературу, получаемую по международному библиотечному абонементу (МБА). По запросам читателей в Государственной публичной библиотеке производится фотокопирование и микрофильмирование литературы, причем копии высылаются любому читателю по месту его жительства. В читальных залах для свободного пользования предоставляются рукописи, печатные издания, периодическая литература, диссертации, аппарат для чтения микрофильмов. Читатели знакомятся с книжными и фотовыставками, участвуют в читательских конференциях и встречах с писателями.

В Государственной публичной имеется несколько каталогов и картотек: читательский, систематический и алфавитный, генеральный алфавитный каталог, картотека периодических изданий, каталог монголоведческой литературы (алфавитный и систематический).

Книжные богатства, собранные в библиотеке, являются бесценными литературными сокровищами монгольского народа и служат человеку, служат расцвету страны, развитию науки и культуры, способствуют культурному сотрудничеству с зарубежными странами.

Государственная публичная библиотека МНР — подлинный дом и хранилище книги. Книга в Народной Монголии стала неотъемлемой частью жизни народа.

УНИКУМЫ КНИЖНОГО ИСКУССТВА

Среди трех с лишним миллионов томов фонда Государственной публичной библиотеки Монголии можно найти и многотомную энциклопедию, и уникамы в единственном экземпляре. Примером тому знаменитые «Ганджур» и «Данджур» — памятники древней философской, богословской, лингвистической, астрономической и медицинской наук, созданные восточными мудрецами. «Ганджур» включает в себя 108 томов, каждая книга которого имеет внушительные размеры: почти метр в длину и около тридцати сантиметров в ширину. Сто восемь томов «Ганджура» содержат 1260 отдельных произведений. «Данджур» — энциклопедия из 226 томов, куда включены 3427 сочинений различных авторов. Эта энциклопедия относится к первым образцам подобного типа изданий в мировой культуре. Она вполне может стоять в ряду с БСЭ, энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона, Британской энциклопедией. А энциклопедия Д. Дидро, создание которой было начато в 1751 году и закончено в 1780 году, моложе монгольской энциклопедии на несколько веков. В «Ганджуре» собраны произведения индийских авторов, творивших до нашей эры, таких, как Калидаса, Панини и Чараки.

«Ганджур» и «Данджур» существуют как на тибетском, так и на монгольском языках. Уникальность монгольского «Ганджура» и «Данджура» в том, что перевод носит творческий характер и отражает национальную самобытность монгольских авторов-переводчиков.

В Государственной публичной библиотеке МНР кроме выше-названных уникамов хранятся и другие ценные книги. Одна из них буквально выкована из драгоценных металлов и украшена камнями. Ее вес — пятьдесят два с половиной килограмма. Любопытно, что книгу создали не типографские работники, а простые кузнецы и чеканщики. Каждая страница этой уникальной книги представляет собой отдельный удлинённый лист кованого серебра, на который способом тиснения нанесен текст. Заставка, концовка книги, обрамление каждого листа — настоящая

*Найдангийн Цагаач. Фото
Г. Гомбожава*

ювелирная работа по серебру и золоту. На правой и левой стороне каждой пластины помещены изображения будды, также выполненные золотом и серебром. Книга называется «Корень тайных изречений», в ней запечатлены основы сводного текста священного учения. Таким образом, эта книга является образцом не только книжного искусства, но также и памятником уникальной ювелирной работы монгольских мастеров. Ей нет равных или подобных не только в Монголии, но и во всей Азии.

Удивление многих, кто знакомится с фондами библиотеки, вызывают книги с отверстием в середине. Дело в том, что кочевники придумали такие книги для более удобной транспортировки их на седлах, когда книги можно было привязывать к торокам, используя отверстия.

Монголы изготовляли книги оригинальным способом, соответствовавшим суровым условиям их кочевого образа жизни. Бумага была неизвестна монголам в древние времена, поэтому книги писали на бересте, сафьяне, коже, вышивали на ткани, делали аппликацию. Искусные народные умельцы чеканили произведения литературы на металлических дощечках, затем оправляли их деревом ценных пород, украшали сложной резьбой, драгоценными камнями, золотом и серебром.

Таким образом, некоторые книги представляют собой шедевр не только литературного, но и ювелирного искусства. Среди десятков тысяч рукописей, хранящихся в библиотеке, имеются такие единственные в своем роде произведения, как книга из серебряных листов с текстом, написанным золотом. Она выполнена монгольскими мастерами под руководством известного ювелира Дагва. На изготовление этой книги пошло 52 килограмма золота и 460 килограммов серебра.

Имеются книги, написанные так называемыми девятью драгоценностями (золотом, серебром, кораллами, жемчугом, бирюзой, лазуритом, перламутром, сталью, медью). Порошки из этих материалов и использовали при составлении рукописи. Монгольские ювелиры Чултэм и Шар чеканили книги на медных листах; одна из них насчитывает 1496 тяжелых медных «страниц», для перевозки которых в прошлом требовалось немалое число верблюдов.

Кузнецам, создавшим в древности уникальную металлическую книгу, не уступали монгольские женщины-вышивальщицы. Об этом красноречиво и неопровержимо говорят так называемые вышитые книги. Они также хранятся в Государственной библиотеке Монголии. Степные пастушки вышивали текст книги бисером по ткани, а разноцветные нитки заменяли типографский кегель и краски.

Девушки, используя лоскутки шелка, всяческой разноцветной материи, делали аппликации, вышивали цветными нитками строки любовной лирики, молитвы. Получались своеобразные книжки, которые отличались красочностью и качествами, важными для кочевников: буквы и рисунки не стирались, не рвались, не менялись. Такую книгу можно было вымыть в речной воде...

Женщины — любительницы книг вышивали шелковыми нитками стихи любимых поэтов или религиозные тексты. Так, например, книга «Итгэл» («Вера») вышита в XIX веке неизвестной мастерицей желтыми нитками по черному фону.

Можно назвать еще ряд интереснейших книг из золотого фонда редкостей Государственной библиотеки МНР.

Существует так называемая книга-пластина. Она уместилась на единственном листе размером 5×5 сантиметров! Книга называется «Зеленая Тара»; это хвала Зеленой Таре — богине буддийского пантеона. Уникальная книга была создана в конце девятнадцатого столетия известным монгольским ученым, энциклопедистом Шагджа (ему принадлежит и первый толковый словарь современного монгольского языка: крупный лингвист своего времени, Шагджа владел восточными языками, в том числе тибетским).

Миниатюрная книга на крохотной площади, как у почтовой марки средней величины, содержит несколько десятков тысяч слов. Внешне эта книга-пластина выглядит как простой клочок

пестрой бумаги. И только вооружившись лупой, можно увидеть текст. Создатель книги использовал особый способ сокращения слов для размещения обширного текста на такой крошечной площади.

Эту уникальную книгу в дар Государственной публичной библиотеке передал академик Ц. Дамдинсүрэн.

К редким экземплярам миниатюрных книг принадлежит также книга «Сандуйн Жуд», которая находится в фонде редких книг нашей библиотеки. Она — самая маленькая. Ее размер — 2 × 6 сантиметров. Это — ксилограф. Он создан на черной лакированной бумаге, которую изготавливали по народному рецепту. Для изготовления такой бумаги употребляли сажу, мозг животных и особый вид клея. Текст книги каллиграфически наносился на черную бумагу желтой, красной и зеленой краской. Такие книги имелись в старину у многих книголюбов и пережили века, так как они не поддаются воздействию сырости и света.

Перечень чудесных книг из сокровищницы Монгольской государственной библиотеки можно было бы еще продолжить. Однако нам кажется, что и вышеназванные уникамы уже дают представление о книжных сокровищах монгольских кочевников. Во все времена монгольский народ проявлял свой талант, умение и любовь к искусству книги.

В библиотеке хранятся также ценные произведения изобразительного искусства народов Востока — альбомы, отдельные иллюстрированные приложения к книгам, иллюстрированные биографии прославленных деятелей религиозного мира.

В фондах восточных рукописей библиотеки находятся манускрипты, написанные на пальмовых листьях, пергаменте, украшенные многочисленными красочными миниатюрами.

Позже монгольские книги стали писать на бумаге. Для этого изготавливались специальные листы, каждый пропитывался черной краской, тщательно лакировался, а текст наносился кисточкой. Сотни старинных монгольских рукописей и ксилографов, неповторимых по оформлению и способу изготовления, представляют собой подлинную историческую ценность.

Рукописные сокровища библиотеки славятся не только своим оригинальным оформлением, но и тематическим разнообразием. Среди них немало трудов по медицине, фармакологии и диагностике различных болезней. Чрезвычайно любопытны, например, трактаты монгольских медиков по акупунктуре.

Среди тысяч летописей, хранящихся в библиотеке, этих бесценных свидетельств давно минувших дней, имеется собрание историографических книг, неповторимых не только по содержанию, но и по форме. Назовем некоторые из них: «Алтан товч» («Золотое сказание») Лувсанданзана — монгольского историка начала XVII века; «Эрдэнийн эрх» («Драгоценные четки»), написанная

Саган Сэцэном в середине XVII века; «Болор толь» («Хрустальное зеркало») Рашпунцага.

В рукописных фондах библиотеки хранятся книги на старомонгольском, тибетском, китайском, манчжурском, санскрите и других языках народов Востока. Иными из таких рукописей не располагают хранилища даже в самой Индии и Тибете — их можно увидеть лишь здесь, в Государственной публичной библиотеке Монгольской Народной Республики.

Л. Хурэлбатор

ВЕЛИКОЕ ХРАНИЛИЩЕ СОКРОВИЩ

«Великий океан не насытит
водой,
Душу ученых — мудрецов не
насытит знаниями»

(Из шастры «Древо мудрости» —
«Билгийн гол модон»)

В традиции буддийской литературы Индии, Тибета и Монголии издавна существуют постоянные сравнения-эпитеты для книг: великое хранилище сокровищ; драгоценное украшение; светильник, прогоняющий тьму; солнце и луна, дарящие свет; ясное зеркало, отражающее лики; ключ, открывающий врата сокровищницы; праздник, радующий душу и сердце; мелодия, ласкающая слух; путь к достижению добродетели — и так далее.

Голос белой священной раковины (связанной с книгой) чтили как символ высокой поэзии; со звуком белой священной раковины, призывающей к празднику наук, пробуждающей от сна невежества, и начинается ежедневная работа в библиотеке буддийского центра Монголии — монастыре Гандан тэгчинлин.

На воротах храма, ставшего библиотекой, на трех языках — санскрите, тибетском и старомонгольском — высечено название: «Библиотека преисполненного святости монастыря большой колесницы» (Тэгс баясгалант их холгийн хийдийн номын сан).

Основы библиотеки были заложены в год создания монастыря — 1838 год. Сейчас она представляет собой одно из богатейших собраний буддийской литературы на Востоке. В библиотеке хранятся тысячи томов сутр, ксилографов на санскрите, тибетском, старомонгольском языках, а также памятники различных письменностей средневековья — квадратного письма, соёмбо, ясного письма и других.

Среди книг, хранящихся в библиотеке, необходимо прежде всего назвать знаменитый сборник «Трипитаки» (почитаемый монголами как «Вместилище святых» — «Хутагтын орон») — более 330 томов Ганджура и Данджура. Кроме того, существуют и отдельные ксилографы — издания по разделам буддизма.

2500 лет тому назад Будда, Шакья-Муни читал свои проповеди

в Индии. Впоследствии его проповеди были записаны и собраны в «три корзины» или «Трипитаку».

Первые списки, написанные на санскрите, пракрите, в большинстве своем не сохранились, найдено лишь 29 томов учения, написанных на пали. «Трипитака» на родном языке санскрите почти вся не сохранилась: до нас дошли лишь ее переводы на тибетский, монгольский, китайский языки. Отдельные книги «Трипитаки», переведенные с санскрита на тибетский язык в XIV веке, собрал тибетский ученый Будон Ринчин дув (1290—1364) и разделил эти списки на две части — Ганджур и Данджур: Ганджур (или по-монгольски «Перевод речений Будды» — «Зарлигийн орчуулга») содержит в себе 1161 книгу и состоит из более чем ста томов. Данджур (или в переводе с тибетского «Перевод шастр» — «Шастирын орчуулга») представляет собой 226 томов, содержащих 3427 сочинений мудрецов-буддистов Индии и Тибета. Хотя Ганджур и Данджур являются каноническими книгами в строгом смысле этого слова, помимо буддийских текстов, в них вошли также и сочинения по филологии, стихи и пьесы светского содержания, сочинения по лингвистике, словари, исследования по космологии, искусству, математике и другим отраслям науки. Встречающиеся и в Ганджуре и в Данджуре «Повесть о Манибадаре», «Повесть о хане Ушандаре», «О волшебном коне» и другие произведения использовались не только многими тибетскими и монгольскими авторами, но широко бытовали в устном народном творчестве, превратившись в произведения фольклора. Эти сюжеты оказали благотворное влияние на развитие тибетской и монгольской культур.

Тибетские Ганджур и Данджур многократно издавались:

1. Впервые были изданы в тибетском монастыре Нартан в 1732 году.

2. В 1733 году — в тибетском монастыре Дэргэ.

3. В 1772 году — в тибетском монастыре Жонэ.

4. Ксилографическое издание монастыря Дэргэ было переиздано в Северо-Восточном Тибете, в монастыре Раджа (Бор ямаат).

5. В Тибете, в местечке Хам, в монастыре Литан был отдельно издан Ганджур.

6. В 1910 году в Урге был издан тибетский Ганджур.

7. В 1934 году в Лхасе (Тибет) был отдельно издан Ганджур.

8. В Китае тибетский Ганджур издавался четыре раза: в 1410 году на медных клише; в 1605 году — в Пекине; в 1700 году вместе с Данджуром на шунхан-досках; четвертое издание осуществилось в 1737 году. В 1960-е годы эти последние Ганджур и Данджур, опубликованные в Китае, были переизданы в Японии, а в 1982 году опубликовали в США Ганджур и Данджур, изданные в тибетском монастыре Дэргэ.

Из всех многочисленных изданий Ганджура и Данджура в библиотеке Гандана хранятся 102 тома ксилографа Нартан, 106 томов китайского ксилографа шунхан, 105 томов ургинского ксилографа. Кроме того, хранятся многие тома ксилографического Ганджура из монастыря Дэргэ и Данджура из монастыря Нартан. Также существуют отдельные ксилографы, содержащие различные произведения из Ганджура и Данджура: «Пространный, средний и сокращенный Юм» (Шатасахасрика — Панньячавимшатисахасрика) китайского ксилографа, «Восемь тысяч» (Найман мянгат — Аштасахасрикапражнапарамита) большого китайского ксилографа и «Восемь тысяч» медного ксилографа.

Ксилографы, хранящиеся в библиотеке, представляют собой образцы каллиграфии и разных почерков, орнаментального оформления, принятых в разных монастырях Тибета, Китая, Монголии.

Два монументальных собрания буддийской литературы Ганджур и Данджур было принято украшать золотом, а также «пятью или девятью драгоценностями». Каноном было установлено сочетание материала и оттенков шрифтов. Вот что говорится об этом в каталоге к рукописному Ганджуру, выполненному пятью драгоценностями: «На драгоценной темно-синей бумаге индэрнал следует писать золотой краской, смешанной с расплавленным жиром; на драгоценной зеленой бумаге маргад — серебром (тонкой кистью), подобной молодому месяцу; на красной бумаге бадмаараг пишут синей краской индэрнал; на белой серебристой бумаге пишут киноварью — красной краской, полученной из бадмаараг; на золотой бумаге пишут медью. Таким образом, существуют пять драгоценных цветов...» Кроме того, в рукописном Ганджуре все строки на каждой странице писали разной краской в строгом соответствии с каноном сочетания цветов. Иногда инкрустировали отдельно букву или слово разными оттенками в строке. Хранящийся в библиотеке Гандана Ганджур, написанный золотом по черному фону бумаги, является свидетельством высочайшего мастерства монголов; это ценнейший историко-культурный памятник, созданный руками талантливых мастеров. Как отмечает монгольский ученый Лувсандаян (1867—1937) в исторических заметках под названием «Четкий Гинара — История западного чойра Урги» (Их хурээний баруун чойрын туух гинарын эрих), этот золотой Ганджур был создан силами и на средства пожертвований верующих по указу IV богдо Лувсан-тувдэн-ванчиг-жигмэд-жамца. Позднее V богдо в 1841 году пожаловал этот Ганджур в школу буддийской философии под названием «Гунга-чойлин дацан» или «Западный чойр» Урги.

В числе многочисленных рукописей в библиотеке имеются «Восемь тысяч» («Найман мянгат»), написанная в стиле индийского ландз тибетским письмом сав (толгойт усэг), «Свод указов» («Зарлигийн хураангуй» — «Дхаранисамграха») и три книги:

«Истинное повествование имени Маньджушри» («Манжушрийн нэрийг унэнээр эгуулэхуй» — «Маньяжушрунама-самгити») — на китайском и тибетском языках, «Свод сутр достижения пределов разума» («Билгийн чинад хазгаараа хурсэн судрын хураангуй» — «Пражнапарамита-саньячаягатха»), «Добродетельный хан» («Сайн явдлын ероолийн хаан» — Бхадрачарья-пранидхана-раджа).

С XI и до начала XX века тибетские и монгольские авторы свои сочинения, написанные на тибетском языке, издавали «полными собраниями» в виде «сумбум», «габум» (сто тысяч речений), «агдзом» (филология), «гадзом» («каноны»), «лэгвам» («сутры, том»). Основной фонд библиотеки и состоит из этих многочисленных томов сумбумов. Назовем ряд сочинений: многотомная сутра «лэгвам», написанная тремя авторами, известными как «мудрецы Гадамы»: Бромдон Жалбижунай (1004—1064), Худэн Зундуйюндэн (1011—1075), Ог Лэгвишарав (?). Намтар (житие, биография) знаменитого учителя-Марав, переводчика «Гаржудбы» Чойджи-Лодоя (1012—1097), полное собрание лирических стихов «Гурбум» (сто тысяч песнопений) поэта Миларайбы (1040—1123), 15 томов «Саджа габум», составленные знаменитыми «пятью учеными древности» школы Сакья — Гунганимбо (1092—1152). 15 томов «Саджа габум» (Сажийн буман зарлиг), авторами которых являются Содномзэмо (1142—1182), Дагважалцан (1147—1216), Саджа-пандита Гунгажалцан (1182—1251), Пагва-лама Лодойжалцан (1235—1280). Полное собрание сочинений трех авторов: родоначальника ламаизма в Тибете Цзонхавы Лувсандагвы (1357—1419), его учеников Жалцав Дармаринчин (1364—1432) и Хайдава Гэлэгбалсана (1385—1438), а также сочинения Будон Ринчиндува (1290—1364), Жанна Лодойжалцана (1392—1470), Лхобраг Намхайжалцана (1326—1401), Далай-ламы Гэндэндува (1391—1474), Гэндэнжамца (1476—1542), Содномжамца (1543—1588), Лувсанжамца (1617—1682), Цаянжамца (1683—1746), Галсанжамца (1708—1757), Банчин Содномдагвы (1478—1554), Лувсанчойжилжалцана (1570—1662), Лувсан-Иша (1663—1737), Балдан-Иша (1738—1780), Чоглайнамжила (1781—1852), Жанжа Агванчойндона (1642—1714), Ролбидоржа (1717—1786), Дэсрид Санжайжамца (1653—1705), Дарнат Гунганимбо (род. в 1575), Гунчин Жамьяншадава (1648—1723), Гу барва Гончигжигмэдванбо (1728—1791), Жонэ Дагвашадава (1675—1748), Агванжамбы (1638—1762), Жалхан Дагважалцана (1762—1837), Туган Чойжиняма (1737—1802), Гунтэн Гончигданбидонмо (1762—1823), Лондол, Агванлуvsана (род. в 1719 г.), Балман цан Гончигжалцана (1764—1853) и других тибетских авторов. Кроме того, в библиотеке Гандана хранится большое количество сочинений монгольских авторов, написанных ими по-тибетски. Это такие авторы: Ундур-гэгэн Дзанабадзар (1642—1715), Дзая

пандит Лувсанпирэнлэй (1642—1715), Ханчин Чойжил Лувсандан-занжалцан (1639—1704), Сумбэ хамбо Ишбалджир (1704—1788), Цахар гэвш Лувсанчултэм (1740—1810), Алша лхарамба Агвандандар (1759—1842), Номун хан Агванхайдав (1779—1838), Намдиллингийн Агванбалдан (1797—1864), Вангай равжамба Агвантувдэн (XVIII—XIX вв.), бичээч цорж Агвандорж (XIX в.), Оргиочийн лам Лувсанбалдан (XIX в.), Дзуугийн лам Дагвадаржай (1734—1803), Гончигжалцан (XIX в.), Брагри Дамцагдорж (1781—1856), Сайн ханы Лувсандорж (1790—?), цорж Лувсанчойнжин (XIX в.), Хичээнгүй Ригзэнсэвжиддорж (XIX в.), Ханчин хамба Жамьянгарав (1861—1917), Бизъяагийн их багш (учитель) Дамдинсурэн (1854—1944), гавж Лувсандаш (1804—?) Бэйлийн лам Агвандамба (1814—1885), Хансур цорж Лувсандондов (XIX в.).

Сочинения вышеперечисленных авторов на тибетском языке охватывают все отрасли человеческих знаний: они посвящены буддийской философии, истории, поэзии и эстетике, космологии и медицине, фармацевтике и лингвистике, а также вопросам религиозного культа.

В библиотеке монастыря Гандан собран значительный фонд литературы по тантризму (тиб. *жуд*, монг. *ундэс*) — специальному направлению буддизма, также по медитации (шашны бясалгал), обрядам в буддизме, чтению молитв и призываниям (верующих). В числе таких книг «Учение дагини», сочинение «Янсан» («Хая-грива») Брагри Дамцагдоржа, «Дара эх» («Тара»), многие сочинения из области «Гуру-йог». В основном это книги, посвященные сакральным обрядам буддизма, поклонению и созерцанию так называемых образов «сахус» и «чойджин», их восхвалению и призыванию, содержащих способы передачи просьб, выражения чувств, эмоций.

Имеются в библиотеке и философские трактаты: «Золотые четки» (Алтан эрих) Дзонхавы Лувсандагвы, проповедующий путь «достижения запредельной премудрости» (билгийн цаад хурэхийн), «Пространное толкование среднего пути — мадхьякамы» (Тов билгууний их тайлбар — «Пражняма-муламадхьямакакарика») Нагаржуны, сочинения раздела «винай», содержащие проповеди и комментарий. Хранящиеся в библиотеке философские трактаты из раздела вед («Прамана-видья») — комментарий «намдэл» и «намъэ» — являются ценным памятником, свидетельствующим о высоком уровне развития философской мысли Индии, Тибета, Монголии. Философские комментарии к трактатам, написанные по-тибетски такими авторами, как Агвандандар, Агванбалдан, Дондовжалцан, Шадавдандар, Данданчойнзад, Шижээ, Шагдар, имели распространение не только в Монголии, но и в Тибете, а некоторые из них стали главными учебниками в буддийских философских школах.

Комментарий к поэтике «Шавдавидья», сочинения по лингвистике, словари также занимают свое место в фонде библиотеки. Здесь хранятся ценные памятники этой области науки: «Гласные звуки, радующие Сарасвату» («Эгшигтийг баясгах эгшиг дуу») Тибетского Лувсанжамца, «Пробуждающий память» («Дуртгалыг сэргээгч») Монгольского Агвантувдэна, «Песни Эсруа» («Эсруагийн дуун эгшиг»), а также комментарий к «Зохист аялгууны толь», комментарии по грамматике Тибетского Янджангавилодоя и Монгольского Агвандандара и Лувсандаша на санскритском и тибетском языках), словарь ясных имен «Украшение слуха мудрецов» (Мэргэдийн чихний чимэг), тибетско-монгольский словарь «Знаки дворца Их хурээ» («Их хурээний ордны дохио»), комментарии трудных и редких слов и названий.

Из вед — шастр, питающих ум («Чикитса-видья»), в библиотеке хранится «Четыре корня лекарств», «Бэндэронба», «Лхантав», «Мэушаллун» и другие комментарии различных индийских и тибетских авторов. Кроме того, сохранились известные комментарии на тибетском языке монгольских авторов: Сумбэ хамбо Ишбалжира, Цахаргэвш Лувсанчултэма, Ханчин Чойжил Лувсанданзанжалцана, Лхадзун Дондовжалцана или Жамбалдоржа (XVIII—XIX вв.), Лунрэгдандара, Ёндона (XIX — нач. XX в.), пособия по фармацевтике Чойнбола, Мигиддоржа, Чойжамца; «Пособие по уходу за скотом и лечению болезней животных» Цэвэлванчигдоржа (1836—1894) содержит ценный опыт по ведению животноводства, накопленный монгольским народом за сотни лет.

По космологии («Ганита — видья») имеется ряд сутр на тибетском языке. Это «Бэндэргарав» Санжайжамца, «Заметки по истории религии» («Шашны түүхэн хэрэг явдлуудын тэмдэглэл» — «данзи»), написанные Монгольским Лхундэв бандида. А также сохранилось несколько трудов известного космолога-дзурхайчи Овгонхуу.

Наряду с этим под рубриками «Степени пути к блаженству» «Изучение разума» («Оюун судлахуй») собраны трактаты по философии или психологии, наставляющие «на путь истины», проповедующие пути и средства исправления недостатков, нравственного совершенствования. Это большие и малые «степени пути» Дзонхавы Лувсандагвы, «Степень религии» («Шашны зэргэ») Долунба Лодойжунай. Особенно богата библиотека сочинениями-намтарами (житие), трактатами по истории религии, написанными монгольскими и тибетскими авторами по-тибетски. Существуют «Красная книга» (Улаан дэвтэр) Цалба Гунгадоржи, «Синяя книга» (Хөх дэвтэр) Гойлозава Шоннубала, труды об истории распространения буддизма в Индии, Тибете, Монголии, Китае Дарнат Будон Ринчиндува, Бабозуглэгпрэнба, Монгольского Ишбалжира, Гомбожава, Цэмбэл гуши, Дармадалая, Лувсандаяна (Дамдина) и других авторов, а также сочинения о происхождении и распространении различных: «сахиус» и «чойджин», относящихся к течению «Ямандага»

(Жигжид), истории возникновения и распространения «Учения временной колесницы» («Цагийн хурдний номлол»), то есть медицины.

«Намтары» — важнейший памятник исторической агиографической литературы Индии, Тибета, Монголии. Среди книг из жанра «намтар», хранящихся в библиотеке, можно назвать «Житие могущественного» («Чадагчийн эрхтийн намтар»), «Намтар Дувчин Дилов», «Намтар 84 святых» («84 шидтэний намтар»), «Намтар Марав лозавы», «Намтар Ра лозавы», «Намтар Миларайбы», «Намтар Мидразоги», «Намтар Бромдонбы», «Намтар Бодовы», «Намтар Адиши», «Намтар Богдо ламы» и другие жития, написанные такими авторами, как Тибетский Содномбамбо и Дараната.

В библиотеке хранятся и труды по географии — Сумбэ-хамбо Ишбалжир «Общая характеристика Дзамбутив» («Замбутивийн ерийн номлол — гайхамшигт яруу уг»), «Миндол номун» хана Чойджиданзанпирэнлэя (1789—1838), «Зерцало общей характеристики Дзамбутив» («Замбутивийн ерийн номлолын толь»).

Имеется также и собрание книг на старомонгольском языке. В основном это переводы сочинений по буддизму. В частности, сохранились переводы с тибетского языка на монгольский «Пространный, средний и сокращенный Юм» («Дэлгэрэнгуй, дунд, хураангуй гурван эх»), входящий в состав Ганджура, некоторые тома «Большинства» («Олонхи»), молитвенники «Восемь тысяч» («Найман мянгат») и «Чойжод», «Хангал» и другие. Сочинение Дзонхавы «Ступень пути высшей святости» («Их бодь морийн зэрэг») на ясном письме, «Намтар Могущественного» («Чадагчийн эрхитний намтар»), «Намтар богдо Дзонхавы» («Богд зонхавын намтар»), «Манигумбум», «Четыре корня лекарств» («Эмийн дөрвөн ундэс»), «Лхантав», «Услышав, очищающий» («Сонсоод ихэд тонилгогч»), «Намтар Лунной кукушки» («Саран хехеений намтар»). С китайского языка на монгольский переведены: «Книга о Чжидаяне и Ши мэргэне» («Жидаян, Гэсэр, Ши мэргэн тэргүүтний дэвтэр»), «Путешествие Тансан-ламы» («Тансан ламын ламег»), «Намтар Тансан-ламы».

Библиотека монастыря Гандан не только богатейшее хранилище буддийской литературы и историко-культурных и литературных памятников: она стала и центром изучения этой литературы. В середине 1960-х годов послушники монастыря — группа людей высокообразованных, хорошо знающих буддийскую литературу, — вышли с инициативой начать изучение громадного собрания буддийской литературы на базе библиотеки. Исследовательская работа направлена на изучение и публикацию некоторых редких памятников буддийской литературы, перевод с тибетского на монгольский отдельных текстов, написание своих сочинений на тибетском и монгольском языках по старой традиции. Бывший хамбо лама монастыря С. Гомбожав выступал на I Международном кон-

грессе монголоведов с докладом «Обзор трудов монгольских авторов, написанных по-тибетски». Кроме того, он перевел с тибетского языка на монгольский сочинение монгольского историка-ученого XIX века Дармадалая «Возникновение буддизма в Монголии» или «Четки белого лотоса» (Монголын шашны гарал лянхуан эрхис). Он также опубликовал интересную статью в органе СП МНР «Цоге» о монгольском переводе стихов древнеиндийского поэта Калидасы. Послушники монастыря Гандан во главе с Гомбожавом принимали активное участие в переиздании двухтомного словаря монгольского языка, являющегося важным памятником буддийской литературы. Один том этого словаря — тибетско-монгольский словарь — написан Ишдоржем, в нем 597 страниц, и он называется «Море мудрецов» (Мэргэдийн далай); другой том назван «Свет лампы, уничтожающий темноту» (Харанхуйг арилгагч зулын гэрэл). В нем 1241 страница, его автор — бурят-монгольский ученый Номтын Ринчэн Сумадирадна (1821—1907). С. Гомбожав закончил монгольскую часть тибето-монгольского словаря Ишдоржа «Товд монгол дохионы бичиг мэргэдийн далай». Послушники монастыря — Гомбодорж, Данзан-Одсэр, Иштавхай, Данигай, Дугэр, Очир, Лхамжав, Аюуш, Чогжав, Батсух, Ядамсурэн, Доржжанца — сделали ряд разработок по буддийской литературе, что позволило перевести трудные слова и названия, оставшиеся не переведенными ранее с тибетского; старые переводы были тщательно отредактированы и выверены. Таким образом, ученые — ламы монастыря ведут постоянную научную работу. По инициативе современных ученых названный тибето-монгольский словарь был издан в Улан-Баторе в 1959 году. Под руководством С. Гомбожава в 1966 году Т. Данзан-Одсэр, С. Лхамжав, Ш. Иштавхай, С. Дашдамба опубликовали в Улан-Баторе знаменитые памятники древнеиндийской философии «Уданаварга» («Зориуд егуулэхуй цоморлиг» — «Сборник назначенных повествований»), «Дхармападу» («Номын бадаг» — «Книжные строфы») — 1400 стихотворных строк вместе с монгольским переводом. А также в конце 1970-х годов гавж Т. Данзан-Одсэр вместе с группой учеников на основании редакции Ганджура, которую осуществили в XIX веке Шадавдандар и Дамдинсурэн, восстановили более тысячи страниц раздела «винай», испорченных и порванных. Были использованы два ксилографа из монастырей Нартан и Урги.

Т. Данзан-Одсэр и Ш. Иштавхай написали сборник стихов и магталов (восхваление) на тему мира «Белый лотос мира» (Энх тайвны цагаан лянхуа) на тибетском и монгольском языке. В 1959 году книга вышла в Улан-Баторе на монгольском языке, а в 1971 — на английском. Поэты воспели мир, используя «восемь знаков счастья» (елзийт найман тэмдэг) в соответствии с принципами, изложенными в «Поэтике» Дандина (Зохист аялгууны толь). Ш. Иштавхай объяснял желающим этот древний трактат

по поэтике и сам исправил многие ошибки в старых тибетских и монгольских текстах. В соответствии с принципами Дандина Иштавхай сочинил стихи, посвященные миру, а также восхваляющие Манчжушри на тибетском языке. Т. Данзар-Одсэр также изучал «Зохист аялгууны толь» и, руководствуясь его принципами, написал гимн Белой Таре («Цагаан дара эх»).

За всеми оставшимися названиями книг, которые мы здесь не назвали, есть еще не открытые тайны, неизведанные миры. И вы, мудрые сартваки наук (санскритское слово, означает «повелитель океана» — «далайн ноён» — ведущий корабль водным путем), направляйте свой корабль к неоткрытым островам сокровищ в далеком океане!

Белая раковина Книги зовет ученых открыть врата книги, скрывающей тайны безмолвной седой истории, раскрыть эти тайны и дать жаждущим умам духовную пищу.

ПАМЯТНИКИ ТУРФАНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В начале века научная экспедиция Германии в ходе археологических изысканий в местечке Восточного Туркестана Турфан обнаружила немало памятников письменности и культуры. Во время раскопок древнего уйгурского ханства Хара-хото было найдено особенно много рукописных книг на уйгурском, монгольском, тибетском и санскритском языках (разной степени сохранности). Поскольку эти памятники письменности были найдены на территории древних уйгуров, естественно большая часть из них написана на уйгурском языке. Открытия не прошли мимо внимания известного монгольского историка Дзава Дамдина. В своем сочинении «Золотая книга» (Алтан дэвтэр) он отметил: «В связи с тем, что до сих пор известны храмы, построенные уйгурами, а также сохранились три святыни, некоторые ученые из России и Германии занимаются раскопками в этой местности. В древних пещерах, в которых жили отшельники, они нашли много икон, сутр из Ганджура и Данджура, причем большинство писано на уйгурском языке. И поэтому распространились вести повсюду об уйгурской письменности, о деятельности уйгурских лам. Священный канон — Ганджур и Данджур, — пролежавший под землей больше тысячи лет, предстал перед нами, обогатив нас новым знанием».

Памятники уйгурской и монгольской письменности из Турфанской коллекции в настоящее время бережно хранятся в библиотеке Центрального института древней истории и археологии АН ГДР. Ученые разных стран с начала XX века и поныне исследуют материалы этой богатой коллекции. В частности, о памятниках монгольской письменности впервые сообщили один из организаторов и руководителей экспедиции А. Лекох и проф. Рамстедт во введении к статье «Монгольские письмена, найденные в Идихут-Шэри Турфана» (1909). С тех пор ученые-монголоеды опубликовали ряд трудов и статей по различным аспектам монгольской письменности из Турфана. Следует особо выделить двухтомник проф. Е. Хениша, ко-

Далантайн Цэрэнсодном. Фото Р. Гомбожав

торый исследовал первую часть монгольской коллекции Турфана, находящуюся в Берлине. Эта публикация послужила важным импульсом к тщательному изучению этих памятников монголоведов всего мира. Е. Хениш в первом томе «Mongolica der Berliner Turfan-sammlung» исследовал и перевел на немецкий язык (с приложением факсимиле) 12 страниц колофона — комментария к «Бодичария аватара», написанного в 1311 году монгольским ученым-филологом XIV века Чойджи-Одсэром.

Во втором томе указанного издания проф. Е. Хениш проанализировал другие разрозненные тексты с целью введения их в научный оборот. В этот том он включил 55 фрагментов и отдельных страниц рукописей и ксилографов XIV века, дошедших до нас. Е. Хениш классифицирует их по четырем разделам:

1. Буддизм.
2. Официальные бумаги, письма.
3. Художественная литература, другие отрывки.
4. Квадратное письмо.

По материалам, опубликованным Е. Хенишем, написано около десяти статей различными учеными; в их числе — Ф. Кливз, Н. Поппе, Л. Лигети, Х. Франке, П. Аальто, В. Хайссиг, Ц. Дамдинсурэн, Ч. Алтангэрэл, Д. Цэрэнсодном, М. Таубе.

По плану сотрудничества между Институтом языка и литературы АН МНР и Центральным Институтом древней истории и археологии АН ГДР готовится к изданию большой совместный труд по изучению всех памятников монгольской письменности турфанской коллекции Берлина (Таубе, Цэрэнсодном). В него вошли транскрибированные тексты памятников, их перевод на немецкий язык, комментарий, вводная статья и словарь.

На основе трудов вышеупомянутых исследователей в данной статье попытаемся кратко ознакомить читателей с некоторыми прозаическими и стихотворными памятниками монгольской литературы из турфанской коллекции.

Монгольская повесть о Сулхарнае

О рукописи из Турфанской коллекции, посвященной Александру Македонскому, или Сулхарнаю, впервые сообщил в своей статье «Заметки о посещении Академии Наук ГДР» академик Ц. Дамдинсурэн. Автором не была установлена принадлежность данного фрагмента к какой-либо рукописи, однако его прочтение было верным. В своей статье он писал: «Вот краткое содержание книги. Некто решает испить живой воды, дабы обрести бессмертие. При этом ему было предостережение, что тем самым он обрекает себя на одиночество, так как переживет всех своих родных, близких и друзей. Вот и вся повесть. Мне не удалось выяснить, является ли она переводом с другого языка или же написана на монгольском языке».

Спустя несколько лет Н. Поппе опубликовал статью «Монгольская версия „Повести об Александре“». Ученый реконструировал текст в транскрипции и сделал перевод на немецкий язык. Так было уточнено, что речь в рукописи идет о великом полководце, жившем в 356—323 гг. до н. э.

Ц. Дамдинсурэн и Ф. Кливз продолжили изучение монгольской повести об Александре Македонском. Ц. Дамдинсурэн, зафиксировав транскрибированный текст на старомонгольском языке и сопроводив подробным комментарием, опубликовал в хрестоматии «Сто образцов монгольской литературы». Ф. Кливз опубликовал большую статью «Древнемонгольская версия романа об Александре». В этой статье автор делит сюжет повести о Сулхарнае на четыре части: 1) восхождение на гору Сумэру; 2) путешествие по морю; 3) скитание под землей; 4) возвращение в селение Мисир. Ф. Кливз сравнивает сюжет монгольской повести с арабской, греческой, сирийской, грузинской версиями, дает новую транскрипцию текста, а также прилагает перевод на английский язык.

Краткое содержание монгольской повести о Сулхарнае сводится к следующему.

«Давным-давно в селении под названием Мисир жил человек по имени Сулхарнай. Ему было тысяча лет. Небом ему была дарована счастливая жизнь в две-три тысячи лет. Однажды вместе с пятью-десятью товарищами переправился он через реку. Затем по велению неба он взобрался на вершину горы Сумэру, откуда его взору открылись безбрежные пространства земли, рек, морей и гор. Сулхарнай нашел на вершине горы веревку, по которой намеревался спуститься вниз и вернуться домой, но вдруг увидел восхи-

тившую его птицу Хангарид. Потом Сулхарнай принялся вить веревку длиною в пять тысяч древесных стволов, чтобы достать до земли, собирать сундук, готовясь к путешествию в подводный мир. Поместив в сундук съестные припасы, а сундук убрав в сетку, спустился вниз. Целый месяц Сулхарнай находился под водами океана, а когда вышел наверх, обо всем, что видел, рассказал людям. Они очень удивились. Сулхарнай снова спустился под землю и попал в темный коридор, где сразу же невидимые существа дали ему маленькую чашечку с водой. «Сулхарнай, благодаря милости неба ты прожил три тысячи лет. Если ты сейчас выпьешь этот напиток, будешь жить вечно, пока существует небо и земля», — сказали они. Сулхарнай решил посоветоваться с людьми — пить или не пить напиток, и вышел на поверхность. Он дал своим добрым товарищам напиток, продлевающий жизнь. Некоторые подумали — хорошо бы испить, раз на то воля неба. Другие выразили опасение. Тогда один мудрец сказал так: «После того, как ты выпьешь этот напиток, жизнь твоя станет бесконечной и продлится до тех пор, пока будут небо и земля. Но все твои родные, близкие и друзья умрут в свой срок. Тогда зачем тебе жить одному на всем свете? И ты сам пожалеешь, что выпил этот напиток». Услышав эти слова, Сулхарнай выплеснул напиток из чашки, она попала на ветки можжевельника, и с тех пор можжевельник стоит зеленый и зимой, и летом.

Вернувшись в родное селение Мисир, Сулхарнай вспомнил все, что с ним случилось, и сказал: «На земле, происшедшей от неба, за многие годы много рождалось ханов. И в будущем еще родятся ханы и ноёны. Но такого счастливого, как я, нет. Я поднялся на вершину горы Сумэру. Я шел два года в темноте в сторону захода солнца. На третий год я нашел живую воду. Когда я умру, пусть тысяча самых красивых юношей и девушек возносят в мою честь золотые сосуды, полные жемчуга и серебра. Затем пусть выйдут тысяча поэтов, музыкантов и молодых борцов, за ними пусть выйдет тысяча белоголовых старцев». Так он завещал».

Монгольская повесть о Сулхарнае из Турфанской коллекции, похоже, представляет собой краткий пересказ романного сюжета. Именно поэтому Ф. Кливв пришел к выводу, что повесть о Сулхарнае — это древняя монгольская версия романа об Александре.

Дошла до нас монгольская повесть о Сулхарнае в плохом состоянии, но и в таком виде памятник сохраняет несомненную ценность.

Монгольские поэтические фрагменты

Во фрагментах Турфанской коллекции сохранилось более трехсот стихов, относящихся к различным жанрам древнемонгольской поэзии. Основываясь на данных материалах, можно рассмотреть

образцы некоторых стихотворений, относящихся к магтаалу, сургаалу — известным жанрам панегирической назидательной поэзии.

Содержание и форма поэтических панегириков претерпевают в XIV в. значительные изменения, что подтверждается как материалами Турфанской коллекции, так и другими письменными источниками, относящимися к той же эпохе. По имеющимся у нас данным, в магтаалах начала XIV в. основное место занимает тема буддийской догматики, воспевание милосердия или свирепости различных божеств. Вот, например, несколько стихотворных строк из Турфанской коллекции (шифр «ТМ 1 Д 130»), которые посвящены восхвалению мудрости последней из шести высших ценностей («совершенств») буддизма — парамит, а именно праджняпарамиты.

Поскольку эта сохранившаяся страница ксилографа пронумерована цифрой 18, можно предположить, что стихотворение состояло не менее чем из трехсот строк. Очевидно, оно было посвящено всем совершенствам буддийской религии, а именно ее «щедрости», «нравственной чистоте», «терпеливости», «снисходительности», «стойкости», «созерцательности», «сосредоточенности», «мудрости» и т. д. В дошедшем до нас фрагменте, содержащем воспевание мудрости (праджня), говорится, что эта доктрина помогает разобраться в правде и лжи, обладая при этом чудесной способностью рассеивать зло страстей, развращающих прекрасные свойства человеческой души:

Если не ошибаться ни в чем,
Отличать ложь от правды,
Если столь мудрым быть,—
Это и значит [следовать] праджняпарамите.
Качества светлой души
Ограждающая,
Дурные преступные страсти
Разоблачающая — такова праджняпарамита.

Самым значительным магтаалом, дошедшим до нас с XIV века, является ода богине Махакали, воспетой поэтом Чойджи-Одсэром. К сожалению, кроме восхваления Махакали нигде не помечены имена авторов стихотворений.

Следует обратить внимание на китайскую пагинацию на двух листах рукописи из Берлинской коллекции под шифром «ТМ 3, ТМ 6, Д 130», потому что эти две пагинации — 27 и 28 — дают нам ключ к правильному расположению стихотворных строк.

Пагинации 27—28, встречающиеся в стихах Турфанской коллекции, указывают не страницы, а последовательность ксилографических листов.

Если исходить из нашего расчета их последовательного расположения, можно прийти к заключению, что магтаал Махакали

состоял из 849 стихотворных строк ($28 \times 30 = 840 + 9 = 849$). А 68 стихотворных строк данного текста не дошли до наших дней. По нашему мнению, фрагменты из Майнца под шифром [М 729] также являются отрывками из не дошедшего до нас стихотворения Махакали:

Эти ... добрые дела
Ради пользы живых существ
Созданных верховной силой
Этих четырех божеств.

Если рассматривать стихотворение с точки зрения его жанрово-композиционной структуры, то оно представляет собой поэтический панегирик, состоящий из вступления, повествовательной части и заключения. Две строки, содержащиеся в начале фрагмента из Турфанской коллекции, мы рассматриваем как завершающие вступительную часть:

Всех поражающую мудрость твою
Пусть, ясно слагая, воспою!

Из следующих за ними шестидесяти строк видно, как поэт, создающий величавый образ Махакали, восхваляющий ее мощь и неукротимую силу, умело использует прием гиперболы из монгольского героического эпоса, следуя при этом принципам древнеиндийской поэтики. С другой стороны, магтаал Махакали — это такое произведение, в котором наиболее ярко обнаруживаются традиционные и новаторские черты поэзии того времени. Если сравнить оду Чойджи-Одсэра с другими подобными произведениями, например с содержащимися в трактате Номун-хан Норовшараба «Творческие методы ста будд» (XVIII в.), с магтаалами той же Махакали, а также богиням Цогт Лхамо Ремати, Цогт Дудсолма и другим, то ее художественные достоинства станут очевидными. Сравним, как описываются атрибуты многорукого божества у Чойджи-Одсэра и у Номун-хан Норовшараба:

Держа меч в одной из правых рук своих,
Ты пресекаешь злодеяния;
Держа капалу в другой [правой] руке,
Ты рассеиваешь сомнения;
Держа копье в левой верхней руке,
Ты подавляешь небесных асуриев;
Трезубец с развернутым знаменем
Ты держишь во второй [левой] нижней руке.

(Чойджи-Одсэр)

В верхней правой руке держит меч,
В нижней правой — кровавый череп,

В верхней левой руке держит нож шагдй,
В нижней левой опущенные вниз вилы.

(Номун-хан Норовшараб)

Из приведенных строф мы видим, что в стихах Чойджи-Одсэра не только искуснее показана взаимосвязь предметов, находящихся в руках богини, но конкретнее описано их назначение.

Таким образом, фрагменты турфанского собрания свидетельствуют о том, что в панегирической поэзии XVI в. уже не воспеваются величавые горы, могучие реки, безбрежные степные просторы, образы легендарных героев и прекрасных женщин, а стихотворные восхваления теперь используются в Монголии для проповеди буддийского вероучения. В качестве наиболее эффективного средства избираются при этом самые живые и выразительные формы монгольского народного творчества из арсенала не только панегирической, но и дидактической поэзии.

Ц. Дамдинсурэн

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Когда метет буран,
Куда в степи идти?
Кругом лишь ночь да степь,
Кто даст совет в пути?

Пастух тогда решит:
Поможет лишь рассвет
Пригнать домой овец.
Предела Гоби нет...

Но если нету туч,
Ночь не страшна тогда.
Покажет верный путь
Полярная звезда.

Она в степи глухой
От гибели спасет.
О ней нельзя забыть,
О ней поет народ.

С отарами я брел.
Светила мне звезда.
Но я в пути смотрел
На север иногда.

Там новая взошла звезда,
Туман прорвав во мгле,
Навек — звезда для всех людей
Не в небе — на земле.

Не только пастухов,
Но всех людей труда
Звала, веда в пути
Земная та звезда.

Горит она вдали,
Где в снег гранит одет...
Мятежный Ленинград,
Меня зовет твой свет!

Взошла звезда для нас,
Ведя нас сквозь туман, —
Для всех простых людей,
Для всех на свете стран.

Всем странам виден путь.
Вперед, где счастье ждет,
Мужая, с ними в ряд
Монголия идет.

Сметет преграды все
С пути моя страна!
Пусть помнят все враги —
Помогут нам друзья.

Полярную звезду
Покрыв туман пурги.
В далекий Ленинград
Врываются враги.

Паучья пятерня
Прикрыла вдруг звезду.
В прекрасный Ленинград
Война несет беду.

Там вся земля в огне.
Там город весь — как дот.
С врагами Ленинград
Смертельный бой ведет.

Обламывает враг
О здания клыки,
И люди там храбры
И, как гранит, крепки.

Но верь, должна сквозь мрак
Нам вновь звезда сверкнуть.
Великий Ленинград
Вновь озарит наш путь.

Как крепость Света, он
Крушит ночную тьму.
Зря тянет пятерню
Зловещий мрак к нему.

Пусть скрылась среди туч
Полярная звезда,
Но пламя Октября
Не меркнет никогда!

Перевел В. Сикорский

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Николай Рерих

О МОНГОЛИИ

Предисловие Э. Балашова

Возглавляемая широко известным художником, ученым-энциклопедистом, профессором Николаем Константиновичем Рерихом центральноазиатская экспедиция 6 марта 1925 года покинула центр основного чайного района Западной Бенгалии Дарджилинг. После более чем годичной подготовки началось одно из самых интересных и плодотворных путешествий, предпринятое, как напишет впоследствии участник этой экспедиции, выдающийся советский востоковед Юрий Николаевич Рерих, с целью «подготовить основу для дальнейших серьезных исследований» Центральной Азии, ее малоисследованных районов: Тянь-Шаня, Алтая, Юго-Западной Монголии и Тибета. Улан-Батор был поворотным пунктом, где экспедиция намеревалась оснаститься всем необходимым для штурма твердынь Тибета. До Монголии почти год пути, но путевой дневник Николая Константиновича пестрит упоминаниями о встречах с монголами, заметками о монгольской истории, о священных знаках, оставленных на нехоженных тропах. Еще во время подготовки к путешествию, будучи в Сиккиме, художник записывает: «О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание: когда строили основание монастыря Гандана во времена учителя Дзонкхапы (XIV век), то заметили, что через щели скалы поднимаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где недвижно сидел старец. Дзонхапа вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какое теперь учение на земле. И затем исчез».

Листаем замечательные страницы дневника и находим: «Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова в Харахото, в Монголии. Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеко были эти места от дикости.

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

Не только о мечях татарских надо вспоминать, представляя

жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается высокой. Даже к ханским ставкам приглашались лучшие художники».

И далее: «Пятнадцать лет назад умер замечательный лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных событий будущего. Мы видели его изображение — в типе русского схимника. Сильный лик. Непобедимо тверды скулы. Остро зорки глаза. "Во время ухода этого сильного духа радуга играла над онованным им монастырем". У него были редкие книги».

А вот замечательная легенда о китайском императоре Канси и Дзанабадзаре — великом монгольском скульпторе, прозванном Ундур-гэгэном (букв. Высокий святой), он же — Джебдзун-Дамба-хутухта (1635—1724), крупный феодал, провозглашенный первым богдо-гэгэном («августейший свет» — титул главы монгольской ламаистской церкви). Во время экспансии Цинов в Северную Монголию он перешел на сторону маньчжурского императора Канси: «Отчего так звучны гонги в храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, император сделал для него сидение из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: "Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?" — "Здесь нет священных книг", — отвечал лама. И изумленный император вместо книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: "Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря". И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки».

Сиккимские записки художника свидетельствуют о том, что Н. К. Рерих был осведомлен о тех преобразованиях в политической и социальной сферах жизни монгольского народа, когда в 1924 г. умер последний богдо-гэгэн — теократический правитель Монголии и Великий народный хурал провозгласил в ноябре этого года народную республику.

«Таши-лама через Сикким и Калькутту, путями Китая проехал в Монголию. Никогда такое не бывало. Тайна. Впрочем, м. б. через Сикким проехал лишь отводной отряд, а сам лама двинулся на Монголию. Что делается на монгольской границе? Год событий».

«В Монголии есть обычай большой древности. В случаях народного бедствия или нужды ламы всходили на высшую гору и с заклинаниями разбрасывали бумажных коней. Конь, как символ Будды, силы и счастья. И, кружась, неслись эти кони валькирий, эти световитовы кони, неся помощь неведомым бедствующим. На Двине сидел Прокопий (о том же картина Н. К. Рериха "Прокопий

благословляет плывущих“.— Э. Б.) и благословлял неведомых плывущих; на хребтах Азии ламы слали коней неведомым бедствующим. И в этой неведомости — та же забота об общем благе. Такие обычаи лам ценны. Это не “сидение под деревом“, не просьба в пространство, не фигурные движения ритуала, но “приказ“ о помощи неведомым бедствующим, горний голос, требующий, чтоб умиротворились беды людские».

В горах Ладакха Рериха посещают мысли об общем благе. Испокоп веков все народы твердили и мечтали об общем благе. Среди убеждений Будды, Оригена, Конфуция не забыт и неведомый монгольский певец:

«Тот, кто не имеет вещей, которые он собирал бы
 пользоваться, не имеет вещей, с которыми не хватит у него сил
 расстаться.
 Кто твердо мыслит —
 Обладает прочным и прекрасным наслаждением».

Замечательны легенды об эпическом герое тибетско-монгольского эпоса Гэсэр-хане, о стране учителей Востока Шамбале, записанные в Ладакхе: «Имя Гэсэра дошло до Волги (Астрахань)».

«Весною в Ладакхе бывает праздник Гесера с пением и стрельбой из лука. Из названий песен сплетается целый венок Гесера... И ладакхцы и монголы ждут борцов и строителей жизни».

В неприветливом китайском Хотане Николай Константинович полон внимания к окружающему:

«Ходят странники, приносят новые вести. В Урге (Улан-Баторе) будет отведено место под храм, Шамбалы. Когда изображение Ригдена Джапо достигнет Урги, тогда вспыхнет первый свет нового века — истины. Тогда начнется истинное возрождение Монголии. Задумана картина "Приказ Ригдена Джапо"».

Картина с изображением владыки Шамбалы «Великий всадник» была написана и вручена новому правительству новой Монголии в 1926 г. Вот что по этому поводу вспоминает Н. К. Рерих в очерке «Сердце Азии»: «На улицах Урги проходит отряд всадников монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню.

Что это за песня?

Это песня о Шамбале.

При этом рассказывают, как Сухэ-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распеваётся сейчас по всем углам Халки.

Начинается она так:

Чанг Шамбадин Дайн,
Северной Шамбалы Война.

Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями владыки Шамбалы.

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно поднимаются в честь Шамбалы.

Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы.

Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину — "Ригден-Джапо — владыка Шамбалы", она была принята с совершенно особыми чувствованиями. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое правительству, спросило меня:

"Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине".

Такие совпадения с картиной и пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

— Истинно, время Шамбалы пришло!»

В 1936 году в Риге вышла книга Н. К. Рериха «Врата в будущее», куда вошли листы дневника экспедиции 1934—1936 гг. в Китай и Монголию. Приводим фрагменты из этой книги.

монголы

Знамя Чингисхана было белое; при этом в разных походах употреблялись символы многих изображений: лев, конь счастья, кречет, барс.

Для уничтожения в ханах гордости и тщеславия Чингисхан запрещал принимать пышные титулы. Соблюдалась веротерпимость и свобода слова, лишь бы признавалась любовь к Богу. От общественных работ освобождались духовные лица и врачи. Смертная казнь полагалась также для шпионов, лжесвидетелей, колдунов, лихоимцев. Относительно браков — запрещалось вступать с родственниками в первом и втором колене. Для подьема чувства чести запрещалось брать монголов в услужение. С целью уничтожения пьянства Чингисхан восставал против употребления крепких на-

питков, всячески их ограничивая и предлагая их совсем не пить. Также известно постановление, имевшее целью истребление чрезмерного суеверия, имеются и указы о развитии гостеприимства среди кочевого населения и доставление безопасности при следовании по обширным владениям империи. Также были определены районы для ночевок. Юрты были разбиты на десятки, сотни и тысячи. По караванным путям были устроены станции и поставлена стража. Были учреждены почтовые станции на расстояниях одного дня пути. Войска были подразделены также на десятки, сотни и тысячи, и тьмы или десятки тысяч. Смертная казнь была положена всякому начальнику, который покинет определенное ему место.

По всему дошедшему до нас, Чингисхан, действительно, был великим вождем и строителем.

* * *

«Боже, упаси нас от монголов» — такие записки находили в разрушенных городах Азии. Датские рыбаки не выходили в море на ловлю из опасения монгольского нашествия.

Вот одно из наиболее ранних описаний монголов, преподнесенных Европе в XIII столетии и подсказанное страхом:

«Для того, чтобы человеческие радости не могли быть особенно продолжительными и чтобы мировое благополучие не длилось слишком долго без "воплей", — писал Матье Парис, — в этом году (т. е. в 1240) отвратительные порождения самого сатаны, то есть, бесчисленные полчища татар, прорвавшись, ринулись из пределов своих, горами окруженных, стойбищ.

Стелась наподобие саранчи по земной поверхности, они причинили ужасные опустошения в восточных частях Европы и обратили их с помощью огня и меча в пустыню. Они бесчеловечны и звероподобны; представляют из себя скорее чудовищ, нежели людей, всегда жаждут крови, которой и упиваются, рвут на части и пожирают собачье и человеческое мясо. Одеваются в бычьи шкуры, вооружены железными пластинами; малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобедимы, с не защищенными ничем спинами и грудями, покрытыми доспехами. Они с наслаждением пьют чистую кровь животных своих стад; лошади их толсты и едят сучья и даже деревья; на этих лошадей им приходится влезать с помощью трех ступенек, ввиду короткости их бедер... Они не знают человеческих законов, совершенно не имеют понятия о комфорте и отличаются большей свирепостью, нежели львы или медведи... Они не щадят ни возраста, ни пола, ни положения. Не знают никакого разговорного языка, кроме своего собственного, которого никто больше не понимает, так как вплоть до самого последнего времени к ним не было никакого доступа и сами они, в свою очередь, не показывались вне пределов своей страны. При таких условиях не имеется никаких сведений об их обычаях и личности, которые узнаются путем взаимных сно-

шений людей друг с другом. Они бродят со своими стадами и женами, причем последние приучены сражаться не хуже мужчин. Эти-то существа появились вдруг с быстротою молнии на поругание христианства, опустошая и избивая все на своем пути, наводя на всех ужас и внушая к себе невообразимое отвращение».

Вот какова была репутация монголов, когда имя их впервые достигло Европы, сопутствуемое ощущением ужаса, которое предшествовало их движению вперед. Само слово *татарин* заставляло всякого содрогаться. Их считали Божьим наказанием. Старые писатели называли их «испытанием Божьим», демонами, посланными в наказание людям.

Европа считала монголов какими-то сверхъестественными существами. В те времена люди в Европе искренне верили, что у монголов собачьи головы, и что они питаются человеческим мясом. Вот какой дикий ужас охватил всю Европу, предшествуя появлению татар. Грозящая человечеству опасность понималась здесь настолько преувеличенно, что даже датские рыбаки не рисковали пускаться в море из боязни монголов.

Одну и ту же картину приходится наблюдать в это время, как в пределах крайнего востока, так и в пределах крайнего запада — как по берегам Тихого океана, так и по берегам Черного моря. Один из китайских историков этого периода восклицает, что — «со времени сотворения мира ни одна из наций не была еще никогда настолько могущественной, насколько могущественны сейчас монголы. Они истребляют целые государства с большей легкостью, нежели кто-либо вздумал вырывать траву. Отчего же небеса терпят это!»

Другой писатель, изображая последствия монгольского верховенства, следующими знаменательными словами отмечает, что в Азии и Восточной Европе вряд ли и собака может лаять без разрешения монгола.

Монгольское нашествие, которое, пронесясь по всей Азии, достигло преддверия Европы, оказалось настолько подавляющим, что правители последней начали оживленно советоваться друг с другом о том, какие меры им следует предпринять против грозящей опасности. Решено было прибегнуть к содействию совместных выступлений, чтобы задержать этот человеческий поток, так как ни одно государство не могло в одиночку справиться с ним. Ничто так не свидетельствует о боязни, внушенной ордами монголов даже и в пределах величайших европейских государств того времени, как призыв Фредерика II, священного Римского императора, ко всему христианскому миру в целях отражения нашествия ужасных монголов. Представьте только себе послание, адресованное «Германии, — пылкой в боях, Франции, — выкармливающей на своей груди неустрашимое воинство, воинственной Испании, Англии, — могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии,

дикой Иберии и холодной Норвегии — с призывом организовать интернациональный крестовый поход против кочевников-завоевателей, явившихся в Европу из далекой Монголии».

Выдержки из этого послания красноречиво оттеняют тот «монгольский ужас», который охватил Европу в 1240 году. «Народ, — писал император, — вышедший из крайних пределов света, где он долгое время скрывался в обстановке ужасающего климата, вдруг жестоко обрушился на северные страны и усеял их наподобие саранчи. Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое наименование татар, но несомненно одно, что не без явного промысла Божия последние были сохранены с незапамятных времен в качестве орудия для наказания людей за их прегрешения и, может быть, даже на гибель христианства. Эта свирепая и варварская нация не имеет ни малейшего понятия о законах человечества. Они, однако, имеют вождя, которого чтут и приказанию которого слепо подчиняются, называя его земным богом. Люди же низкорослы, дюжи, сильны, выносливы и отличаются непоколебимой верностью и по малейшему знаку своего вождя бросаются со стремительной храбростью на самые невообразимые опасности. У них широкие лица, скошенные глаза, и они издают самые ужасные крики и вой, которые вполне соответствуют буруевающим их сердца чувствам. Они не знают иных одежд, кроме воловых, ослиных и лошадиных шкур, и вплоть до настоящего времени у них не имелось никакого иного вооружения, кроме грубых, скверно сплоченных железных пластин. Но уже теперь — и мы не можем произнести этого без стога — они начинают улучшать свое снаряжение, раздобывая его грабежом у христиан. Скоро, по-видимому, гнев Божий разразится над нами, и нас эти варвары начнут постыдно убивать нашим же собственным оружием. Татары ездят верхом на прекрасных лошадях и в настоящее время отъедаются самыми лакомыми кушаньями и одеваются богато и изысканно. Они бесподобные стрелки, говорят, что их лошади в тех случаях, когда не имеется под руками иного корма, могут питаться листьями, корой и корнями деревьев и, несмотря на это, сохранять свою бодрость, силы и проворство».

Так Европа оценила Монголов. Затем, со временем, оценки уточнились и обусловились. Так, например, Тимур, вместо прежней оценки лишь разрушителя, получил от французского ученого Груссе совсем другую характеристику. Груссе говорит, что Тимур, сочетавший в себе стремление к изысканности ирано-индийской культуры с суровым укладом аскета, явился одной из наиболее красочных фигур индо-иранского мира. Таким образом, правнук Чингисхана, через Барласский род, остается в нас уже под освещением вдумчивого ученого.

Так же точно многие властители мира, спешно осужденные, вдруг вырастали в совершенно ином освещении. Не то же ли самое

произошло и в русской истории с Петром Великим и даже с Иваном Грозным?!

Идя от характеристики Груссе, вспоминая отметки Плано Карпини о внимании монгольских ханов к искусству и наукам, мы можем кульминировать монгольский апофеоз в лице великого Акбара. Конечно, некоторые пристрастные суждения пытались иногда и его представить кровожадным тираном, но в конечном итоге развернулась блистательная картина светлого объединителя и культурного правителя великой страны. К уже найденному великолепию Акбара новая литература добавит лишь ценные знаки. И народная мудрость, справедливая в основе своей, добавляет к изображению великого императора и сияние святого. Так народ в веках умеет чтить постоянное великое служение.

К характеристикам Монголов вспоминаю и другие отметки современных им путешественников. Много ценных и благоприятных знаков. Вспомним также из священных монгольских книг хотя бы заветы о Бодисаттвах, со всеми указаниями на сострадание, самоотвержение и помощь ближнему. Вспомним и Несторианские времена. Словом, ничем не умалим то многое, что действительно было в жизни сильного и мужественного народа.

* * *

Сколько прекрасных часов вспомним мы из наших странствий по Монголии. Помню сердечный, приветственный знак монгола Ринчина. Многого стоит огненное восклицание седого бурята: «Свет побеждает тьму». Помню, как монголы мужественно показали себя при столкновении с разбойниками, помню постройку Субургана и доброхотное принесение сокровищ.

Если пойдем по знакам блага, их наберется очень много, о добре идем. Как бы ни перерождался народ, все-таки, его основы неизбываемы. То же самое мы можем наблюдать и на многих других народах. Изменяются условия, приходит счастье или несчастье, но душа народа остается. Проследите народную душу по старым песням, по сказаниям и притчам. В этих нерушимых народных памятках вы увидите лучшие характеристики.

Если вы припомните законы монгольских ханов, если вспомните героический эпос этого народа, то во всем отразится натура твердая, мужественная, нередко аскетически, терпеливо переживающая случайности времен. Если вы видите живые заветы прошлого, которые не погибли в потоках современных ощущений, то разве не следует помочь такому народу, желающему мирного преуспевания.

Когда-то условия быта и сердечное влечение увлекали монголов в далекие поиски. Человеку часто кажется, что где-то вдали есть что-то лучшее — «славны бубны за горами». Но современное мышление обращает монголов к сокровищу их земель. Позна-

Б. Шарав. Праздник кумыса. Фрагмент. Начало XX в.

вать свое, научиться ценить определенное судьбою — это большая заслуга.

Случилось так, что Монголия, как таковая, занявшись в «дали далекой», еще не использовала свое внутреннее сокровище. Не использовать — значит не истратить. Потому-то справедливо устремлены взоры на Монголию, и пусть будут они устремлены благосклонно и дружелюбно.

В ошибочном суждении уже никто не скажет: «Боже, упаси от Монголов»; наоборот, каждый углубленно мыслящий пошлет сердечный привет мирному возрождению народа.

Сам Ригден-Джаппо на коне в светлых доспехах мчится. Монголы не забывают чудный камень с надписью: «Вырубишь топором эту надпись, она не исчезнет, она повторится снова».

Привет нашим монгольским друзьям. Привет Монголии...

* * *

Завет Дзон-Капа «Лам-рим-чен-по» поучает:

«Как двигаются вместе тени птиц летящих по небу, так и добрые и греховные поступки следуют за живыми существами».

«Не пренебрегайте даже маленьким грехом, думая, что он безвреден. Скопление капель воды постепенно наполняет большой сосуд».

«Привычки к добрым и недобрым делам исключительно властвуют над людьми».

«Деяния даже в течение ста мировых периодов не уничтожатся и будут накапливаться, а когда наступит время появятся последствия их, для приобретших тело». «Как счастливы путники, запасшиеся многими дорожными припасами, так и живые существа, сделавшие добрые дела, отправляются в блаженную жизнь».

* * *

Лама возглашает: «Пусть жизнь будет тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; мощна, как орел, и длится во веки веков».

22 февраля 1935 г.

Пекин.

ПЕСНИ МОНГОЛИИ

«Выросший на горе Будала, цветок бондора, хотя бы дождь пошел — все же поблекнет».

«Хотя иогачари — подобен бурхану, но если отступит от истины, то омрачится».

«Распустившийся в разные стороны цветок гречихи, когда ветер подует, рассыпется».

«Хотя иогачари подобен хранителю, но если отступит от истины, то погибнет».

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару», 1940 г.

* * *

«Богатое и белое — это золотая вселенная; пространное и чистое — это наша родина».

«То, что растет на горах — это виноград; то, что прославляет народ — это звучный напев».

«В воде источника разве бывает грязь? Разве можно назвать повеления святых неправильными?»

«Вода колодца — не что иное, как священная вода. Разве можно назвать повеления святителя ложными?»...

* * *

«Возьмет кисть в руки — писец, отправится в Пекин — делается зятем хана».

«Вместо того, чтобы быть зятем государя, лучше будем наслаждаться со своей Шуер».

«Чем быть зятем хана, лучше быть в счастье с хорчинской Шуер вдвоем».

«У каждой горы есть вершина, каждая встреча предопределена; после встречи следует заходить повидаться».

* * *

«Разве покончит когда-нибудь аист подбирать рыб Алмазного моря? Разве совсем легко перешагнуть через мучения — результат первоначальных перерождений?»

«Разве можно думать, что журавль съест всех рыб Журавлиного озера? Разве совсем легко обойти настигшие мучения — результат прежних деяний?»

«Когда хочешь рубить дуплистое дерево, берегись разрубить

свои ноги. Берегись, желая ограбить другое государство, потерять своих подданных».

«Когда хочешь разрубить иву, берегись разрубить свою судьбу. Берегись, думая ограбить чужое государство, расстроить свои дела».

* * *

«Конь мой, родившийся позади горы Баян-хангай; конь мой, которым восхищались воины Бадарагулту».

«Облакоподобного прекрасного цвета и тянущий за собою при беге облако пыли, высокий, сивый конь мой, увь! куда убежал ты?»

«С глазами, величиною с яблоко, с копытами, величиною в чашку, ростом в вытянутую сажень, какой прекрасный конь мой!»

«С двумя волчьими ушами, с двумя глазами, как звезды облакоподобного цвета, красивый конь мой».

«Не видели ли его, отпущенным в степи, в сокровенном месте? Не видели ли, как его увели злонамеренные похитители?»

«Видевшему его человеку надену я лисью курму, а поймавшему его человеку подарю тигровую курму».

* * *

«Тот, кто строит прочное и твердое, имеет все данные жить богато; когда построят прочное правление, то это признак, что будешь вождем».

«Богатство и счастье — благо!»

«Приятно быть в довольстве. Хорошо устраивать веселья. Мы принадлежим к хошуну правителя Да. Богатство и счастье — благо!»

* * *

«Силою милосердия владык, мы обрета высшее благо, мирно процветали; среди всяких увлечений и рассеянной жизни следует остерегаться, чтобы не потерять высшее благо».

«Если отнестись внимательно к правилам очистившихся мудрецов, то обретем святой путь спасения. Хотя бы мы и были подавлены всяким злом, следует стараться, чтобы не потерять правил вечности».

«То, что они нас преисполнили сил — это их заслуга. Благодаря тому, что сделавшись людьми, мы стали лучше — следует стараться, чтобы все-таки не потерять правил почтительности».

«Если помышлять о прочности веры и если, отбросив всякое непозволительное сумасбродство, поступать по правилам Святых, то как приятно способствовать средствам святого пути!»

«Приятно, чтобы, уразумев правила закона, те, кто заключают в себе корни болтливости, лукавства и лживости, очистив свою природу, чистые, приумножились счастья и святости».

«Если предаваться разного рода размышлениям, исследуя поступки живых существ прежнего времени и смену всяких времен, то из этого вытекает, что теперь очень существенно учиться».

* * *

«Отрадно, что вовеки нельзя забыть благодарности за то, что ты соизволил, руководя нами, вести нас, заблудшихся в земном мире, по ближайшему пути Алмазной колесницы».

«Если обратить внимание на правила святых ученых, то даже мы, одаренные дурными привычками, внимательно взирая на порядок пути к совершенству, никогда не потеряем вечного места».

«Владыки, достигшие силою милосердия этих благ, пребывающие в спокойствии, должны остерегаться, чтобы в различных пустых увлечениях и рассеянной жизни не потерять высшее благо».

* * *

«Пожалуй нас в совершенстве благом и счастьем, преисполненным истинного благословения трех чтимых драгоценностей; соизволь утвердить стопы господствующих владык и князей и укрепить благоденственное и мирное правление».

«Вы, обладающие правилами тонкого, таинственного, основного разума, вечно властвующие над солнцеподобными верой и драгоценностями, вы неизменно чисты, как осенняя луна».

* * *

«У истоков Тонкой Реки накрапывает дождь, во время восьмой луны расцветают листья и цветы».

«Восходящее солнце затмевает многие тучи, премудрый разум и мудрость подавляются злобой и неведением».

«Признаком зари, говорят, является белоцветная Чолмон; признаком мудрости, говорят, являются облачно-белые волосы».

* * *

«На макушке высокой и большой горы и с Юга, и с Севера сплошь растут деревья и всяких сортов листья и цветы; в свое время они приятны на взгляд».

«Когда на тех покачивающихся, прекрасных деревьях, в согласии с осенними месяцами, из листвы раздается пение птиц, это является прекрасным и приятным наслаждением».

«В летнее время на распутившейся мураве расцветают цветы всяких родов. Когда видишь их непроходящую краску и вечную жизненность, то это красиво для глаз».

«Действительно, мы, живые существа многих родов, во время постоянной совместной жизни, прославили и воспели те мирные, вечно прекрасные цветы».

* * *

В песнях — душа народа.

14 Июня 1935 г.

Цаган Куре.

СЛОВО О КНИГЕ

Испокон веков монголы были тесно связаны с книгой, книжной культурой, письменностью. Об этом красноречиво свидетельствует то, что слово «ном» («книга») образует в монгольском языке немало понятий: учение, религия, канон, проповедь, учеба, грамота, гордость своими знаниями, своей ученостью, начитанностью. Чрезвычайно богато и разнообразно монгольское собрание мудрых слов о книге, в которое входят монгольские народные пословицы и поговорки, изречения монгольских ученых, книжников, писателей. Благодаря этому собранию можно постичь, как распространялась Книга в Монголии, как вошла она в язык и сознание монгольского народа, сколько хорошего, мудрого и светлого принесла она с собой, что возникло попутно из ряда негативных явлений. Книга — ном — в свое время в Монголии была тесно связана с понятием Абсолютной Книги — учения Будды, проповедью этой Книги.

Монгольские пословицы о книге чрезвычайно разнообразны:

Учиться знанию без книг,
Все равно, что выйти на охоту без собак.

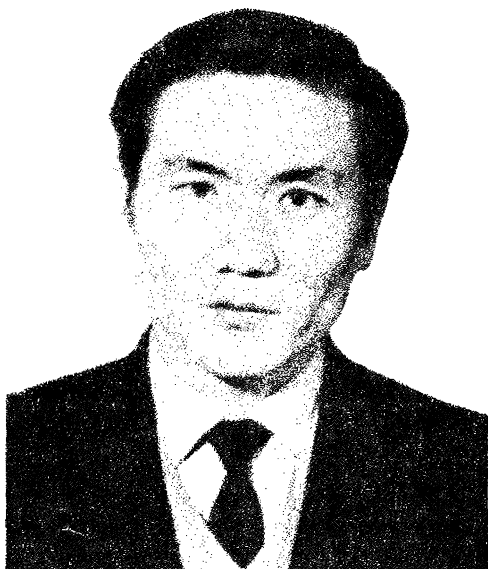
Или:

Трава полезна тем, что питательна,
А книга — тем, что остается в памяти.

Или вот такие шуточные:

Чем сидеть да дремать,
Лучше книгу почитал бы.
Там, где много книг,
У собак и уши белеют, становятся благороднее.

В речениях о книге — синтез монгольской народной мудрости и мысли ученого, философа, писателя. Одной из главных особенностей мудрых речений монголов о книгах является то, что в них Книга, умудренная смиренностью и спокойствием, всегда выступают вместе. Вот что говорится, например, в одной монгольской пословице:

Намбарин Энхбаяр. Фото Р. Гомбожава

Познав законы книги,
Становятся смиренным и скромным.
Узнав законы государства,
Становятся скромным и спокойным.

Или еще:

Нет выше мудрости, чем мудрость книг.
Но, познав эту мудрость, не будь гневливым.

Об этом же говорится в одном стихотворении замечательного монгольского поэта XIX века Д. Равджи:

Нет ноёна над головой, чтобы ему служить,
Нет врага, чтобы усмирять его.
Человек, следующий наставлениям книг,
В счастье пребывает.

Знакомясь с монгольскими речениями о книгах, можно понять, что Книга — великое испытание для всех, но особенно для человека, решившего посвятить ей, ее изучению свою жизнь. Это — целый мир со своей этикой, со своими правилами поведения. И ради той высокой цели, ставя которую перед собой человек вступал в

мир книг, можно было пожертвовать маленькими удовольствиями жизни. Вот что говорится еще в одном стихотворении Д. Равджи — «Благопожелания ранних лет»:

В вихре веселых и нарядных лет —
В изобилии праздность,
Если создашь книгу, нужную на века,
То поможешь спасением всем живым существам.

В монгольских речениях о книге понятия Книга и Добро, Книга и Спокойствие всегда выступают заодно, тогда как Книга и Гнев, Книга и Зло всегда противопоставляются. Приведем в качестве примеров монгольские пословицы:

Где много книг, там добро собирается,
Где много озер, там гуси собираются.
Не чванься, что книжник,
Не гневайся, что ноён (князь, господин).

Здесь можно также обратиться к стихотворению Д. Равджи «Пусть стыдятся»:

Фу, пусть стыдятся пестроразодетые, но не приведшие
в порядок свою душу молодые люди,
Фу, пусть стыдятся мудрецы, которые не привели
свои помыслы в соответствие с книгами,
Фу, пусть стыдятся послушники, которые учатся
чему угодно, но только не книге,
Фу, пусть стыдятся книжники, которые учат других
днем, а ночью сами грешат.

Книга была той нитью, которая связывала людей, их сердца, может быть, сильнее родственных связей, когда они волей ли судьбы или по другой какой причине расставались на некоторое время. В стихотворении Д. Равджи «Чистый, прозрачный» говорится:

Любимый друг мой, желаю тебе счастливо оставаться,
Я же, ничтожный твой дядя, пойду бродить.
Встретимся, когда, создав свою книгу,
вернусь здоровым и невредимым.

Книга соединяла современников, предков с потомками, отцов и детей. Не об этом ли монгольская народная песня «Белое облако космоса»:

Все люди на свете
Связаны родством.
Книги, созданные разумом,
Соединяют историю.

О связи, но связи несколько иной, речь идет в следующей по-
словице:

Связь книг — это знание,
Связь ноёнов — это власть.

Вообще, мы должны заметить, что в монгольских речениях о книгах часто противопоставляются слова «Ном» («Книга») и «Ноён» («Князь, господин»). Примеры:

Книги и сутры —
Не ноёна дело.

Ноён уважаем только в своем крае,
Человек, постигший книги, — везде.

Хоть и бел, и благороден с виду ноён, да — подозрителен,
Хоть и черны с виду буквы книг, да полезны.

В монгольских речениях о книгах встречаются утверждения о том, что Книга — истина, а не догма, что ею как догмой пользуются плохие книжники. Кроме того, книга, как и всякая настоящая мудрость, всегда несла с собой и щедрость обладателя этой мудростью, готового поделиться с теми, кто был обделен ею, и об этом прекрасно сказано в стихотворении Д. Равджи «Собравший все спасения»:

Если будете исполнять работу, кичась своими
знаниями, то будете считаться преступниками,
Если будете противоречить священной книге, то будет
вам позор,
Если будете в ладу с благодающей книгой, то не будете
в ладу со всеми другими,
Если же, ухитрившись, будете в ладу со всеми, то
не будете в ладу с книгой.
Книжники же, которые говорят, что нас спасут, —
лгуны, да и только.

Любовь монголов к Книге была столь велика, что ее почитали наравне с самыми дорогими и святыми для человека реликвиями, клали в самом почетном месте юрты — «хойморе». Большим грехом считалось неуважительное отношение к книге. Книги собирались, тщательно и с любовью хранились, передавались потомкам. Вот что говорится в стихотворении Д. Равджи «Горечь родилась, когда посмотрел на дела кругом»:

...Смотрю на юных и томных, красиво разодетых книжников,
И кажутся они мне подобными цветкам перед градом...

...Смотрю на тех, которые кое-как творят книгу,
И думаю, что наступило время, когда коровью шкуру
называют чойго — одеждой для книги.

Среди монголов широко была распространена многократно переводившаяся книга мудрых изречений — «Субхашита». Эта книга пользовалась на протяжении многих веков неизменной популярностью и с течением времени она стала достоянием монгольского фольклора, глубоко вошла в сознание и язык народа. В «Субхашите» много говорится о книге:

Хотя мудрецы и имеют глубокие знания,
Они собирают книги, чтобы стать еще более мудрыми.
Это можно сравнить с тем, что реки, сливаясь друг
с другом,
Объединяются и впадают в широкий океан.

Для людей, знающих и понимающих книги, книга была самой высшей драгоценностью. В той же «Субхашите» мы читаем:

Хотя честный и праведный книжник становится беден
скотом и другим имуществом,
Он еще более рьяно посвящает себя делу книги.
Если искать сравнение, это похоже на повернутый огонь:
Язычки пламени все равно тянутся вверх.

Книжный мир не похож на тот мир, в котором жили люди. В книжном мире нравственные ценности и добродетели как бы яснее раскрываются в своей истинной сути, тогда как в мире, где господствовали ноёны, бедному, простому арату было трудно жить, надеясь на справедливость, сложно было установить четкую границу между добром и злом. В каком-то смысле Книга была защитой для людей, она могла превратить зло в добро для служащих книге, отплатить злым людям за содеянное зло. В «Субхашите» говорится:

Зло, причиненное истинным, праведным
книжникам, пойдет последним, наоборот, на пользу,
Зло же, причиненное негодным людям, пойдет
последним действительно во вред.
Это можно сравнить с тем, что ветер только сильнее
раздувает пожар,
Тогда как он гасит огонек маленькой лампадки.

В монгольские речения о книгах вошли и мысли, принадлежащие литераторам. Так, монгольский писатель В. Инджиннаш (XIX в.) в своей книге «Синяя сутра» заметил: «Коль прочитаешь хоть одну страницу книги, когда еще полон сил и энергии, то считай, что совершил подвиг, который продлит твою жизнь на один день».

Книга для монгола — и великий вдохновитель, и мудрый собеседник. У того же В. Инджиннаша в его «Синей сутре» мы читаем:

О смысле тысяч и тысяч лет
Спрашиваю у кисти моей и чернил,
О тысячах и тысячах деяний, проходящих передо мной
пестрой чередой,
Беседую с книгой.

Мудрые изречения о книгах не обходят и мудреца-книжника. Обратимся опять же к «Субхашите», к следующему четверостишию:

Среди глупцов много людей, богатых скотом,
Среди зверья много зверей, храбрых сердцем, полных
гнева,
Среди множества мудрецов на белом свете очень важен
Совершенный разумом мудрец, тот, который может
поведать о смысле книг.

В речениях о книге привлекает внимание указание на несовместимость суеты и книги.

Человек, никогда не доводящий дело до конца,
Человек, лезущий во все, не зная, исполнится или не
исполнится это, даже добираясь до книг,
Подобен собаке одичавшей, которая бестолково бежит
между юртами,
Испустит дух свой, бесполезно затерявшись между
суетными делами.

(«Субхашита»)

Не без влияния буддийского учения в психологии монголов отложилась идея, что смерть, которая приходит к человеку в конце его жизни, четко определяет, верно или неверно (с точки зрения высшего смысла жизни) прожил он свою жизнь на земле. И эта мысль имела свое подкрепление в своде мудрых речений, согласно которым жизнь с книгой — великое благо:

Высокоразумный, если дело своей жизни
С помощью книг ведет, то легко ему будет.
Посмотрите, как будут различны исход
Ученого мудреца и конец разбойника и вора.

Древние не уставали поучать речениями, не скрывая, что мало людей, жизнь которых отвечает полностью требованиям Книги.

Много растет обыкновенных деревьев, да
Сандаловых среди них мало.
Много живет ученых мужей, да
Тех, которые смогут книги создать, мало.

В другом четверостишии говорится:

Силу хорошего коня можно узнать, сев на него,
Силу хорошего слона можно узнать, пустив на врага его,
Чистоту золота можно узнать, расплавив его,
Мудрость истинного ученого можно узнать по книгам его.

Книга — великая загадка, метафора. Ее полное значение и смысл никогда не раскрываются до конца. Ее неисчерпаемая глубина, многогранность смысла всегда будут притягивать к себе людей. Пусть человек остерегается говорить, что он все постиг. В монгольских пословицах об этом сказано так:

Книга не имеет конца,
Разум не имеет вершины.

Об этом же говорил и поэт Д. Равджа:

Не гордись, не говори никогда,
Что познал книгу до конца.

Мы познакомились только с малой частицей мудрых речений о книге, распространенных в Монголии. Но и они, наверное, позволяют в какой-то степени понять, какое большое место занимает Книга в сознании монголов.

В. А. ФАВОРСКИЙ В РАБОТЕ НАД «ДЖАНГАРОМ»

В восемь лет я впервые услышал об эпосе «Джангар». Отец пересказывал мне содержание песен, вспоминал празднование пятисотлетия калмыцкого эпоса, состоявшееся в 1940 году. В сказках добрые дела часто совершаются утром. И не было предела моей радости, когда однажды утром, после поездки в Элисту, отец подарил мне книгу, на переплете которой было вытиснено единственное слово — «Джангар». Эпос захватил меня. Своих друзей, ровесников я нарек именами эпических богатырей. В то лето мы жили образами эпоса. И здесь нам во многом помогли замечательные иллюстрации В. А. Фаворского. Мальчишки, мы внимательно рассматривали их, спорили, и герои эпоса оживали перед нами, обретая каждый только ему присущие черты, и мы искренне верили в прекрасный мир джангаровых богатырей, счастливой страны Бумбы. С тех пор имя Фаворского стало для меня дорогим.

* * *

К работе над иллюстрациями к «Джангару», книги которого на калмыцком и русском языках готовились к изданию в Москве, Фаворского в 1939 году пригласили собиратели эпоса писатель Баатр Басангов и поэт Семен Липкин. Первым условием, которое поставил художник, согласившись работать, была поездка в Калмыкию для знакомства с народом, его культурой и природой края.

Поездка состоялась. Она явилась для Фаворского первой непосредственной встречей с Востоком. Стоит отметить, что впервые в своем творчестве, если не считать ранних опытов на библейские сюжеты, он обращался к памятнику восточной культуры. Путешествие по Калмыкии обогатило его как художника, принесло много человеческой радости.

Вот как описывал поездку сам Фаворский: «Степь я видел в июне. Она была почти без цветов, но основной ее цвет определялся полынью. Светлая зелень и «поль веронез» придавали сложность и воздушность окраске пейзажа почти как на воде, в море»¹.

КАЛМЫК ТАМЫГЧИН ЭПОС

ОТЧУДОВИТЕЛЬНЫЕ ДИВАН

ДУРАК В. А. ФАВОРСКИЙ

КАЛМЫКЦИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

ПЕРВЫЙ СЕЗОН ДИВАН

ХУДОЖНИК В. А. ФАВОРСКИЙ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
СНДЧ ДЕТСКОГО РАЙОНА
Москва, 1940ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва, 1940

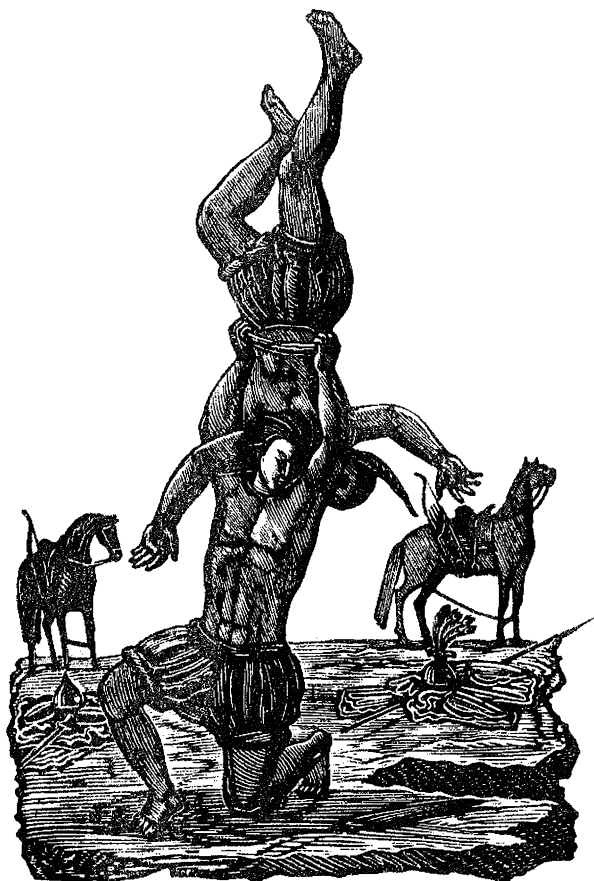
«Джангар» в оформлении В. Фаворского. 1940 г

В первый момент степь поразила художника пустынною, но потом оказалась населенной всевозможными существами. Он с восторгом наблюдал за изящными журавлями, могучими орлами, степными зайцами, сусликами. Перед ним как бы оживали давние мифы, он видел высоких, стройных коров, с рогами, образующими у них над головой солнечный диск, быков со сложным профилем горба и подгрудка, напоминающих экзотичных зебу, горбоносых курдючных овец...

Но человеку по-настоящему интересен только человек. Фаворский писал: «... перейдем к людям. Прежде всего я увидел не ленивого, медлительного и тяжеловатого кочевника, а легкого, подвижного, в большинстве среднего роста, экспансивного человека, способного к музыке, танцу и актерскому изображению, вообще к искусству»².

В Калмыкии художник присутствовал на республиканской олимпиаде самодеятельного искусства. Это был яркий праздник смотра народных талантов, степных умельцев. Все участники были в старинной одежде. Они пели, танцевали, играли на различных инструментах, исполняли «Джангар», рассказывали сказки, исторические предания.

Глаз мастера очень зорек. «Тип калмыка, — отмечал он, — разнообразен, но что по большей части поражает — это мягкость черт лица. При широких скулах, которые часто дают правильный

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

овал, маленький нос, не сильный подбородок, у мужчин высокий лоб, откинутый назад, у женщин красивый, круглый. Иногда изящество человека в незнакомых, удивительных для меня формах поражало...»³

* * *

В Элисте Фаворский знакомился со старинной калмыцкой живописью, с работами современных художников. В республиканском музее он изучал коллекции скульптуры, изделий по металлу, деревянной резьбы. Отметил для себя классические традиции кал-

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

мыцкого искусства, тенденции более поздних влияний.

На олимпиаде, в гардеробе театра художник внимательно изучил калмыцкие костюмы, их орнамент, сочетание цветов. Вглядитесь, например, в костюм Мингияна, первого красавца вселенной, как именуют его в эпосе, — пышные сборчатые рукава бешмета с узкими манжетами, широкий пояс, украшенный серебром, цветная манишка, ворот белой сорочки, красная кисть, свисающая с серой каракулевой папахи — все этнографически точно. Жизненной и художественной правды Фаворский требовал и от своих учеников, помогавших ему в иллюстрировании «Джангара». Так, на фронтиспise к двенадцатой песне, выполненном

Никитой Фаворским, сыном художника, мы видим одновременно и солнце, и луну. И что же? На юге в летнее время такое явление наблюдается часто. Кроме того, этот прием постоянно использовали калмыцкие мастера храмовой живописи, подчеркивая единство мира.

В поисках точных деталей Фаворский старается ничего не упустить. Он объездил почти все улусы степной республики, встречался со многими людьми. Героев эпоса художник искал и находил в современной жизни. Так, Д. Л. Басангова вспоминает, что богатыря Савара он писал с Н. Л. Гаряева, тогдашнего председателя Совнаркома Калмыцкой АССР. Известно, что прототипом Хонгора стал каспийский рыбак. В колхозном кузнице художник увидел прообраз Джангара. Местность под Яшкулем послужила пейзажем для фронтисписа к вступлению эпоса. В рисунках присутствует почти весь животный мир степи. Позже, в Москве художник обошел все запасники Исторического музея, Оружейной палаты, изучая доспехи и вооружение древних воинов.

Но главное открытие, которое ожидало Фаворского в Калмыкии, — это были люди. Калмыцкий эпос не был для художника все-таки чем-то совершенно незнакомым. Он вспоминал, что дома у них хранился сборник академика Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос», не однажды им перечитанный. Но в Калмыкии, наблюдая за выступлениями выдающихся джангарчи Мукебена Басангова, Давы Шавалиева, за слушателями, чутко реагирующими на голос певца, Фаворский был поражен, увидев, насколько живо и реально воспринимают калмыки героев эпоса. С удивлением и легкой улыбкой он писал, что когда использовал этюд с одного старика для образа Шигширги, то старик, узнав об этом, был доволен, но заметил, что художник все-таки напутал, так как он не из рода Шигширги, а Алтана Цеджи, другого богатыря. Известна фраза, сказанная Фаворским после поездки: «Сначала калмыки показались мне чудными, а потом чудными».

* * *

Фаворский верно почувствовал живое ощущение эпоса, царившее в Калмыкии. Он также хорошо понимал возросшие эстетические требования народа. Художник приходит к мысли, что иллюстрировать «Джангар» необходимо в соответствии с современным народным пониманием его образов, соединяя «реалистические тенденции со стилевыми чертами калмыцкого искусства». Иначе в погоне за древностью характера эпоса можно было потерять конкретное.

В работе над иллюстрациями «Джангара» Фаворский придерживался нескольких принципиальных художественных приемов. Превеличения эпоса художник понимал не как нечто гипертрофиро-

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

ванное, — величие, мощь богатыря он постарался передать осанкой, движением. Герои песен были одеты в костюмы, которые сложились у калмыков в XIX — начале XX века. Более древний костюм мог отдалить, сделать их чуждыми народу. В боевой одежде допускалась некоторая стилизация. И последнее: хотя «Джангар» исторически возник в Джунгарии, на Алтае, художник преимущественно изобразил пейзаж приволжских степей, где калмыки проживали к этому времени свыше трехсот лет.

Фаворским и его учениками к вступлению и каждой из двенадцати песен эпоса, вошедших в калмыцкое и русское издания «Джангара», были сделаны цветные фронтисписы. В книге русского перевода кроме этого содержались черные полосные и небольшие иллюстрации в тексте.

Калмыцкие читатели с нетерпением ожидали тогда окончания работы художника. Было интересно, как он прочтет знакомый и дорогой всем эпос. И вот книги «Джангара» увидели свет. Иллюстрации Фаворского имели исключительный успех. Казалось, что именно такими — одухотворенными, мятежными, по-че-

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

ловчески знакомыми — и должны быть герои «Джангара». Каждое движение, поза, жест очень естественны, свободны. Это были личности смелые, талантливые, красивые, способные на захватывающий дух героизм, благородство, ибо прекрасна и высока их цель — свобода и счастье Родины. Работа художника воспринималась как настоящая поэзия в переложении на язык живописи и графики.

Фаворский показал себя блестящим интерпретатором калмыцкого эпоса. Его рисунки отличались выразительными характеристиками богатырей, тонким проникновением в социальную, нравственную суть эпоса. Точность бытовых деталей, узнаваемость пейзажей делали их особенно правдивыми. Все оформление книги соответствовало героико-романтическому характеру эпоса.

Отдельно стоит сказать о безупречной технике рисунков. Известно, что Фаворский придавал большое значение работе над гравюрами «Джангара» как художественному приему в книжной графике, как своеобразному этапу в своей деятельности художника.

* * *

Фаворский сожалел, что время, отпущенное для работы над иллюстрациями к «Джангару», было слишком кратким и возможно что-то он упустил.

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

На фронтисписе к первой песне художник изобразил старого богатыря Шигширги. «Через фигуру Шигширги, — писал он, — видится трудная, большей частью в тяжелой борьбе проходившая жизнь калмыцкого народа»⁴. Свой выбор мастер мотивировал тем, что Шигширги — древний персонаж эпоса. Помню, впервые узнав об этом, я был очень удивлен. Калмыцкими читателями этот портрет воспринимается как портрет Алтана Цеджи, знаменитого ясновидца. В чем тут дело? Шигширги — это периферийный герой эпоса, образ очень архаичный. К тому же он однажды хотел было погубить Джангара, народного любимца. Алтан Цеджи, один из активных героев «Джангариады», почтенный мудрец, предсказавший великое будущее Джангара. Но портрет от этого ничего не потерял. Глядя на него, мы видим человека со спокойным, мудрым взглядом, прожившего долгую, сложную жизнь и сохранившего не только былую мощь богатыря, но и человеческое достоинство.

* * *

День, когда Фаворский получил заказ на иллюстрирование «Джангара», он назвал счастливым. Но и его труд получил счастливую судьбу, он драгоценным достоянием вошел в художественное сознание Калмыкии, как и Калмыкия вошла в сердце художника.

В. Фаворский. Иллюстрация к «Джангару». 1940 г.

Позднее он писал своей ученице В. Федяевской, помогавшей в исполнении гравюр: «Сейчас работаю над картиной на холсте, небольшой... Тема — праздник в Калмыкии, ну как бы песнь о милых мне калмыках... Я когда-то присутствовал на джигитовке, скакала девушка, все это я и изображаю. Работаю с большим удовольствием»⁵. Этот холст, «Весенний праздник в Калмыкии», Фаворский передал в дар картинной галерее в Элисте.

Вот уже больше двадцати лет нет художника с нами. Нет многих из тех людей, с которыми он встречался в Калмыкии. Но любовь моего народа к великому художнику живет, не умирает. Его работа выдержала испытание временем. Сегодня становится ясным, что этот опыт художника расширил творческие границы и калмыцкого искусства. Благородство и щедрость таланта Фаворского возвысили и украсили калмыцкий эпос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Фаворский. Как я работал над «Джангаром» // Детская литература. 1940. № 5. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Личный архив В. К. Федяевской.

*О. Дашбалбар
К. Яцковская*

КНИГА В ЖИЗНИ М. ЦЭДЭНДОРЖА (диалог)

К. Я. — Одним из страстных книжников, как встарь в Монголии называли творцов, почитателей и хранителей ном'ов-книг, был современный монгольский писатель, ваш наставник, Дашбалбар, Мишигийн Цэдэндорж.

О. Д. — Вы правы. Он был великим знатоком книги и необыкновенным книголюбом.

К. Я. — Есть удивительно точный фотопортрет Цэдэндоржа, выполненный монгольским мастером фотографии Р. Гомбожавом. Цэдэндорж держит в руках две, видимо, новые книги, которые пополнят его редкостную библиотеку. На лице, обращенном к книгам, светится улыбка.

Насколько я помню, Цэдэндоржа редко можно было увидеть без книги. Словно, они заменяли ему привычные для других людей четки. Наверное, трудно сказать, сколько книг прочитали его неожиданные для монгола светлые глаза, сколько радости подарил он людям, выпуская авторские книги, переводя поэзию, прозу из иностранной литературы.

О. Д. — Цэдэндорж много трудился. Он оставил щедрое наследство после своей скоропостижной кончины... Он прожил пятьдесят лет... Им написано десять книг. И более десяти книг переведено. Если считать, что он дебютировал в двадцать пять лет, то выходит, что почти каждый год он выпускал по книге. Не забудем еще редакторской работы, которой он был занят постоянно. Не одно поколение монгольских поэтов переступали порог его дома, для каждого он находил доброе слово, совет, участие. Он обладал даром публициста. В газетах, журналах рассыпаны его очерки, статьи, литературные портреты. Даже друзья удивлялись, когда он все успевал.

К. Я. — И вас, Дашбалбар, в великую страну Поэзии добрым словом напутствовал Цэдэндорж. Кажется, это было совсем недавно. Мы встретились на центральной площади Улан-Батора. Цэдэндорж представил Вас мне как подающего большие надежды поэта. И тут же обратил мое внимание на Вашу тягу к книге: «Каждую

Мишингийн Цэдэндорж. Фото Р. Гомбожава

новинку покупает. Только что появилась книга Кайсына Кулиева. Она уже в его руках».

О. Д. — Молодые поэты, обиженные иногда жестким словом, нечуткостью, отчаявшиеся из-за неудач, часто приходили к Цэдэндоржу. И будто он не говорил в утешение никаких особенных слов, а уходили от него с облегчением в душе. Внешне он казался спокойным, невозмутимым, но его собственная душа болела за все. Он тяжело переживал войну во Вьетнаме, мучительно воспринимал весть о разразившемся стихийном бедствии в стране; сострадал провалившемуся на экзамене абитуриенту — земляку, тревожился за заболевшего товарища, беспокоился о судьбе молодого поэта... И все это безмолвно, лишь участвуя душой, разделяя несчастья, утишая страдания. Он был деятельным человеком и нераздельно — деятельным писателем. Он особенно спешил что-нибудь сделать, чтобы сказать людям, как важно согласие в борьбе против войны. «Нет ничего на свете опаснее войны», — не переставал он повторять и сам спешил вооружить соотечественников Словом, Книгой, зовущей к миру. Цэдэндорж перевел на монгольский язык романы Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол»; прочитав «Реквием» Р. Рождественского, он перевел его и тотчас опубликовал. Он соста-

вил сборник стихотворений самых миролюбивых поэтов мира: Б. Брехта, П. Неруды, Н. Хикмета и Л. Арагона. А гонорар за эту книгу передал в Фонд мира.

Цэдэндорж воспитывал в нас, молодых, чувство гражданского долга, учил слушать современную эпоху. Он и сам не останавливался в постижении жизни, вместе с молодыми искал пути, знаки будущего, и реализовывал свои идеи, беспрестанно переводя нужные, по его мнению, книги для молодежи Монголии.

К. Я. — Цэдэндоржа, без сомнения, можно назвать современным просветителем. Он — прямой наследник деятелей монгольской культуры, которые еще в двадцатые годы последовали совету А. М. Горького: переводить те книги из художественной литературы, которые зовут к деятельной свободе. Не случайно такой деятель монгольского просвещения, как Э. Батухан, обратился в 1925 году с письмом к великому пролетарскому писателю за советом: что в первую очередь переводить для монгольских аратов из мировой литературы. Обращает на себя внимание то, что Цэдэндорж не ограничивался переводом книги, он непременно писал к ней вступительную статью, в которой рассказывал об авторе, о литературе его страны, непременно делился с читателем своим отношением к переведенному автору, своими размышлениями о человеческой общности разных литератур мира.

О. Д. — Да, Цэдэндорж по-особому умел ввести книгу иностранного автора в круг чтения монголов. Он был признанным мастером предисловий. Цэдэндорж составил и перевел первую у нас в стране «Антологию советской поэзии». Она вышла в двух томах. В предисловии к первому тому Цэдэндорж говорил с читателем о том, чем ему самому дорога советская поэзия, как он ее воспринимает, почему монгольские читатели должны спешить к знакомству с советскими поэтами. «Советская поэзия, — писал Цэдэндорж, — стремится к тому, чтобы как можно полнее раскрыть, показать, что есть мир сегодня. В ней творят поэты не одного края, не одной реки, не замкнутого круга людей, не певцы лишь природы, общества, быта: они стали поэтами мира, которые с философских позиций сострадают судьбам человеческим всего мира; движимые самыми добрыми чувствами, они выдвигают гуманистические идеи прежде всего. И если еще добавить такие черты советской поэзии, как интернациональное и национальное своеобразие, то мы получим еще один ее критерий.

В их стихах соединились революция и любовь. В их стихах слились новая жизнь, история и будущее. Им нестерпимы ужасы войны, они говорят правду о ликах горя и счастья, справедливость они выносят на свои знамена. Из их стихов можно узнать о жизни друзей-соседей, постичь их душу.

Я уподобляюсь тому сыну, что, как гласит легенда, посвятил свою жизнь поискам и борьбе за вечную рашияну, дабы дать ро-

дившей его матери бессмертие, так как я считаю советскую поэзию целительным источником всего самого доброго и потому хочу дать моему монгольскому народу отведасть его. Я говорю *отведасть*, потому что советская поэзия безмерно богата и широка, а то, что я перевел, лишь малая толика ее».

Цэдэндорж работал над переводами из советской поэзии, писал маленькие эссе о советских поэтах с великой любовью в сердце к Советской стране, к ее людям и, конечно же, к поэтам. Его поэтический слух, душа легко и точно воспринимали голоса больших поэтов. И он мобилизовывал весь свой талант, призывал волшебные силы народной поэзии, классиков монгольской лирики, чтобы сделать художественный перевод достойным оригинала, чтобы обогатить родную поэзию голосом друга.

К. Я. — Пожалуй, книги Цэдэндоржа с его переводами из советской поэзии остаются уникальными изданиями до сих пор. Не только по своим поэтическим переводам-шедеврам, но и потому что в них было заложено и много мыслей, и много знаний. Книги оригинальны тем, что их открывают как бы писатели из разных стран мира, говоря о советской литературе, о советских поэтах. Среди них — Пабло Неруда, Рафаэль Альберти, Карло Леви, Мулк Радж Анаид, Мартин Андерсен Нексе и крупнейшие монгольские литераторы — С. Буяннэмэх, Б. Ринчен, Ч. Лхамсурэн, Ц. Дамдинсурэн, Ц. Цэдэнжав, Д. Намдаг, Ц. Гайтав. И еще. Представляя поэзию разных советских авторов — о них и библиографические справки были составлены тоже самим переводчиком, — Цэдэндорж рядом с монгольским названием того или иного включенного в книгу стихотворения в оглавлении поместил и название оригинала по-русски. Любкой советский поэт, не зная монгольского, взяв в руки эту книгу, сразу увидит, что выбрал из его творчества монгольский поэт.

О. Д. — Цэдэндорж был знаком, очно или заочно, со многими советскими поэтами, писателями. В его библиотеке — свидетели творческой дружбы — книги, подаренные Э. Межелайтисом, Р. Гамзатовым, Е. Евтушенко и другими с необыкновенными словами-посвящениями дарителей. Не будет преувеличением сказать, что в области поэтического перевода Цэдэндоржу не было равных! Не идет из памяти, как мастерски, как тонко по-монгольски он передал поэзию и глубокий смысл стихотворения Е. Евтушенко «Идут белые снеги...» Из перевода мы узнаем, насколько тонко Цэдэндорж чувствовал иноязычную поэзию, насколько богат у него был родной язык. Как тихо, задумчиво, по-монгольски звучит строка «Цаган цасан бударна» евтушенковского зачина «Идут белые снеги».

Яркий талант Цэдэндоржа открывается читателям и в книгах — переводах из Р. Бернса, Ф. Вийона, Г. Лорки.

К. Я. — Однако, будем внимательны, и скажем, что монгольский

читатель одно время не вполне одобрительно встречал переводы, сделанные Цэдэндоржем.

О. Д. — О, вопрос вопросов — поэтический художественный перевод! В его оценке так легко впасть в заблуждение. Объективность требует многих слагаемых. И Вы правы, после выхода в свет первого тома «Антологии советской поэзии» была рецензия крупнейшего нашего поэта Явуухулана, в которой он попенял Цэдэндоржу: мол, разве может один поэт переводить нескольких поэтов, отличных друг от друга... Может быть было бы лучше привлечь к переводу разных поэтов?! Надо признать, что сам Явуухулан переводил мало и был весьма избирателен. Он переводил из С. Есенина, Ли Бо. Увлекался японскими хайку и писал свои краткостишя в подражание... Некоторые читатели, в особенности те, кто не имел возможности сравнить переводы Цэдэндоржа с русским оригиналом, а значит иметь собственное мнение, подхватили упрек переводчику и повторяли, что в его переводах мало остается от поэзии авторов...

К. Я. — Знакомые по дискуссиям о переводах аргументы! Но как все эти суждения далеки от настоящего творческого переложения поэзии на язык поэзии. Ведь это прекрасно, если перевод становится достоянием родной поэзии переводчика!

О. Д. — Смею заверить, что именно такими были переводы Цэдэндоржа, поэта необыкновенного. Красоту и мастерство Цэдэндоржа-переводчика можно почувствовать в любом переведенном им произведении.

Хотелось бы назвать еще несколько книг, оставленных нам Цэдэндоржем. Это принадлежащие ему выпуски томов, куда он собрал эссе, статьи научные и публицистические, путевые заметки и фрагменты мемуарной литературы, написанные людьми, повидавшими его родину, а то и посвятившими ее изучению свою жизнь. Я имею в виду книги — «Иностранцы о Монголии» и «Иностранцы о монгольской литературе». Последний том, который он готовил по новым поступлениям в свою библиотеку, вышел через несколько лет после кончины Цэдэндоржа. Эстафету подхватил известный литератор-переводчик Б. Энзбиш.

К. Я. — Жизнь одарила меня дружбой с Цэдэндоржем. Почти все свои поэтические книги он мне присылал с дарственной надписью. Заботился и о книгах, которые необходимы были для моих занятий монгольской литературой. И на них непременно стоял автограф.

О. Д. — Он ставил его на каждую книгу, которую приобретал. Об этом у него есть даже поэтическое двустишие: Имя на книге свое — Сторожить ее поставил.

К. Я. — Книги, на которых стоит имя Цэдэндоржа, говорят нам не только о его доброте, таланте, эрудиции, всегда удивлявшей работоспособности. Они открывают нам человека, понимавшего

своеобразие голосов множества поэтов из разных уголков нашей планеты и спешившего поделиться каждый раз открытием нового имени со своим народом, переводя на родной язык стихотворения из сокровищницы мировой поэзии. Человек щедрой души, он не мог не делиться с людьми всем, что у него было, что он знал. Нередко в авторских книгах Цэдэндоржа встречается его комментарий. Вчитаемся в один из комментариев в последней книге «Пейзажи и портреты», в тот, что заключает раздел краткостишй. Цэдэндорж обращает внимание читателя на то, что дает возможность увидеть родную словесность в контексте всеобщей книги восточной поэзии: «Исторически сложилось так, что на Востоке издревле основой основ поэзии стали сочинения в несколько строк, когда глубокая мысль и чувство получают самое краткое выражение. Эта традиция живет в монгольских триадах, японских хайку, персидских рубайи...» Цэдэндорж жил для книги, отдал книге весь свой талант и теперь остается своими книгами среди нас. В книгах Цэдэндоржа звучит его живой голос, бьется его сердце. Ко всем людям обращены его слова, сказанные стихотворцам: «О поэты, как мир нам спасти?!» Хочется верить, что творческое наследие Цэдэндоржа будет радовать новые поколения читателей, они будут открывать его книги и погружаться в мир его поэзии, где, как в старинной народной песне, рядом воспеты родная природа и человек.

ПУШКИН НА МОНГОЛЬСКОМ

Личное знакомство Александра Сергеевича Пушкина с Монголией так и не состоялось. Но, несомненно, что Монголия — первая восточная страна, о которой поэт непосредственно узнал от путешественников и исследователей, побывавших в далеких азиатских степях. Не исключено, что интерес к Монголии и Центральной Азии у поэта был связан с мыслями о судьбах друзей-декабристов, отбывавших ссылку на самой что ни на есть российско-монгольской границе. В воспоминаниях М. П. Погодина о литературном салоне князя В. Ф. Одоевского упоминается, что «...здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин)». Кто в те годы не знал мятежного монаха Бичурина, известного исследователя Монголии и Китая, подвижника отечественного востоковедения! Именно он подарил Пушкину свои книги «Описание Чжунгарии» и «Записки о Монголии», именно к его трудам прибегал поэт во время работы над «Историей Пугачевского бунта».

Случайно или нет, но монголы ранее других восточных народов узнали о том, кто такой Пушкин, первыми в Азии прочитали его произведения. С появлением в Урге (дореволюционное название Улан-Батора) в 1861 году русско-монгольской школы началось изучение пусть еще незначительной горсткой молодых людей русской литературы, и прежде всего пушкинского наследия. В доме российского консула, генерала Я. П. Шишмарева, который провел в Урге почти 50 лет до начала XX века, находилась богатая библиотека; особенно почетное место в ней было отведено книгам Пушкина. А дом Шишмарева во всех отношениях был необыкновенен, это было «Царское Село» российского востоковедения. Здесь нашли сердечный прием и большую поддержку великие русские путешественники: Н. Пржевальский, А. Позднеев, Г. Потанин, П. Козлов, В. Обручев и многие другие представители блестящей плеяды исследователей Центральной Азии.

Русская колония в Урге, несомненно, способствовала приобщению монгольского населения к достижениям российской и западной культуры. Но если до Народной революции 1921 года про-

изведения Пушкина и других русских писателей и поэтов были доступны лишь небольшой части населения, владевшей русским языком, то в 20—30-е годы молодые и дерзкие монгольские поэты начали последовательно претворять в жизнь совет великого пролетарского писателя А. М. Горького об осуществлении перевода на монгольский язык «...книг, в которых выражен принцип активности» («Унэн», 1933, 16 марта). Совсем не случайно они выбрали для этой цели произведения Пушкина. В 1936 году в переводах известных монгольских писателей Д. Нацагдоржа, Б. Ринчена и Ц. Дамдинсурэна появились первые известные переводы пушкинских стихов. В связи со столетием трагической смерти поэта вышел в 1937 году первый сборник произведений А. С. Пушкина, в который вошли как поэтические, так и прозаические произведения. Активно тянувшиеся к новым знаниям монгольские читатели получили в переводе на монгольский и «Бориса Годунова», и «Анчар», и «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». В 1949 году вышло уже сразу два сборника пушкинских произведений, а в 1979 произведения поэта были опубликованы массовым тиражом в более совершенных переводах.

Большим событием в литературной жизни Монголии стал полный перевод и издание в 1956 году на монгольском языке романа в стихах «Евгений Онегин». Талантливый переводчик и поэт Ч. Чимид, которому в годы работы над переводом было столько же лет, сколько Александру Сергеевичу при написании «Евгения Онегина», заслуживает искренней признательности не только за то, что сумел великолепно передать пушкинские мотивы монгольским слогом, но и за его рыцарское отношение к Наталье Гончаровой, которую он защитил в своем стихотворении от всяческих домыслов и предположений:

...Того, кто верит в ложь,
Что паутиной серой
Летала над сырой и затхлой тьмой, —
Поэт еще раз вызовет к барьеру!
Коль нет — я им бросаю вызов мой!

И еще один штрих к теме «Пушкин и Монголия»: мне хотелось бы вспомнить о родившейся здесь, под азиатским солнцем, в Улан-Баторе, Наде Рушевой, в бессмертных рисунках которой так органично живет дух пушкинской поэзии.

МОНГОЛЬСКИЕ КНИГИ В КАЛМЫКИИ

Калмыцкая литература неразрывно связана с монгольской, корни их едины и уходят в далекое историческое прошлое.

В последние годы стало доброй традицией — публиковать произведения монгольских писателей на страницах общественно-политического и литературно-художественного «Теегин герл» («Свет в степи») в переводе на калмыцкий язык. Заметное место переводческая деятельность занимает в творчестве народных поэтов Калмыкии Санджи Каляева (ныне покойного) и Боси Сангаджиевой. Ими переведены лирические и героико-патриотические стихи лауреата Государственных премий МНР Ц. Дамдинсурэна, лауреатов Государственной премии МНР Б. Явуухулана, Ч. Чимида и многих других.

Широкий отклик у читателей вызвали стихи Д. Тарвы, С. Удвал, С. Дашдэндэва, Д. Цэдэва и в переводе народного поэта Калмыкии Лиджи Инджиева поэтов Б. Дорджиева, В. Нурова, А. Джимбиева. Рассказы лауреата премии Союза монгольских писателей Д. Гармы переведены на калмыцкий писателями Л. Инджиевым и В. Нуровым.

Повести лауреата Государственной премии МНР С. Эрдэнэ «Девичье лето», лауреата премии Союза монгольских писателей С. Пурэва «Планета следует за солнцем», рассказы В. Бааста «Халцедоновая чаша», «Встреча», «Белые горные цветы», многие рассказы П. Лувсанцэрэна, Ц. Базаррагчаа прозвучали по республиканскому радио, опубликованы на страницах республиканской газеты «Хальмг унн» («Калмыцкая правда»), журнала «Теегин герл» в переводе Елизаветы Босхомджиевой, окончившей отделение перевода с монгольского Литературного института имени А. М. Горького.

Традицию, начатую писателями старшего поколения, достойно продолжают молодые литераторы Калмыкии.

*С. Жамбалдорж
Ш. Чудуунбаатар*

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ МОНГОЛОВ

С древних времен книга почиталась кочевниками Монголии. Книгу не разрешалось бросать на землю, наступать на нее, как-либо неуважительно относиться к ней. Недаром в сочинении XVII века «Элдэв сургаал оршвой» («Собрание разных наставлений»), хранящемся в Государственной публичной библиотеке Улан-Батора, говорится:

Книга — это ступени в горы высокие.

Книга — это плот в море широком.

Книга — это светоч во мраке невежества.

Книга — это верный путеводитель в дороге дальней.

Книга — это пища в пути далеком.

Книга — это указатель в месте глухом.

Книга — это любовь, которая не оставляет тебя в беде.

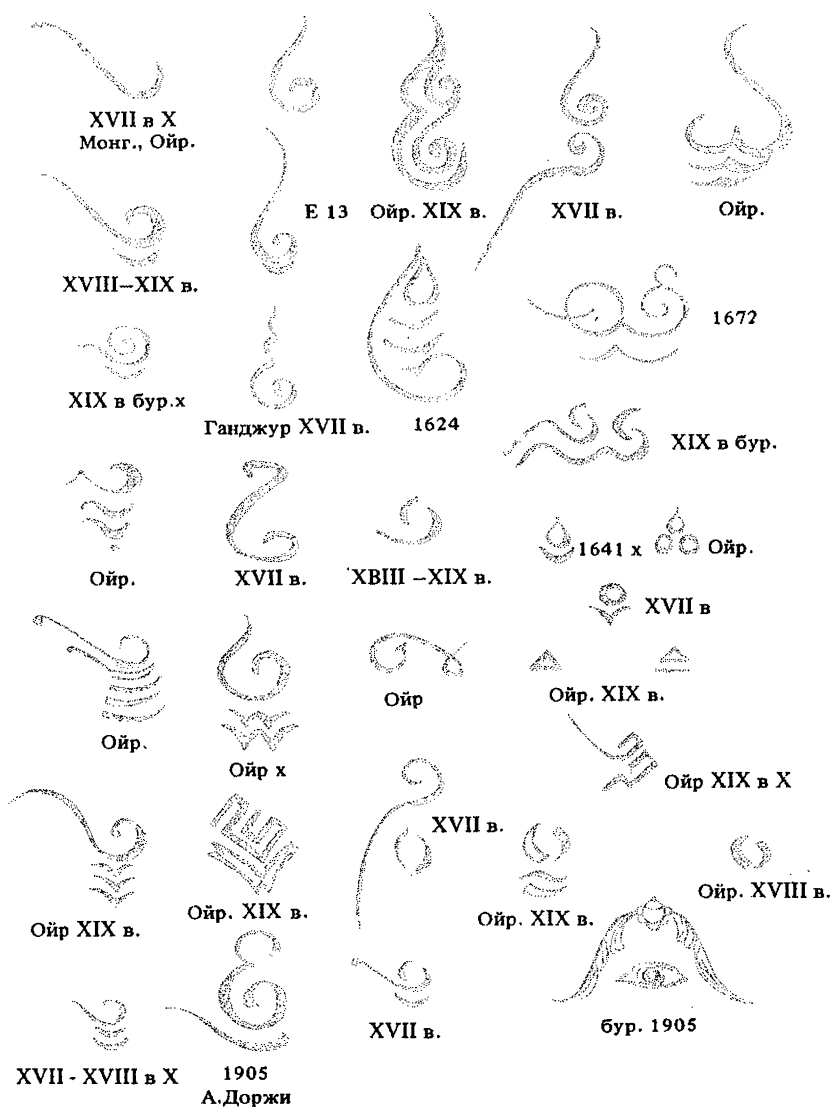
Книга — это сокровище, которое не похитить вору.

Начертанное слово у монголов пользовалось большим уважением. Официальные бумаги и документы XIII—XIV вв. содержали обычно угрозу тому, кто относился к ним небрежно: «Кто ослушается, да будет покаран смертью!»

Можно с полным правом сказать, что среди народов, известных кочевым образом жизни, только монголы и арабы создали такую огромную литературу, и если ученые-арабисты сделали немало для ознакомления европейских народов с сокровищами арабской литературы и народной словесности, то долг монголистов сделать то же и познакомить мировую общественность с устной и письменной литературой, народной словесностью монголов.

Исходя из этого, авторы статьи — буддолог и журналист — задались целью познакомить читателей с уникальным собранием монгольских книжных знаков — экслибрисов.

Десятки тысяч рукописей, ксилографов и манускриптов, хранящихся в Государственной публичной библиотеке и в библиотеке монастыря Гандан-тэгчилэн в Улан-Баторе, свидетельствуют о необычайном богатстве монгольской письменной литературы.

В фондах публичной библиотеки и библиотеки монастыря Гандан-тэгчилэн хранятся также уникальные рукописные книги, написанные каллиграфическим почерком, на последних листах которых стоят своеобразные экслибрисы авторов, переводчиков или переписчиков данной книги.

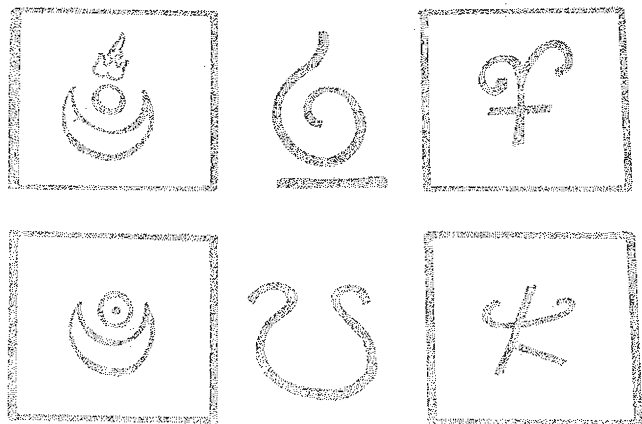
В богатой коллекции буддолога Чулуунбаатара, насчитывающей около 2000 монгольских книжных знаков, экслибрисы представлены во всем их многообразии. При более пристальном рассмотрении этих экслибрисов вырисовывается не только история письменности монголов, — в них нашла отражение история мышления нашего кочевого народа.

Мы постарались приблизительно классифицировать эти знаки семиотически следующим образом:

1. Пиктограммические знаки
2. Родовые знаки
3. Рисуночно-начертательные знаки (геометрические фигуры)
4. Знаки орнаментального характера
5. Знаки магического и культового характера
6. Повествовательные изображения или описательно-изобразительные приемы
7. Логограммические знаки (словесные знаки)
8. Иконографические знаки
9. Геральдические знаки
10. Зооморфные знаки
11. Символические знаки
12. Юмористические знаки и печати
13. Астрономические знаки
14. Ассоциативные знаки
15. Знаки начала текста
16. Знаки конца текста
17. Подписи (надпись)
18. Эмблемы
19. Алфавитно-буквенные знаки
 - а) знаки уйгурского письма
 - б) знаки квадратного письма (XIV в.)
 - в) знаки ясного монгольского письма (XVI в.)
 - г) знаки санскритского письма
 - д) знаки письма «Соёмбо»
 - е) знаки тибетского письма
 - ж) знаки кириллицы
 - з) знаки латинского и других европейских алфавитов.

Книжные знаки можно определить и хронологически систематизировать следующим образом:

1. Книжные знаки с XIII по XX в.
2. Современные книжные знаки (со времени победы Народной Революции, т. е. с 1921 года).

По назначению их можно квалифицировать как:

1. Книжные знаки принадлежности
2. Книжные знаки оформительского характера
3. Книжные знаки организаций и общественных институтов.

Книжные знаки можно подразделить и по характеру изготовления: литье из бронзы, латуни, меди; гравюра по дереву; гравюра по меди; знаки, написанные бамбуковым пером; знаки, написанные кистью; линогравюра; ксилография; стеклогравюра; резиновый штамп; цинкография; литография.

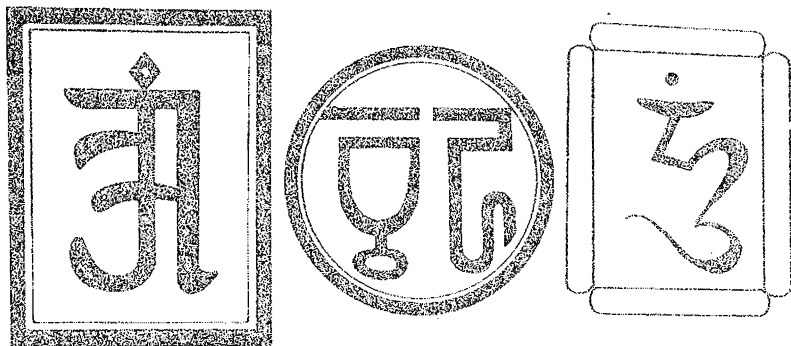
По форме они бывают круглые, квадратные и другие.

Сами монголы делили книжные знаки на два типа:

а) «Тамга» (или «печать») — применялся в служебных бумагах, это официальный знак владельца (хана, ноёна). В настоящее время это — печать той или иной организации, библиотеки.

б) «Гарын тийз» (или «личный знак») — применяется как знак собственности (т. е. отличительный знак владельца данной книги) и как знак творца книги (отличительный знак того, кто создавал, оформлял, тиражировал книгу, то есть автора, переводчика, печатника, писца и т. д.).

Надо отметить, что в книжных знаках монголов до XX века почти отсутствовало полное имя обладателя экслибриса. Они несли в себе лишь символическое отображение образного мышления данного индивида. В большинстве случаев в этих знаках имеются только начальные буквы инициалов или символические знаки автора, переводчика, писца. Поэтому трудно определить принадлежность книжного знака. В «Тамге» давалась подробная запись, в которой ясно указывалось общественное положение обладателя «Тамги» и его полное имя. Интересно отметить, что изготовление печатей включало в себя особый вид художественной обработки металла. Чаще всего их делали из серебра, массивными, квадратной формы.

Печать имела изящную ручку. Иногда печать отливали в виде «фигуры тигра или дракона, олицетворяющих силу и исполнение всех желаний».

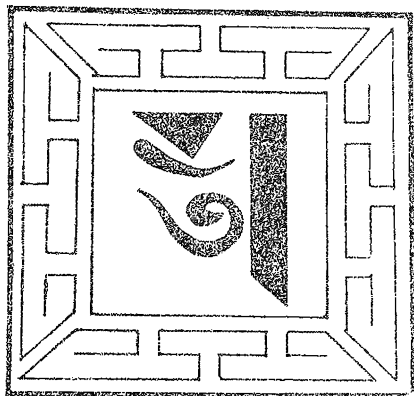
В монгольских книгах, равно как и в индотибетских, широко применялись особые знаки начала и конца текста. Вероятно, они заимствованы из тибетской традиции, где соответствующий знак обозначает начало или конец текста, иногда — начало или конец стихотворения.

Вопрос о времени возникновения книжных знаков у монголов остается открытым. Буддолог Чулун-Батор полагает, что монголы начали применять «печать» в письменных донесениях в XIII веке, а в начале XV века уже имели книжные знаки. Он же справедливо относит древние родовые знаки к истокам книжных знаков у монголов.

Действительно, можно провести линию связи с древнемонгольскими родовыми знаками. Это подтверждается тем, что многие книжные знаки в нашей коллекции являются символическим продолжением ряда древних родоплеменных традиций и различий.

Одной из характерных черт монгольских книжных знаков является их символическость. Вообще символы в духовной жизни и в быту монголов играли большую роль. В связи с этим необходимо остановиться на книжных знаках орнаментального характера.

Монгольский орнамент прошел почти тысячелетний путь развития. Все, окружающее человека, начиная с солнца и луны, огня, воды, растений, животных, воспроизводилось в орнаменте. Подобно тому, как музыка, отображая жизнь, воодушевляет человека, точно так же и орнамент, обладающий своеобразным языком воспроизведения жизни, является ключом для познания духовной культуры прошлых поколений. Обоожествление солнца и луны, возникновение солярных кругов вызвало появление орнаментальных книжных знаков в виде одного или нескольких кругов с расходящимися лучами, напоминающих колесо, орнаментов из очиров —

знаков молний — символов непобедимого могущества, защиты от зла. Орнамент из трех кругов («три драгоценности») символизировал единство души, тела и слова. Бадамцэцэг — цветущий белый лотос — олицетворял чистоту души и помыслов человека.

С глубокой древности у монгольского народа получил распространение роговидный узор (эвэр угалз), как бы повторяющий могучие изгибы рогов диких баранов. В дальнейшем в книжных знаках этот орнамент несколько видоизменялся и усложнялся.

Среди книжных знаков орнаментального характера наиболее часто встречаются следующие: алхан хээ — узор, напоминающий древнегреческий меандр, символизирующий отсутствие начала и конца (вечность); улцзий — плетенка — символ бесконечности и другие.

Подобно тому, как на протяжении веков фольклор и литература монголов обогащались заимствованием из древнеиндийской, арабской, китайской и тибетской литератур, точно так же многие орнаментальные и сюжетные мотивы искусства этих стран органично вошли в искусство и культуру нашего народа.

Так, из древнеиндийской культуры монголы заимствовали для своих книжных знаков колесо — астральный символ солнца.

Большой интерес представляют книжные знаки, в которых символическим образом использованы геометрические фигуры, а также элементы зооморфных фигур. Например, квадрат (или двойной квадрат) олицетворял безграничное существование: «Сав, шимийн ертенц».

Круг или двойной круг олицетворяли «сав, шимийн ертенц хязгааргүй орчин эргэлдэж байдаг» (вечный круговорот органического и неорганического миров). Полумесяц в круге — «знак того, что жизнь находится всегда в движении». Единственный открытый глаз означал: «Билгууний нудэн нээгдэх болтугай» (пусть открываются глаза на знание); открытый глаз с солнцем и луной, помещен-

ными в квадрат, олицетворял «Орчлонгийн ёсонд зөв ухаарагтун» (правильное понимание мирового порядка).

Немалое место среди экслибрисов занимали зооморфные знаки. Из живых существ, которые фигурируют в книжных знаках монголов, можно назвать льва, различных рыб и птиц. Чаще других изображали легендарную мифическую гаруди, считавшуюся в древности царь-птицей.

Что означало изображение льва в книжных знаках монголов?

На востоке, особенно в Индии, Тибете, Бутане, Сикхиме и Монголии, с древних времен лев считался самым могущественным животным, воплощавшим в себе силу и отвагу. Недаром в борьбе — национальном монгольском виде спорта — звание «лев» до сих пор осталось титулом борцов высшей категории.

Когда же в книжных знаках льва изображали с мечом, то это означало: «Мунхгийн харанхуйг арилгагч» (сила просвещения освобождает из мрака невежества).

Если в экслибрисе показан лев с луком и стрелой, то это выражало идею о неразрывном единстве «арга ба билэг» — природы и мудрости.

Вообще в книжных знаках широко использовался символический знак — «арга ба билэг», олицетворяющий «природу и мудрость» или, в философском смысле, «материю и дух». Монгольский

«арга ба билэг» в чем-то схож с древнегреческим символом дуальности, «инь и ян», выражающим единство светлого и темного, жизнь и смерть, но не совсем тождественен ему.

В монгольских книжных знаках «арга ба билэг» могут быть представлены в виде «Солнца и луны», или «Солнца, луны и трех язычков пламени», или же в виде двух рыб.

Например, солнце, луна и три язычка огня символизируют «арга ба билэг» таким образом: пусть процветает «природа и мудрость» в трех измерениях времени (в прошлом, в настоящем и в будущем).

Символический образ двух рыб в книжных знаках использовался для передачи идеи единства мужского и женского начал, активного и пассивного, существующих в органическом и неорганическом мире; кроме того, незакрывающиеся глаза рыб означали мудрость, немеркнущий свет знания.

Среди астрономических символов, используемых в экслибрисах, можно выделить монгольские знаки зодиака.

1. Воскресенья: «Нар» — «Солнце»; 2. Понедельника: «Хавирган сар» — «Полумесяц»; 3. Вторника: «Улаан нудэн» — «Красный глаз» (планета Марс); 4. Среды: «Гар» — «Рука»; 5. Четверга: «Тэнгэрийн сум» — «Стрела небесная»; 6. Пятницы: «Эвдэгч» — «Побеждающий»; 7. Субботы: «Хангарьд» — мифическая царь-птица «Гаруди».

Большое распространение получили алфавитно-буквенные элементы в книжных знаках.

Письмо, которым пользовались монголы в течение семи столетий, было названо ими самими уйгуро-монгольским. Однако для книжных знаков им до XX века мало пользовались; ныне, напротив, у монгольских экслибрисистов оно занимает ведущее место.

Пагба-ламой (1234—1279), тибетцем по происхождению, был составлен монгольский алфавит, названный «Дурбэлжин бичиг» — «Квадратное письмо», и в 1269 году оно было объявлено государственным официальным алфавитом. Вот это письмо широко применялось в книжных знаках монголов.

В XVII веке ойратский Дзая-пандита Намхайджамцо (1599 — 1662) создает ойрат-монгольский алфавит «Тод бичиг» — «Ясное письмо». Из нашей коллекции видно, что «ясное письмо» и его элементы также широко использовались для книжных знаков.

Монгольская письменность в своей истории располагает еще одним алфавитом — «Соёмбо». Он создан в 1686 году первым монгольским богдогэгэном-Дзанабадзаром. Сам «Соёмбо» или, вернее, первый знак этого алфавита до сих пор сохраняется на государственном флаге Монгольской Народной Республики и служит символом борьбы монгольского народа за свою свободу и независимость.

Идеограмма соёмбо с давних пор служит у монголов национальной эмблемой свободы и независимости. «Соёмбо» состоит из нескольких элементов, которые в своей совокупности воплощают эту идею.

Вверху эта эмблема увенчана символическим знаком огня. Известно, что в монгольской народной символике огонь означает расцвет, возрождение, подъем. Огонь означает также продолжение жизни, расцвет семьи, рода, народа. Три язычка пламени означают соответственно процветание в прошлом, настоящем и будущем.

Под знаком огня на эмблеме расположены солнце и месяц, древний тотем монгольского народа, общенациональный знак, о котором в старинных сказаниях поется: «Народ монгольский, чей отец золотое солнце, чья мать — молодой месяц».

Некогда этот знак — огонь, солнце — ставился на надгробных памятниках воинам, павшим за отчизну, как напоминание потомкам о том, что богатыри отдали свою жизнь во имя того, чтобы народ жил вечно.

В древней символике наконечник копья или стрелы, опущенный острием книзу, означал: смерть врагу! В «Соёмбо» — два изображения наконечников стрелы в виде треугольников. Второй треугольник, таким образом, нам представляется имеющим значение: «рождение, жизнь и смерть», иначе говоря, вечное круговращение — жизнь-смерть-новая жизнь». Кроме того, этот символ может олицетворять отца-мать-дитя.

Прямоугольник в идиоматике обозначает мирную, благополучную жизнь. Следует напомнить и толкование покойного доктора Б. Ринчена, который в свое время объяснял, что два прямоугольника в Соёмбо обозначают: «Пусть все, и те, кто вверху, и те, кто в низах, будут честны и прямодушны в служении народу».

Рыба в монгольском фольклоре, как мы уже отмечали, существо, не смыкающее глаз, и поэтому символизирует бдительность, а две рыбы обозначают мужское и женское начала, разум и мудрость.

Алфавит «Соёмбо» и его разные элементы стали едва ли не самыми популярными у монголов для начертания различных книжных знаков.

При оформлении книги большое внимание уделялось красоте шрифта и его соответствию характеру того или иного текста.

В настоящее время экслибрисы для современных монголов создают художники и мастера гравюр, мастера художественных ремесел, в большинстве случаев по заказу: ведь каждый владелец экслибриса хочет, чтобы эта миниатюра отражала увлечение, кредо, девиз жизни. В числе заказчиков видные писатели, общественные деятели, книголюбы.

Известен экслибрис писателя Ч. Лодойдамбы — дважды лауреата Государственной премии; на нем изображен скачущий всадник, который символизирует образ главного героя романа «Прозрачный Тамир», созданного писателем и получившего мировое признание. Экслибрисы других известных монгольских писателей, таких, как Д. Сэнгээ, Д. Мягмара, Д. Няма, также созданы по мотивам их произведений.

На экслибрисе монгольского художника Д. Пушкина изображен скачущий на северном олене мальчик с кисточкой в руках. В

этом экслибрисе — любовь художника к природе, детям. Он недаром проработал более двадцати лет в редакциях детских и молодежных газет и журналов, иллюстрировал множество книг для детей, начиная от «Букваря» до «Детской энциклопедии». Ему же принадлежит оформление «Красной книги» Монголии.

Детский писатель Г. Ловор выбрал для своего экслибриса ласточку. В Монголии бытует легенда о том, что огонь принесла людям ласточка. Книга для писателя — огонь, рассеивающий незнание, темноту невежества.

В. Лесовой

ПЕСНИ ВОЛЬНЫХ СТЕПЕЙ

Памяти Наван-Юндэна

Помню день, когда по Монголии разнеслась трагическая весть: умер Насан-Очирын Наван-Юндэн. Старейший монгольский писатель, замечательный поэт, крупнейший знаток и переводчик русской и западноевропейской литературы. Всю свою жизнь без остатка он отдал делу нарождающегося нового класса пролетариев. Делу Сухэ-Батора. И в этом его большой нравственный и гражданский подвиг.

Наван-Юндэн был коммунистом. Именно с МНРП — партией будущего, а не с отжившим сословием — связал он свою дальнейшую жизнь. Писатель рассказывал мне, как его отец Насан-Очир, рискуя жизнью, часто предоставлял свою просторную юрту для нелегальных собраний членов революционного кружка Сухэ-Батора. В его юрте молодые монгольские революционеры составляли программу борьбы за построение новой, социалистической Монголии.

Есть у Наван-Юндэна рассказ «Одинокая юрта в степи» («Тал дээрх ганц гэр»). В нем писатель показал революционную борьбу против старого, отжившего мира не как стихийный протест отдельных личностей, а как вполне осознанное и убежденное проявление народного духа. Символический смысл приобретает в рассказе фигура девушки в белом дэли, бегущей навстречу революционным войскам под пулями лам-мятежников. Белый цвет одежды героини в данном случае несет важную смысловую нагрузку. В монгольском народном эпосе этот цвет всегда был синонимом чистоты и благородства. Синонимом вечности.

Наван-Юндэн принадлежит к той славной плеяде монгольской интеллигенции, которая стояла у истоков зарождения новой монгольской литературы. Он работал в ней вместе со своими друзьями-единомышленниками Нацагдоржем, Буяннэмэхом, Ядамсурэном, ярким и самобытным поэтом Гомбын Сэр-Одом.

Он написал немного поэтических произведений. Но многое сумел сказать ими. Он выразил в них свое бурное время. Большинство его стихов стали поистине народными песнями. Их знают

и поют те, кто в далеком тридцать девятом отстаивал вместе с советскими бойцами свободу своей родины у берегов Халхин-Гола, кто в послевоенный период поднимал целину на берегах голубого Керулена, в долине Орхона, у подножий Хинганского и Хэнтэйского хребтов и сейчас строит новые города на месте бывших кочевий. Вспомним хотя бы его «Соёл эрдэнэ» и «Баян Монгол». Их знает каждый житель республики. А ведь стихи были написаны в 1936 году. Думаю не случайно именно так называются сегодня два популярных в Монголии музыкальных ансамбля. Песенная эстафета продолжается.

Баян Монгол... Богатая Монголия. Степь без конца и края, словно белой кошмой покрытая несметными стадами овец. От этого степь кажется живой, она вся окутана легким воздушным маревом. Степь и все, что в степи, — богатство Монголии. Баян Монгол. В этом смысл песни Наван-Юндэна.

Баян монголын хонь ямаан сурэг хо хо
Сул асгасан сувд шиг
Гуургий гуургий гуургий гуургий*...

Автор этих строк сам стал вечной песней новой страны. Баян монголын хонь ямаан... Овцы, козы богатой Монголии... Богатство Монголии — песни Наван-Юндэна. Здесь все знают и поют «Катюшу» М. Исаковского в блестящем переводе Наван-Юндэна; даже для незнающих монгольского языка эти строки будут ясны и понятны прежде всего своей отчетливой ритмической структурой:

Алим лийр цэцэглээд айсуи,
Усны дээгуур будан татна.
Эргэн дээр гараад ирлээ Катюша
Эгц огцом ундур эргэн дээр...

Наван-Юндэн был по-европейски образованным человеком. Вместе с тем он нес в себе и великую культуру своего народа, идущую из глубин веков от великих просветителей Цогту-тайджи, Занабазара, Инжинаша, Равджи.

В трудные 20-е годы по зову партии молодой Наван-Юндэн вместе с Нацагдоржем, Намдагом едет учиться в Германию — стране нужны были грамотные, знающие специалисты. Немного осталось сейчас в Монголии тех, кто отправился тогда в далекий и небезопасный, как потом оказалось, путь за знаниями. Оборвалась почти последняя нить, связующая наши дни с ге-

* Отары овец, коз богатой Монголии,
Словно рассыпавшийся жемчуг (монг.)

роическим временем Нацагдоржа, с временем революции.

Они были искренними и верными друзьями: Нацагдорж и Наван-Юндэн. И теперь уже ничто не разделяет их. Поровну делили они радости и невзгоды своего трудного и противоречивого времени.

...Вспоминаю свою первую встречу с Наван-Юндэном. Это было в начале сентября 1984 года во время праздника поэзии Нацагдоржа на его родине, недалеко от молодого шахтерского города Баганура. В празднике поэзии участвовала представительная делегация Союза писателей СССР. Мы выступали перед скотододами Баяндэлгэр сомона, в клубе горняков, на крупнейшем в Монголии Баганурском угольном разрезе. Много людей пришлось послушать советских и монгольских писателей.

Мне запомнились воспоминания Наван-Юндэна о Нацагдорже, с которыми он выступил перед слушателями. Наван-Юндэн говорил ярко, взволнованно и в то же время просто. Именно тогда у меня и родилась мысль написать повесть о Нацагдорже. Неоценимую помощь в работе над ней оказал Наван-Юндэн. Он был моим главным литературным консультантом и наставником. Это он подвигнул на нелегкий труд.

На месте, где стояла юрта великого поэта, состоялся пионерский сбор. Нам повязали красные галстуки. Помню, какой гордостью наполнились глаза Наван-Юндэна, когда на его груди затрепетал маленький кусочек знамени Революции. Дети исполнили песню Макса Циммеринга «Марш пионеров ГДР» в переводе на монгольский Наван-Юндэна. Вместе со всеми пел и автор перевода, голосом чистым и звонким, как в далекую пору своей юности, когда учился в Германии. И тогда прожитые годы словно отступали, и казалось, что ему еще жить и жить...

В 30-е годы Наван-Юндэн был известен как популярный исполнитель монгольских народных песен-ардын дуу, протяжных и звонких, как сама степь. Известный исследователь музыкального фольклора МНР С. А. Кондратьев написал книгу «Музыка монгольского эпоса и песен» (М., «Советский композитор», 1970), в которой много страниц отведено творчеству талантливого хурчи.

Встречи с читателями проходили в степи, под широким небом.

— Посмотри, какое удивительное небо в Монголии, — сказал мне тогда Наван-Юндэн, — оно не такое, как в других землях.

И действительно, небо было высокое и такое светло-бирюзовое, что с непривычки слепило глаза, как от яркого солнца. Далеко в вышине серебрились одинокие, тонко прорисованные облака, как на полотнах традиционной монгольской живописи «монгол зураг». Воздух был густо настоян полынью.

— В Монголии произрастает триста видов полыни, — сообщил Наван-Юндэн и протянул обеими руками, как это принято у монголов, пучок душистых растений. Я его сохранил. Вот он в

моих руках. Какой же горькой и терпкой кажется теперь мне эта полынь.

Как-то жарким июньским днем 1985 года, перед самыми надомскими праздниками, он пригласил меня на свою дачу в живописную местность с поэтическим названием Дзун богино, что на восток от Их тэнгэрийн ам*. Неказистый дощатый домик прилепился к самому берегу Толы. Под мерный гомон реки хорошо мечталось и дышалось. Мы ели вкусные хушуры, чем-то напоминающие чебуреки, приготовленные на живом огне заботливыми руками его дочери Хонгорзул, переводчицы с немецкого.

Хонгорзул... Так звали героиню «Синей книги» Инжинаша, романы которого так любил Наван-Юндэн.

На просторной веранде, выходящей окнами на широкую Толу, мы пили душистый монгольский Цай и читали на немецком стихи о красивой девушке Лорелей, ждущей на высоком берегу Рейна своего возлюбленного, о страданиях и надеждах юного Вертера. Наван-Юндэн был блестящим знатоком немецкой литературы. Это была его родная стихия, в которой он чувствовал себя легко и свободно; как в степи во время перекочевков.

Кто-то из нас вспомнил слова Гете:

Wer den Dichter will verstehen,
Müss in Dichters Lande gehen.
Кто хочет узнать жизнь поэта,
Должен побывать в его стране.

— Как прав был великий поэт, — задумчиво и тихо произнес Наван-Юндэн. — В этих словах заключена очень важная мысль. Не только знание языка, но еще знание страны и обычаев людей необходимо каждому, кто берется писать о поэзии других народов, а тем более переводить ее на свой язык. Страну Гете и Шиллера, их язык он знал хорошо. Долгие годы он оставался почти единственным в Монголии крупным знатоком немецкой филологии. Первый раз он приехал в их страну учиться, второй работать — в качестве атташе посольства своей страны в Германской Демократической Республике.

Его связывала большая творческая дружба с писателями ГДР. С Вальтером Мишелем они были друзьями. Плодотворным итогом содружества двух писателей явилась вышедшая в Берлине в 1981 году книга В. Мишеля «Под знаком соембо».

Помимо знания немецкого, Наван-Юндэн хорошо знал русский. Он был большим другом нашей страны. По его переводам монгольские читатели впервые познакомились со стихами Пушкина,

* Падь Великого Неба (монг.).

рассказами Льва Толстого, Гоголя, романами Достоевского и Горького. «Шинель», «Бедные люди», «Мать» — это вершины переводческого искусства Наван-Юндэна.

И снова вспоминаются встречи с писателем. Их было много: у него дома в рабочем кабинете, заваленном рукописями, в Союзе монгольских писателей, на родительских собраниях в улан-баторской школе, где в одном классе учились моя дочь Оксана и его внучка Бильгундай.

Почти перед самой смертью он прислал мне письмо с пустячной бытовой просьбой. Просил не за себя, за другого человека, который, видимо, нуждался в помощи. Я не успел выполнить последнюю просьбу Наван-Юндэна.

Трудно свыкнуться с мыслью, что я больше никогда не увижу в этой жизни Наван-Юндэна, не скажу ему при встрече:

— Сайн байна уу та, Наван-Юндэн-гуай. (Здравствуйте, уважаемый Наван-Юндэн).

Он умер зимой, в лютую декабрьскую стужу, за три дня до окончания 1985 года. Умер так, как написал в стихотворении «Четыре времени года», созданном еще в 1934 году и занявшем тогда на общенациональном поэтическом конкурсе одно из призовых мест.

О временах года в монгольской литературе писали практически все поэты. Это традиционная тема пейзажной лирики. По-особому подошел к ней Наван-Юндэн. В стихотворении каждое время года соответствует определенному периоду жизни человека: весна — детство, лето — молодость, осень — зрелость, зима — старость... Он наделил природу человеческими чувствами, способностью говорить и радоваться.

Есть у поэта такая триада:

На белом бархатном снегу спуют лисицы, волки.

В морозном мареве дрожит живым пунктиром цепочка каравана.

Ложатся жемчужные цветы на свежую могилу...

Три строки, три состояния: природа, труд, смерть.

...Я иду по Энх тайван — улице Мира, по которой он любил прогуливаться в тихие и ясные дни... На улицу выходят окна его дома. Сейчас они плотно зашторены. Навечно погас в них светлый огонек его души. Ледяной январский ветер, доносящийся от священной горы Богдо-улы, высекает слезу на лице. Падают на землю одинокие колючие снежинки. Как падали они при его жизни. Как будут падать всегда. Вспомнилось щемяще грустное евтушенковское:

Идут белые снега,

Как по нитке скользя,

Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя...

Наван-Юндэн прожил нелегкую жизнь. В 1937 году по ложному доносу он был оклеветан, исключен из Омского мединститута и репрессирован. Двенадцать лучших лет своей жизни провел в заключении. Но не зачерствела его душа, она осталась такой же отзывчивой к чужому горю и страданиям. Наван-Юндэн остался поэтом.

Как-то он мне сказал, не помню по какому поводу:

— А ведь Гейне никогда не говорил «написать или сочинить стихотворение», как говорят порой иные наши стихотворцы. Он всегда говорил: «Ein Gedicht erleben» (и Наван-Юндэн торжественно продекламировал эти слова), что означает «пережить стихотворение».

Сколько же трудных жизней пережил на своем долгом веку Наван-Юндэн? Ведь стихи, как и дети, рождаются в муках. Каждое его стихотворение — это частица нелегкой судьбы поэта.

Писатель был полон творческих замыслов и спешил воплотить их в конкретные дела. Незадолго до смерти он осуществил свою большую мечту — перевел на монгольский роман Лиона Фейхтвангера «Мудрость чудака». На его рабочем столе осталась кипа белых листов бумаги, исписанных крупным наванюндэновским почерком. Это были воспоминания о Нацагдорже, над которыми Наван-Юндэн трудился до своего последнего часа.

В день смерти Наван-Юндэна его дочь Хонгорзул родила двух мальчиков. Он мечтал о том, чтобы после него в доме остались мужчины — хранители семейного очага, чтобы было кому передать свое духовное наследие. Растите же счастливо, настоящими мужчинами, внуки Наван-Юндэна!

Закончилась жизнь поэта. Песни же его еще долго будут звучать в народе. Как всегда звучали в его сердце песни вольных монгольских степей.

Прощай, мой старший друг и товарищ. Да будет тебе Белая Дорога и вечное Синее Небо.

ПОСТСКРИПТУМ

Так заканчивалось мое слово прощания с писателем. Отрывок из него под заглавием «Дуу минь баяртай» («Прощай, моя песня») был напечатан в газете монгольских писателей «Утга зохиол урлаг» (№ 8 от 21 февраля 1986 г.). Он вызвал живой интерес читателей, их добрую оценку. Спасибо всем, кто откликнулся тогда на

публикацию и таким образом почтил память писателя. Многие увидели Наван-Юндэна как бы в другом свете. Он открылся им с другой, неведомой стороны.

Наван-Юндэн был чрезвычайно скромным человеком и никогда не рассказывал о себе. Но он много и охотно рассказывал о других, о тех, с кем дружил, с кем мечтал, кого знал и любил в отшумевшей жизни. Из этих рассказов о других людях, из его сердечного отношения к ним и возник у меня образ самого Наван-Юндэна.

14 февраля 1986 года, через сорок девять дней после смерти Наван-Юндэна, по старой народной традиции мы собрались в его уютной квартире на улице Энх Тайван в Улан-Баторе, чтобы почтить память.

Пришли известные писатели — руководители Союза монгольских писателей: Д. Цэдэв, Д. Гарма, Л. Даваням.

Пришло много детей. Так принято у монголов.

Н. Лхамсурэн — вдова писателя, утирая краешком платка неушные слезы, объяснила:

— Он делал в жизни добро и сейчас как бы делится им с детьми, чтобы они несли его дальше по жизни как дорогую эстафету. Эстафету добра. Вот почему монголы приглашают на поминки детей... Дети идут на смену ушедшим, как на смену зиме приходит весна. А весна, как писал Наван-Юндэн, — это детство, начало новой жизни...

В кабинете Наван-Юндэна, слегка потрескивая, мерно горела свеча в серебряной чаше. Она тускло освещала корешки его книг, лицо в траурной рамке. На письменном столе, где всегда громоздились книги, рукописи, было выставлено все, что он любил в жизни: архи, бозы, хушуры, запеченные в масле борцоки, восточные сладости...

Мы говорили о его жизни, о его стихах и песнях.

Перелистывали тяжелые альбомы с фотографиями.

Вот снимки его отшумевшей юности: вместе, в тесном кругу — Нацагдорж, Пагдадулам, Содном, Наван-Юндэн, Буяннэмэх, Ядамсурэн. Как молоды и как красивы они были в то время.

Вот Наван-Юндэн в школе-интернате в Потсдаме, а вот в белом халате студента Омского мединститута. А вокруг много таких же, как он, парней и девушек: русских, монголов. Остался ли кто-нибудь из тех, кто учился вместе с ним в Омске?

День памяти Наван-Юндэна. Сорок девять скорбных дней. Хочется спросить, как Вам там, Наван-Юндэн-гуай, в кругу новых друзей? Друзей Сорок Девятого Дня. Слышите ли Вы наши голоса, видите ли наши лица?... Как там у Вас без ветра, без шороха трав, без трубного крика дээрэнов, без вкусного кобыльего кумыса. Как Вы без нас?..

За окном стоял солнечно-ослепительный февраль, какой может

быть только в Монголии. Было морозно и тихо. Но уже во всем чувствовалось приближение весны. Она была на подходе, может быть, где-то за Богдо-улой, и вот-вот должна была войти в Улан-Батор.

Весна в Улан-Баторе...

Снова деловито и шумно птицы будут развешивать свои гнезда на ветках деревьев в парке «Найрамдал», что тянется почти до самого берега Толы, где когда-то бок о бок стояли две белые юрты. Нацагдоржа и Наван-Юндэна.

На тополях, что, как свечи, стоят на улице Энх Тайван, появятся первые клейкие листочки.

По-монгольски яростно зацветет целебная чацаргана* в уютном дворике Ленклуба, со сцены которого Наван-Юндэн вместе с Нацагдоржем и Буяннэмэхом читал свои стихи.

Оденется в нарядное белое дэли душистая черемуха на набережной Сельбы.

Маленькие ели и сосенки, которые будут высажены (уже без него) у нового здания аэропорта в Буянт-Уха, построенного к XIX партийному съезду, подставят слабые ручки первому весеннему дождю.

— Деревья, как и люди, растут из земли, а слова — из сердца, — вспомнилось сказанное Наван-Юндэном.

Проникают ли до Вас, Наван-Юндэн-гуай, мои мысли, мои слова? Слышите ли Вы шелест страниц этой книги?..

Вы хотели летом поехать в Берлин — город своей юности — к другу Вальтеру Мишелю. Он будет огорчен, узнав, что поездка не состоится.

Взлетная полоса аэродрома начинается там, где когда-то проходила Ваша финишная прямая на веселых надомских скачках. И вот он уже взлетел, серебристый крылатый конь Вашей юности. Он проносится среди курчавых облаков, над Богдо-улой, над Толой, над падью Великого Неба. Стремительно несется все дальше и дальше по голубым заоблачным дорогам.

В степи мирно пасется пять видов скота — богатство Монголии. И кто-то зовет зычным голосом разбежавшихся овец: — Гургий-гургий-гургий-гургий-гургий...

Вдали, по нескончаемой степной дороге, бежит, спотыкаясь о пулеметные очереди, девушка в белом дэли — символе чистоты и благородства...

Мои мысли прерывает Д. Цэдэв. Он говорит о том, что следовало бы издать литературное наследие Наван-Юндэна.

Мы вспоминали писателя и пили за упокой его души крепкую, обжигающую, как огонь, архи. А Лхамсурэн плакала, по-русски горестно, точь-в-точь как плакала моя мать, когда была еще жива.

* Облепиха.

вытирая кончиком белого платка искрившиеся в глазах слезы. Только не русскими, не родными были слова, которые произносила Лхамсурэн, и от этого еще более горестными. Провожая нас за порог, она просила не забывать дом Наван-Юндэна.

В лучах предзакатного зимнего солнца дрожал слабый огонек свечи.

Уходя, я оглянулся. Наван-Юндэн смотрел на меня с увеличенного портрета в черном окаеме рамы, прислоненной к белой стене.

Молчаливая мудрость была в его взгляде.

* * *

Когда готовились к печати эти воспоминания, вышел в свет новый сборник Владимира Цыбина «Личное время». В «Балладе мертвых» есть такие слова:

У меня — ни искорки от дня,
корни оплели мой прах, как плети.
Как живете, люди, без меня,
помните ль, что нет меня на свете?

Я понял, что эти слова и о Нем.

Улан-Батор.

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МОНГОЛОВЕДОВ В УЛАН-БАТОРЕ

В сентябре 1987 года состоялся V Международный конгресс монголоведов в Улан-Баторе. Работа конгресса в основном сосредоточилась в трех секциях:

1. История, экономика и философия.
2. Язык, литература и искусство.
3. Вопросы взаимосвязей культур и цивилизаций народов Монголии и Центральной Азии.

Однако проблемы изучения монгольской словесности выходили за рамки второй секции. Так, например, на третьей секции один из интереснейших докладов был посвящен теме «Кавьядарша» (Теория поэзии) Дамдина и монгольская литература». В один ряд с ним можно поставить доклады Л. Хурэлбатора (МНР) «Новаторское творчество Джамъянгарава в комментариях «Кавьядарши» Дамдина» и С. Неклюдова (СССР) «Историческое предание в центрально-азиатских традициях».

На этой же секции академик Ш. Бира (МНР) сделал доклад по сочинению «Болор толь» Джамбалдоржа. Ученый из Афганистана С. Ш. Хомам сообщил о неизвестной монгольской рукописи, найденной им в Кабуле.

О результатах исследований ленинградского экземпляра рукописного «Ганджура» сообщила З. К. Касьяненко (СССР).

Естественно, что литература, фольклор наиболее полное освещение получили в докладах, заслушанных на второй секции. Вопросы диалектики традиций и новаторства в монгольской поэзии последних лет были рассмотрены в докладе Д. Цэдэва (МНР). В числе сообщений, посвященных творчеству основоположника современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа, — доклады К. Н. Яцковской (СССР) «Дашдоржийн Нацагдорж в контексте современности» и С. Арая (Япония) «Некоторые заметки к текстологии рассказа Д. Нацагдоржа «Белый месяц и черные слезы».

Стилистике поэзии Б. Явуухулана посвятил свое выступление Ц. Сухбаатар (МНР).

Большое внимание в докладах на конгрессе было уделено

монгольскому фольклору. Так, монгольскому героическому эпосу «Джангар» было посвящено выступление А. Ш. Кичикова (СССР). Монгольскому героическому эпосу, бытующему в Китае, посвятил свое сообщение Ж. Ринчендорж (КНР).

Известный труд Б. Я. Владимирцова «Образцы народной словесности монголов» стал предметом изучения молодой исследовательницы из Венгрии А. Берталан, выделившей литературные мотивы в сказках, записанных академиком Б. Я. Владимирцовым.

В программе конгресса не случайно оказались доклады монголоведов разных стран мира, которые были посвящены различным аспектам изучения «Сокровенного сказания» или «Тайной истории монголов».

В 1990 году исполняется 750 лет со времени создания «Сокровенного сказания». Во время конгресса по инициативе монгольских ученых было проведено научно-организационное заседание, на котором обсуждался вопрос об объединении сил монголоведов мира в исследовании «Сокровенного сказания». Это было, по сути, первое мероприятие, проведенное в рамках Международной ассоциации монголоведов, решение о создании которой было принято V конгрессом.

«ГОБИ РОЖДАЕТ СТИХИ»

Впечатления советских писателей о Монголии

В Днях культуры СССР в МНР в 1987 году приняла участие делегация Союза советских писателей во главе с секретарем правления СП СССР Ю. В. Друниной. Представители советских художников слова побывали кроме Улан-Батора в Среднегобийском аймаке и в городе интернациональной дружбы Дархане. Наш корреспондент попросил членов делегации Ю. Друнину, руководителей Иркутской и Каракалпакской писательских организаций Р. Филиппова и Т. Каипбергеннова и татарского поэта Р. Файзулина поделиться своими впечатлениями от пребывания в Монголии.

Корр.: Юлия Владимировна, поздравляем Вас с награждением монгольской медалью «Найрамдал». Ваше имя известно в Монголии как поэтессы славного фронтового поколения. Какие чувства Вы испытали в Монголии?

Ю. Друнина: Я знала еще до приезда, что наши народы связывает очень давняя дружба, что монголы были с нами в час военных испытаний, дарили Красной Армии самое дорогое — крепких, выносливых коней. А что такое для человека лошадь, я знаю с детства, хотя я москвичка. Мой отец очень любил и ценил этих благородных животных. Встречаясь со скотоводами в Среднегобийском аймаке, я почувствовала, что лошади — славные помощники человека на селе в его нелегком труде.

Я была рада встретиться, познакомиться с видной монгольской писательницей, общественной деятельницей Сономын Удвал. В военные годы она училась у нас, в Союзе, ухаживала за ранеными в тыловом госпитале, испытала все невзгоды тех лет. И не случайно она сейчас является деятельной участницей движения за мир, одним из руководителей Монгольского комитета защиты мира. К сожалению, не удалось встретиться со многими другими известными и молодыми вашими писателями. Но те, с кем мы беседовали и встречались в Улан-Баторе, Дархане, в Среднегобийском аймаке, проявляли большой интерес к нашему творчеству, к проводимой в нашей стране перестройке. Я хочу поблагодарить их всех за радушие.

Корр.: Товарищ Филиппов, как руководитель Иркутского отделения Союза писателей РСФСР, не могли бы Вы рассказать о тесных и давних связях Вашего города с Монголией, в первую очередь в области культуры.

Р. Филиппов: Да, нас, иркутян, связывают с Монголией давние дружеские связи. У нас учились и учатся сотни монгольских юношей и девушек. Об этом приятно говорить в год 65-летия начала обучения монгольских граждан в СССР. Ведь Иркутск был одним из первых советских городов, принявших в свои учебные заведения монгольскую молодежь. Еще до Народной революции в нашем городе училась группа вашей молодежи, в числе которых был будущий маршал МНР Х. Чойбалсан. Мы гордимся, что в революционном Иркутске в 1920 году легендарный Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан учились, готовились к битвам за национальное и социальное освобождение.

В ближайшее время мы хотим провести на Байкале встречу молодых советских и монгольских писателей. Видимо, ответная встреча произойдет на Хубсугуле. Эти форумы будут посвящены экологическим проблемам охраны прекрасных озер. Вы знаете, что Центральный Комитет КПСС и наше правительство приняли постановление об охране Байкала. Мы гордимся, что в первых рядах тех, кто вел более чем двадцатилетнюю борьбу за чистоту уникального озера, были наш известный писатель и общественный деятель, Герой Социалистического Труда Валентин Распутин и многие другие иркутские писатели и журналисты. На встрече с монгольскими мастерами слова в нашем Союзе писателей много говорилось о том, что здоровье Байкала во многом зависит от чистоты Хубсугула, который через реку Селенгу дает более 60 процентов притока «славному морю». И мы должны совместными усилиями защищать эти уникальные озера, поистине голубые жемчужины природы.

Корр.: Теперь вопрос к Вам, товарищ Файзулин. Скажите, в каких строках воплотились Ваши думы и мысли о нашей стране.

Р. Файзулин:

На дне песчаного озера
Серебрится чешуйка рыбы,
Луна над горами — отражение ее.

Эти строки родились в Гоби, я никогда еще не видел таких очертаний и ярких красок. Протяжные песни, которые пел почти всю дорогу наш водитель, растворялись в бесконечности. Сказочные миражи будоражили воображение. Мысли текли по естественному руслу времени то о прошлом, то о будущем. Счастлив, что увидел хоть часть прекрасной Монголии. Мне в группе писателей

пришлось побывать также на севере Монголии — в Дархане. Известно, каждый монгол гордится хорошим седлом. Дархан, мне кажется, хорошее, прочное седло, если представить Монголию стремительно скачущим в будущее аргамаком.

Меня радуют развивающиеся литературные связи. На монгольский язык переведены классики татарской литературы — Муса Джалиль, А. Кутуй. У нас также в Казани в разные годы были изданы монгольские сказки, антология монгольской поэзии, Я лично напишу очерк о Монголии, поделюсь своими неизгладимыми впечатлениями с земляками на Волге.

Корр.: Товарищ Каипбергенов, теперь я прошу Вас поделиться впечатлениями от пребывания в стране. Вы приехали в Монголию впервые?

Т. Каипбергенов: Да, я в Монголии в первый раз. То, что увидено собственными глазами, не только обогатило мои знания о вашей прекрасной стране, но и открыло для меня то новое, чему неплохо поучиться и нам. Радует, что у вас окружающая среда еще не подвержена отрицательным последствиям научно-технической революции. Люди в вашей стране искренние, очень мужественные, у каждого огромное стремление к дружбе, к братству. По традиции монгол не должен нести книгу ниже пояса. Верю, что молодое поколение останется верным ей, не поддастся разным соблазнам, которые отталкивают от чтения. В городах и в сомонах пришлось мне беседовать с отдельными молодыми людьми, и я лишний раз убедился в том, что у братской нам страны великое будущее.

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

В нашей литературной прессе последнее время ведутся споры о том, насколько целесообразны такие формы общения с читателем, как Дни литературы и поэтические праздники, проводимые в разных уголках Советского Союза. Отрицают их немногие, большинство же говорит об устранении очевидных недостатков и углублении столь же очевидных достоинств этого не такого уж давнего начинания, о поиске новых путей в его развитии. В этой связи хочу поделиться своими впечатлениями об одной поездке в социалистическую страну — ибо только при социализме возможны широкомасштабные контакты литераторов и людей, которым они адресуют свое творчество.

Не так давно мне довелось стать участником Дней монгольской литературы в Хубсугульском аймаке — на самом севере Монгольской Народной Республики.

В наших праздниках и Днях тоже нередко участвуют иностранные гости, колесят по путям-дорогам, не жалуются на некоторые неудобства районных гостиниц, выступают перед трудящимися на

больших вечерах и мимолетных встречах. Здесь, в Монголии, гостями были писатель Вернер Крузе из ГДР, молодая поэтесса, переводящая монгольских поэтов с оригинала, Людмила Букина и автор этих строк. Группа, вылетевшая с нами в Мурэн, главный город аймака, вместила едва ли не весь цвет современной монгольской литературы, и сценарий, по какому развивались события, был в целом общепринятым. Беседа с руководителями аймака, торжественное открытие литературного праздника на центральной площади Мурэна, где выступили артисты, некоторые монгольские поэты и прозаики и гости. Потом всех разделили на бригады, отправившиеся по трем разным направлениям, сообразно с этим поделили и гостей — в каждую по одному.

Разъезд назначили на утро следующего дня, но каждый уже знал свое место в «уазике», в котором, как выяснилось позже, придется не проехать, а в буквальном смысле проскакать не одну сотню километров. Председатель правления Союза писателей МНР Д. Цэдэв выбрал самый трудный маршрут — на север, к священным для монголов водам озера Хубсугул, и, спасибо ему, взял меня в свою группу. И немецкий писатель, и московская поэтесса тоже вернулись переполненные неповторимыми впечатлениями.

Но я знаю лишь то, что видел сам, и, наверное, долго еще буду разбираться в увиденном, мысленным взором и памятью возвращаясь в эти долгие, пролетевшие, как мгновенье, дни.

Перед выездом в сомоны (район, округ) каждая бригада провела «предстартовую» встречу с жителями центра аймака. Мы выступили прямо в цехе строительно-ремонтной конторы, хорошо известной в республике. Кроме руководителя, в нашем небольшом коллективе были такие известные литераторы Монголии, как лауреат Государственной премии МНР прозаик Ж. Пурэв, лауреат премии Союза писателей МНР поэт М. Ширчинсурэн, поэт З. Дорж и другие. Встреча запомнилась мне еще и одной маленькой деталью — две смешные девчушки, сперва заулыбавшиеся, а потом посерьезневшие, погрузневшие, обнявшись, слушали «Некрасивую девочку» Н. Заболоцкого в переводе на монгольский Х. Мэргэна. И потом, вглядываясь в лица слушателей в самых отдаленных районах, которым, казалось бы, вечный и, как теперь говорят, ненормированный труд не оставляет времени на тесное общение с литературой, я дивился их равнодушию к происходящему и услышанному, искренности и точности отклика. Может быть, это потому, что в отдаленные сомоны редко приезжают люди из других краев, да к тому же литераторы, артисты.

В трех сомонах я с волнением узнал, что являюсь первым русским писателем, побывавшим на этой земле. Очень хочется рассказать о ее людях, природе, проблемах, но это, очевидно, материал для других жанров, для стихов... Узнал я и то, что в

Монголии, стране поголовной грамотности, каждый кочевник возит с собой по пастбищам транзистор и книги.

В сомон Цаганнур, растянувшийся над озером того же названия (в переводе: Белое озеро), мы приехали близко к полуночи (а почему — разговор впереди) и узнали, что клуб заполнен до отказа.

Встречи в центрах, как правило, длились по 2,5—3 часа. Я сказал Д. Цэдэву, что надо бы перенести мероприятие — четыре часа просидели люди в помещении, да ведь и спать пора... Но это разумное предложение было горячо отвергнуто дархатами (маленькая народность, живущая в этих местах). Нашим посланцам сказали: «Мы будем ждать вас хоть до рассвета, а наши руки готовы для аплодисментов!»

Мы, честно говоря, валились от усталости, и я смутно помню финал вечера, когда все малыши, сидевшие на руках матерей, безмятежно спали, а с трибуны все звучали речи и стихи. Дархаты — природные юмористы, они сочиняют друг про друга или про гостей нечто вроде наших частушек, которые быстро становятся всеобщим достоянием. И вот в третьем часу ночи, в заключение встречи мы услышали кое-что про себя: встали пятьдесят с лишним дархатов и спели нам только что сочиненные куплеты!

А несколькими днями ранее на берегу Хубсугула (младшего брата Байкала, потому что из него тоже вытекает лишь одна река Эг, которая несет свои воды в Селенгу, впадающую в «славное море» Сибири, и еще потому, что существует версия-легенда о подземной протоке, соединяющей оба озера), в городе аймачного подчинения Хатгале, на причале, где ждал нас комфортабельный теплоход «Сухэ-Батор», монгольским писателям была уготована приятная неожиданность: к ним пришли герои их поэзии и прозы — современники и исторические персонажи, которые представлялись своим создателям («Я такая-то из вашего романа», «Я такой-то из вашей поэмы»), разыгрывали маленькие сценки. Чувствовалось везде, что трудящиеся аймака восприняли Дни литературы как подлинный праздник и серьезно готовились к нему.

По окончании каждого выступления Д. Цэдэв вручал передовикам соцсоревнования грамоты Союза писателей Монголии и книги с нашими автографами. Этих же наград удостоивались и руководители сомонов и центра аймака, которые были ответственны за подготовку Дней литературы. Не просто приехали писатели к читателям. Нет, последние стали не пассивными, а активными участниками событий, почувствовали себя равноправными в общем деле.

Нельзя не выразить благодарности монгольским коллегам, которые, несколько изменив наш маршрут, отправились к стоянке советских и монгольских геологоразведчиков. В рамках Дней литературы это было заметное событие — нашлось что сказать мон-

гольским товарищам: читали переводы их стихов, в руках у советских специалистов оказался только что вышедший в Москве роман Ж. Пурэва, довольный автор раздавал автографы, к не меньшему удовольствию своих неожиданных читателей.

Начальник партии, типичный, в моем представлении, геолог, Фацай Николаевич Людофон показывал нам окрестности, и в частности невысокую заросшую тайгой гору, которая вся состояла из найденного здесь ценного сырья. «Конечно же, легче вести добычу открытым способом, — сказал он, — но тогда исчезнет гора, уйдет красота. Мы добились и у нас, и в Улан-Баторе разрешения прибегнуть к помощи штолен. Дороже, труднее, а красоту этих мест сбережем...»

В статьях о Днях литературы в нашей стране я как-то написал, что участник их, кроме всего прочего, должен быть и физически крепок.

Почему мы опоздали в один из сомонов? Да потому, что езда по степному бездорожью с пересечением рек и речек, с карабканием по холмам и ползанием по горным дорогам, с вытягиванием паромов, выталкиванием всем составом наглухо застрявших машин — это действительно не каждому по силам. Я уже говорил — скачка. Сколько бы ни вжимался в сиденье, все предопределено: тебя выбрасывает из него вверх — головой о брезентовую крышу, вдавливают в него опять, потом бьет боком о левую ручку, потом — правым о дверцу. И так — часами...

В сомоне Улан-Уул, куда мы ехали особенно долго и где тоже в основном живут дархаты, я сказал, что по дороге написал кое-что шутивное для них — да от тряски все выскочило из головы. Кто-то от лица слушателей пожелал мне вспомнить то, что забыто, и написать новое. А местное начальство заверило, что скоро будут здесь хорошие дороги. И в конце не обошлись без озорной частушки...

Хубсугульский аймак... Реки, из которых можно напиться сладковатой воды, белизна высоких гольцов и абсолютная непривычность облика маленьких сопок — либо у них одна сторона голая, а другая покрыта темно-зеленой массой лиственниц, либо лишь по гребню идут деревья, делая их похожими на головы запорожцев, украшенные знаменитыми оселедцами. Мы выступали не только в центрах, но и на пути — в трудовом пионерском лагере, где школьники доят овец и коров, в бригаде, пасущей яков, перед оленеводами...

Да, самые южные северные олени живут в Монголии! А поскольку я не раз бывал у оленеводов Заполярья, то на этой встрече мне выпало стать премьером. Я прочитал чуть ли не целую лекцию, ответил на множество вопросов, но не на все, ибо сидящие на корточках бронзоволикие люди спрашивали и о таком, о чем мог знать только специалист... Минут сорок стояли мы с

переводчиком перед ними, и к моей ноге прижимался послушный олень, в огромных выпуклых глазах которого отражались горы и небо Монголии...

Я еще мог бы рассказать о пионерской линейке в Хатгале, где школьники читали свои стихи, а потом подарили писателям маленькие книжечки в картонных обложках. Сочинения их были напечатаны на машинке — издание литкружка «Золотое перо». Мог рассказать бы, как в сомоне с труднопроизносимым названием Ринчинлхумбэ и великолепным клубом, стоящим на вечной мерзлоте (к слову, это был самый труднодоступный район), встретил меня учитель русского языка Цэрэндаш, подписчик «Литгазеты», знавший мои стихи...

Я ехал по вечерней Москве из аэропорта и думал, что это было не со мной, оставляя на потом возможность все соразмерить и осознать. Эти заметки — лишь первая попытка...

Молодцы монгольские писатели, пригласившие советских коллег на свои Дни литературы в свою глубинку!

...Недалеко от Улинского перевала, под которым еще белело большое поле льда, прекрасный поэт З. Дорж, стоя на белой глади, воскликнул: «Раньше здесь шаманы вызывали духов, а теперь поэты зовут Музу!»

А в сомонах, затерянных средь гор и долин, араты слушают стихи.

РИММА КАЗАКОВА

Моя первая поездка в Монголию — это встреча с неповторимой землей, которая с той поры стала близкой и незабываемой. Появились новые друзья, новые привязанности, особенно среди писателей: Удвал и Эрдэнэ, Чимид и Тудэв, Бааст, Тарва, Дулмаа, позже — Пурэвдорж, Сурэнжав, Цэдэв... Но первым и самым дорогим навсегда остался Явуухулан, олицетворивший для меня и своим творчеством, и своей личностью все удивительное и значительное, что я ожидала найти и что нашла в Монголии.

Шли годы — и быстро, и медленно, — полные забот, событий, оттеснявших на второй план то, что позже стало самым существенным.

И вот она, Монголия, без Явуухулана. Июнь, ясное, красивое небо, зеленые взгорья, лица друзей... Едем в монгольскую «глубинку», в Завханский аймак, в горы, туда, где неподалеку от Отгонтэнгэра, Младшего неба, как зовут эту горную вершину, родился в юрте и рос мальчик Явуухулан. Мы увидели землю его отцов. И действительно, как в стихах Явуухулана, то стояла невозможная жара, и мы купались в ледяной, несмотря на палящее

солнце, реке Завхан, и я вспоминала посвященные Чимиду стихи Явуухулана о том, как звезды купаются в Толе... А то мы ночевали в горном доме отдыха, заснули летом, а проснулись зимой: шел снег, дул пронизывающий ветер... Но снег сразу же растаял, и началось что-то похожее на осень...

Собираясь в Монголию, я написала стихи памяти Явуухулана. Они звучали на поэтических вечерах во время Дней советской литературы в МНР, были переведены на монгольский язык и опубликованы.

...Где душа твоя витает,
друг прекрасный мой?
Или, может быть, плутает
на пути домой?

Отделилась, отлетела,
вздохом отошла
от любви, забот и дела
чистая душа.

Жизнь тебе воздаст бесспорно,
не отдаст хулам,
мой, с небес глядящий скорбно,
друг Явуухулан.

Что же смотришь ты скорбяще
прямо и вокруг,
мой ушедший, будто павший,
несравненный друг?

Ты и вправду пал, как воин,
на своем посту,
изменить в судьбе не волен
злую волю ту.

Пишем, пашем, деток женим...
Но постигла вдруг,
что была самосожженьем
жизнь твоя, мой друг.

Все, что безнаградно тратим, —
все взойдет добром.
Мы ответим, мы заплатим
сердцем и пером.

За полет грозы и света,
за огонь мечты —
заплатил за все за это,
расплатился ты.

Чтобы, и стройны и стойки, —
на свету ль, в тени, —
нежностью и страстью строки
полнились твои.

Как живое сердце стерпит
горечь маеты,
что меня монгольской степью
поведешь не ты!

И беспомощно я плачу,
черный час кланя...
Но берет твой стих горячий
за руку меня.

И летим мы, и идем мы,
хлеб и соль деля.
И, как прежде, — отчим домом
для тебя земля.

ВЯЧЕСЛАВ ШУГАЕВ

Я побывал в Монголии дважды. Помню, как в далекой степи разговаривал о судьбе рассказа с монгольским писателем, мастером этого жанра С. Эрдэнэ. Одинаковыми оказались наши пристрастия — любовь к рассказам Чехова, Куприна. Наши рассуждения затем были напечатаны в «Литературной газете».

Редактировал сборник рассказов монгольских писателей, вышедший на русском языке в Улан-Баторе в 1985 году. Эту книгу перевели на русский язык молодые монгольские переводчики и переводчицы, возвращенные Союзом монгольских писателей, — Н. Энхбаяр, Х. Мэргэн, Ц. Эрдэнэбилиг, С. Баяр, Б. Нарантуяа, Л. Нарангэрэл, С. Майжаргал. Тем самым они проявили сердечное уважение к старшим товарищам по перу и доказали, что усилия наставников не пропали даром. Рассказы, составившие сборник, дают представление о главном чувстве, водившем рукой молодых переводчиков, о чувстве любви к Родине. Как всякое истинное и глубокое чувство, патриотизм не может питаться только восторженным удивлением перед теми или иными свершениями, не может бесконечно ликовать и восхвалять родные просторы, но и должен питаться горечью, сомнением и болью за несовершенство милого облика. Рассказы, переведенные молодыми людьми, насыщены драматизмом жизни, дают понятие о прихотливости и сложности человеческих судеб — в значительной мере рассказы эти показывают живое лицо сегодняшней Монголии. Не приукра-

шенное, не приведенное в порядок для парадной фотографии, а именно живое, по которому пробегают тени мучительных раздумий, горя, лукавства, которое дышит смехом и богатырским душевным здоровьем.

Какие тематические направления господствуют в сегодняшнем монгольском рассказе? Выявив их, мы получим контур социальных и нравственных проблем, волнующих современного монгола, кроме того, выявим, какие черты соотечественников особенно близки молодым литераторам-переводчикам, и потому они решили с чертами этими познакомить русского читателя.

Взаимоотношения со степью, с ее великим пространством, формирующим национальный характер, вернее даже, взаимоотношения с миром степи, с ее зноем, холодом, с ее ветрами, птицами и стадами антилоп, с ее вечным, медлительным дыханием — вот один из серьезных мотивов современной монгольской прозы, звучащий в этом сборнике рассказов. Мотив этот складывается из голоса Д. Цэдэва в рассказе «Борец в красном шелковом дзодоге», отмеченном простодушием и искренностью эпоса, и голоса Д. Урианхая в рассказе «Трое из одной семьи» — драматическом, прямо-таки пронизанном зимним ветром, и голоса Б. Бааста в рассказе «Последний кулан», горькой истории о жестокости человека к братьям своим меньшим — животным.

Причудливость, непредсказуемость развития чувства, странная жизнь сердца, которому, увы, свойственны роковые ошибки, излишняя доверчивость, волшебные звуки самообмана, и в то же время свойственны самоотвержение, сострадание, умение наполнить течение будней печальной поэзией — эта тема представлена в сборнике с разносторонней щедростью. Здесь и лирический, позволительно сказать, вечерний вскрик Д. Нацагдоржа «Минуты музыки в душе», и элегическая, недоуменная оглядка на жизнь героев С. Эрдэнэ в рассказе «Последний осенний дождь», и запоздалое раскаяние в рассказе Т. Юмсурэна «Конский топот», и песнь нерастраченной любви в рассказе Д. Батбаяра «Старая песня».

Жестокость войны, неизбежное превращение агрессоров в неких нечеловеков, бесовская сущность поработителей — с одной стороны, высокая верность воинскому товариществу, готовность отдать жизнь за свободу родины, естественность интернациональной взаимовыручки и дружбы между советским солдатом и монгольским — с другой — эти темы убедительно решены в рассказах Ж. Пурэва «Осень в Монголии», Л. Чойжилсурэна «Под чужим небом», Ж. Лхагвы «Янжин».

Есть в сборнике рассказы, изображающие прежнюю, дореволюционную жизнь. Рассказы эти полны своеволия и злобы богачей, патологической хитрости и жестокости, как, например, «Вместе»

П. Пурэвсурэна и «Утро» Т. Юмсурэна, полны обличительной силы, как например «Магауяа» Ш. Жамлийха.

Рассказы о старой жизни являются той необходимой нотой, которая оттеняет значительность и свежесть перемен, приведших Монголию к социализму.

Конечно, книга рассказов не может обойтись без улыбки, без шутки или хотя бы мимолетней усмешки над несовершенством человеческой природы. Поэтому в книгу включены — назовем их шутейными — рассказы Ц. Дамдинсурэна «Ночная охота» о слабостях и пороках, одолевающих человека, С. Буяннэмэха «Завтра» о лентяе и лежебоке, Д. Наваансурэна «Жав-гуай» о незадачливом бюрократе.

Тематическое и стилевое разнообразие монгольского рассказа, думаю, позволяет русскому читателю ощутить живую душу братского народа, приобщиться к его напряженной, щедрой на творческие старания жизни.

Я летал в Улан-Батор на день рождения книги. Во время встречи с монгольскими писателями мы размышляли о том, насколько этот сборник открывает национальный характер, как выглядит Монголия через призму книги «Степные мелодии». И пришли к выводу, что писателями хорошо, мастерски освоены существенные направления жизни — описание традиционного уклада, и в меньшей степени удается изображение современной нови. Вероятно, это — одно из направлений, над которым предстоит еще работать монгольским мастерам прозы.

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

Мне пришлось побывать в Монголии, встречаться с монгольскими поэтами и у них на родине, и в Москве. Однако больше всего запечатлелась встреча с монгольским народом. Мы объехали вдоль и поперек почти всю страну. Монголия — страна радужная, многоцветная. Есть зеленые оазисы, где так приятно полежать, отдохнуть, побеседовать (а мы ездили большой группой — поэты, прозаики...). Особой зеленобуйностью отличается та часть Монголии, где живут казахи, для которых эта страна стала уже родиной. В этом краю я чувствовал себя вольготно и гордо. Входя в казахские юрты, к удивлению своих товарищей — и монгольских, и российских, — запросто вступал в разговор с хозяевами, потому что с детства владею тюркскими языками.

Пришлось проехать по пустыне Гоби, где, как может показаться, нет никакой жизни. И каково же было мое удивление, когда Дожоогийн Цэдэв прочитал стихи, в которых — любовь к пустыне, где он своим чутким монгольским ухом слышит любой звук и шорох... Потом эти стихи я перевел на русский язык.

...Дыхание Гоби в ключах под землею,
В подветренном свисте седых саксаулов,
В куланах, несущихся бредущим строем,
В верблюдах, бредущих песками сутуло.

Дыхание Гоби — в багровом хармаге,
Кусты облепившем росой багряной,
И в клубнях гоё, что прекраснее браги,
И в ламповом свете сквозь дебри туманов...

Ни летом горячим, ни осенью блеклой,
Ни в снегом метущие зимние вихри —
Ни дня не бывает, чтоб Гоби замолкла,
Чтоб шорохи жизни великой затихли!

В дальнейшем стихи Д. Цэдэва в моем переводе были опубликованы в журнале «Огонек» (и даже получили годовую премию журнала), в газетах и других журналах, в антологических сборниках. В библиотечке «Огонька» мои переводы из Цэдэва вышли отдельным изданием.

Но вообще мое знакомство с монгольской поэзией началось значительно раньше. В Литинституте мы вместе учились и дружили с монгольским поэтом Сенге Дашцевгином. Начали мы со спортивных соревнований — борьбы, в которой ни один не мог победить другого. Но однажды он мне сказал:

— Слушай, давай поборемся другим путем. Переведи мои стихи, посмотрим, у кого лучше будут звучать...

И я тогда перевел два его больших стихотворения, оба они были опубликованы в «Правде».

Одно из них начиналось так:

Я прямо с поезда сюда
На площадь Красную пришел.
Крупницы снега ветер мел...
...Так вот она, над башнею звезда...
Я на открытках видел Кремль,
Лучи его на всех материках...
Струится тихо флаг...

и т. п.

Когда Сенге стал лауреатом Госпремии МНР, он мне писал: «Спасибо тебе, этим званием я во многом тебе обязан»... Впрочем, и в этом соревновании мы не доказали, что сильнее — его прекрасные стихи или мои переводы...

Разумеется, я понимаю, что поэзия и Сенге Дашцевгина, и Джоогийна Цэдэва возникла не на голом месте. В Монголии всегда были прекрасные поэты, выдающиеся книги, о которых

не знал и слабо знает сейчас широкий читатель. К сожалению, если принять шуточный афоризм относительно того, что переводчик — тот же перевозчик, то «перевезти» стихи, скажем, из Болгарии проще и приятнее хотя бы в климатическом отношении, чем из Монголии, а я считаю, что перевести стихи по-настоящему искренне возможно, лишь побывав в дружеской стране, поняв ее народ... Ведь переводя стихи, мы как бы перевозим к себе на родину и отчизну автора...

МАРК СЕРГЕЕВ

Я из Иркутска. Иркутск — город с большой судьбой: еще во времена Петра Первого здесь существовала школа толмачей, где среди других восточных языков, одним из первых, изучался монгольский — ведь через пограничную Кяхту с давних лет здесь шла торговля мехами, шелком и чаем. Здесь учился в школе красных командиров руководитель аратской революции Сухэ-Батор, здесь в одно время с Ярославом Гашеком, политкомиссаром Пятой Конной армии, издававшим в Иркутске газеты для военнопленных первой империалистической войны на немецком, чешском, хорватском и других языках, создавал свою первую революционную газету «Унэн» и Сухэ-Батор. Мне это представилось в свое время так:

О сердце, раскаленным стань железом! —
так близко от Байкала до Урги,
но путь туда — до времени — отрезан:
на родине бесчинствуют враги.
Обожжена граница, как экватор,
луна — как богдыхана глаз косой...
В полуночном Иркутске Сухэ-Батор
склонился над газетной полосой.
За окнами к реке стекает лето,
патруль военный прошагал во мгле...
Монгольская крестьянская газета
торжественно белеет на столе.
О белый лист, похожий на пеленку,
высокий миг святого торжества!
Она еще похожа на ребенка,
но как мятежны первые слова!
Рождаемая в радости и муке,
она еще эпоху — под уздцы,
и строки, как натянутые луки,
и как отряды цыбиков — столбцы.
Рожденная аратом для аратов,
от сопот Керулена до Урги,
она ударит грозным раскатом,

сердца освобождая от шуги.
В студеный вечер, что тосклив и долог,
она коня придержит на скаку
и, нищей юрты отодвинув полог,
как лучший друг подсядет к огоньку.
Не так в пустыне выжженной колодец
смывает смерть с усталого лица,
как этот неприметный полководец,
в полки соединяющий сердца.
...Раскалена граница, как экватор,
луна, как богдыхана глаз косой.
В полуночном Иркутске Сухэ-Батор
склонился над газетной полосой.

В первые годы после Октябрьской революции в Иркутске помещается Восточный отдел Коминтерна, через наш город идут связи с Монголией, Китаем, Кореей, Японией, а позднее, с развитием в Сибири высшего образования, в Иркутском университете и в институтах получают образование многие монголы, которым суждено стать впоследствии учеными, общественными деятелями, инженерами, литераторами.

Вот почему в нашем городе рано возникает интерес к жизни и культуре таинственной и манящей соседки — Монголии.

В конце сороковых годов, почти сразу после войны, с которой я вернулся двадцатилетним «начинающим» поэтом, в Иркутском отделении Союза писателей начали появляться гости из Монголии. Особенно участились их приезды в пятидесятые годы, когда большие, гремящие на весь мир стройки Сибири привлекали к себе взгляды литераторов разных стран. Появлялся высокий, плотный гигант Далантайн Тарва, в недавнем прошлом младший политрук эскадрона в боях на Халхин-Голе; тремя годами старше меня, он производил впечатление солидного, уже умудренного жизнью человека. Он привозил книги и подстрочники, и первым чтением монгольской литературы были для меня эти подстрочники, еще не обработанные переводчиками. От монгольских товарищей знал я о романтической, прекрасной и трагической судьбе одного из зачинателей новой монгольской литературы Дашдоржийна Нацагдоржа и очень обрадовался, когда на русском языке в 1956 году вышло его «Избранное» — это была моя первая монгольская книга.

Здесь я должен рассказать об одном удивительном человеке. Он обычно появлялся в Иркутске неожиданно для меня, гостиницу ему заказывало консульство, и, устроившись в номере, он находил меня по телефону, а через полчаса мы уже пили крепкий чай, забеленный сливками, как водится, молчали, ибо, не выпив чаю, приступать к разговорам не по правилам. Я смотрел на его светлое лицо

с длинными, свисающими к подбородку белыми усами, на его благородные черты, так ярко отточенные временем, и часто мне казалось, что это сидит напротив меня старинный автор «Сокровенного сказания», созданного еще в XIII веке. Потом мы выходили на улицы — темно-бордовое, почти коричневое дэли, высокая шапка, похожая на замшевый буденовский шлем, увенчанная фазаньими перьями, так выделяли гостя из уличной толпы, что знакомые девушки подбегали ко мне, отводили в сторону и спрашивали: «Это что за птица?» — естественно, вопрос относился к головному убору, но я многозначительно и таинственно отвечал: «О, это важная птица — писатель, академик, выдающийся монголовед нашего века Бямбын Ринчен!»

В Иркутске его интересовали библиотеки, в которых хорошо представлена старинная литература о Сибири, исследования и записки русских путешественников Козлова, Пржевальского, Потанина и других, исследовавших старинные манускрипты, засыпанные песками развалины таинственных азиатских городов, живой и меняющийся мир пустыни Гоби.

Бямбын Ринчен родился в год первой русской революции, совсем молодым человеком он жил в Ленинграде, слушал лекции выдающихся советских востоковедов, изучал языки, к которым имел поразительную склонность, так ярко проявившуюся впоследствии. Достаточно сказать, что свою докторскую диссертацию он защитил в Венгерской академии наук на венгерском языке, а когда писал книгу о ламаизме, о различного рода ритуальных обрядах, о предназначении разного рода магических предметов, употребляемых во время гандан-хурала или других праздников, то, дабы не сочили его пропагандистом религии, Ринчен написал свое сочинение... на польском языке. Академик, один из первых революционных писателей, участник альманаха «Свод изящных слов», выпущенного в 1929 году, автор первого в Монголии исторического романа «Заря над степью», лауреат Государственной премии МНР, он, как мне представлялось, приступая к новой книге, как бы все начинал заново. По иркутским архивам он тщательно изучал события, о которых знал по собственной судьбе, но ведь Время деформирует наши воспоминания, и камертонный звук подлинного документа подчас становится доминантой в движении мысли и чувства.

Именно Ринчен обратил мое внимание на древность и молодость монгольской культуры, он как бы соединял времена и народы. Приверженный к судьбе своего народа, он ощущал одновременно и силу русской классики, и глубину европейской культуры.

В моей личной библиотеке нет монгольских книжных редкостей, ибо я считаю, что подобного рода вещи должны передаваться в крупные библиотеки, что я и делаю, книги же с автографами монгольских писателей в моей библиотеке есть, есть немало

фотографий, сделанных мною во время нескольких поездок по Монголии, — жизнь современной МНР, писатели, старинные предметы быта, виды буддийского монастыря Гандан в Улан-Баторе.

Я знаком с древнейшими монгольскими манускриптами, хранящимися в монастыре Гандан, имеющимися также в музейной системе Бурятии. Написанные древним иероглифическим алфавитом, они поражают и красотой, и уникальной тонкостью работы, и самими материалами, использованными в деле: золото, драгоценные камни, семь красок природы, как принято говорить, шелк... Современная монгольская книга делится, на мой взгляд, на два потока: один — мощный, многокнижный, предназначен для насыщения книгой широких слоев населения, и эти книги, как правило, издаются в скромном оформлении, но большими тиражами: и сочинения монгольских писателей, и мировая классика, и современная литература разных стран. Второй поток — скромный по мощности: это подарочные, редкие издания, сделанные по всем нормам современной полиграфии.

Мы ежегодно в Иркутске, в Доме политической книги, проводим выставку-продажу монгольских изданий. Я вижу наглядно, как год от году меняется издательская политика страны, как все больше выходит книг в переплетах, достойно оформленных; особенно радуют однотомники крупных прозаиков и поэтов. Мне думается, что будущее монгольской книги — в дальнейшем развитии полиграфии.

У меня давние и прочные связи с Монгольской Народной Республикой, и особенно с монгольскими писателями. Я много раз гостил в Улан-Баторе, бывал на поле Халхин-Гола вместе с Константином Симоновым, Сергеем Смирновым, многими литераторами, чьи судьбы связаны с судьбой этой страны. У меня в Иркутске часто гостят мои товарищи из Монголии; студенты-монголы, обучающиеся в Иркутске, приглашают меня на свои литературные вечера. До той поры, пока я не побывал в городах и одиноких пастушьих юртах, пока не прикоснулся к величественной красоте древних изысканных книг, пока не подобрал на поле Халхин-Гола горсть осколков и не ощутил вдруг, что держу в ладонях чьи-то сохраненные судьбой жизни (ведь раз осколок на земле — стало быть, он не попал в человека), до той поры я не решался переводить своих монгольских товарищей. Я близко и хорошо знаком с глубокой и душевной прозой Сономын Удвал, идущей от подлинной жизни народной, знаю и саму эту красивую и яркую женщину, долгое время возглавлявшую Союз писателей МНР, а теперь работающую в Комитете женщин, я дружил с выдающимися поэтами — Чойжилыном Чимидом и Бэгзийном Явуухуланом, переводил стихи Ц. Гайтава, Д. Даржаа, С. Дашдоорова, С. Долда, Д. Нямаа, Д. Отгонсурэна, Д. Пурэвдоржа, Д. Содномдоржа, Л. Тудэва, Д. Цэдэва, Ч. Чимида, Л. Чойжилсурэна. Мне бы

хотелось завершить свое слово отрывком из баллады Дожоогийна Цэдэва «Песня о лесах» в моем переводе:

...Стою под громадным деревом, вверх устремляя взор:
Ветки переплетаются, стараясь друг с другом свиться,
Как будто на чистом облаке безвестная мастерица
Вышила вдохновенно трепетный свой узор.
И, может быть, оттого, что, ветви лучами связав,
И солнце, и воздух тянут их все выше и выше,
Деревья стремятся к небу и синим простором дышат,
И кроны крыльями машут, птичий усвоив нрав.
Но корни за землю держатся — им летать не дано,
Их узловатые жилы живые вбирают соки,
А ствол — точно столб, который землю с небом высоким,
Цепкие травы и тучки соединил в одно.
Деревья зря не теряют хвоинок нарядный груз,
Ни корень, ни семя летучее — будущего ребенка.
Нас всех спеленала планета одною общей пеленкой,
В общей борьбе за жизнь — связала тысячей уз.

Защита природы — не фраза, не притча у всех на устах,
Деревья растут и падают — и смена идет за сменой,
Их нет — значит, мы без легких, и кровь наша стала пеной,
Их нет — значит, мы без сердца, как мертвый, бесплодный прах.
И человек, и дерево так схожи между собой,
И человек, и дерево одинаково стонут в печали
И веселятся похоже — вы разве не замечали?
И одинаково твердо стоят перед жесткой судьбой.
Смотришь на лес с вершины — подножия не видать,
А снизу смотришь — тоже: лес заслонил вершину.
Я песню пою природе, как подобает сыну,
Который лелеет, и любит, и славит родную мать.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«ИСТОРИЯ ТРЕБУЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ...»

Беседа велл Л. Букина

Как-то Лев Толстой сказал, что на детях великих людей природа отдыхает... Вероятно, чаще всего это бывает именно так. Тем поразительнее исключения. Талант Анны Андреевны Ахматовой и Николая Степановича Гумилева не помешал осуществиться дару Льва Николаевича Гумилева. Не просто сложилась его судьба, и тем более не просто — судьба его книг. Некоторые из них увидели свет, иные изданы на правах рукописи, а написанные в последние годы — лежат в письменном столе. Все они связаны с Монголией. В книге «Поиски вымышленного царства», вышедшей в 1970 году и давно ставшей библиофильской редкостью, отдельная глава посвящена литературному памятнику монголов — «Сокровенному сказанию». Книга, над которой сейчас работает Лев Николаевич, — «Деяния монголов» — продолжает основную тему, исследуемую ученым в течение многих лет.

Невольно возникает вопрос: почему именно Монголия? Чем продиктован интерес именно к ней? Мне как переводчику монгольской поэзии нередко приходилось отвечать на этот недоуменный, удивленный вопрос: потому, что в Монголии сосредоточена первозданная, космическая сила, и, чем больше стремишься ее постичь, тем отчетливее понимаешь всю глубину и загадочность этой страны.

«Почему именно Монголия?» — теперь спрашиваю я у Льва Николаевича Гумилева, мысленно пытаюсь предвосхитить ответ: интерес к Азии, Востоку, всему «иному», «далекому» мог передаться генетически от Николая Степановича Гумилева.

Л. Г. — Никакой генетической связи здесь нет. Востоком я увлекся потому, что в детстве читал книги про индейцев, но так как попасть к индейцам не мог, то нашел их эквивалент — народы Сибири и Азии.

Л. Б. — Когда Вы написали первую работу, связанную с Монголией?

Л. Г. — В 1936 году, на втором курсе исторического факуль-

тета. Это была статья по орхонским тюркам, опубликованная только в 1959 году в журнале «Советская этнография», № 3.

Л. Б. — Толкованию «Сокровенного сказания монголов» посвящена глава «Трилистник мышинной норы», вошедшая в Вашу книгу «Поиски вымышленного царства». Нетрадиционный взгляд вызвал традиционную полемику...

Л. Г. — Итогом которой стало пятнадцатилетнее молчание — у меня с тех пор не было ни одной публикации, если не считать работ, вышедших на правах рукописи...

«Сокровенное сказание» содержит предание о происхождении монголов: они появились от внебрачных связей матери Алан-гоа и небесного мужа. Кстати, об этом — о происхождении человека — я говорил в докладе, сделанном в 1985 году на конгрессе, посвященном исследованию атмосферы и космоса. Согласно моей теории, космические лучи, проникая через земную атмосферу, становятся причиной своего рода мутаций, в результате одной из них и появились монголы.

Л. Б. — Принято считать, что «Сокровенное сказание» — своего рода свод фольклора, вобравший в себя лучшее из того, что было накоплено монголами к 1240 году. Основания для такого толкования весьма серьезны: не может *первый* письменный памятник быть столь совершенным. Вероятно, до него существовала словесность, которая либо не была зафиксирована письменно, либо не сохранилась в записях.

Л. Г. — Твердо убежден, что «Сокровенное сказание» принадлежит одному автору — не менее гениальному, чем автор «Слова о полку Игореве». Автор, судя по всему, примкнул к Чингисхану после похода 1182 года. Вначале он ведет повествование от третьего лица, а далее говорит «мы». Полагаю, фольклора в памятнике нет. Это политический памфлет, и симпатии автора обращены к монгольскому войску, а не лично к Чингисхану. Кстати, в венгерском и польском переводах и в переводе Пеллио название памятника звучит более адекватно оригиналу — «Тайная история монголов». «Сокровенное сказание» — перевод, сделанный в свое время С. А. Козиним, имеет сусальную тональность.

После смерти Угэдэя монгольских ветеранов стали оттеснять представители завоеванных племен, включенные в армию, а в 1242 году ветераны были уничтожены как политическая сила. Написанное в 1240 году «Сказание» чудом уцелело.

Л. Б. — Может быть, благодаря тому, что монгольский текст был затранскрибирован китайскими иероглифами...

Л. Г. — В таком виде оно служило учебником монгольского языка для китайских разведчиков.

Убежден, что «Сказание», так же как и «Слово о полку Игореве», создано не прямо по следам описываемых событий. Поэмы пишутся после того, как все утряслось, когда появляется возмож-

ность осмыслить происшедшее с временного расстояния. Написать, чтобы заставить людей думать так, как думаешь ты, — это и есть литература.

Работая над книгой «Деяния монголов», половина которой — десять листов — уже готова, рассматривая исторические события с точки зрения пассионарной теории этногенеза, я пришел к фантастическому выводу: войны монголов были оборонительными. Их все время трогали и вынуждали обороняться. А они давали сдачи так сильно, что побеждали. Ведь поводом для битвы под Козельском послужило убийство монгольских послов князем Мстиславом Черниговским. Войны с Венгрией, Хорезмом, Южным Китаем были вызваны теми же причинами, а не тягой к грабежу.

Вы молоды и войны не знаете. Я же участвовал во взятии Берлина, и наблюдения, сделанные в те годы, относятся к любому времени.

Добычу взять легко, а увезти ее невозможно.

Поэтому войны монголов не обогащали. Как народу пассионарному монголам были присущи сильные товарищеские чувства. Предать доверившегося тебе человека — худшее из преступлений. Они отвечали на убийства послов набегами и победами. В этом — чувство коллективной ответственности за друга, за своего хана.

Л. Б. — Согласно Вашей теории этногенеза норманны — тоже народ пассионарный? С какой легкостью они снимались с места, завоевывали города...

Л. Г. — Норманны — викинги (от слова «вик» — укрепленный поселок) вынуждены были уходить из дому, так как дома их не терпели оседлые обыватели. Точно так же вели себя арабы эпохи Мухаммеда.

Л. Б. — Вероятно, теорию пассионарности можно отнести не только к народам, но и к отдельным людям? Человек одаренный, гениальный — тоже пассионарий?

Л. Г. — Еще бы! Знаете, я видел, как моя мать писала стихи — это страшный труд, и никакой нормальный человек не согласился бы на это. А я сам?!..

Л. Б. — Вы годами пишете в стол, безо всяких надежд на издание. Ведь основные Ваши работы — «Этногенез и биосфера Земли», «Пассионарность», «Тысячелетие вокруг Каспия» — существуют только на правах рукописи... Когда читаешь Ваши работы, удивляет язык, которым они написаны, — отнюдь не сухой и наукообразный: живые, разговорные интонации слышны, даже когда поясняются сугубо теоретические вещи.

Л. Г. — Я слишком люблю свою работу, чтобы делать ее наукообразной. У нас на факультете один геолог сделал доклад таким образом, что никто ничего не понял. Я излагаю своим студентам совершенно новую концепцию простыми и понятными словами.

Л. Б. — Можете ли Вы кратко сформулировать Вашу теорию пассионарности?

Л. Г. — Пассионарность — непреодолимое желание производить работу, часто бессмысленную, и стремиться к цели, часто иллюзорной. Само по себе такое желание — ненормальность. Естественный отбор устраняет пассионариев; остается обыкновенный, средний, успокоенный человек.

Л. Б. — Как Вы относитесь к описанию Чингисхана, которое дал Калашников в романе «Жестокий век»? Светловолосый, голубоглазый Чингисхан... Возможно ли это? Монголы отвечают с неприязнью, что мы, европейцы, слишком большое значение придаем внешнему, форме.

Л. Г. — Он ведь был мутант-пассионарий — все могло быть. В некоторых случаях ультрафиолетовые лучи пробивают атмосферу и доходят до поверхности земли, и в результате жесткого облучения происходит мутация.

Л. Б. — А нынешнее радиоактивное облучение действует так же?

Л. Г. — Получаются уроды. Но пассионарии — тоже в определенном смысле уроды. Им не сидится дома, и вместо того, чтобы наслаждаться уютом, они устремляются в мир, перекраивают его, живут в дискомфортных условиях.

Л. Б. — Эту особенную силу мне удалось ощутить во время пребывания в Хара-Хорине, древней столице Монголии. Видимо, пассивную энергию сохраняют предметы в храме Эрдэни Дзуу, крепостные стены, ступы, в которых замурованы священные книги, мощи святых, культовые вещи. От самой земли идет эта сила — под ее слоями лежит никем не тронутый древний город.

Л. Г. — Пусть лежит, целее будет.

Л. Б. — То же самое говорят и монгольские коллеги. Оттуда, из далекого Хара-Хорина, тянулись нити ко всему миру... Вам приходилось там бывать?

Л. Г. — Когда был молодым — не пускали, а теперь я и сам бы не смог поехать.

Л. Б. — Как Вы полагаете, Лев Николаевич, существует ли сейчас пассионарный толчок?

Л. Г. — Аберрация близости — не менее ста лет. Это то же самое, что рассматривать комнату под микроскопом. Пройдет триста лет, прежде чем станет все понятно. Так же существует и аберрация дальности. Что было в палеолите, мы тоже не знаем.

Л. Б. — Когда, согласно Вашей теории, были сильные пассионарные взрывы?

Л. Г. — Сильный толчок был около 1000 года. Он прошел через Маньчжурию, Монголию и выклинился где-то на меридиане Байкала. Последний такой взрыв — начало XIII века. Он дал одновременно Россию, Литву, Османскую Турцию и Эфиопию. Мы

не отстали от Европы, мы просто моложе на пятьсот лет. Все это видно на моем графике развития этнокультурных систем Евразии I — IV вв. Монголы в XIII веке испытали подъем, в течение века держались, и затем, в XIV веке, наступил спад.

Пассионарный толчок — это неэнтропийный импульс, не слишком сильный, потому что не дает летальных последствий для затронутых им организмов. Мутация! Возникает новый признак, проявляющийся в поведении и обнаруживаемый на популяционном уровне. Это и есть процессы этногенезов у людей, но, вероятно, аналогичные феномены есть у животных и растений, а также у микроорганизмов. Но эти сюжеты нас пока не интересуют. У людей возникший признак, в данном случае — пассионарность, устраняется естественным отбором, но оставляет после себя реликтовый этнос, живущий в состоянии гомеостаза так долго, как позволит устойчивость вмещающей среды. Эти реликты не примитивы, а финальные фазы миновавших этногенезов или предельно упрощенные системы.

Все известные этногенезы развиваются по описанной схеме, но, разумеется, в любой фазе развитие может быть оборвано вмешательством соседей. Впрочем, начало процесса — мутацию, порождающую некоторое количество пассионариев в гомеостатической популяции и тем самым превращающую ее в системную целостность — этнос, тоже можно рассматривать как экзогенное вмешательство, а не как эволюцию этнических субстратов. Мы не одиноки в монотонной Вселенной. Потоки энергии пронизывают наши тела и окружающую среду, что дает нам право рассматривать этногенезы как частный случай видообразования. То, что они протекают в обозримое время и имеют абсолютную хронологию, позволяет трактовать их как модель аналогичных процессов на клеточном и молекулярном уровнях, а равно на видовом и даже планетарном. Различие здесь только в сроках протекания, что в каждом случае требует своеобразного подхода. Однако дальнейшее развитие теории — дело поколения. С меня довольно того, что мне удалось сделать.

Л. Б. — Ваша теория как-то связана с теорией Вернадского о ноосфере?

Л. Г. — Она связана с 1-м биохимическим принципом Вернадского: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению».

Л. Б. — А с работами Чижевского?

Л. Г. — Он был на верном пути, но не умел отбирать исторические факты. История требует точности и масштабности.

Л. Б. — Судя по тому, что книга В. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» у Вас под рукой, Вы к ней обращаетесь довольно часто?

Л. Г. — Постоянно. И в Ленинграде тоже есть экземпляр.

В. И. Вернадский, открывший биохимическую энергию живого вещества биосферы, отметил еще один феномен, как бы энергию с обратным знаком — «разум», точнее, «мысль», которая, не являясь определенной формой энергии, тем не менее может совершать работу. Может-то она безусловно, но какова совершаемая ею работа? Что она создает? Каковы ее результаты? И, наконец, каково ее соотношение с уровнем пассионарного напряжения системы, в которой она проявляется?

Ответить на это можно только посредством этнологии, оперирующей понятиями суперэтносов и их контактов при изучении законченных процессов этнической истории...

Л. Б. — Какие книги, связанные с Монголией, есть в Вашей библиотеке?

Л. Г. — Те, что всегда держу под рукой: R. Grousset. «L' Empire des Steppes»; «Mongols and Russian» Г. В. Вернадского; «Сокровенное сказание», переведенное на польский язык Станиславом Калужинским; Рашид-ад-Дин; старое издание Г. Цыбикова. И, разумеется, целая полка специальной литературы.

Л. Б. — На столе я вижу и Ваши основные труды, депонированные в Люберцах. Чему посвящен том «Тысячелетие вокруг Каспия»?

Л. Г. — Здесь показан принцип пассионарной теории этногенеза на неизвестном историческом материале. Объясняется, почему немногочисленные хунны (около 300 тысяч) не пустили китайцев в Европу, почему монголы побеждали противников многочисленных, технически оснащенных и прекрасно организованных.

Л. Б. — Для работы Вы используете материалы из летописей?

Л. Г. — Летописец был человек живой и пристрастный. Верить надо средневековым немецким хронистам — только в отношении генеалогий.

Л. Б. — Над чем Вы работаете сейчас?

Л. Г. — Недавно я закончил очередной том «Древняя Русь и Великая степь», охватывающий период с IX по XIV век. Работа посвящена не Руси и Степи, а границе между ними. Это новый подход в истории, когда изучается не сам предмет, а соотношение его с соседним. Повторять историю Руси нет смысла. Великая степь мной описана в степной трилогии «Хунны», «Тюрки», «Монголы». На эту книгу и «Деяния монголов» ушли последние двенадцать лет, когда меня никуда не звали и нигде не печатали.

Л. Б. — Наверное, прочие Ваши работы можно будет издать.

Л. Г. — У меня много написано про монголов, но я не даю в печать. Чтобы не умереть. Пока в столе лежит незаконченная рукопись, требующая работы, она спасает меня от смерти. А горюхы меня не интересуют. На что их тратить в моем возрасте?..

Л. Б. — Вопреки всему, что довелось Вам перенести, в Вас нет никакого ожесточения...

Л. Г. — А против кого мне ожесточаться? Где эти люди теперь? От старости же меня защищает великолепный экран — это история кочевников Центральной Азии. Она мне давала силы и в самые тяжелые годы. С 1938 по 1956 год я провел в лагерях. В промежутке, с 1945 по 1949, воевал, брал Берлин, потом быстро сдал экзамены... И тут началась опала матери — после известного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». (По странному совпадению первый музей Анны Ахматовой в Ленинграде образован при ПТУ имени Жданова.) Но я все же успел защитить кандидатскую диссертацию, а докторскую — уже после освобождения. Что делать, надо уметь выбирать родителей.

Л. Б. — Годы заключения пришлось провести без книг?

Л. Г. — Книги присылали. В частности, работы Бичурина, помогшие мне написать книгу о древних тюрках, ставшую впоследствии докторской диссертацией. Книги «Хунну» и «Хунны в Китае» я написал там же, привез домой в чемодане. Потом только дополнил ссылками на иностранные источники. Во время пятнадцатилетней опалы, начавшейся после выхода книги «Поиски вымышленного царства», тоже непрерывно работал. Вообще, за последние двадцать пять лет только раз — одну неделю — отдыхал (после женитьбы, совпавшей по времени с выходом книги).

Л. Б. — Книга, послужившая поводом для Вашего отчуждения, стала теперь не просто редкой — недоступной. В 1973 году она была издана в Польше — иллюстрации тщательно подобраны Стефаном Михальски, научный консультант — крупный монголовед Станислав Калужинский. В 1974 году книга переведена на чешский язык... Идея отрицания монгольского ига, выдвинутая Вами, видимо, вызывает научный интерес, а не только встречается в штыки.

Л. Г. — Именно об этом подробно говорится в главе «Недоумение по поводу монголов» из книги «Деяния монголов». Эта глава — своего рода апокриф, написанный в форме обсуждения доклада, который на самом деле никогда не был прочитан. В ней собраны разного рода мнения, с которыми мне приходилось сталкиваться за последние полвека, и даны ответы на них.

Почему к монголам во всем мире принято относиться плохо? Распространили этот навет тамплиеры в XIII веке, когда они предали монголов. В XIII веке в Европе были паписты-гвельфы и сторонники императора — гибеллины. К числу гвельфов принадлежали юго-западные французы — Анжуйский дом, северо-восточные немцы — саксонская династия герцогов Вельфов, половина Италии и орден Тамплиеров. Гибеллинами были швабские герцоги Гогенштауфены, которых поддерживали французские Капетинги. Гибеллины искали поддержки у восточных христиан: Никейской империи, Армянского царства в Киликии и у монгольских несториан. Папы за это отлучали их от церкви.

А монголы об этой борьбе ничего не знали, вернее, не могли

представить себе размах ненависти и предательства. Поэтому, двинувшись в 1260 году, после взятия Багдада, на освобождение Иерусалима, они рассчитывали на поддержку палестинских христиан и крестоносцев и были уверены в победе. Гетум, царь Киликии, и его зять Боэмунд Антиохийский поддерживали монголов, но крестоносцы Акры пропустили войско египетских мамлюков через свои владения и даже снабдили их провиантом. Монголы были разбиты, после чего разъяренные мамлюки вырезали христианское население Сирии и взяли все крепости крестоносцев в Палестине. Вина за разгром и кровь невинных лежала на тамплиерах, но те распустили слух, что монголы хуже черта. Тенденциозность версии несомненна, но для специалиста, а не для большинства. Так она и закрепилась, сначала в Европе, а потом в России, ибо реальность всегда воспринимается труднее, чем миф.

В XIII веке западноевропейская географическая наука, имевшая в то время громадное практическое значение, представляла бушующий фонтан мифов, легенд, сознательной лжи и безудержной фантазии. Это был доступный в то время уровень науки, которая базировалась не на опыте и наблюдении, а на деятельности свободной мысли или разума, питаемой легковерием народных масс и высших сословий. Уже одна басня о царстве пресвитера Иоанна унесла в ад несколько тысяч французов и немцев, пошедших во второй крестовый поход навстречу мнимому союзнику. А когда христианский союзник действительно появился из глубин Азии, была проведена очередная дезинформация, причем столь сознательно и гнусно. Но изреченная ложь — произведение свободной мысли или разума, т. е., если быть последовательным, — ноосферы XIII века, стала привычной, т. е. фактом, формирующим стереотип поведения и, как таковой, дожила до нашего времени. Предвзятое мнение превратилось в переходящую ошибку, исправить которую средневековая наука была бессильна.

Неисчислимы беды, происходящие от предвзятых мнений и переходящих ошибок. Заслуга науки в том, что она часто вскрывает застарелые предубеждения, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств. Чтобы опровергнуть ложное суждение, нужно вскрыть его корни, зачастую болезненные и застарелые.

Наши предки, жившие в Московской Руси и в Петербургской Империи, нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане. Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов — Шереметевы, и татар — Кутузов.

В странах же Западной Европы предубеждение против не-европейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую некоторые начинали от Венгрии, другие — от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XIII века, создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии или Индии и Китая.

К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала великого Монгольского улуса, а потом Золотой орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна.

Корни болезни, которую мы называем монголофобией, следует искать в том же XIII веке, когда и происходили войны монголов. Могут возразить, что европейцы, а до них римляне и греки недолго любили степных варваров — скифов, гуннов — и раньше. Но раз речь идет о монголах, а не о гуннах, туркменах-сельджуках и даже туарегах Сахары, которые на время завоевали большую часть Испании, то причины монголофобии надо искать именно в XIII в. Ибо до этого времени о монголах не было слышно и их не было на исторической арене.

Каждое явление, наблюдаемое в современности, имеет свое начало в прошлом, иногда близком, иногда далеком, но никогда не бесконечном, якобы характерном для всех тысячелетий существования человечества. Но ведь любое описание прошлого — история. Следовательно, история любого процесса, бытующего в настоящее время, — это продолжение того мгновения, когда, в силу тех или иных причин, этот процесс начался. Именно поискам начала, т. е. происхождения «черной легенды», посвящена книга «Деяния монголов». Эта работа похожа на диагноз грандиозной болезни, заблуждения, унесшего много жизней и породившего много ненужного и бессмысленного горя.

Надо отдать должное уму и такту наших предков. Они не создали обратную человекоубийственную систему мироощущения. Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов. Вот почему для русского читателя важно понять, с кем и как нашим предкам пришлось воевать и на Востоке, и на Западе.

ИЗ РОМАНА «РЫЖИЙ БУДДА»

* * *

В архиве Сергея Николаевича Маркова (1906—1979) хранится рукопись незаконченного романа «Рыжий будда». Рукопись состоит из десяти глав, насчитывающих 190 страниц.

Темой этого исторического романа является разгром белогвардейских полчищ, которые объединил бывший офицер-монархист русской армии барон Роман Унгерн фон-Штенберг и который намерен был повести свои полчища на Советскую Москву. Но прежде Унгерн пытался восстановить монархический строй в Монголии, Маньчжурии, Тибете, Туве, в странах Востока от берегов Тихого океана до Каспийского моря. Объявив себя продолжателем «дела» Чингисхана, барон Унгерн строил планы завоевания не только Советской России, но и всей Европы. Этот авантюрист и фанатик так сформулировал свою программу:

Спасение должно идти от монголов, с Востока, от неиспорченных революцией монгольских народов.

Задача всех монархов — объединиться для восстановления всех царей против заразы большевизма.

Барон Унгерн судьбой, самим Богом предназначен к роли спасителя царей и восстановления монархии.

Барон Унгерн собрал в своих рядах до пяти тысяч головорезов, однако эта «армия» не могла долго продержаться даже на территории Монголии, если бы не получала поддержки атамана Семенова, японского командования, китайских реакционеров и прочего международного сброда. На первых порах бандам Унгерна оказывала поддержку феодально-религиозная верхушка Монголии, которая признала его воплощением самого Будды. Реакционные силы Востока были напуганы успешным продвижением Красной Армии на Дальний Восток, волнениями народных масс на юге Китая и в самой Монголии. Поэтому они и возлагали надежды на Унгерна.

События, описываемые в романе, сначала происходят в дореволюционное время, когда Унгерн впервые появляется в Монголии после ее освобождения от китайских завоевателей, но основное

действие разворачивается в 1921 году после разгрома армии Колчака, отступления атамана Семенова в Манчжурию.

В романе изображаются действия Монгольской народно-революционной армии в союзе с советскими войсками, командир 35-го полка Шетинкин (под именем Шеткина), который пленил барона Унгерна и захватил его штаб со всеми документами.

Осенью 1921 года в Новониколаевске (теперешнем Новосибирске) состоялся открытый суд над Унгерном. Сибирский революционный трибунал приговорил барона к расстрелу. Об этом процессе писали газета «Советская Сибирь» и другие органы печати. Один из участников процесса, Емельян Ярославский, тогда выпустил брошюру «Барон Роман Унгерн фон-Штенберг», в которой использовал многие документы и письма барона, а также свидетельские показания.

Через пять лет после процесса над Унгерном, в 1926 году, Сергей Марков приезжает из Петропавловска в Новосибирск. Здесь он много печатается, работает в информационном отделе большой газеты, выходившей на 16-ти страницах, «Советская Сибирь».

В 1928 году в одном из номеров журнала «Сибирские огни» был напечатан очерк А. В. Бурдукова «Сибирь и Монголия», где подробно освещался вопрос о торговых связях русских с монголами до и после 1917 года, о судьбе русских людей в годы кровавого разгула банд Унгерна.

Алексей Васильевич Бурдуков с ранней юности связал свою жизнь с жизнью монгольского народа. Участник всех революций в Монголии, представитель всех наших здоровых и хороших интересов там, в прошлом толстовец, неудавшаяся жертва Унгерна, прожил в Монголии 30 лет, знал в совершенстве язык, культуру, быт и обычаи народа.

А. В. Бурдуков печатал свои очерки в «Сибирских огнях», а жил в Ленинграде. Когда в 1928 году Сергей Марков приехал из Новосибирска в Ленинград, то там с ним и познакомился и остался от этого человека под таким сильным впечатлением, что задумал написать роман о гражданской войне в Сибири и Монголии, о кровавом бароне Унгерне. Тогда же он написал свое стихотворение «Барон Унгерн».

В романе «Рыжий будда» противодействующей Унгерну силой писатель вывел Тихона Турсукова, прообразом которого является А. В. Бурдуков.

Типичным представителем бывших русских факторий в Кяхте и Урге изображается Тихон Турсуков. Турсуковым осуждаются массовые расправы над мирным населением русской, монгольской, китайской национальности. Своего приемного сына, монгольского сироту, он настраивает на активные действия в союзе с красными. Сам он тоже приходит к мысли, что нельзя жить по толстовской

заповеди непротivления злу насилieм, нужно бороться с кровавым бароном.

Как видим, произведение Сергея Маркова, несмотря на то что оно не закончено, сохранило свою актуальность до наших дней.

Читателю предлагаются две главы, представляющие собою главную сюжетную линию, заострение основного конфликта.

Обе главы к печати подготовлены вдовой писателя Г. П. Марковой.

* * *

Тихон Турсуков верит в мудрость чернил

Тихон Турсуков, человек из города Тобольска, тридцать лет проживший на берегу монгольской реки, сидел над раскрытой конторской книгой с голубыми линейками.

Турсуков крупно вывел на первой странице слово: «Монголия». Восемь букв успели уже засохнуть, и за это время Турсуков придумал, как начать свои записки; он перевернул страницу и написал на ней сверху: «Люди», левая страница украсилась словом: «Дела».

Турсуков верил в непогрешимость бухгалтерии и мудрость чернил. Он был голубоглаз и лыс, его брови и морщины походили на китайские письма, теплые ключицы высились под мягкой рубахой.

В комнате было тихо, со стен на Турсукова глядели скоробившиеся от жаркой лампы портреты Толстого и упрямого Бонапарта.

Тихон Турсуков сейчас заполнял левую страницу книги. Рука, привыкшая к монгольским знакам, выводила с трудом русские буквы.

Итак, если мы заглянем через плечо пишущего, мы прочтем в голубой книге следующие строки:

«Прожив тридцать лет в пустынной земле, я много встречал на своем веку людей достойных и низких, больших и малых. Обученный грамоте на медные деньги, юность я свою посвятил чтению книг. Питал я интерес не малый к творениям философов и просто рядовых писателей и вынес из всего этого глубокое мое убеждение в человеке.

Изучая жизнь великих людей, начиная от Будды, Христа и кончая Тамерланом, Наполеоном и графом Львом Толстым, стал я думать о том, что величие душевной природы заключено в человеке каждом, но он этого величия не сознает.

Вправду, разве это величие, когда Наполеон в Италии целый город хотел разрушить, да еще столб с надписью поставить, в которой указать хотел, что, мол, на этом месте был город. Был, как

говорят, да весь вышел. Чего хотел Наполеон этим миру сказать — понять я никак не могу!

Выходит, по-моему, что Цезарь, Тамерлан, Наполеон и подобные им люди не туда свой гений растратили.

В загробный мир я не верю, а если бы верил, то мог бы построить интересные картины.

Вот, например, представить такую вещь, что все эти гении собрались бы там, да начали рассказывать друг другу о своих делах, стараясь друг друга переплюнуть. И в это время подошли бы туда, к примеру сказать, незнатный совсем лекарский сын Федор Михайлович Достоевский или Уатт, что локомотив изобрел, то они гениев, пожалуй бы, перекрыли. Один Уатт их своим чайником затмил бы, не говоря уже о «Братьях Карамазовых».

К чему это я все пишу? Вспомнил я сегодня об одном человеке, встреченном жизнью моей.

Придется писать все по порядку, чтобы после подумать опять о величии человеческом.

Сейчас на календаре моем 1921 год, которому уже пятый месяц идет, а этого человека я с 1913 года знаю и с тех пор думаю, что им движет, и понять не могу.

Ну так вот, как все это было. Ехал я из Улэсутая в Кóбдо поздней осенью 1913 года. Помню холода стояли ранние, на седле коленки мерзнут, и зуб на зуб не попадает. Едешь и думаешь, как бы скорее в тепло попасть! Помню, застыл я здорово, добрался до станции, сижу и пью чай. В это время слышу шум какой-то у дверей, как бы кто приехал, и через минуту входит русский содержатель с бумагой в руках, не говоря ни слова хохочет и этой самой бумагой машет.

Спрашиваю я его о причине веселости такой, а он мне в ответ бумагу тычет, а сам идет холодную воду мелкими глотками пить — до того его смех донял.

Я очки надеваю, пробегаю казенный бланк и сам диву даюсь. Написано там, что владелец бумаги, такой-то офицер Амурского казачьего войска, уволен в отпуск и, по его желанию, отправлен в Монголию для поисков подвигов и приключений.

Я хозяина спрашиваю:

— Где этот чудак сейчас?

Хозяин на меня рукой замахал, потому что в ту минуту на пороге, как ствол сохлый, человек вырос. Как взглянул он на нас, я сразу понял, что это и есть наш чудной гость.

Высокий он, помню, был и весь прямой, как степная волосная веревка. Рыжеват, лицом бел, а глаза со стеклом сходны; бывает такое стекло — с пузырьками.

При этом шинель и мундир на нем висят лохмотьями, как будто он через дикие кусты три дня пробирался, но шашка на боку — вся в серебре, и погоны свежие на плечах скрипят.

Здоровается человек этот громко, по-солдатски, поводит плечами, садится в угол и молчит.

Мы тоже с хозяином молчим, смотрим на гостя, он исподлобья — на нас.

Наконец, я спрашиваю его, куда он путь держит?

Он, с хрипотцой такой, просто отвечает:

— В Кобдо.

— А зачем, позвольте спросить?

— Да так, тут у вас войнишка маленькая завелась, я о ней в газете читал. Вот я и приехал.

И так это он сказал, как будто речь о подкидном дураке идет, а не о таком серьезном деле.

Я ему отвечаю.

— Извините, не знаю я, как вас звать и величать, но кажется мне, что вы к делу такому великому легко как-то относитесь...

Он меня перебивает, буркает какую-то немецкую фамилию и говорит:

— Не стесняйтесь.

Я отвечаю, что мне, мол, стесняться нечего, но я как друг великого народного воителя Джа-Ламы не могу слушать суждений легкомысленных. Тут, мол, решается судьба целого народа, имеющего право на величие и свободу!

Как я только имя Джа-Ламы привел, мой офицер вскакивает, подбегает ко мне и умоляет меня все рассказать. Губы у него побелели, стеклянные глаза загорелись, а плечи так и ходят.

— Извольте, если вы так хотите, слушайте, только это история долгая...

Он меня продолжает упрямить, вертя шашку в руках, подсаживается ко мне ближе.

Начал я ему рассказывать и вижу, что мой новый знакомый все это больно близко к сердцу берет.

— Расскажите все, — говорит мне офицер, — а то мне на Амуре газета в руки попадалась, я там про вашу войну и вычитал, а подробно ничего не знаю.

Все я ему тогда рассказал и не знаю, почему отказать не смог, может, потому, что больно дик он глазами был, а сердцем прост.

Думаю я, что будущим моим читателям будет интересно, что творилось тогда в Монголии. Поэтому то, что я офицеру рассказывал, сейчас все на эту бумагу заношу в возможном порядке, чтобы не наскучить никому.

В те времена страна была под китайской властью, длившейся два с лишним века. Воин китайский, хотя ногами слаб, что бамбук, но сердце у него крутое, как у тигра, и пришлось великому монгольскому народу быть рабом бамбуковых людей.

Смелые люди, конечно, помнили, что есть у них еще отвага, кони дикие есть и что железо всегда железом остается и с кро-

вью крепко дружит. Как сказано в народных преданиях и истории, в давнее время богатырь Амурсана поднял страну против богдыхана.

До сих пор народ говорит, что Амурсана вместе с двумя товарищами своими служили самому богдыхану и жили в Пекине в почете и благодати. Но помнили все втроем они, что родились они в родном краю, одну родную землю конями топтали и что та земля сейчас поругана.

Вернулся великий герой на родную землю и повел войну, воевал долго, но, в конце концов, богдыхановы войска разбили его наголову, и Амурсана в степи отступил.

После того много времени прошло, и народ все время думал, что придет еще Амурсана от Русого Царя и освободит родину. Пошел слух такой, что великий дух героя стал перерождаться и перерождение это идет в Астраханских степях, где у Русого Царя калмыки живут, что с монголами здешними одну веру держат. Поэтому и решил народ ждать с калмыцкой стороны избавителя своего и, наконец, дождался...

А дело так было, что приехал в Халху молодой еще человек, из астраханских калмыков, по имени Джа-Лама. Говорили про него, что с малых лет он послушником был у наших монгольских лам, а после весь высший божественный курс в Тибете проходил, но правда ли это — сам я сказать не могу.

Начал этот калмык монголов уговаривать насчет войны с Китаем и заварил сразу такую кашу, что скоро пришлось ему бежать, и где он пропадал целый год — никому до сих пор неизвестно.

Вдруг в Улясутай приезжает китайский отряд и привозит поиманного Джа-Ламу. Руки у него скованы, лежит он в арбе, а зади солдаты ведут белых верблюдов, и на одном из них навьючен большой сундук белой жести.

Дознались китайцы, что пленник пробивался сейчас из Тибета в Россию, и тогда велел ему бамбуковый офицер открыть сундук.

Джа-Лама говорит Китайцу:

— Я с вами говорить не буду, позовите кого-нибудь из русских.

Достали одного русского колониста, он из-за пазухи у Джа-Ламы ключи вынул и открыл сундук. Китайцы кинулись к сундуку и сразу нашли паспорт совсем не на Джа-Ламы имя, а на другое. Вот тут ты его и возьми! Китайцы дальше в сундук не полезли и отпустили Джа-Ламу с миром. А после пошел слух, что в сундуке было двойное дно и на этом дне — бунтовщицкие бумаги, против китайцев написанные.

Дальше с Джа-Ламой опять чудесные истории пошли. Объявился он скоро у русского купца в доме, потом, говорят, встретил консула Шишова и с ним в Ургу поехал, а оттуда в Кяхту.

Тут он вовсе запропал на целых десять лет, и его даже погибшим считали, но вдруг монголы стали передавать, что у нашего отважного путешественника Козлова появился проводник, Ширел-Лама, чудного вида человек и шибко для своего звания образованный; борода у него окладом, в ламском халате ходит. Все решили, что это опять Джа-Лама затевает что-то, и так оно и вышло.

Опять передавать стали, что Козлов запечалился, когда сам не мог в Тибет попасть, и решил туда своего проводника послать. Поехал Джа-Лама в Тибет, вернулся оттуда и разминулся с Козловым, который ждал его, да не дождался, и сам двинулся в каменные края, и сгинул на долгое время без вести.

Пал на коня Джа-Лама и побежал в Кобдо к консулу Шишову. Стал просить он консула, чтоб тот его на розыск и подмогу к Козлову отправил.

Об нем уж и забывать начали, но вдруг видят его русские люди у свойских купцов в карашаре; Джа-Лама у них, оказывается, живет, только имя у него опять другое, бороды нет. Слух большой про Джа-Ламу по всей стране пошел, и в то время мне его и привелось увидеть.

Был я в гостях у одного князя в Хангельцике и увидел в первый раз Джа-Ламу, не зная еще, что мы с ним в знакомстве будем. Роста он среднего был, плотный, широк в плечах, лицо широкое, и улыбка по лицу всегда, как паучок, бегаёт. Сидит он, пьёт чай из круглой чашки, истово, в прикуску, и все рассказывает хозяину про Тибет, Индию да про то еще, как он в ученом месте в Пекине служил как астроном и составлял календари.

Чего только он не знал, после выяснилось, что он на пяти языках говорил и даже санскритом владел, о котором я только из книжных трудов наслышан.

Рассмотрел я его в первый раз хорошо. Держался он с благородством, а одет был как-то странно. Сверху на нем — ватный халат — китайский покрой, на боках разрезы внизу, а под халатом — старый мундир казачий, сапоги верховые, тоже русские.

Разговор у нас зашел насчет китайцев. Джа-Лама мне и говорит:

— Скоро будет большая перемена, ее народ ждет и не дождется.

Сказал это он и засмеялся опять, снова по щеке у него словно паучок пробежал.

После замолчал он, и монголы все, по деликатности, из юрты вышли, нас вдвоем оставили.

Тогда я его и спрашиваю прямо, на что он намекает.

Он нагнулся и мне прямо в ухо и говорит:

— Русским я могу все сказать. Я Монголию призван освободить. Чувствую я себя перерожденцем Амурсаны, и скоро за мной все пойдут. Дюрбеты уже войско обещали...

Проговорили мы тогда с ним до самого утра.

Через месяц я узнаю, что Джа-Лама творить начал. Господи боже мой! Пять тысяч на коня посадил — тут и дюрбеты, и халхасцы, и даже урянхов достал из соседних краев.

Идет эта армия прямо на Кобдо, где китайцы засели. Командующего своего Джа-Лама этой армии дал — Сурунгун, но, конечно, Сурунгун во всем нашему монаху подчинился.

Посмотрел я на Джа-Ламу и подумал, что такой монах любому Суворову нашему сто очков вперед даст. Разъезжает на коне, два маузера по поясу, тибетская сабля третьей, на плече — карабин.

Дошли до Кобдо, осадили кругом и город и крепость, но китайцы из гордости не сдаются, помощи просят из западных провинций. Какая тут помощи! Джа-Лама одним напором взял, в город сначала ворвался, а потом и крепость забрал. Тысячу целую пленных взял и всех не успел казни предать, человек семьдесят расстрелял, а за остальных наш консул заступился.

Между тем китайцы тревогу бьют, из Шарасумэ целая армия идет. Джа-Лама сидит в Кобдо и встречу хорошую для гостей готовит.

Тут наши чиновники русские засуетились, давай скорее обе стороны уговаривать, и добились того, что китайцы на Кобдо не пошли, а остались зимовать на своих позициях, верстах в трехстах от города.

Все это я офицеру своему и рассказал по порядку.

Он сразу в лице изменился, ко мне руки протянул и как закричит таким голосом, что на столе стаканы зазвенели:

— Слушайте, вы мне письмо к этому герою должны дать! Правда ли, что он киргизскому богатырю велел сердце вырвать, а потом с него кожу снял? Я еще про него слышал, что он армию настоящую у себя завел, что ламы ему коня седлают и стремя держат.

— Все правда, — отвечаю, — и из-за этого зверства у меня большая ссора с Джа-Ламой вышла.

— А как это он сердце вырвал? — опять спрашивает офицер. Стекланные глаза его загорелись, вытянулся весь.

— Очень просто, — объясняю ему. — Бой был, и киргизы разбежались, раненых оставили. Джа-Лама посреди отряда подскакал к киргизам и увидел, что один из них, по виду богатырь, сидит, открыв грудь, и держит ладонь на ране. Смотрит спокойно на подъезжающих врагов, и из-под ладони у него кровь медленно льется. Монгол один ударил раненого пикой в грудь, но богатырь ни слова опять не промолвил и руки с груди не снял. Джа-Лама наклонился с седла, посмотрел в упор на богатыря и велел своему воину проколоть киргиза прямой саблей. Киргиз и тут не застонал, тогда Джа-Лама приказал вырвать сердце и показать его богатырю.

Но киргиз на сердце свое не взглянул и так помер, не сказав ни слова. Правда, с него кожу сняли и посолили...

— Здорово, — шепчет офицер. — Я прямо к Джа-Ламе сейчас поеду. Я ему армию на ноги поставлю, артиллерию заведу! Так он, говорите, Кобдо взял сейчас и хочет дальше на китайцев идти? А ихние войска сейчас зимуют в степи? Почему же Джа-Лама ждет? Тут медлить нечего, надо действовать — (по комнате тут он прошелся большими шагами), — ну, я сам с ним об этом поговорю!

...Как есть безумный человек! Я меж тем готовлю себе постель, кошму от седла отвязал, резиновую подушку надул. А офицер с места не двигается. Я ему говорю:

— Господин офицер, давайте спать! Утро вечера мудренее.

— Сейчас, — отвечает он и велит занести седло.

— Это зачем?

— Как зачем? Спать, — отвечает. — Я всегда его под головой держу.

— И подушки у вас нет?

— Нет и никогда не было!

— А накрываетесь чем?

— Шинелью! Не беспокойтесь, пожалуйста, я всегда так.

Подивился я на него, и легли мы спать рядом. Он не спит, смотрит на огонь ночника как-то пристально, не мигая, лежит, не раздевшись, даже сапогов не снял, шпорами в землю уперся.

Обернулся ко мне и говорит:

— Хорошо, что война тут у вас пошла. А то на Амуре скучно стало.

— Как так?

Начал он тут рассказывать совсем чудесные вещи.

Должен я при этом заметить, что никакого хвастовства тут не было. По особенному все это офицер рассказывал, медленно и как бы нехотя.

Понял я из всего рассказа то, что он из Петербурга на Амур был послан, на Амуре на пари один на тигра ходил, в тайге бродил без оружия и пищи два дня, реку переплывал, и от всего этого одну лишь скуку чувствовал и что ему, как вода и пища, военные подвиги необходимы.

Много он мне тут говорил. Все хорошо запомнил я и заснул в эту ночь поздно. Наутро мой офицер раньше меня встал, умылся, попросил у хозяина бритву и начал бороду намыливать. Я в это время стал вещи свои перед выездом собирать и на дне сумки нашел молитву тибетскую, которую мне один ламá подарил.

Держу я эту молитву в руках, вдруг слышу кто-то за моей спиной стоит и тяжело дышит. Смотрю — это мой офицер стоит с намыленной щекой и рассматривает молитву. Потом в таком волнении говорит:

— Я такие вещи видел в музее. По надписи судя, эта молитва от пули бережет. Ради бога, подарите мне ее, прошу вас!

— Сделайте одолжение, господин офицер, — говорю. — Она мне не нужна... Возьмите, если она вас интересует...

— Да, да... Давайте ее... Спасибо большое!

Сказав это, спрятал он молитву за пазуху, сел и опять начал бриться.

Скоро оседлали нам коней и поехали мы дальше.

Проводник, который дорогу должен указывать, на офицера все смотрит и языком щелкает от удивления на его посадку — офицер в седле, как монгол сидит!

Целый день мы с ним ехали и все разговаривали о здешних делах.

Он упорно на своей точке стоит и над моими рассуждениями о великих людях, которые я здесь привожу, смеется.

— Что ж, — говорит, — господин философ, вы Наполеона какой-нибудь чайник заставите изобретать? Это неправильная у вас философия, что великие люди обязаны одно добро делать. Кто разрушать все хочет, тому до чайников дела нет.

И договорился он сам до своего вероисповедания, сказал, что всю жизнь к буддизму склонялся.

Я не вытерпел и говорю:

— Какой же вы буддист, с позволения сказать, когда вы кроваждадность проповедуете?

— А Джа-Лама сердце вырывал?

— Это тоже отклонение, извращение, так сказать.

— Ничего подобного... Буддизм сохраняет чистоту духа, а тело — простая материя. Зачем же мне тело жалеть, раз дух бессмертен?

— А зачем вы себе молитву от пули взяли?

Он усмехнулся, ничего не ответил и разговор на другое перевел.

Между тем время идет, смеркается, и, когда совсем стемнело, заметил я, что мы не по той дороге едем.

Тропа какая-то вокруг озера идет, камыш мерзлый по стремениам звенит, свежих следов нет.

Потом в котловину попали; черные кусты кругом, небо низко висит, и кажется, что до него нагайкой можно дотронуться. Ищем дороги и не найдем.

Тут мой спутник потемнел и взялся за проводника... Что тут было, господи боже!

Взял офицер саблю и плашмя стал проводника избивать. Тот с коня пал, на брюхо лег и мертвым сразу прикинулся. Офицер меня оттолкнул, когда я заступиться за человека хотел, сел в седло и говорит:

— Едем прямо!

— Куда? Все равно дороги нет.

— Вот там жилье есть! Оттуда дым доносит.

«Какой тут дым? — думаю. — Ветер такой, что ничего не разберешь».

— Куда мы поедем с вами без проводника?

— Ничего, не беспокойтесь, он нас догонит.

Пожал я плечами и поехал за ним, сам не зная, почему во всем ему повинуюсь.

В эту минуту я и подумал о том, какие люди бывают жестокие и что я перед его жестокостью — ничтожная единица. Попадись такому на войне, он из тебя лепешку сделает, в пыль превратит, все заставит сделать.

Скоро наш монгол, слышим, шумит сзади, нас догоняет и сам прощения у офицера просит.

И что самое удивительное, так это то, что действительно офицер нас к жилью привел.

Обогрелись мы там как следует, а наутро он у меня просит:

— Вы мне письмо должны к Джа-Ламе дать, слышите?!

Голос у него такой, что я содрогнулся, но собрал все силы и отвечаю:

— Нет, не сделаю я этого никогда. С вашей душой к этому делу вас нельзя допускать.

— Так вы мне письма не дадите?

Подошел он ко мне вплотную и прямо мне в глаза поглядел, не мигая. Я на него, в свою очередь, поглядел в упор и говорю:

— Нет, господин офицер, мое слово крепко!

Повел мой офицер плечами, усмехнулся и руку мне протянул:

— Ну, что-ж, — говорит, — ничего не поделать. Люблю людей, у которых свое слово есть. Прощайте! Сам поеду и всего добьюсь.

Поднял плечи свои высоко, стукнул шашкой и вышел на двор.

Думаю я, что страшный человек мне тогда попался. Легко ли в себе такую тоску и жестокость носить?

Теперь я думаю, что мне довелось поступить справедливо. Не допустил я, не помог своим словом и делом совершению безумств, которые до сих пор страницы Истории черной кровью испятнали.

Волную очень меня записки мои. Вчера собрался я труд свой печатать, ходил по комнате, вспоминая прошедшие дни, потом спать лег и видел во сне знакомого своего, Джа-Ламу, перерожденца Амурсаны.

Будто слезает он с седла, подходит ко мне, протягивает руку и говорит:

— Здравствуй, русский брат! Помнишь, как мы с тобой делили пищу и ночлег?

Помню дальше, смотрит он на меня и, как всегда, улыбка на щеке у него, как паучок, бегаёт.

— Русский брат! Мы с тобой не только оружие держали. Пом-

нишь, как ты мне посоветовал монголам плуги дать и русскую обувь заводить?

Действительно, настоял я тогда на том, чтобы после необходимого пролития крови великий воитель прославил себя и добрыми полезными делами.

А мой новый знакомый способен ли на добрые и великие дела?

Конечно нет! И потому люди такие, как он, могут лишь злодеями быть. Злодей, с тоской в груди, опасней всего на свете, хуже всякого убийцы, который из нужды ближнему своему брюхо распарывает.

Нечего сказать, хорош буддист, подающий руку насилию.

Великое заклинание буддистов говорит: «Ом-мани-па-дмэ-хум» — и значит это: «О, ты, сокровище, покоящееся на лотосе!»

Разве может божество на лотосе запятнать себя кровью и разве лотос растет среди кровавых луж?

Боюсь я, что над суждениями моими посмеется образованный читатель, ибо опять повторяю, учен я на медные деньги, на медные деньги труды наших писателей покупал, а читал их в седле, гоняя купеческие гурты по пустыням Монголии, а также Западного Китая.

Итак, тороплюсь я кончить эту запись и хочу только сказать, что сделана она для того, чтобы показать будущему моему читателю, какие бывают люди, которых и земле тяжело носить.

Всем известны мои взгляды на право отнятия жизни, но тут я должен сказать с болью в сердце, что такие люди, как помянутый много раз здесь офицер, жить на земле не могут и даже не должны.

Их сама судьба порешит, а если этого долго не будет, то, простите, и я при всех своих взглядах сам пошлю смерть ему. От этого чудесные весы справедливости всей вселенной содрогнутся лишь на минуту, а после пребудут навеки в благодетельном спокойствии.

Где сейчас дикий герой записи моей? С тех пор как уехал он со станции почтовой в степи и в седло сел, не слышал я о нем ничего. Чем тешит он безумное сердце свое и где и какой ценой, может быть, могилу себе нашел?

Сейчас снова великие бедствия черным крылом осенили мою вторую родину, Колыбель Народов, великое сердце вселенной... Сердце это не должно остановиться, не засушат его великие пески, и укажем мы отсюда Востоку — Тибету, Индии и другим странам новый великий и ясный путь...»

Тихон Турсуков положил на минуту перо и задумался, дожидаясь опять, когда высохнут чернила новой страницы.

Турсуков писал черной жирной тушью; ряды острых, как вороненая сталь, слов радовали его своей стройностью.

Турсуков думал, что эта стройность совпадает со строгим тече-

нием его мыслей. Он тихо барабанил пальцами по столу, дул на исписанный лист, помогая туши сохнуть.

Толстые жилы на его шее бились спокойно и ровно.

Вдруг Турсуков прислушался: ему показалось, что кто-то застучал в окно. Стук повторился, он был отрывистым, но осторожным. Вслед за этим на окне вырос силуэт конской головы и руки, державшей натянутый повод.

Всадник, подъехавший к самому окну, постучал в стекло третий раз. В окне мелькнула поднятая рука. Турсуков ответил ей обратным условным стуком и быстро пошел к дверям.

ДРУГ ПЯТИ ВЕЛИКИХ

— Ты опоздал на этот раз, Домбб, — сказал Турсуков, впуская в комнату молодого широкоплечего монгола. — Я тебя ждал, как мы уговорились, вчера. Скорее говори!

— Я был в Красном Доме, — неторопливо ответил Домбо, — и попал в плохую переделку. Я сделал так, как ты говорил, пробирался в Ургу... Возле самого города наткнулся на солдат. Спрашивали, один замахнулся нагайкой, но я притворился совсем глупым, и они меня оставили. Письма я не взял, чтобы не попасться, расскажу все сам...

— Русские в Красном Доме видели тебя?

— Да... Они все в зеленом платье со звездами на руках, такие же звезды на шапках. Главный военачальник обещал оружие и людей. Он уже виделся с Хас-Батором и Абмадом. Они оба поехали собирать силы в соседние хошуны. Говорят, что Джа-Лама сейчас зол на всех и на него нам рассчитывать нельзя. Наши северные люди думают, что Джа-Лама может сделать очень много зла, правда, он не пойдет к Барону...

— Конечно, он не пойдет к Барону, — согласился Тихон Турсуков. — Он слишком горд. Он будет воевать один. За помощью к китайцам он тоже не пойдет, а монголы будут на нашей стороне. Кто осмелится сейчас защищать князей, разорванных народ?

При упоминании имени Джа-Ламы Турсуков потемнел.

— Я был другом Джа-Ламы, Домбо, — сказал Турсуков, — но мне сейчас придется воевать с ним. Что же делается в Урге?

— Урга корчится, как змея на костре. У дворца Барона расстреливают и рубят непокорных. Солдаты с желтыми наплечниками грабят не только китайцев, но и монголов. Говорят, что Барон послал гонцов в Кобдо, Улясутай и еще куда-то — собирать силы. Князья молчат и не противятся Барону. Да, я забыл сказать, что Барон казнил князя Дамбона, который сговорился бежать вместе со своим братом в Красный Дом. После казни Дамбона был пойман и его брат. Он пока сидит. Все удивлены, почему он

до сих пор не казнен. Говорят, что Барона видели недавно в городе. Он ехал один в красном халате с золотым крестом на груди и никого не боялся.

Почему его не убьют до сих пор?

— Для этого дела нужна большая смелость, Домбо. Кто сможет поднять на него руку, не боясь казни? Казнь еще можно встретить спокойно, но пытку едва ли можно вынести. Я бы сошел с ума, Домбо.

— О, я знаю, как избавиться от пытки. Меня научил один лама, как можно оторвать язык от полости и тогда он сам упадет в горло и задушит человека.

— Брось говорить глупости, Домбо. Язык еще пригодится и тебе и нам для борьбы с врагами. Что слышно про Кобдо?

— Там русский эсаул со своими людьми. У него — три сотни. В первой сотне ойроты. Остальные — изгнанники из России — офицеры и беженцы, есть и насильно взятые наши люди.

Домбо сидел, не раздеваясь, на стуле. Этот способ сиденья был для него непривычным, и он скоро опустил на ковер около стены.

Во время разговора Турсуков медленно закрыл книгу с голубыми линейками, но перед тем, как закрыть, любовно осмотрел ее.

В книге оставалось еще много чистых листов, и Турсуков подумал, какое количество ровных строк будет покоиться среди этих прочных переплетов.

Турсуков чувствовал, что его усыновила История. Он должен вписать в книгу все, что видели его пристальные глаза северянина здесь, в стране степей и живых богов.

Когда Домбо ляжет спать, Турсуков снова раскроет свою книгу и до утра будет писать о бароне Юнге фон-Штерне.

Забыв о присутствии Домбо, Турсуков быстро начертил в уме план первой главы, которая будет написана на левой половине разворота.

Он начнет с того, что в конце зимы 1920 года боевой офицер Юнг фон-Штерн, барон и командующий одной из крупных частей белой армии, вторгся в пределы Монголии, захватил в свои руки столицу, перебил китайцев и сопротивляющихся монголов и освободил из плена самого Хутухту, Богдо-Гэгэна...

Дальше Турсуковым начинал овладевать экстаз того мучительного благоговения перед исторической минутой, присущего почти всем людям: он вспомнил момент освобождения Юнгом фон-Штерном великого Хутухты.

Юнг подъехал к дворцу, где под караулом китайских солдат томился монгольский владыка, обошел, подбирая полы халата, лужи крови, в которых хрипел караул, перерезанный, дабы не смутить покоя владыки выстрелами, и опустил на колени перед тяжелой дверью.

Из окна второго этажа владыка увидел освободителей и сам вышел к Юнгу, подняв его с колен.

Тут Турсуков решил пустить в ход спасительную иронию, которая должна была разрушить «историческое благоговение» и уничтожить величие минуты.

Богдо-Гэгэн под руку с Юнгом входит в собственные покои. Сабля Юнга гремит, стучаясь о многочисленные зеркала, расставленные в полутемных коридорах. Они входят в первую комнату, стены которой увешаны отрывными календарями Отто Кирхнера. Юнг останавливается и почтительно говорит, что он навсегда запомнит этот необычайный для него день. Барон при этом указывает рукояткой сабли на календари, но вдруг мгновенно стыдливо умолкает, ибо видит, что все календари показывают отнюдь не день освобождения, а, наоборот, — пленения владыки. Во время заточения Хутухты следить за правильным ходом времени было некому.

Барон начинает отрывать календарные листы, но Богдо-Гэгэн вежливо говорит барону, что эта работа будет слишком длительной.

В следующем зале барона встречают разинутые пасти граммофонных труб и черные громады немецких роялей, на которых лежат еще теплые сейчас трупы спавших китайских солдат.

Восточный владыка открывает еще одну дверь, показывая последнюю по счету приемную с пятьюдесятью мраморными умывальниками, прохладными, как горные льды...

И великий Хутухта после этого зовет писцов, и они пишут новый указ, посвященный только одному спасителю Богдо-Гэгэна. Наверное, барон в волнении забыл все, когда читал эту бумагу.

«...Ныне Вами занята Урга, религия восстановлена и расширена, водворено благостное спокойствие. Узнав о такой великой заслуге, я обрадовался. Таким образом, Ваша слава возвысилась наравне со священной горой Сумбур-Улы, и сделанное Вами доброе дело распространяется, наподобие солнцу, по всему свету».

И этой же грамотой барон Юнг, по своим заслугам, награждается званием потомственного великого князя Дар-Хан-Хошей-Цин-Вана. Он может сидеть в зеленом паланкине, носить желто-красную курму и трехочковое павлинье перо, а конь барона должен привыкнуть к желтым поводьям.

Таковы знаки почести Батор-Цзянь-Цзюня — укрепляющего Страну Великого Героя — как должны отныне все называть барона Юнга!

Далее Тихон Турсуков будет писать о том, что в его великой второй родине были сотни тысяч людей, не имевших ни одного, прохладного как лед, блистающего умывальника, сотни тысяч всадников, пищи которых был один зеленый чай с прогорклым бараньим салом.

Эти люди не хотели больше слушаться князей.

Князя... О, князей Тихон Турсуков знает хорошо! Он знает, что та первая народная революция 1912 года, великое избиение бамбуковых людей, в конце концов, ничего не дала самому народу.

Турсуков был рад, когда в Кяхте, на Тройственном Совещании, обеспокоенные державы дали автономию Северной Монголии, этим самым отдав ее в руки князей.

И князя стали опаснее для народа, чем китайцы, — новые правители обложили аймаки разорительными податями, делали долги, за которые приходилось расплачиваться пастухам и охотникам.

Князя выписывали себе искусных поваров из Китая, накупили дорогих зеркал и других вещей у русских. Государственная почта и штаты правительственных чиновников содержались, как и церковь, опять-таки за счет народа.

В конце концов Китай и японские вельможи, видя продажность монгольских владык, решили прибрать страну снова к своим рукам.

...Мозг Турсукова опережал движения его скупого пера. Турсуков часто думал о том, что человечество еще не нашло способа лучшей передачи мысли. Перья и карандаши, с его точки зрения, были мало пригодны для этой цели — они не поспевали за мыслью, заставляя мысль задерживаться на секунды, из которых составлялись целые столетия.

Турсуков мерил весь мир по собственной мерке, ибо сознавал, что он составляет частицу вселенной и потому равноправен в ней. Мироздание представлялось ему огромным Акционерным Обществом, и поэтому, состоя в нем, он также был и одним из хозяев мира. Эта мысль поправилась давно нашему летописцу, и он хотел было занести ее на поля своей рукописи, но внезапно подумал, может ли Домбо быть пайщиком Общества, если Домбо имеет на это все законные права, но его кто-то не допускает к использованию этих прав?

Следующая каверзная мысль, подоспевшая на помощь первой, была такова:

Поскольку монгол Домбо в силу многих причин до сих пор не получил своих прав, то когда он их добьется, он будет претендовать на большее... Может быть, он будет сидеть в Ревизионной Комиссии Вселенной?

Турсуков взглянул на монгола и увидел, что Домбо спит сидя, прислонившись к стене. Его скулы походили на желтые яблоки, он вздрагивал во сне и стонал.

— Пусть спит, — подумал Турсуков, — после я положу его на постель, а пока он не будет мешать мне думать.

Итак, на пути Домбо всю жизнь стояли влиятельные члены Общества — Великий Богдыхан, маленький Сюй, заготовители скота, купцы, князя и, наконец, барон Юнг фон-Штерн.

Турсуков взял со стола лампу и осветил ею лицо спящего. Он увидел жесткую гриву, твердые брови и суровые плоские губы кандидата в пайщики Вселенной. Домбо улыбался во сне углами каменного рта, и Турсукову стало весело от этой улыбки. Если Домбо может улыбаться — он может плакать и рычать.

За последнее время у Турсукова произошли кое-какие сдвиги в развитии собственных теорий. До сих пор он думал, что зло можно победить только добром, но в феврале 1921 года наш философ начал несколько видоизменять этот пункт своего метода. Он именно видоизменил его, ибо Турсуков не мог, в силу природного упорства в мыслях, совершенно отказаться от того, в чем был убежден раньше.

— Добро и зло, — думал он, — вещи совершенно различные, поэтому, думая, что зло можно победить добром, я ошибался. Поэтому, просто теперь надо делать так, чтобы к доброй порции добра было примешано такое же количество зла.

Эту довольно запутанную мысль Турсуков решил пояснить на бумаге. Вышло приблизительно так:

— Добром за зло платить нельзя, злом за добро — тоже! Барон Юнг делает громадное зло для народа, — я буду расплачиваться с ним горстью зла, к которой примешана щепотка добра. Эта порция рассчитана таким образом, что добро будет все же заметно, как боб в горсти гороха. Для большей понятливости горох я заменяю пулями, оставляя добро в виде боба. Такое добро бесполезно, но заметно, а это самое главное.

Турсуков даже прошелся по комнате, до того ему понравилось это философское упражнение. Он внезапно вспомнил, на чем остановились его воспоминания.

С момента петушиного появления маленького Сюя в стране произошло еще много перемен, включая сюда и постыдное бегство Сюя обратно туда, откуда он появился. Дела японофильской партии Ан-Фу сильно пошатнулись, и руль управления страной перешел в пахнущие чужим золотом руки китаефилов. О, как бежал тогда обратно в Китай подлый Сюй, как в его заросших черными пучками ушах свистел вольный монгольский ветер!

А в каких дураках оказались монгольские князья, делившие добычу с китайским карликом! Они были одурачены, и сами китаефилы вволю поиздевались над сторонниками маленького Сюя, оставшимися без службы, денег и почета, как всадники, лошади которых заболели сапом в самый разгар похода.

Князья окончательно и до того развратились, что не сумели даже объединиться для борьбы с революционерами, которые уже начали неслыханную, первую во всей истории Центральной Азии, работу.

Скоро все заговорили о том, что Пять Великих — Бодо, Данзан, Чойбалсан, Лосол и Сухэ-Батор — тайно ушли на Север, в

Россию, к кремлевским комиссарам и стали просить помощи, и Москва сказала монголам, что Красный флаг окрашен кровью всех угнетенных народов, и обещала вождям помощь и совет как старшая и строгая сестра.

Пять Великих поехали на родину, неся с собой надежду и отвагу для будущей борьбы, но в это время барон Юнг прорвался через границу и захватил власть в свои руки. Петушиное гнездо Маленького Сюя было тесно для Юнга — он мог поставить в него только свой кованый сапог с железной шпорой. К тому же Маленький Сюй успел много нагадить, и петушиный помет пекинского толстячка был неприятен новому владельцу гнезда.

Пяти Великим осталось сделать лишь одно — просить опять помощи у русских красных, окопаться в Кяхте и сказать оттуда степям, что Монголия должна быть свободной.

Пять Великих вошли в состав нового Народного Революционного правительства, кяхтинский пригород Маймачен сделался местом, куда стали стекаться всадники, составившие народное войско, и один из Пяти Великих — Сухэ-Батор, бывший наборщик, стал главнокомандующим новой армии.

В это время барон Юнг, сидя в Урге, задумывал план небывалого похода не только на новую Россию, но и на Европу. Он сумел достать себе силы, разгромив китайцев и выгнав их из Урги; барон подкупил этим многих князей и престололюдинов.

Ламы говорили о втором Амурсане, пришедшем с севера, из русской страны.

Остзейским происхождением Юнга мало кто интересовался — все знали, что он буддист.

Перерожденец Амурсаны — Джа-Лама, прославившийся своим избиением китайцев, решив сделаться желтым Бонапартом, сейчас ушел на далекую реку, почти в китайские владения, и стал выжидать, чем кончится история борьбы Пяти Великих с Бароном.

А Барон?

Барон сидит в Урге и обводит глазами безумия ошетинившийся штыками мир.

В Кобдо и Улясутае — изгнанники: чубатые волки вроде Аникина с его атамановцами, сербы генерала Ракина, эсаул Рязанцев, штабс-капитан Огородов, только что грабивший Урянхай, и, наконец, полковник Милиоти.

С этими людьми Барон хочет взять мир в свои руки. Сначала он ворвется в Верхнеудинск, укрепитесь там и ударит по Чите, захватит там наемников и мобилизованных и пойдет на Москву, Варшаву, Берлин, Париж.

Только вряд ли это вам удастся сделать, господин Барон! Генерал Юнг фон-Штерн, вы ничего не сделаете, вы не возьмете ни Парижа, ни Москвы, потому что этого не допустит Тихон Турсуков!

Налитые кровью глаза истории смотрят на вас обоих. История решит: кто из вас сильнее?

Турсуков не зря учился на медные деньги, не зря таскал с собою в седельной сумке толстые книги, не зря Пять Великих доверили свои тайны Турсукову...

Турсуков в крайнем возбуждении прошелся опять по комнате, задевая длинными руками стулья. Через минуту он подошел к спящему монголу и взял его за плечо.

— Домбо, встань! Иди спать по-настоящему, в другой комнате есть кошма и подушка. Домбо, вставай!

Монгол медленно открыл глаза, пошевелил рукой и улыбнулся.

— Слушай, — сказал монгол, — я видел совсем странный сон, русский отец. Я видел степь, костер, караван и тебя таким, когда ты еще не был седым. Ты сидел у костра и читал книгу, я подошел к тебе — маленький и худой — и бросил на книгу горсть песка. Был такой случай или нет, скажи?

— Не знаю, — улыбнулся Турсуков. — Домбо, давай спать.

— Погоди, русский отец... Как это все было, когда ты нашел меня? Это мне надо знать. Мне не зря приснилось все. Да еще во сне я видел, как ты, шутя, похлопал меня, закрыл книгу и пошел поить большого белого верблюда... У него были розовые ноздри...

— Зачем тебе все это? — медленно спросил Турсуков. — Ну, если хочешь, я могу еще раз вспомнить о том, как я нашел тебя... Двадцать пять, наверное, лет тому назад я шел с караваном. Вышли за Улясутай — видим старую черную юрту... Стоит одна в степи, кругом никого нет, скот бродит без призора. Понятное дело, брошены люди, больные. Монголы боятся болезней, Домбо. Я побежал к юрте, смотрю лежит умерший, а в другом углу женщина с ребенком... Ты был совсем маленьким, грудным... Она, твоя мать, посмотрела на меня и через минуту умерла, а тебя я вынес на руках. Тебя завернули в кусок бязи и дали соску. На второй день ты засмеялся, увидел светлый китайский домбо и потянулся к нему. Тогда мы решили назвать тебя Домбо, не знали твоего имени. Так за тобой и осталось название китайского чайника. Моя жена, она умерла теперь, Домбо, ходила за тобой как за сыном. Вот и все.

— Я не помню твоей жены, русский отец. Какая она была?

— Красивая, высокая, — глухо отозвался Турсуков. — Ты вскормлен русским молоком, Домбо; перед тем, как я нашел тебя, у нас умер грудной ребенок.

— Я сосал молоко твоей жены и теперь говорю на твоём языке. Русский отец, я тебя никогда не забуду... Когда я вырос и ушел от тебя — я всегда помнил о тебе. Почему мне приснилось это?

— Не знаю. Все-таки нам пора спать, Домбо.

— Разве плохо любить свой народ, русский отец? Ведь ты тоже, как и я, ненавидишь Барона?

Домбо встал и прислонился к стене, слегка наклонив вперед голову и откинув плечи. Большая керосиновая лампа ярко освещала его лицо и широкие зрачки, которым был тесен косой разрез глаз.

Турсуков в волнении заходил по комнате, все время одергивая мягкую синюю рубаху.

— Да, — выкрикнул вдруг неожиданно он, — я должен бороться с Юнгом, я обязан это сделать только потому, что он никого не любит и не ненавидит и поэтому делает только зло... Да, да! Я хотел бы увидеть его и сказать все об этом. Ручаюсь, что он ничего бы не сделал со мной.

— Русский отец! Что ты говоришь? — с ужасом сказал монгол. — Тебя Барон может на смерть забить бамбуком. Посмотри, что делается на кладбище под Ургой! Там расстрелянные и замученные валяются сотнями, — монгольским собакам никогда не было столько работы, как сейчас. Ты меня выкормил и не сердись, что я так говорю. Неужели ты к нему хочешь пойти после того, как тебя солдаты искали во всех ургинских закоулках?

Турсуков сейчас не слышал слов юноши. Новые мысли овладели его беспокойным мозгом.

— Тебе нужно все-таки рассказать все по порядку, — услышал Турсуков медленный голос юноши, — значит, так. Я поехал в Красный Дом, там меня хорошо приняли, расспросили обо всем и оставили ночевать. Наутро ко мне пришел русский, вроде офицера, но без погон, со значками на рукаве. Солдаты его называли «товарищ командир». Он меня расспросил про белых: сколько их в Урге и Кобдо. Я ответил и стал, в свою очередь, спрашивать его обо всем. Он начал успокаивать меня, говоря, что красные и наши свободные монголы справятся с Бароном. Командир позвал меня в большую комнату, где все солдаты вместе с командиром пили чай. Я сидел за столом рядом со Щеткиным — так зовут командира. Тут разыгралась очень интересная история. Один совсем молодой командир (он, наверное, был офицером и перешел от белых, потому что у него на плечах были полосы от погон) — повздорил с одним солдатом. Не помню, из-за чего у них вышла ссора, но солдат ему сказал:

— Ты белый, тебя вовремя расстрелять не успели.

Офицер очень обиделся, побледнел и молча встал из-за стола. Солдат ему нисколько не уступил и даже не посмотрел на обиженного. Все начали смеяться, а солдат вдруг начал подшучивать над офицером, тот молчал, и у него только тряслись губы. В это время Щеткин куда-то уходил. Все думали, что я плохо понимаю по-русски, и потому удивились, когда я спросил у них про офицера.

— Он с вами вместе воюет?

— Да, — отвечают они, а солдат, заваривший ссору, добавляет: — Он же из офицеров, из господ. Он, прежде чем пить, стакан пять раз моет.

Я тогда говорю солдату:

— Раз он сейчас ваш, с вами воюет и ест один хлеб, то вы не должны над ним смеяться.

Солдат хотел мне что-то ответить, но в это время в комнату опять вошел Щеткин, и солдат замолчал. Щеткин спросил, что здесь происходит, и я ответил ему за всех. Он нахмурился и сказал солдату, что я прав, и заставил его помириться с молодым командиром.

Все, кто тут были, долго говорили обо мне и Щеткине, что я не побоялся заступиться за офицера, а Щеткин справедливо все разрешил. Солдат этот немного поворчал, но извинился и загладил все. Я удивился, что солдат был довольно стар. У него были громадные ноги и руки и отекавшее лицо. А молодой командир походил совсем на мальчика — тонкий и небольшой. Он сразу ко мне подошел и разговорился, сказал свою фамилию, но я ее забыл. Мне этот случай запомнился. Ты спишь, русский отец?

— Нет, я слушаю тебя, — ответил с закрытыми глазами Турсуков. Он, как всегда, что-то обдумывал.

— Да! Я совсем забыл рассказать про лошадь. Когда я подъезжал к Урге, мне встретились три бароновских солдата. Они, не слова ни говоря, стащили меня с лошади и еще хотели побить и, наверное, убили бы, если бы я заговорил по-русски. Но я прикинулся, как я тебе уже говорил, совсем глупым, и это меня спасло. Я пошел пешком в Ургу, и на меня никто не смотрел. В Маймачене я увидел толпу... Оказывается, на воротах висит китайский купец, которого казнил Барон. Тут я вдруг подумал, что на меня из толпы смотрит тот казак, который отобрал у меня лошадь. Я скорей нырнул в толпу, а потом побежал в переулок, шел до самого края города, а потом, не оглядываясь, побежал изо всех сил. Когда я немного пришел в себя и оглянулся, вдруг увидел, что вокруг меня кладбище, где лежат казненные... Барон велит привозить пленных красных в Ургу и сам их судит, а после выкидывает тела сюда. Мне было очень жутко, я старался не глядеть в котловину, взшел на небольшой бугор и вдруг увидел чью-то лошадь. Она была без всякого присмотра, я оглянулся кругом, вскочил в седло и галопом усакал из этого ада. Посмотри, русский отец, утром, что это за лошадь? Как она попала на кладбище — я не могу понять.

— Ах, да! — вдруг закричал Домбо. — Я совсем забыл, там в седельной сумке на лошади что-то есть. Я пойду и принесу, мы посмотрим.

— Принеси скорее, — согласился Турсуков, — и ложись спать, я тоже лягу.

Домбо вышел из дверей, и Турсуков опять подошел к знаменитой линованной книге, подумав, что он обманет Домбо и все будет сегодня писать, когда юноша ляжет спать. Время идет так быстро, а человечество еще не нашло самой быстрой передачи мысли!

Турсуков пренебрежительно посмотрел на перья, покрытые коркой засохшей туши, и поскоблил их ножом для того, чтобы они блестили как новые, — так они будут лучше впиваться в бумагу.

Он был доволен сегодняшним разговором со своим воспитанником и учеником. Свидетели разговора — Толстой и Бонапарт — рассматривали Турсукова, их скоробленные лица на белой стене, казалось, жили настоящей жизнью. Хмурый корсиканец опускал крутой подбородок в серый воротник, и от этого на его жирном горле образовалась выпуклая складка.

Корсиканец, будь ты трижды велик, но у тебя всегда будет эта складка и обрюзгшее тело, покрытое темной шерстью; даже на лопатках у тебя растет шерсть, похожая на крылья! Ты сделан из одного теста с Тихоном Турсуковым. Ты назван великим, потому что делал зло, а Турсуков к горсти зла будет примешивать щепотку добра.

И ты, мудрец, из занесенной снегами барской усадьбы, ошибался, творя только добро. Тебе разъяснит все это простой человек из монгольской фактории. Но утро вечера мудренее, довольно резонерствовать, мудрец из далекого сибирского города.

* * *

Когда кончаются уроки в школе,
Учитель смотрит вслед ученикам,
Которые легко, как ветер в поле,
Верхом из школы мчатся по домам.

Вот так стоять еще он долго будет
И взглядом провожать питомцев в путь.
Он знает, что прославят эти люди
Монголию свою когда-нибудь.

Перевел А. Николаев

О ДРУЖБЕ

Ходит смерть круг за кругом
Рвет сердца и аорты...
«Был он другом, был другом», —
Повторяем про мертвых.

Но приходится туго,
И смертельное слово:
«Был он другом, был другом», —
Говорим про живого.

Перевел К. Симонов

РАНА

Если пуля тебя ранит,
Только ранит — не убьет,
Эту рану врач зашьет.
И она болеть не станет,
Пока дождик не пойдет.

Если друг тебя обманет,
Не убьет, а только ранит,
Только в сердце попадет —
Время раны не затянет,
Врач иголкой не зашьет.

Перевел К. Симонов

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Ш. БИРА (р. 1927)

Академик. Специалист в области истории, культуры, историографии Монголии и Центральной Азии. Основные труды: «Монгольская историография XIII—XVII веков», «Монгольская тибетоязычная историческая литература», «Проблемы истории, культуры, историографии МНР» и других. Один из основных авторов и редакторов книги «История МНР», выдержавшей несколько изданий в СССР и МНР.

Д. КАРА (р. 1935)

Доктор филологических наук. Профессор Будапештского университета. Переводчик, исследователь Центральной Азии. Автор монографии «Книги монгольских кочевников».

Л. ТУДЭВ (р. 1935)

Писатель. Главный редактор газеты «Унэн» («Правда»). Доктор филологических наук. Автор монографии «Национальное и интернациональное в монгольской литературе», ряда романов, среди которых «Горный поток», «Перекочка» и другие.

Ц. ШУГЭР (р. 1932)

Кандидат филологических наук, переводчик литературы народов мира на монгольский язык. Редактор Государственного издательства МНР.

Г. ЖАМСАРАНЖАВ (р. 1920)

Критик. Литературовед. Автор многих книг по истории монгольской литературы.

Д. САНДАГДОРЖ (р. 1933)

Книжный график, секретарь Союза монгольских художников.

Г. ОЧИРБАТ (р. 1950)

Кандидат исторических наук. Автор трудов по историческим и социальным проблемам МНР.

Ц. МУНХ (р. 1935)

Критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Автор книг «Монгольская поэзия», «Современность и художественная критика» и ряда других. Сотрудник Правления Союза монгольских писателей.

Д. ГАРМАА (р. 1937)

Лауреат Государственной премии МНР. Автор романа «Страж Алтай», сборников прозы для детей и взрослых. Заместитель Председателя Правления Союза монгольских писателей.

Д. ЦЭДЭВ (р. 1940)

Писатель, кандидат филологических наук, автор монографии «Традиции и новаторство монгольской поэзии», сборника рассказов и повестей «Пятый тур» и книги стихов «Мысль». Председатель Правления Союза монгольских писателей.

Д. ДАШДЖАМЦ (р. 1960)

Секретарь ЦК революционного союза молодежи МНР. Кандидат исторических наук.

С. УДВАЛ

Писатель, государственная и общественная деятельница, член ЦК МНРП. Член бюро Международной демократической федерации женщин. Автор многих книг. Лауреат премии журнала «Лотос» Ассоциации Афро-Азиатских писателей.

Б. РИНЧЕН (1905—1977)

Писатель, ученый. Лауреат Государственной премии МНР. Автор одного из первых историко-революционных монгольских романов «Заря над степью». Академик Б. Ринчен внес большой вклад в изучение и распространение знаний о культурном наследии монгольского народа, а также в развитие национального литературного языка.

Э. ОЮУН

Известная монгольская писательница, драматург, кандидат искусствоведения. Автор многих книг.

Ш. ГААДАМБА (р. 1924)

Писатель, литературовед. Кандидат филологических наук. Занимается исследованием «Сокровенного сказания монголов» как памятника художественной литературы.

В. ЦЕРЕНОВ (р. 1952)

Выпускник Калмыцкого государственного университета. Автор статей по фольклору и литературе монгольских народов.

Х. САМПИЛДЭНДЭВ (р. 1945)

Кандидат филологических наук, сотрудник Института языка и литературы АН МНР. Автор ряда исследований по монгольскому фольклору и литературоведческих работ: «Жанровые разновидности монгольской свадебной поэзии», «О фольклоре для детей» и других.

И. КУЛЬГАНЕК

Монголовед. Автор статей, посвященных народной лирике монголов, проблемам художественного перевода с монгольского языка. Сотрудница Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Н. ЦУЛТЭМ

Народный художник МНР. Автор книг о монгольском искусстве. Лауреат Госпремии МНР.

В. УСПЕНСКИЙ (р. 1950)

Кандидат исторических наук, востоковед. Сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Ц. ДАМДИНСУРЭН (1908—1986)

Писатель. Ученый. Лауреат Государственной премии МНР 1946, 1948 и 1951 гг. Перу академика Ц. Дамдинсурэна принадлежит большое количество фундаментальных научных исследований — «Рамаяна в Монголии», «Исторические корни Гэсэриады» и других. Составитель русско-монгольских словарей.

Д. ЕНДОН (р. 1944)

Литературовед, доктор филологических наук, директор Института языка и литературы АН МНР, автор книг «Литературные связи Тибета и Монголии», «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур».

Т. СЕРГЕЕВА

Искусствовед. Автор ряда выставок и публикаций по изобразительному искусству народов Центральной Азии. Специалист в области средневековой живописи и скульптуры Монголии и Тибета. Работает в Государственном музее искусства народов Востока.

Д. ЦЭНДРАГЧАА (р. 1936)

Переводчик, специалист в области библиографии.

Н. ЦАГААЧ

Библиограф. Директор Государственной публичной библиотеки МНР.

Л. ХУРЭЛБААТАР (р. 1945)

Зав. сектором тибетологии Института языка и литературы АН МНР, кандидат филологических наук. Автор монографии «Связи индийской, тибетской и монгольской дидактической поэзии» и многих научных статей.

Д. ЦЭРЭНСОДНОМ (р. 1937)

Литературовед, доктор филологических наук. Провел несколько экспедиций в разных районах Монголии, собрал ценные данные по монгольскому фольклору. Автор ряда книг, в том числе монографии «Монгольский поэт XIV века Чойджи-Одсэр» и других.

Н. ЭНХБАЯР (р. 1958)

Литератор, автор перевода на монгольский язык «Детства» Л. Н. Толстого и «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя. Председатель Совета по художественному переводу и Бюро по международным связям Правления Союза монгольских писателей.

О. ДАШБАЛБАР (р. 1956)

Поэт. Переводчик. Автор книги стихов «Переливчатые звездные мелодии».

Ю. КРУЧКИН (р. 1958)

Востоковед, выпускник МГИМО. Переводчик художественной литературы, литератор. Участвовал в переводе на русский язык сборника «Современная монгольская драма». В 1988 году в Улан-Баторе вышла его книга «Свет в юрте», написанная автором на монгольском языке.

В. ЛЕСОВОЙ (р. 1948)

Участник Восьмого Всесоюзного совещания молодых писателей, автор книг «Ночной прыжок» и «Серебряные струны», многих очерков о советских и зарубежных писателях. Дипломат, атташе посольства МНР в Улан-Баторе.

ЛЕВ ГУМИЛЕВ (р. 1916)

Доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института географии; читает лекции в Ленинградском государственном университете. Основные труды: «Хунну» (1960), «Хунны в Китае» (1974), «Древние тюрки» (1967), «Открытие Хазарии» (1966), «Старобурятская живопись» (1975), «Поиски вымышленного царства» (1970), «Этногенез и биосфера Земли» (депонир. 1979), «Тысячелетие вокруг Каспия» (депонир. 1987). Автор свыше 150 научных статей, а также переводов персидской поэзии.

СЕРГЕЙ МАРКОВ (1906—1979)

Поэт, прозаик, ученый. Автор романа «Юконский ворон», книг о землепроходцах и мореходах «Земной круг», «Вечные следы», «Летопись Аляски», историко-биографической повести о жизни и деятельности выдающегося исследователя — географа Чокана Валиханова «Идущие к вершинам», поэтических сборников «Топаз», «Светильник», «Горячий ветер» и других, а также сборников рассказов.

КНИГА МОНГОЛИИ

От редакции	5
К читателям	
Член Политбюро, Секретарь ЦК МНРП, председатель Центрального совета Общества монголо-советской дружбы Ц. Намсарай	6
Председатель Центрального правления Общества советско- монгольской дружбы, дважды Герой Советского Союза, Герой МНР, летчик-космонавт СССР Виктор Горбатко	8

ЖИЗНЬ МОНГОЛЬСКОЙ КНИГИ

<i>Ш. Бира. Из истории монгольской культуры</i>	11
<i>Д. Кара. Монгольская книга</i>	24
<i>С. Неклюдов. Художественная словесность в старой Монголии</i>	61
<i>Ц. Шагдарсурэн. ...И на пальмовых листьях</i>	71
<i>Л. Тудэв. Старые и новые друзья книги в Монголии</i>	74
<i>Ц. Шугэр. «Чтоб сутра была долговечной...»</i>	81
<i>Г. Жамсаранжав. Первые, русские</i>	85
<i>Д. Сандагдорж. Зеркало культуры</i>	89
<i>Г. Очирбат. Труды В. И. Ленина в Монголии</i>	94
<i>Ц. Мунх. Об одной книжной находке</i>	99
<i>Д. Гармаа. Волшебные строки</i>	103
<i>Д. Цэдэв. «Библиотека монгольской литературы»</i>	108
<i>Д. Даиджамц. Молодые книголюбы Монголии</i>	113
<i>С. Удвал. У книг старится только бумага... (Из беседы, прове- денной В. Лесовым)</i>	116
<i>Евгений Осетров. Монгольский дневник</i>	118
<i>Первая международная встреча переводчиков</i>	125

ВЕЧНОЕ СИНЕЕ НЕБО

ФОЛЬКЛОР, ЭПОС, ЛЕТОПИСЬ, ИСКУССТВО МОНГОЛОВ

<i>Б. Ринчен. Хульчи Сандак — мастер мгновенной импровизации</i>	139
<i>Э. Оюун. Прикосновение к классике (Произведения мировой классики на монгольской сцене)</i>	145

<i>Ш. Гаадамба. Над строкой «Сокровенного сказания»</i>	153
<i>В. Церенов. Рукописи Джангариады</i>	160
<i>Х. Сампилдэндэв. Свод монгольского фольклора</i>	170
<i>И. Кулганек. Издания монгольских песен</i>	172
<i>Н. Цултэм. От юрты до колокольчика</i>	180
<i>Д. Нацагдорж. Звезда. Перевел Евг. Евтушенко</i>	188

MONGOLICA

<i>В. Успенский. Буддийский канон</i>	191
<i>Ц. Дамдинсурэн. Сокровищница переводов</i>	201
<i>Д. Ендон. Индийская литература в средневековой Монголии</i>	207
<i>Т. Сергеева. Литература и живопись</i>	213
<i>А. Сазыкин. Иллюстрированные рукописи и ксилографы «Ста тысяч стихов»</i>	229

МИРОВАЯ ОРБИТА МОНГОЛЬСКОЙ КНИГИ

<i>Д. Цэндрагчаа. Главная библиотека страны</i>	235
<i>Н. Цагаач. Уникумы книжного искусства</i>	239
<i>Л. Хурэлбатор. Великое хранилище сокровищ</i>	244
<i>Д. Цэрэнсодном. Памятники Турфанской коллекции</i>	259
<i>Ц. Дамдинсурэн. Полярная звезда. Перевел В. Сикорский</i>	260

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Николай Рерих. О Монголии. Предисловие Э. Балашова</i>	263
<i>Н. Эхбаяр. Слово о книге</i>	277
<i>В. Церенов. В. А. Фаворский в работе над «Джангаром»</i>	284
<i>О. Дашбалбар, К. Яцковская. Книга в жизни М. Цэдэндоржа (диалог)</i>	293
<i>Ю. Кручин. Пушкин на монгольском</i>	299
<i>Е. Мергенова. Монгольские книги в Калмыкии</i>	301
<i>С. Жамбалдорж, Ш. Чулуунбаатар. Книжные знаки монголов</i>	302
<i>В. Лесовой. Песни вольных степей. Памяти Наван-Юндэна</i>	313
<i>V Международный конгресс монголоведов в Улан-Баторе «Гоби рождает стихи». Впечатления советских писателей о Монголии</i>	322
	324

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Лев. Гумилев. «История требует справедливости...» Беседу вела</i>	
<i>Л. Букина</i>	343
<i>Сергей Марков. Из романа «Рыжий будда»</i>	352
<i>С. Доржпалам. Когда кончаются уроки в школе. Перевел</i>	
<i>А. Николаев</i>	374
<i>О дружбе. Перевел К. Симонов</i>	375
<i>Рана. Перевел К. Симонов</i>	376
<i>Коротко об авторах</i>	377

КНИГА МОНГОЛИИ

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск двадцать четвертый

Редактор ВОК *Л. И. Антипова*. Редактор издательства
А. Е. Тархов. Художественный редактор *Е. А. Родионова*.
Технический редактор *А. З. Коган*, *В. Л. Юняев*. Корректор
Э. В. Ежова.

НК

Сдано в набор 19.11.87. Подписано в печать 17.08.88.
А 13342. Формат 60×90/16. Бум. офсетная № 2. Гарни-
тура тип Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,0 + 2,0.
Усл. кр.-отт. 56,50. Уч.-изд. л. 22,48 + 1,66. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 4645. Заказ № 1038. Цена 1 р. 60 коп.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
103009, Москва, Большой Гнезниковский пер., д. 10,
«Альманах библиофила». Рукописи не возвращаются.
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.